

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Ерин М.Е.

Генрих Брюнинг
Канцлер и политик
Биография

Ярославль 2010

УДК 94(430)
ББК ТЗ(4Герм)62
Е 71

Рецензенты:

зав. кафедрой всеобщей истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского
д-р ист. наук, проф. А.С. Ходнев;
д-р ист. наук, проф. ННГУ им. Н.И. Лобачевского В.С. Павлов

Е71 **Ерин, М.Е.** Генрих Брюнинг. Канцлер и политик: Биография
/ М.Е. Ерин; ЯрГУ. – Ярославль, 2010. – 319 с.
ISBN 978-5-8397-0754-2

Автор монографии впервые в отечественной историографии предпринял попытку создать политический портрет канцлера Генриха Брюнинга, одного из лидеров партии Центра. Он был первым канцлером президиального кабинета, зависимого от доверия рейхспрезидента и рейхсвера. Он был одним из тех, кто сыграл немалую роль в выхолащивании парламентской демократии. Его сложная и противоречивая фигура предстает перед читателем на фоне мировых событий: Первой мировой войны 1914 – 1918 гг., Веймарской республики 1918 – 1933 гг., нацистской диктатуры 1933 – 1945 гг., Второй мировой войны 1939 – 1945 гг. и послевоенной Германии. Архивные материалы, опубликованные документы, воспоминания самого Брюнинга и его современников, речи и переписка экс-канцлера позволили автору создать объективный образ этого человека, политика и ученого.

Книга предназначена преподавателям, студентам и всем интересующимся историей Германии.

Ил. 21. Библиогр.: 148 назв.

УДК 94(430)
ББК ТЗ(4Герм)62

Фото на обложке: Berndkaster F. "Heinrich Brüning". URL: <http://www.berndkaster.de/xxii.html> (04.05.2010); 12-й [рейхсканцлер Веймарской республики](http://ru.wikipedia.org/?oldid=23445165). URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=23445165> (04.05.2010); Berlin, Besuch Aristide Briand und Pierre Laval. URL: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Bundesarchiv_Bild_102-13207,_Berlin,_Besuch_Aristide_Briand_und_Pierre_Laval.jpg (04.05.2010).

Фото на шмуцтитule: Heinrich Brüning. URL: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Bundesarchiv_Bild_119-2600,_Heinrich_Br%C3%BCning.jpg (04.05.2010).

ISBN 978-5-8397-0754-2

© Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова, 2010

О г л а в л е н и е

В в е д е н и е	5
Глава I. Р а н н и е г о д ы	11
Глава II. И с п ы т а н и е в о й н о й и р е в о л ю ц и е й	19
2.1. Доброволец Первой мировой войны	19
2.2. Противник революции. Начало политической карьеры	23
Глава III. Н а п у т и в и м п е р с к и е к а н ц л е р ы	36
Глава IV. К а н ц л е р	57
4.1. «Кабинет фронтовиков».....	57
4.2. Брюнинг, СДПГ и НСДАП	79
4.3. Чрезвычайные декреты и дефляционная политика.....	89
4.4. Снова у власти. Второй кабинет.....	125
4.5. Внешняя политика на пике кризиса	138
4.6. Свержение Брюнинга	158
Глава V. Б е с с л а в н ы й к о н е ц	176
5.1. В оппозиции.....	176
5.2. Кабинет Гитлера: надежды и иллюзии Г. Брюнинга	183
Глава VI. Э м и г р а ц и я	209
6.1. «Молчание за другую Германию».....	209
6.2. Профессор политических наук	220
6.3. Дыхание войны	228
Глава VII. Д у м ы о р о д и н е	246
Глава VIII. Б р ю н и н г и А д е н а у э р	256
Глава IX. В т о р а я э м и г р а ц и я	269
З а к л ю ч е н и е	279
О с н о в н ы е и с т о ч н и к и и л и т е р а т у р а	282
П р и м е ч а н и я	292

Введение

Март 1930 г. в Германии выдался для политиков, политических партий и их руководителей, министров, депутатов парламента, правительства необычайно напряженным, острым и конфликтным. Не успели затихнуть дебаты в рейхстаге по принятию репарационного плана Юнга 12 марта, как в правительстве «большой коалиции», возглавляемом социал-демократом Г. Мюллером, обнаружились серьезные разногласия по вопросу о страховании по безработице. В итоге 27 марта оно ушло в отставку. Это было последнее опиравшееся на парламент правительство Веймарской республики. Смещение кабинета Г. Мюллера стало решающим поворотным пунктом в развитии республики, усилившее скрытый кризис парламентаризма, переросший в агонию республики. Произошел серьезный сдвиг вправо. Под воздействием мирового экономического кризиса, начавшегося в конце октября 1929 г., усилился антидемократизм, возрастало влияние национал - социализма.

Уже через три дня, 30 марта 1930 г., рейхспрезидент П. фон Гинденбург назначил новым канцлером Германии Генриха Брюнинга, одного из правых деятелей католической партии Центра. Он был новичком в большой политике, мало известен не только в широких массах, но и в профессионально политических кругах. Брюнинг стал относительно молодым канцлером (ему было 44 года), сделав, таким образом, неожиданный рывок к вершинам исполнительной власти. Назначение Брюнинга канцлером свидетельствовало о смене поколений в руководстве германской политики. Последующие два с лишним года он определял внутреннюю и внешнюю политику Германии, оставив глубокий след в ее истории. Из всех германских канцлеров Веймарской республики Брюнинг и В. Маркс, лидер партии Центра с 1922 по 1928 г., дольше всех находились у власти. Брюнинг был канцлером 26 месяцев, или 789 дней, с 30 марта 1930 по 30 мая 1932 г.

Генрих Брюнинг был современником крупнейших политических и военных событий XX столетия: двух мировых войн, ряда европейских революций, являлся активным участником Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.), сам определял политику Германии в начале 1930-х годов. 28 лет он прожил в эмиграции, в США. На его глазах зародились два германских государства: ФРГ и ГДР. Канцлерство Брюнинга совпало с мировым экономическим кризисом (1929 – 1933 гг.), который достиг наивысшей остроты именно в период его правления. Германия оказалась на краю экономического краха. В связи с этим его называли «канцлер кризиса».

О канцлере Брюнинге и его политике существует огромное количество литературы, прежде всего германской. Уже в годы его канцлерства о нем начали писать книги, статьи, в которых ему пелись дифирамбы. Постепенно стал складываться культ Брюнинга, создавался миф о «сильной личности», «канцлере с железными нервами» и «признанном вожде», о его особо интимной дружбе с президентом Гиндербургом, о «храбре солдате» в годы Первой мировой войны¹. В политических кругах его называли «лучшим германским канцлером после Бисмарка». Правда, из уст современников звучали и иные оценки и характеристики. За свой курс жесткой экономики он получил прозвище «канцлер Голод». Гитлер называл Брюнинга презрительно «папист», «безликий субъект», хотя серьезно воспринимал его как политика. Германские коммунисты считали «правительство Брюнинга правительством проведения фашистской диктатуры»². Конечно, было неверно относиться к режиму Брюнинга как фашистскому. Советский журналист Н. Корнев, написавший в 30-е годы очерк о нем, создал искаженный образ канцлера Брюнинга, назвав его и бывшего канцлера и министра иностранных дел Г. Штреземана «предтечами фашизма». Брюнинг, по мнению журналиста, подготовил «военно-фашистскую диктатуру» и был «маленьким человеком неоимпериалистического германского безвременья»³. После Второй мировой войны экс-канцлера называли чуть ли не членом ордена иезуитов, «представителем реакционных сил, которые приносят человечеству только страдания и слезы», «душеприказчиком Гитлера».

Брюнингу как политику давались и даются разные оценки. Ученые расходятся во мнениях о его роли на завершающей стадии Веймарской республики. Вокруг его политики и личности по сей день идут острые споры⁴. Одни оценивают Брюнинга как человека, который систематически подрывал основы германской демократии и, сверх того, был «недобровольным» человеком, прокладывая путь Гитлеру. Другие видят в нем представителя консервативной альтернативы, как по отношению к провалившейся парламентской системе, так и по отношению к нацистской диктатуре. Третьи называют его последним демократическим канцлером Веймарской республики, четвертые считают, что «во всем виноват Брюнинг». Пятые относят его чуть ли не к духовным отцам современного ХДС. Кстати, научную дискуссию об эре Брюнинга начал известный германский историк К.Д. Брахер, выпустив в 1955 году монографию о крахе Веймарской республики⁵.

В советской историографии правительственный курс Брюнинга оценивался как «переход к подготовке открытой диктатуры финансового капитала», как шаг к реализации давнего и упорного стремления крупной буржуазии к «сильной власти». «Резко антидемократический курс, взятый Брюнингом, безусловно, был на руку гитлеровцам»⁶. Известный советский историк Г.Л. Розанов писал, что Брюнинг – это «крайний реакционер по своим убеждениям»⁷. В российской историографии после распада СССР оценки политики и личности Брюнинга изменились, хотя единодушия в них нет. Некоторые авторы даже стали утверждать, что он был якобы «почти пацифистом» и «убежденным демократом»⁸. Напротив, А.И. Патрушев пишет, что «вестфальский католик Брюнинг всю жизнь являлся убежденным прусско-национальным монархистом»⁹.

В трудах историков ФРГ интерес к личности Брюнинга, его канцлерству и эмигрантской жизни в последние годы необычайно вырос. В 2000 и 2005 годах профессор университета Дортмунда Х. Хёмиг опубликовал фундаментальный двухтомный труд¹⁰ – политическую биографию Брюнинга, написанный на основании богатейших источников, опубликованных документов, воспоминаний современников и анализа многочисленной исследовательской литературы. В 2007 г. историк П.О. Фолькман издал не ме-

нее интересную и содержательную работу о бывшем канцлере под весьма характерным названием «Генрих Брюнинг. Националист без родины»¹¹. Автор анализирует исторические взгляды экс-канцлера, исследует его активную преподавательскую деятельность в эмиграции, а затем в ФРГ, показывает отношение Брюнинга к мировым событиям 30 – 50-х годов минувшего столетия и решению германского вопроса.

Пожалуй, лучше всего рассказал о себе, своей жизни и деятельности сам Брюнинг в посмертно вышедших мемуарах в 1970 г.¹² Они разрушили многие легенды, которые создавались вокруг него и его политических целей, так же как и вокруг характера, значения и последствий президиального кабинета в 1930 – 1932 гг. Смысл, пожалуй, состоял в том, чтобы показать необходимость курса Брюнинга как единственную возможность преодоления кризиса республики и спасения демократии. Мемуары развеяли миф о Брюнинге. Он сам его, в основном, и опроверг. К.Д. Брахер писал тогда: «Споры, которые велись в 50 – 60-е гг. по вопросам падения Веймарской республики, теперь, в основном, следует модифицировать»¹³.

Выход мемуаров Брюнинга стал на некоторое время бестселлером. Их появление в 1970 г. вызвало бурную дискуссию среди историков как в ФРГ, так и в СССР. В журналах, газетах появилась масса рецензий, комментариев к мемуарам. Одни авторы представляли Брюнинга как последний бастион против национал-социализма, спасителя правового государства и демократии; другие рассматривали его как прототип авторитарной политики чрезвычайных декретов и, следовательно, как человека, по меньшей мере, пролагавшего путь диктатуре; третьи называли «трагической фигурой» и «неполитическим политиком», а четвертые – «консервативным демократом» и «разумным республиканцем». Немецкий историк К.О.Ф. фон Аретин в рецензии на мемуары Брюнинга писал, что при чтении мемуаров остается сильное и удручающее впечатление: это государство, т.е. Веймарскую республику, не стоило спасать¹⁴. Р. Морсей свою рецензию на мемуары Брюнинга назвал «Больше монархист, чем политик партии Центра»¹⁵. Историк Д. Юнкер не считает Брюнинга республиканцем. Выход мемуаров стал поворотным моментом в исследовании политики Брюнинга. Они вызвали удивление ис-

следователей следующими обстоятельствами: монархический идеал государства, планы канцлера восстановить монархию Гогенцоллернов и изменить конституцию. Мемуары стали доказательством национально-консервативного устремления на идеал прусско-германского государства власти.

Для изучения эпохи Брюнинга, понимания его личности и эмигрантской жизни большое значение имело появление в 1974 г. двухтомного издания многочисленных писем¹⁶, которые охватывают период с 1934 по 1960 г., а также публикация его речей¹⁷. Судя по переписке, сам Брюнинг не хотел бы быть легендой, которую распространяет каждый по своему вкусу. Богатую информацию о Брюнинге, его правительстве и чрезвычайных декретах, о взаимоотношениях Генриха с политическими партиями, с Гитлером, сильными мира сего дают официальные протоколы фракции и правления фракции Центра¹⁸, официальные документы имперской канцелярии, прежде всего тома, в которых освещается деятельность кабинета Г. Брюнинга¹⁹, а также публикация источников «Политика и экономика во время кризиса 1930 – 1932 гг.»²⁰, издателями которой явились известные немецкие историки К.Д. Брахер, Р. Морсей и Э. Маттиас. В нашей монографии были использованы и многие другие материалы, в частности парламентские дебаты в эпоху правления Брюнинга и документы внешней политики СССР, мемуары и дневники непосредственных участников или современников событий. Была привлечена также пресса тех лет.

Данная книга – первое в отечественной историографии исследование о жизни и деятельности Генриха Брюнинга. Любое суждение о его политике и времени связано с падением Брюнинга как канцлера германского рейха в конце мая 1932 г. и его ролью в истории краха Веймарской республики в 1933 г. До сих пор исследователи задают вопросы: не являлся ли Брюнинг, собственно говоря, негативной и судьбоносной фигурой первой германской республики? Был ли он потерпевшим неудачу консерватором или ликвидатором парламентской демократии Веймара? Какое историческое место занимает режим Брюнинга в процессе перехода от парламентской республики к президиальной диктатуре и нацистскому режиму? Не способствовал ли он своей политикой подъему национал-социализма и продвижению Гитлера к власти? Не

представлял ли Брюнинг «консервативную альтернативу» нацизму и, возможно, его канцлерство было последним шагом для спасения демократической республики? Почему Брюнинг хотел восстановить монархию? Каким же был на самом деле Брюнинг? Как сложилась судьба отставного канцлера? Почему он отказался от сопротивления против Гитлера и нацистской диктатуры? В чем причина разногласий двух известных политиков Г. Брюнинга и К. Аденауэра после Второй мировой войны?

В данной книге автор, опираясь на разнообразные источники, а также материалы новейшей немецкой литературы, пытается найти ответы на эти и другие интересующие и волнующие вопросы.

Глава I.

Ранние годы

Генрих Брюнинг родился 26 ноября 1885 г. в Мюнстере (Вестфалия) в католической семье торговца уксусом и вином Вильгельма Брюнинга. Корни родословной Брюнинга уходят в XVIII век. Все родственники Брюнинга, его предки были католического вероисповедания. Отец был консервативно настроенным человеком. В 1873 г. Вильгельм женился на юной 19-летней Бернардине Берингхоф. В семье родилось шесть детей, из которых трое умерли в младенчестве. Мюнстер, их родной город, был столицей Вестфалии и в XIX в. был небольшим, но хорошо известным. До франко-прусской войны 1870 – 1871 гг. в нём проживало не более 25 тыс. человек. Накануне Первой мировой войны это был уже большой город со 100-тысячным населением. В городе Мюнстере в октябре 1648 г. был подписан знаменитый Вестфальский мир, положивший конец кровопролитной и разрушительной 30-летней войне. Зажиточная католическая буржуазия задавала тон в Мюнстерском обществе. Во второй половине XIX в. в Мюнстере стали возникать промышленные предприятия: бочоночная фабрика, пивоварни, фабрика для сельскохозяйственных машин; развивалось прядильное дело. Большое значение для развития города имело открытие в 1914 г. канала Рейн – Херне, который напрямую связал его с рейнскими, бельгийскими и голландскими портами. Старое выражение «в Мюнстере темно» означало католико-консервативный признак города. Он слыл как главное место католической Германии с XVIII столетия. Живая католическая традиция определяла атмосферу города, который с 803 г. являлся резиденцией епископа. В 1780 г. Мюнстер стал университетским городом.

Отец Брюнинга умер в 1887 г. в возрасте 60 лет, когда Генриху исполнилось полтора года. Мать одна должна была заботиться о нём, шестилетней дочери Марии и одиннадцатилетнем сыне Германе Йозефе. Она воспитала их без помощи состоятельных родственников. Таким образом, влияние матери на воспитание детей, особенно на младшего сына, было определяющим. Все

трое всю жизнь оставались без семей и детей. Генрих и Йозеф были убеждёнными холостяками. Йозеф окончил духовное училище, а в 1902 г. был возведён в сан священника и служил как миссионер в различных странах: Франции, Бельгии, Англии. В 1921 г. он стал гражданином США. Сестра Мария работала в течение долгих десятилетий сотрудником отдела социального обеспечения города Мюнстера и была тесно и долго связана с младшим братом. Генрих рос и воспитывался в консервативно-католическом окружении, унаследовав глубокую религиозность. Старший брат Йозеф оказал на него также сильное влияние.

В возрасте семи лет при падении у Генриха произошёл сердечный спазм, и это привело к миокардиту. Мальчик медленно поправлялся. Многие годы он должен был беречь себя, избегая физических нагрузок. Ему разрешали только пешие прогулки в окрестностях города. Лишь с пятнадцати лет Генрих смог выдерживать продолжительные нагрузки. Даже будучи абитуриентом, он был «освобожден» врачами от физкультуры. Брюнинг получил хорошее образование. После окончания народной школы он в 1895 г. стал посещать старинную государственную гимназию Паулинум, которая считалась наследницей монастырской школы, основанной в 796 – 797 гг. Генрих был хорошим учеником, но не лучшим. Не был он и пай-мальчиком, при случае помогал другим и сам не отказывался от помощи других.

Гимназия на рубеже XIX и XX веков имела около 600 учеников. К началу летнего семестра 1904 г., вскоре после того, как Брюнинг покинул её, в ней насчитывалось 560 учеников-католиков, 13 евангелистов и 8 евреев¹. Многие выпускники гимназии стали позднее известными людьми. Паулинум рассматривалась как ведущая школа провинции. В гимназии работал ряд высококвалифицированных педагогов, в том числе приват-доценты и даже университетские профессора, в частности историк Ю. Фиккер, математик К. Вайерштраз, философ К. Баймкер, зоолог Г. Ландоис и другие. В гимназии Брюнинг проявил интерес к истории и литературе. Интеллектуальный профиль Паулинум соответствовал образу классической гимназии того времени, в которой ученики получали основательные знания по античной и средневековой героической истории. Серьёзно гимназистов знакомили с историей Пруссии. Воспитание и образование в ста-

рых гимназиях проходили в условиях увлечения учениками монархией Гогенцоллернов и строгой национально-прусской установки, что не могло не повлиять на мир идей и чувств Брюнинга. «Опруссачивание» гимназий, посещаемых преимущественно католиками, на рубеже столетий уже давно закончилось. Патриотический образ мыслей, прославление Бисмарка, а также апологетическое преподавание истории (восхваляющее германские победы) относилось к школьной повседневности, равно как празднование дня рождения кайзера и Седанской победы над французами 2 сентября 1870 г.² Брюнинг не был отличником. Он имел оценки «хорошо» по немецкому языку, религии, истории, географии, математике и физике. На «удовлетворительно» были оценены его успехи по латинскому, греческому и французскому языкам. Генрих, как видно, не был честолюбцем и не относился к тем гимназистам, которые задавали тон в своём классе. Брюнинг часто бывал в Англии, Франции, и это, конечно, расширяло его знания. Во время летних каникул подолгу задерживался в Нормандии (Франция), был гостем в семье Оливьер, изучал страну, людей. Своему знанию французского языка он обязан, прежде всего, летним каникулам в Нормандии. На французском и английском языках он позднее говорил свободно, как на своем родном языке.

В конце марта 1904 г. Генрих получил аттестат зрелости, после того как вследствие отличных письменных работ был освобожден от устного экзамена. После окончания гимназии Брюнинг долго и упорно учился на протяжении десяти лет, с 1904 по 1914 г., в университетах Мюнхена, Страсбурга и Бонна, благодаря родительской и церковной поддержке. Таким образом, материальная обеспеченность освобождала его от необходимости торопить окончание своего образования. Сначала он поступил в университет Мюнхена, где изучал правоведение, посещал лекции по международному, государственному и налоговому праву, а также по истории, в частности, лекции знаменитого немецкого историка, одного из лидеров катедер-социализма Луйо Брентано «Экономическая история» и Г. фон Грауэрта «Германская конституционная история с древнейших времён до 1871 г.», в которых особое внимание обращалось истории политических идей и экономической жизни. Германские университеты, как известно, в

то время были образцом для других стран. Одарённые иностранные студенты стремились попасть в какой-нибудь ведущий университет и проучиться хотя бы несколько семестров. Университеты были переполнены, после того как число студентов с 1860 по 1914 г. увеличилось в пять раз³.

Вступление в католические студенческие союзы было для церковно настроенных студентов из католических семей само собой разумеющимся. В 1904 г. в Германской империи имелось 784 студенческих корпорации с 19 тыс. членов, 98 объединений с 4 тыс. членов были католическими. Уже в начале летнего семестра 1904 г. Брюнинг присоединился к католической студенческой корпорации «Лангобардиа», которая насчитывала около 100 активных студентов⁴. Однако в Мюнхенском университете Генрих проучился недолго и уже в зимнем семестре 1904/1905 гг. оказался в «имперском университете» Страсбурга, который относился к ведущей группе германских университетов. Университет, как зеркало, отражал сложную внутривнутриполитическую ситуацию в кайзеровской Германии. Он был больше связан с рейхом, чем с «имперской землёй» Эльзас-Лотарингия, входящей в Германскую империю после 1871 г. Не только профессора, но и студенты были в основном из рейха. Число эльзасских студентов в зимнем семестре 1911/1912 гг. из 2138 составляло около 1000 человек⁵. По впечатлению Брюнинга, эльзасцы не были ни истинными немцами, ни истинными французами.

В Страсбургском университете Генрих изучал философию, историю, германскую филологию, государственное право, национальную экономику и финансовую науку. Его политико-философские интересы оказались преобладающими. Он относился к тем студентам-юристам, которые увлекались, прежде всего, принципиальными научными и философскими вопросами. Иными словами, Брюнинг старался получить солидные знания по проблемам философии, политики и экономики. Он охотно посещал лекции профессора Г.Ф. Кнаппа по истории аграрных отношений и национальной экономике. Труд Кнаппа «Освобождение крестьян и происхождение сельских рабочих в старых провинциях Пруссии» стал в аграрной литературе классическим.

Брюнинг отличался необыкновенным трудолюбием, терпением, но и отсутствием буйных запросов, столь свойственных

молодым студентам. Выглядел он худым, бледным, в очках, т.к. рано испортил себе зрение. Генрих вёл замкнутый, аскетический образ жизни. Близких друзей у него не было, всегда и во всём он полагался только на себя. Все решения, личные и политические, принимал сам и нёс за них полную ответственность⁶. Студент Брюнинг был робким и сдержанным и уже тогда критически и с недоверием относился к многословным ораторам. Он терпеть не мог громких слов. В узком кругу всегда сильно воздействовал своей определённой манерой говорить и удивительным знанием фактов и литературы. Брюнинг любил слушать музыку⁷.

Занятия по философии проводили Т. Циглер и К. Баймкер, последний из которых находился под влиянием учения Платона. Философ и педагог Циглер пытался в своих лекциях связать классическую философию с традициями германского идеализма. Он преподавал также историю этики. Циглер защищал христианские неконфессиональные школы и оберегал националистически окрашенные предубеждения против универсализма римской церкви. Он сожалел о гибели так называемого специфически «германского католицизма»⁸.

Брюнину повезло в том, что он слушал лекции именитых учёных Германии того времени и общался с ними. Давний интерес к истории был усилен в университете тем, что лекции по истории читали два известных немецких историка – протестант Ф. Майнеке и католик М. Шпан. Оба с 1901 г. преподавали в Страсбургском университете и были настроены политически консервативно. Конфессиональные разногласия между ними давали о себе знать. Интеллектуальный климат времён «Культуркампфа» в академической среде, прежде всего в прусских университетах, сохранялся дольше, чем в общественности. Среди 75 профессоров университета Страсбурга только восемь были католиками.

Брюнинг был очарован Майнеке. Его содержательные и лишённые одностороннего подхода к трактовке событий лекции импонировали студентам. Генрих питал глубокие симпатии к профессору. Под руководством Майнеке он написал работу «Основание Бранденбургского тайного совета». Зимой 1905/06 гг. Майнеке читал студентам два курса: «История европейской государственной системы в эпоху абсолютизма» и «Конституция и

управление германским территориальным государством в эпоху сословного представительства и абсолютизма». Для Майнеке тема «государство и нация» была главным объектом исследования. Для Генриха это тоже был весьма важный вопрос. Для него проблема «государство и нация» оставалась основным предметом политического мышления⁹. Когда Майнеке осенью 1906 г. переехал во Фрайбург, Брюнинг хотел последовать за ним, но остался в университете Страсбурга по желанию матери. Лекции Майнеке о государстве оказали сильное влияние на Генриха.

Большое значение для становления личности и формирования взглядов имели тесные контакты Брюнинга с историком М. Шпаном, заведующим кафедрой истории, страстным противником марксизма, социализма, либерализма и западной демократии, относившимся к консервативно-националистическому крылу партии Центра. Он был депутатом рейхстага от партии Центра в 1910 – 1912 гг. В годы Веймарской республики перешёл в ряды консервативной Немецкой национальной народной партии (далее – НННП), был депутатом рейхстага с 1924 по 1933 г., а в 1933 г. вступил в нацистскую партию. Такова эволюция этого учёного и политика. Политическая цель Шпана заключалась в следующем: деконфессионализация католической партии Центра и преобразование её в межконфессиональную, имперскую государственную партию. Брюнинг во время учёбы в Страсбургском университете всецело находился под впечатлением от его личности и многим был ему обязан. Под руководством Шпана Генрих подготовил и выступил с докладом на семинарском занятии об Эразме Роттердамском. Брюнинг впервые подумал о том, не избрать ли ему научную карьеру. В качестве темы диссертации он намеревался взять «Религиозное развитие Эразма Роттердамского», однако вскоре потерял интерес к ней и отказался от запланированной диссертации. Под руководством Шпана Генрих написал экзаменационную работу «Юстус Мёзер и Руссо», в которой попытался показать различие между немецкой и французской национальной идеей. На студента Брюнинга сильное впечатление произвела книга крупнейшего немецкого учёного, социолога М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Прочитав эту работу, Генрих иронически заметил, что Вебер не знает именно северогерманских католиков, которые точно так же бе-

режливо занимаются хозяйством, как любой лютеранин или пресвитерианец.

В феврале 1911 г. Брюнинг совершил глупый поступок: он не явился на устный государственный экзамен, и это могло стать роковым в его судьбе. Однако и тут ему повезло. Квартирная хозяйка проинформировала Шпана о том, что Генрих рано утром уехал на поезде из Страсбурга в направлении Мюнстера. Шпан предпринял срочные и энергичные меры, чтобы вернуть «беглеца». Брюнинга удалось вернуть, и он успешно сдал экзамен на должность учителя гимназии, получив оценку «хорошо». Огласка этой истории в 30-е годы могла бы иметь для канцлера неприятные последствия. Она опровергла бы утверждение о его «железных нервах». В общем, Генрих после долгих колебаний не захотел стать историком и вернуться к плану по защите диссертации по истории. Учителем гимназии он также не стал. Его всё больше интересовали вопросы национальной экономики. В этом обозначился его поворот от истории к знанию экономических факторов для лучшего понимания политических процессов. Гуманистическое духовное богатство гуманитарной науки больше не удовлетворяло Генриха. Отныне он полностью поглощён изучением народного хозяйства.

После экзаменационной «аферы» он решил сменить университет и поехал в Бонн в качестве вольнослушателя общественно-политических наук. Здесь он изучал национальную экономику у профессора Г. Дитцеля. Будучи в Боннском университете, Генрих с 1911 по 1914 г. часто и подолгу бывал за границей: во Франции и Англии, а в Нормандии он оставался целый год. Накануне Первой мировой войны Генрих провёл во Франции три недели с учебной целью. Вообще французский образ жизни был ему с молодости близок, однако он никогда не был настроен «франкофильски». Правда, и в шовинизме его нельзя было обвинить. Генрих Брюнинг частенько гостил у своего старшего брата Йозефа, который был пастором в местечке близ Манчестера в Англии. Великобритания оказала на будущего канцлера большое влияние. Здесь он занимался социальными и экономическими вопросами этой страны, внимательно наблюдал её нравы и обычаи, впервые заинтересовался политикой. Сильное впечатление на него произвели формы и традиции английских парламентских дебатов. В

Англии Брюнинг зачитывался работами Вольтера Горацио Патерса по платонической государственной философии и искусству Ренессанса. Генрих намеревался даже стать зарубежным корреспондентом больших газет и таким образом подзаработать. Английская конституционная монархия становится для него идеалом. «Английская демократия стала для него образцом»¹⁰, – считает историк Э. Лое. Так в Британии переплелись научные и политические интересы и повлияли на политическую карьеру будущего канцлера. Именно в Англии он подготовил свою диссертацию, серьезно изучив имеющийся статистический и документальный материал о положении английских железных дорог.

По общему мнению исследователей, консервативное мышление Брюнинга сформировалось в юношеские и студенческие годы. Консервативное мировоззрение носило также религиозный характер. Он общался в кругу друзей, консервативно и религиозно настроенных¹¹. Неизменной была его глубокая религиозность, его вера и его смирение. Брюнинг рассматривал религию как составную часть общества и культуры, на которой основывается политика и государство, тут для него существовала чёткая функциональная связь. В начале марта 1915 г. в Боннском университете Генрих защитил диссертацию на тему «Финансовое, экономическое и правовое положение английских железных дорог при учёте их огосударствления». Работа была оценена специалистом в области политической экономии, боннским экономистом-теоретиком Х. Дитцелем на оценку «хорошо». Устный экзамен по национальной экономике, финансовой науке и философии был сдан с общей оценкой «отлично». 30-летний Брюнинг стал «доктором философии». Несомненно, в студенческие годы Генрих получил фундаментальные знания и сильно развил умственные способности.

Глава II.

Испытание войной и революцией

2.1. Доброволец Первой мировой войны

Летом 1914 г. началась Первая мировая война и многим тогда казалось, что она будет скоротечной, продлится два-три месяца. Однако война длилась долгих четыре с лишним года и принесла народам неисчислимые мучения, жертвы, разрушения и потери. Объявление войны 1 августа 1914 г. в Германии было встречено ликованием народа, продемонстрировавшим редчайшее единение нации. Воинственный порыв и дух национал-патриотизма в августовские дни 1914 г. охватил немцев. Война рассматривалась как очистительный процесс, как великая надежда на освобождение от пошлости и самоедства. Настроение народного праздника, радость ожидания и радостные «виват»¹ – так было встречено начало войны. В тот момент никто не думал о её страшных последствиях. Отрезвление пришло значительно позже. Призыв «в ружьё!» нашёл восторженный отклик. Мужчины считали себя обязанными идти на войну, записывались добровольцами в армию.

Студент Брюнинг не мог остаться в стороне от этого призыва. Генрих был убеждённым патриотом. Это ясно проявлялось всегда. Ещё будучи юношей, он мечтал о том, чтобы погибнуть героем в ужасном сражении за веру. После защиты «на доктора философии» ему, близорукому и в военном отношении не подготовленному человеку, удалось весной 1915 г. пойти добровольцем на войну. Генрих сначала был направлен в 1 запасной батальон пехотного полка №70, расквартированного в Кобленце, затем его перевели в пехотный полк №30 в Саарлуизе. Так началась военная служба пехотинца Брюнинга. После предварительной подготовки он направляется на Западный фронт. Как солдат Генрих проявил решительность и энергию, которые ранее были ему чужды. Солдат – первая профессия будущего канцлера, и

солдатом он, в известном смысле, оставался на протяжении следующих двадцати лет своей жизни².

Война не пощадила Брюнинга. В мае 1915 г. он находился в составе 10 роты пехотного полка №30 в группе армий «Германский кронпринц» на Аргоннском направлении, где 30 июня был ранен в голову и левое плечо. Его отправили во фронтовой лазарет, а в начале июля на четыре недели он попал в резервный лазарет г. Трира. Храброго солдата заметили и после возвращения из лазарета командировали на три недели в Кобленц в качестве инструктора, а с 1 сентября 1915 г. он уже на офицерских курсах. На них он прошёл подготовку пулемётчика и вице-фельдфебеля. Вскоре последовало повышение в звание унтер-офицера. Вслед за этим Генрих постарался попасть в «пулемётное снайперское подразделение». С 1916 г. это подразделение по настоянию генерала Э. Людендорфа находилось на Западном фронте и вступало в бой вслед за пехотой перед наступлением тяжёлой артиллерией на различных участках фронта как подвижной резерв. Генрих умел хорошо выбирать засады, откуда можно было спокойно наблюдать за противником. Во время боя, обладая выдержкой, он выжидал нужный момент и, подпустив неприятеля ближе к пулемётам, наносил врагу большой урон. В течение 1915 г. Брюнинг прошёл путь от солдата до офицера. На рождество 1915 г. он стал лейтенантом резерва. Более высокого звания Генрих так и не добился. Как офицер он был исполнительным и дисциплинированным. Генрих не жаловался на трудности и опасности войны, которая закалила его тело и укрепила дух. На войне он привык не только к суровости и дисциплине, но и к безоговорочному повиновению военной иерархии. Боевые товарищи хвалили Брюнинга за разносторонность знаний. Он был для них, как пишет Хёмиг, матерью, духовным отцом, офицером суда, адвокатом, банкиром, экспедитором и переводчиком в одном лице³.

1916 г. чуть было не закончился для Брюнинга трагично. Во-первых, он переболел плевритом, во-вторых, едва не погиб. Во время разведывательного полёта во Фландрии самолёт, на котором летел Генрих, был повреждён. Брюнинг чудом остался жив, испытав сильнейший шок. С тех пор он никогда больше не дал себя уговорить подняться на самолёт. Лейтенант Брюнинг воевал со своим подразделением в различных местах Западного фронта,

в основном во Фландрии. Команда пулемётного подразделения состояла преимущественно из рабочих-металлургов, большей частью из Берлина, членов «свободных профсоюзов». При этом у Брюнинга сложилось убеждение в том, что надёжный солдат – в большинстве своём социал-демократ. 27 марта 1918 г. Брюнингу неожиданно пришла мысль, что Германия может проиграть войну. Незадолго до этого, в конце января 1918 г., он был награждён Железным крестом 1-го класса. Генрих носил свои награды не без гордости, подчеркивая военные заслуги перед Отечеством.

В июле 1917 г. в отставку был отправлен канцлер Бетман Гольвег, его место занял совершенно неизвестный прусский чиновник Г. Михаэлис – удобная марионетка для Верховного командования. Брюнинг приветствовал назначение бесцветного бюрократа Г. Михаэлиса. В то же время, он порицал политику деятеля партии Центра М. Эрцбергера, который относился к инициаторам мирной резолюции рейхстага и 6 июля в своей речи в главном комитете парламента выступил за немедленные мирные переговоры без притязаний на приобретение территорий. Эрцбергер, по сути дела, превратился из сторонника аннексий в реалиста. Поэтому с Эрцбергером Брюнинг связывал парламентаризацию кайзеровской Германии. Генрих осудил летом 1917 г. надвигающееся «господство парламента» как «начало конца»⁴. Дальнейший ход войны складывался не в пользу Германии. Брюнинг утверждает, что «большинство фронтовых солдат после неудачного весеннего наступления 1918 г. ясно осознало, что война не сможет закончиться победой стран Центральной Европы»⁵. Тем не менее Генрих не относился к представителям «легенды о дольхштосе» и также мало обвинял президента США В. Вильсона за его знаменитые «14 пунктов», послужившие якобы причиной германского поражения.

8 августа 1918 г. рано утром началось успешное англо-французское наступление под Амьеном, закончившееся через несколько дней победой союзников. Она окончательно закрепила стратегическую инициативу за Антантой. Пулемётное подразделение Брюнинга участвовало 10 августа в боях при Рой. При Амьенском сражении германская армия понесла огромные потери, однако Генрих остался цел и невредим, избежав трагической

участи своих товарищей по оружию. Война приближалась к концу, а вскоре грянула революция в Германии.

Брюнинг прошёл «закалку» войной, видел изо дня в день смерть и разрушения, был свидетелем, как убивали и калечили его боевых товарищей. Война была для него суровым испытанием, оказала большое влияние на формирование его мироощущения, мировоззрения и характера. Три с лишним года тяжёлой военной службы в казармах, окопах, лазаретах не прошли бесследно. Закоренелый индивидуалист, он вкусил дух боевого товарищества и навсегда остался ему верен, приучился к единству мыслей и действий на войне. Война прививала жесткую дисциплину, исполнительность, обязательность и чувство команды. Его стремление к самоотверженности и пожертвованию нашло конкретный смысл. Он был поклонником всего военного, армии и особенно генерал-фельдмаршала П. фон Гинденбурга и генерала Э. Людендорфа. Испытания, через которые он прошёл на войне, убедили Генриха в том, что «великие судьбы мира вершатся только через жертву, самоотверженность и добровольную дисциплину»⁶. Его консервативные убеждения во время Первой мировой войны дополнились солдатскими достоинствами и ценностями: героическое исполнение долга, преданность, самопожертвование ради большого дела. Брюнинг считал, что опыт боевого товарищества и боевой подготовки является большим человеческим достоинством.

Война оказала серьёзное воздействие на дальнейшую судьбу лейтенанта Брюнинга. В своих мемуарах он пишет, что чисто политическое воздействие Первой мировой войны недостаточно оценивали вплоть до 1930 г. Молодое поколение понесло в войну большие потери. Добровольцы войны 1914 г., которые хотели нравственного обновления народов, лежат в холодной земле во всех частях Европы, и их не заменишь. Потери молодых мужчин были настолько огромны, что в течение 12 лет послевоенное поколение образовало большинство среди мужского населения избирателей Германии⁷. Фронтовые переживания способствовали повороту Брюнинга к политике.

2.2. Противник революции. Начало политической карьеры

Провал наступлений во Франции вызвал сильнейшее брожение в Германии. Экономика страны трещала по всем швам, население окончательно утратило веру в кайзера и генералитет, рабочие бастовали, началось разложение армии и флота. 3 ноября 1918 г. вспыхнуло восстание матросов в Киле. К морякам присоединились портовые рабочие, солдаты гарнизона отказались выступить против матросов. 4 ноября в движение пришёл весь флот, а на следующий день рабочие крупных предприятий Кили объявили всеобщую забастовку солидарности с моряками. События в Киле послужили началом революции. За неделю она охватила всю Германию. 9 ноября пала монархия и была провозглашена республика. Германская империя, просуществовавшая почти 48 лет, исчезла навсегда. Наступил конец и 500-летней династии Гогенцоллернов. Большинство немцев приняло неожиданный конец монархии не как военное поражение, а как результат гнусной, отвратительной революции. Революционное происхождение республики считалось одним из главных её пороков. 11 ноября 1918 г. закончилась Первая мировая война. Кайзеровская Германия потерпела поражение и проиграла войну. В тот день в силу вступило Компьенское перемирие. Его условия были крайне жёсткими. Победители вознамерились унижить и наказать проигравших. Переход от конституционной монархии к республике был сложным процессом, проходил в условиях ожесточённого противоборства сторонников и противников революции и республики.

Поражение Германии, Ноябрьская революция, падение монархии, условия перемирия глубоко потрясли офицера Брюнинга. Он воспринял эти события как личную и национальную катастрофу, как глубокое падение своего народа. Значительно позже Генрих говорил о «черных днях в ноябре 1918 г.». Поэтому изменить итоги войны стало высшей целью будущего политика и канцлера. Они вызвали у него ненависть к революционному рабочему движению. Брюнинг был на стороне тех, кто подавлял революцию. Его подразделение перебрасывали из одного города в

другой. Правда, стрелять в «бунтовщиков» ему не пришлось, но 9 ноября он был в частях, которые образовали авангард контрреволюционной «группы Винтерфельдта», стремившейся подавить революцию и спасти монархию⁸. Революцию Генрих ненавидел всеми фибрами души. В мемуарах он пишет, что подавление революции ему казалось вполне возможным, а упразднение монархии невыносимым⁹. Католик Брюнинг на всю свою жизнь остался «германо-национальным монархистом»¹⁰. Он неприязненно относился к революционным матросам и солдатам. Революционеры называл «страшными трусами», а коммунисты служили для него олицетворением зла. В какое-то время Генриха охватил страх перед восставшими, и когда начались выборы, он был единодушно избран председателем солдатского Совета.

Брюнинг закончил войну во Франкфурте-на-Одере. 1 декабря 1918 г. его подразделение было распущено по домам. Армейская жизнь закончилась, нужно было возвращаться к гражданской деятельности, и этот переход оказался трудным. Он вернулся домой, к матери и сестре в родной Мюнстер. Генрих любил свой город с его историческими памятниками и вестфальский ландшафт. Лейтенанту, вернувшемуся с передовой, нелегко было найти себя в новых условиях после войны и в революционное время. Встала проблема реинтеграции в послевоенную социальную жизнь. Чем заняться? Наукой? Но для этого уже нет времени. Мать советовала сыну последовать примеру старшего брата Йозефа и стать священником. Такая карьера была верхом мечтаний для многих людей определённого круга, особенно для правоверных католиков. Тем более брат всегда был образцом для Генриха и внушал уважение. С ним он поддерживал тесные связи. Йозеф олицетворял темперамент и самобытность в противоположность своему младшему брату. Прелат Брюнинг неожиданно умер в январе 1924 г. в Нью-Йорке. В тот же год умерла их мать.

Попытка Брюнинга в декабре 1918 г. устроиться на работу в магистратуру города Мюнстера в качестве экономиста оказалась безуспешной. Вскоре Генрих получил приглашение от тайного советника Х. Дитцеля приехать к нему в Боннский университет и обсудить вопрос о том, чтобы принять его диссертацию, защищённую в 1915 г., как докторскую. Брюнинг отказался от этого

предложения под тем предлогом, что не время заниматься наукой и преподавательской работой, когда «немецкий народ возбужден и с неуверенностью смотрит в будущее». Важнее быть «среди людей, которым причиняют горе»¹¹. Так «закончилась», не успев начаться, научная карьера Брюнинга в Боннском университете. 17 января 1919 г. на предвыборном митинге в Мюнстере на Генриха сильное впечатление произвела речь А. Штегервальда. После этого он решился вступить в католическую партию Центра. Спустя некоторое время Брюнинг получил письмо от своего студенческого друга, доктора Г. Платца, в котором тот писал о его возможной работе в качестве секретаря рейхсминистра Ё. Гисберта, к тому же министр был включен в состав делегации для участия в Версальской мирной конференции. Генрих встречался и разговаривал с Гисбертом в Оснабрюке и должен был подготовить для министра материал о финансовом положении рейха с учетом репарационных требований, ожидаемых от стран-победительниц. Однако вместо Брюнинга в переговорах в Версале принимал участие Ф. Тиссен в качестве сопровождающего Гисберта¹².

Брюнинга всё больше привлекала политика, с ней он связывал своё будущее. Политика есть судьба, и будущее Брюнинга зовут политикой. «Только политика», – писал Р. Беер¹³. Весной 1919 г. Генрих отправился в Берлин навстречу своей судьбе. Впечатление от увиденной столицы республиканской Германии, германского «центра нервов», было удручающим. В своих мемуарах он пишет, что «картину полного морального и угрожающего политического хаоса» увидел на второй вечер своего пребывания, когда друзья повели его в Винтергартен, чтобы познакомиться с «интернациональным» Берлином. Отбросы всех европейских наций собрались в нём. Наряду с «голодающим населением» утопают в «роскоши нажившиеся на войне», «международные спекулянты». Безднадёжность и неприятие городской жизни впервые охватили Брюнинга¹⁴. Генрих был напуган революцией и испытывал страх перед большевизмом. Организованные рабочие, полагал он, которых Ленин призвал к установлению своей диктатуры, были в Германии сильнейшим оружием в борьбе большевизма¹⁵.

В столице Брюнингу повезло. 1919 г. можно считать началом его политической деятельности. Он встретился, благодаря

стараниям Платца, с Карлом Зонненшейном, известным в то время прелатом и одним из влиятельных сановников католической церкви. Генрих знал Зонненшейна со студенческих лет, и тот предложил Брюнингу работу в «Секретариате Социальной студенческой помощи» (ССС) в качестве личного секретаря. Задача Брюнинга состояла в том, чтобы поддержать солдат, демобилизованных из армии, при переходе на трудовую деятельность или учебу. Кроме того, он помогал созданию организации для людей с высшим образованием, в особенности ветеранам «Академического трудового союза». К этой организации относились Отто Штрассер (временно), Г. Катценбергер, генеральный секретарь партии Центра, а также Альфонс Нобель¹⁶. Сначала работа нравилась Генриху, он оказался компетентным и незаменимым работником. К тому же берлинский секретариат Зонненшейна был тесно связан с партией Центра, и ему пришлось одновременно руководить генеральным секретариатом местных студенческих групп партии Центра. Как известно, партия Центра признала республиканскую форму правления, приняла участие в выработке и принятии Веймарской конституции. Зонненшейну Брюнинг понравился своим трудолюбием. В мемуарах Брюнинг называет прелата «апостолом милосердия», готовым всех понять и помочь всем людям в нужде. Зонненшейн был хорошим оратором. Он учился в Риме и вступил в тесные связи с доном Ромуло Мурри, руководителем и создателем христианско-социального движения в Италии¹⁷. Однако вскоре Генрих разочаровался в своей работе, чему в определенной степени содействовал несносный характер Зонненшейна, который немногие могли долго выдержать. Хаотичность в работе, недисциплинированность, руководящий стиль шефа не нравились Брюнингу, и он стал искать другое поле деятельности. И всё же в бюро Зонненшейна он получил первый опыт организационной работы и сделал первые шаги к будущей карьере.

Сотрудничество с прелатом продолжалось недолго, уже в сентябре 1919 г. Генрих принял предложение прусского министра общественного вспомоществования А. Штегервальда перейти к нему на службу секретарём и личным референтом. Это привело к разрыву отношений с Зонненшейном. В то время Штегервальд был влиятельным политиком партии Центра и лидером христиан-

ских профсоюзов. Под его руководством Брюнинг прошёл политическую школу и вступил на путь политической карьеры. Как ближайший сотрудник Штегервальда он был также ответственным за практическую профсоюзную работу. Штегервальд оказал на Брюнинга глубокое личное влияние. Изменение социального статуса позволило Генриху жить как субквартиранту в двух меблированных комнатах у фрау Хейдеман и чаще ездить на такси. От этой квартиры он отказался только в марте 1930 г., за несколько дней до назначения канцлером. В Берлине Брюнинг подчинил себя жёсткой дисциплине, живя почти аскетом. Он проявил твёрдость характера, уверенность, разумное честолюбие и непоколебимо верил в своё призвание¹⁸. По мнению историка Юнкера, личный образ жизни Брюнинга состоял из смеси проповеднического и солдатского самоотречения¹⁹.

Как член партии Центра Брюнинг поддерживал контакты с представителями правого крыла: Ф. Поршеном, П. Шпаном, К. Херольдом и Г. Браунсом, которые отклоняли курс Эрцбергера. Генрих тоже продолжал критически относиться к Эрцбергеру, ставшему представителем демократического крыла партии Центра. Он даже проявил к нему политическую враждебность. Разногласия были не только по вопросу принятия или отклонения Версальского договора, но Генрих отклонял и финансовую политику Эрцбергера, характеризуя ее как «дилетантскую»²⁰.

Став в 1920 г. секретарём христианских профсоюзов и исполняя эти обязанности до января 1930 г., Брюнинг установил тесные связи с их руководителями: Хаберманом, Тиле, Винтером, Пайном, познакомился с Г. Имбушом и основателем Союза рабочих-металлистов Вибером. В христианских профсоюзах и во вновь созданных милитаристских организациях Брюнинг видел бастион против большевизма²¹. Большевистскую опасность с востока воспринимал серьёзно, однако рассматривал ее, прежде всего, как внутривнутриполитическую и меньше всего как внешнеполитическую проблему. В августе 1920 г. он критически отозвался о планах Людендорфа, стремившегося вместе с влиятельными кругами рейхсвера к альянсу с Францией против России. Это сделает Германию ареной кровавого внутреннего конфликта и лишит основ «здоровой внешней политики». По мнению Хёмига, здесь лежат корни позднейшего предубеждения Брюнинга относитель-

но западной ориентации К. Аденауэра во внешней политике. Генрих уже тогда критически относился к политической позиции Аденауэра²².

Работа Брюнинга в христианских профсоюзах имела сильный антисоциальный компонент. Из консультаций и бесед, которые проводил Генрих с лидерами профсоюзов, была разработана программа с сильным антимарксистским оттенком и против умеренной социал-демократии. Эта программа обсуждалась на 10 Конгрессе христианских профсоюзов, который состоялся в ноябре 1920 г. в Эссене, получившей название «Эссенской программы». Кроме того, Брюнингу было поручено подготовить речь, которую Штегервальд должен был произнести на конгрессе. По утверждению историка Беккера, Генрих был не только автором, но также вдохновителем этой программы²³. Штегервальд неоднократно признавал роль Генриха в написании Эссенской программы. Сам Брюнинг уже после 1945 г. заявил, что это он «написал» программу. В работе Р.Р. Беера также указывается, что «по свидетельству Штегервальда, Брюнинг принял решающее участие» в разработке «Эссенской программы»²⁴.

Суть этой программы состояла в создании на базе христианских профсоюзов новой консервативной, межконфессиональной народной партии, чтобы с её помощью преодолеть многопартийный кризис Веймарской республики и добиться политической консолидации. Кроме того, новая партия должна быть «христианской, немецкой, социальной, но и демократической и антисоциалистической». Быть «христианской» означало быть межконфессиональной в противовес партии Центра, «основанной на авторитете», признание христианской культуры как основы государства, борьбу с марксистским материализмом. В то же время под «христианской» партией понималась «борьба за реализацию идей социальной справедливости в жизни народа». Под «немецкой» партией подразумевалась её деятельность в области внешней политики, направленной на активный баланс между Востоком и Западом в традициях бисмарковской внешней политики и, прежде всего, чётко обозначенный ревизионизм в отношении Версальской системы, борьба за свободу и независимость Германии. Под «немецкой» имелось в виду также политическое объединение с Австрией и чувство «подлинного народного духа».

«Немецкая» означало в области государственного права принципиальное отклонение Веймарской конституции, которая идентифицировалась с «формальной демократией французского централизма». Одновременно высказывалось немецкое сомнение в отношении традиций Французской революции конца XVIII века, как и германской революции 1848 г. и подчёркивалась ориентация на «органическую» демократию и идеи самоуправления времён освободительной войны Пруссии. Под «социальной» понималось отклонение плутократии и спекулятивного крупного капитала, радикального индивидуализма, вместо этого забота об органически разделённом «народном сообществе» и, следовательно, «жизненное устройство каждого отдельного в одно целое»²⁵. Этот план преследовал цель сплочения буржуазных сил для борьбы против революции и рабочего движения. Штегервальда поддерживал министр труда с 1920 по 1928 г. Г. Браунс.

Показательны рассуждения некоторых исследователей об историческом значении «Эссенской программы». Историк Беккер считает, что оно заключалось не только в том, что программа представляла собой важнейшую попытку демократического характера, но и в стремлении через обширное преобразование немецкой партийной системы найти адекватный ответ на вопросы, поставленные парламентаризацией рейха²⁶. По мнению американского учёного Л. Джонса, с помощью этой программы якобы можно было преодолеть партийный кризис Веймарской республики, добиться политической консолидации и воспрепятствовать нацистскому движению²⁷. Думается, что это явная переоценка программы. И всё же, продолжает автор, Штегервальду удалось своевременно указать на роковое развитие Веймарской партийной системы, а «Эссенская программа» послужила моделью для создания в 1945 г. Христианско-демократического союза²⁸. Аналогичную точку зрения высказывает немецкий историк Лео Шверинг, подчеркивая, что историческое значение Эссенской программы оценивается не только как академическая концепция, которая не была реализована в Веймарской республике, но скорее как идейное начало ХДС, духовным отцом которого является Штегервальд. Его роль сегодня становится значительно ярче²⁹. Очевидно, что Брюнинг, как один из авторов программы, к этому времени имел уже вполне сложившиеся правые политические

взгляды. Он скептически относился к Веймарской конституции, критиковал пропорциональное избирательное право, сожалел, что для обсуждения конституции были привлечены немецкие профессора. Генрих осуждал позицию некоторых деятелей партии Центра по вопросу социализации ряда ключевых отраслей промышленности. Он, например, скептически расценивал взгляды министра труда Браунса по вопросу ведущей роли государства в социальной политике.

Должность личного референта и секретаря христианских профсоюзов позволила Брюнингу установить контакты с большим числом ведущих политиков рейха и Пруссии, а также со многими членами партии Центра. Ему удалось восстановить связи с Союзом судей и высших чиновников. Он был одним из основателей ежедневной газеты «Der Deutsche» («Немец»). Это соответствовало решениям Конгресса христианских профсоюзов. Подзаголовок отражал ее главное назначение: «Ежедневная газета для немецкого народного сообщества и независимой Германии». Исходя из этого внутриполитические проблемы освещались в русле «Эссенской программы», касаясь прежде всего экономической, профсоюзной и социальной политики, а также борьбы с марксизмом. Содержание внешнеполитических корреспонденций отражало в первую линию антиверсальскую направленность. В последующие годы Брюнинг содействовал неоконсервативным установкам газеты «Дер Дойче», и это привело к раздору между отдельными профсоюзами внутри Германского союза профсоюзов³⁰. Генрих был не на шутку напуган, когда Штегервальд предложил ему перейти на работу в Союз немецких профсоюзов для практической реализации идей Штегервальда в плане подготовки основ новой партии. Однако непосредственно после образования кабинета Штегервальда в Пруссии Брюнинг окончательно покидает министерство общественного вспомоществования.

Брюнинг вращался в кругу и общался с консервативными и крайне консервативными деятелями и политиками. В первые же дни пребывания в Берлине Брюнинг устанавливает контакты с рейхсвером. В марте 1919 г. через своего студенческого друга Ф. Кёнига на квартире К.Х. фон Лёша он познакомился с майором Ф.В. фон Виллизеном, который станет другом и покровите-

лем Генриха. Виллизен произвёл на Брюнинга сильное впечатление своей внешностью и тем, что и как говорил. Майор был связан с «Добровольческим корпусом», поддерживал контакт с «чёрным рейхсвером». Генрих с уважением относился к Виллизену и чувствовал к нему симпатии, переоценивал политическое влияние того на руководство рейхсвера. Через Виллизена Брюнинг сотрудничал с рейхсвером. Оказалось, что взгляды обоих во многом совпадают. Генриху казались оправданными любые усилия и любые жертвы ради возрождения фатерланда и спасения народа от бедственного положения.

Консервативные убеждения Брюнинга ярко просматриваются в его связях с влиятельным консервативным «Июньским клубом», основанным в июне 1919 г. Главную задачу Клуб видел в создании в Германии фронта против большевизма, в ликвидации парламентского строя и мирного Версальского договора, преодолении раскола и сплочении консервативных сил, унификации «неоконсервативных» целевых установок. Его членами были Мёллер ван ден Брук, Эдуард Штадтлер, Г. Глейхен, М.Х. Бём, М. Шпан, Виллизен, публицисты А. Нобель, Г. Ульман, Э.Ю. Юнг, Г. Вармбольд, будущий министр экономики во втором кабинете Брюнинга Ф. Папен и многие другие. В «Июньском клубе» собрались «противники и ненавистники республики»: националисты, часть правого крыла партии Центра и т.н. неоконсерваторы. По мнению историка К. Зонтхаймера, Брюнинг участвовал в разнообразных действиях этого «важного антидемократического центра идей ранних лет Веймарской республики»³¹. К тому же «Июньский клуб» располагал националистической, реваншистской и антидемократической публицистикой. Как пишет Фолькман, между Брюнингом и многими членами «Июньского клуба» существовали серьезные расхождения по вопросу о методах устранения существующего конституционного строя. Если эти последние были готовы открыто бороться против Веймарской республики или даже, как М. Шпан, поддержать в 1920 г. насильственный переворот, то Брюнинг, этот убежденный противник революции, мог мириться лишь с мыслями о тихом и безнасильственном изменении конституции. Но, с другой стороны, эта существенная дифференциация не привела Генриха даже после провалившегося путча Каппа к отходу от членов «Июнь-

ского клуба». Напротив, он еще в 1922 г. выступал с докладом в «Политическом центре»³².

На какое-то время Генрих был сотрудником «Политического центра по национально-политическому обучению и учебной работе», созданного Шпаном и Глейхеном в ноябре 1919 г. и связанного с «Июньским клубом». По своим позициям этот центр ближе стояла к консервативной Немецкой национальной народной партии и финансировался из взносов западногерманских промышленников. Список участников «Политического центра» указывает на тесную связь его с военными и военным министерством. Осенью 1922 г. Генрих сделал доклад в рамках «национально-политического учебного курса для сельского хозяйства». Только на следующий год Брюнинг оставил «Политический центр». Фолькман указывает на следующие причины отхода Брюнинга от «Июньского клуба» и «Политического центра». Первая причина: позиция Штадтлера, Глейхена в период государственного кризиса 1923 г. сыграла решающую роль. «Правый экстремист» Штадтлер преследовал, так же как Глейхен, Шпан и Пехель, цель государственного переворота, установления диктатуры в рейхе. Брюнинг не одобрял планы свержения и насильственного изменения конституции. Вторая причина: растущее влияние радикального крыла Национальной партии во главе с пангерманистом, реакционером А. Гугенбергом на «Политический центр». Обструкционистская политика националистов в те годы противоречила убеждениям Брюнинга, который все более домогался «конструктивного» и «практического» элемента в политике и добивался политических перемен эволюционным путем³³. Не исключено, продолжает Фолькман, что отход Брюнинга от этих двух антиреспубликанских органов был мотивирован не только политически, но просто свидетельствовал о падении этих обеих организаций³⁴. В 1924 г. на базе «Июньского клуба» возник аристократический, архиконсервативный «Клуб господ», членами которого были уже известные нам М. Шпан и Г. Глейхен, а посетителем был Г. Тревиранус. Установлено, что в 1925/26 г. Брюнинг был членом «берлинского Клуба господ». По мнению Моммзена, Брюнинг находился под сильным влиянием неоконсервативного течения, которое идеализировало режим Муссолини.³⁵

Жизнь Брюнинга в Берлине была наполнена не только профессиональной работой. Он остро воспринимал атмосферу города, интересовался многообразием жизни. Весной 1920 г. Генрих стал свидетелем событий, связанных с путчем Каппа – Лютвица 13-17 марта. Путч был направлен против республики и на установление военной диктатуры. В результате всеобщей забастовки путч полностью провалился. Поражение путчистов показало, что большинство немцев сохраняет лояльность демократической республике, хотя вектор их недоверия к отдельным политическим партиям становился неустойчивым. Брюнинг недвусмысленно высказался против путчистов, отозвавшись весьма раздраженно: «Теперь идиоты старого флага черно-бело-красного цвета навсегда дискредитировали себя»³⁶. Он, правда, признал трагический раскол в армии. Как известно, руководящая часть офицеров генерального штаба, группировавшаяся вокруг генерала Г. фон Секта, высказалась против путча. С другой стороны, в путче участвовала морская бригада Г. Эрхардта, главная ударная сила путчистов. По мнению Генриха, он никогда не видел такой первоклассной воинской части, состоявшей из морских офицеров, отборных унтер-офицеров и рядовых, прежде всего подводников, увешанных орденами за храбрость³⁷. Брюнинг опасался коммунистического контрпутча по ленинскому образцу. В Берлине, пишет он в мемуарах, спартаковцы планировали после окончания путча Каппа «массовые убийства офицеров частей Каппа» и «рейхсвера», а также «руководителей гражданской самообороны, которые защищали конституционное правительство»³⁸. При этом Генрих не упоминает об убийствах морской бригадой Эрхардта при уходе из Берлина 18 марта, особенно политических левых. Как пишет Винклер, она учинила «кровавую расправу»³⁹. Поэтому Брюнинг одобрил действия В. Гучеса, председателя христианских профсоюзов железнодорожников, которые официально присоединились к генеральной забастовке только два дня спустя после её объявления. При этом участвовали в мелких акциях, чтобы не подвергать опасности снабжение городов, особенно больших, продовольствием. Поведение политически не ориентированных бывших солдат он считал оправданным. Брюнинг, критически оценивая деятельность Национального собрания, считал, что оно после путча Каппа значительно потеряло свой авторитет. Он был

удовлетворен результатами выборов в рейхстаг 6 июня 1920 г., с их резким поправлением. Тогда большинство избирателей проголосовало за партии, которые отклоняли республиканскую конституцию или враждебно относились к ней.

1923 г. был вершиной и окончанием послевоенного кризиса в Германии. Он был связан с оккупацией франко-бельгийскими войсками Рейнско-Рурской области, почти полным крахом экономики страны, сепаратистским движением, подготовкой КПГ к революции и путчем нацистов в Мюнхене. Призыв правительства Куно начать пассивное сопротивление против оккупации Рура нашёл широкую поддержку партий и профсоюзов. Брюнинг не остался в стороне и принимал участие в организации пассивного сопротивления. В это время он тесно сотрудничает через Виллизена с рейхсвером. Тот ввёл его в окружение одного из политических руководителей рейхсвера К. фон Шлейхера, участника Первой мировой войны, служившего в Генеральном штабе и близкого друга Оскара фон Гинденбурга. Брюнинга очень волновал вопрос: какова позиция рейхсвера во всех этих событиях. Он пытался найти ответ в беседах с Виллизеном. Генрих спрашивал майора: не вмешается ли рейхсвер, если французы спровоцируют националистическое восстание, чтобы обосновать дальнейшую оккупацию немецких областей? Виллизен ответил: «при всех обстоятельствах это необходимо предотвратить». Брюнинг предлагал, не лучше ли будет при полном крахе валюты временно передать генералу диктаторские полномочия. В этом случае, отвечал Виллизен, речь может идти только о военном министре; другое решение будет для Франции желанным предложением покончить с нами⁴⁰. Генриха волновали вопросы, что будет в случае передачи в этот момент президентом Эбертом исполнительной власти генералу Г. фон Секту, будет ли он противиться продвижению французов, поляков и чехов? Когда иностранные войска повсюду вступят на территорию Германии якобы для подавления коммунистической революции – что тогда? Очевидно, что, во-первых, в 1923 г. Брюнинг был не против установления военной диктатуры. Во-вторых, он вновь испытал страх перед коммунистами. В-третьих, через Виллизена он получал информацию о национал-социалистах и Гитлере. Брюнинг даже предлагал руководителю пассивного сопротивления Э. Юнгу пойти к Гитлеру и задать ему

вопрос, почему он запретил своим сторонникам принимать участие в пассивном сопротивлении.

Генрих был согласен с Виллизеном, что национал-социалистическая пропаганда представляет серьёзную опасность⁴¹. Важно подчеркнуть, что с этого времени он стал отождествлять коммунистов с нацистами, не видя различия между ними. Похоже, у Брюнинга впервые зародились сомнения в отношении рейхсвера. Как он пишет в мемуарах, месяцы, в течение которых через Виллизена ежедневно сотрудничал с рейхсвером, начались с восторга и закончились недоверием. Он сам осознал более чем кто-либо беспомощность рейхсвера относительно «политической созидательной силы»⁴². И тем не менее в своей будущей политической деятельности он неизменно пользовался поддержкой рейхсвера.

Глава III.

На пути в имперские канцлеры

Пятилетний период революционных потрясений, хаоса, невиданной доселе инфляции, левых и правых путчей заканчивается 1923 годом. Наступивший 1924 г. стал началом внутривнутриполитического затишья, хрупкой стабилизации (1924 – 1929 гг.) и экономического оздоровления. Страной правили буржуазные кабинеты во главе с канцлерами В. Марксом и Х. Лютером, которые время от времени распадались, но вскоре восстанавливались в чуть измененном составе. На первый план вышли парламентские методы управления и разрешения противоречий. В эти годы Германия преодолела международную изоляцию и вернулась в «концерт» великих держав. 4 мая 1924 г. состоялись выборы в рейхстаг. Они принесли успех радикальным правым и серьезное поражение умеренным левым. Около одной четверти немецких избирателей проголосовали за антиреспубликанские правые силы.

Брюнинг впервые попробовал свои силы стать депутатом и принял участие в избирательной кампании. Ему повезло, он добился серьезного успеха в своей политической карьере, стал депутатом рейхстага от партии Центра. Жители седьмого избирательного округа Бреслау (Силезия), преимущественно католики, поддержали кандидатуру Генриха. До весны 1933 г. он избирался депутатом от этого округа, проявляя заботу о жителях угольного района. Проживая в Берлине, Брюнинг часто приезжал в Силезию, в «свой округ», изучал ландшафт, его красоту, но и знал проблемы округа. В новом рейхстаге Брюнинг установил связи с политиками, находившимися справа от партии Центра. Не менее интересен тот факт, что после очередных выборов в рейхстаг 7 декабря 1924 г., проходивших в условиях стабилизации жизни в стране, Генрих приветствовал «сильное представительство фронтового поколения во всех партиях», оказавшееся в парламенте. С похвалой он отзывался и о «молодых депутатах, которые менее озабочены партийной политикой и тактическими выгодами»¹.

Парламентская деятельность Генриха проходила успешно. Он совершенствовался как политик, участвуя в дискуссиях, вел переговоры, сотрудничал со многими политиками, проявляя твердость в отстаивании своего мнения. В рейхстаге Брюнинг работал в качестве эксперта от своей фракции по финансовым и налоговым вопросам, являясь членом налоговой комиссии. В 1925 г. рейхстаг принял предложенную Центром т.н. поправку Брюнинга. Согласно ей правительство рейха обязано было предоставить дальнейшие скидки по налогу по заработной плате, если доходы от данного налога превышали планируемую правительством сумму в 1200 млн. марок. Эта поправка о налогах получила название «Закон Брюнинга». Генрих, как эксперт, указывал на плохое финансовое положение государства, критиковал высокие иностранные долги, требовал принятия мер по осуществлению режима экономии. Он серьезно обсуждал проблему финансирования жилищного строительства и большой потребности в жилье, а также планы решения жилищного вопроса². Историк В. Раушер пишет, что, умеренный монархист в глубине души, Брюнинг, являясь прагматичным политиком, демонстративно действовал как республиканец и при каждом удобном случае демонстрировал свой патриотизм³. Действовал он, конечно, как правый политик.

Фракция партии Центра считалась одной из сильнейших в рейхстаге. В годы относительной стабилизации (1924 – 1929 гг.) партия Центра играла большую роль во всех правительственных коалициях, всегда пыталась быть у власти и управлять страной: то с левыми без правых, то с правыми без левых, или с правительством большинства, или с правительством меньшинства. Коалиционная политика Центра принципиально рассматривалась как «политика срединной линии», которая была нацелена на осторожный компромисс факторов власти при равновесии противоположных социальных групп в самой партии. Самым характерным в политике партии Центра всегда была ее подвижность и способность маневрировать. Ее лидер В. Маркс возглавлял ряд буржуазных правительств, и период стабилизации больше связан с его именем. Возглавляя партию с января 1922 г., Маркс был сторонником республики, зарекомендовал себя деловым человеком и умеренным политиком, склонным к компромиссам. Он был хорошим оратором, порядочным человеком, умел маневрировать,

и свою задачу и задачу партии Центра видел в посредничестве между правыми и левыми. Весной 1925 г. Маркс выдвигался кандидатом в президенты республики, но потерпел неудачу.

Его соперником во втором туре выборов был монархист, фельдмаршал П. фон Гинденбург, одержавший победу и ставший президентом демократической республики. Он питал глубокую неприязнь к демократии, демократическим партиям, социал-демократии, буржуазно-парламентской системе и был давним кумиром Брюнинга. Избрание Гинденбурга президентом означало усиление позиций консервативных, антидемократических сил. Правые и военные торжествовали победу. Для рейхсвера и крупных помещиков огромное значение имел тот факт, что они впредь имели непосредственный доступ к первому лицу в государстве, которому в кризисные времена выпала роль подлинного повелителя⁴. Республиканская общественность восприняла победу Гинденбурга с большой тревогой. Избрание фельдмаршала было скорее выражением желания национального величия и твердого руководства – потребность, которую не могла удовлетворить парламентская Веймарская демократия.

В судьбе Брюнинга имя Гинденбурга связано со взлетом и падением его как канцлера. В мемуарах он пишет, что избрание Гинденбурга президентом дало ему «радостную уверенность», что тот будет поддерживать «консервативный режим» и наступит продолжительная консервативная эпоха⁵. К разочарованию Брюнинга и национал-консервативных кругов, эти надежды в первые годы президентства Гинденбурга сбылись не в достаточной мере. Только в 1929 г. у Генриха вновь появилась уверенность, когда Гинденбург решил покончить с «парламентским маразмом»⁶. Вину за частую смену правительств и политическую неустойчивость в годы относительной стабилизации Генрих возлагал на рейхстаг и политические партии, слагая ответственность с рейхс-президента и бюрократии. По его утверждению, с 1926 г. начался кризис в руководстве имперской политикой, кризис финансовый и политический, переросший в государственный кризис⁷.

В том же 1926 г. Брюнинг опубликовал статью в газете «Юный Центр» под названием «Вождь и его свита в современной демократии». Она показательна во многих отношениях, и в ней наглядно просматриваются взгляды Генриха по ряду важных во-

просов того времени. В начале статьи он указывает на критическое положение европейской демократии, которая поставлена под угрозу политическими экстремистами. Политический кризис Европы может произойти не просто через превозношение демократических идей, а потому, что число тех, кто старается их успешно дискредитировать, увеличивается⁸. Генрих считал непригодным средством преодолеть эту «типично революционную эпоху» с помощью «демократических идей, исходящих от либеральных партий и провозгласивших изначально индивидуализм». Существующее политическое положение, продолжал он, отвергается поколением участников войны как «нестерпимое», потому что ничего не делается с демократией, по крайней мере, с демократией в христианском смысле. Это поколение выступает также против «неискренности этой политической жизни».

Исходя из этого, Генрих относил участие в Первой мировой войне к «аристократическому переживанию». Из участников войны рекрутируется в «простом человеческом и душевном смысле элита»⁹. Эта элита, поколение фронтовиков, находится внутри отдельных политических группировок и представляет объединение, которое держится благодаря вере в такие свойства характера, как «самопожертвование и самодисциплина». Как писал Брюнинг, эта «вера» служит фундаментом для политического возрождения и единственно возможной предпосылкой для нового, добровольного чувства уважения к вождю. Чтобы добиться своей цели, «политический вождь» нуждается в свите, которую объединяет с ним одинаковое мировоззрение и характер организации. Объединение должно признать, что политический лидер должен быть плотью и кровью этой свиты. Спасение Германии и Европы, полагал Генрих, произойдет от желания «в братской общности в любое время проявлять высочайшее самопожертвование». Этот «дух» основан на развитии «общности и тесных доверительных отношений между вождем и свитой». Он писал, что политическим деятелям должны быть присущи «искренность и правдивость», и они должны быть готовы в высшей степени к самовыражению и самопожертвованию в интересах целого.

Брюнинг, судя по его суждениям, считал либеральную демократию непригодной для решения проблем второй половины 20-х годов. Его антилиберальные взгляды конкретизировались в

его презрении к «индивидуализму». Ему он противопоставлял «идеи 1914 г.» и «народного сообщества». «Вера, доверительные отношения и добровольное чувство уважения» должны объединять свиту и ее вождя¹⁰. Представления Брюнинга о государственном авторитете и государственном руководстве соответствовали скорее тем кабинетным политикам XVIII и XIX вв., которые включали «массы» как фактор в свои политические рассуждения, чем тем, которые действовали в эпоху «массовой демократии»¹¹. Поддержку своей политической системе, которую он в 1920 и 1926 гг. поочередно восхвалял как «истинную» или «христианскую демократию», Брюнинг обрел не в сообществе свободных и равноправных граждан, а в «элите» участников Первой мировой войны. Последние, привыкшие к военной иерархии, смогли беспроблемно интегрировать в «органическую демократию».

В самой партии Центра обозначились сильные правые тенденции, выразившиеся в стремлении тесного союза с консервативной Немецкой национальной народной партией. В результате в конце января 1927 г. был создан с участием этой партии правобуржуазный блок во главе с В. Марксом. Брюнинг и прелат Каас энергично выступали за сотрудничество партии Центра с НННП на правительственном уровне. Они и их единомышленники добились своего. В этом правительстве деятели Национальной партии заняли ряд ведущих постов, включая пост вице-канцлера. Это были те политики справа: граф Вестарп, Тревиранус, Шиле, Ламбах, – которые позже окажут Генриху свою поддержку в продвижении его в канцлерское кресло и в деятельности его как канцлера. Особенно тесные связи Брюнинг устанавливает с бывшим морским офицером, влиятельным политиком НННП Г. Тревиранусом.

Между тем в кабинете Маркса, рейхстаге, между партиями и внутри партий осенью 1927 г. разгорелась жесткая борьба по проекту повышения жалованья чиновникам и госслужащим. Христианские профсоюзы выступили против повышения. Маркс, министр финансов, инициатор проекта Г. Кёлер настаивали на необходимости реформы жалованья чиновникам. Деятели партии Центра Г. Имбуш, Ф. Дессауэр и Г. Брюнинг выступили с критикой проекта и против его принятия. 15 декабря 1927 г. на заседании рейхстага фракции Центра не удалось достигнуть единого

мнения. Она фактически раскололась. Из 69 депутатов «за» проголосовало 48, один против, 13 депутатов воздержались, среди них были Штегервальд и Брюнинг, 7 человек не участвовали в голосовании. В феврале 1928 г. правобуржуазный блок Маркса распался из-за разногласий по школьной реформе. По мнению Беккера, развал этого блока означал поражение народно-консервативной группы в «национальной оппозиции». Следовательно, была одновременно предрешена и судьба будущего канцлерства Брюнинга. Тем самым фундаментальный внутривнутриполитический поворотный пункт в развитии Веймарской республики произошел не в период краха «большой коалиции» в конце марта 1930 г., а в 1927/28 гг.¹²

31 марта 1928 г. рейхстаг был распущен, а новые выборы назначены на 20 мая. Избирательная кампания прошла для Брюнинга успешно. Он избирается одновременно депутатом рейхстага и прусского ландтага. Ему было поручено выполнение двух задач: добиться согласия на заключение договора Пруссии с евангелической и католической церквями, если возможно, одновременно. Отношения между государством и церковью, полностью нарушенные в результате революции, должны быть законодательно урегулированы. Как депутат прусского ландтага, Генрих намеревался устранить серьезные разногласия между фракциями партии Центра в ландтаге и рейхстаге. Депутаты прусского ландтага порой создавали большие трудности имперскому правительству. В 1929 г. Ватикан заключил конкордат с Пруссией.

Немалую роль в политическом подъеме Брюнинга в те годы сыграл крайне консервативный деятель партии Центра прелат Л. Каас, прожженный политикан. На Кёльнском съезде партии (декабрь 1928 г.) он был избран ее председателем, заняв таким образом высший пост в партийной иерархии – в сочетании с руководящей ролью в духовной иерархии Трирского диоцеза. Его соперниками на эту должность были А. Штегервальд и И. Иоос. В ходе ожесточенной внутривнутрипартийной борьбы победил прелат. Избрание католического священника лидером Центра было с одобрением встречено многими консервативными деятелями партии. За него голосовали Г. Кёлер, Ф. Папен, К. Аденауэр. В его избрании определенную роль сыграл Папский престол, с ко-

торым Каас был тесно связан. В Ватикане он пользовался большим авторитетом. Прелат являлся другом папского нунция в Германии Э. Пачелли. В 1929 г. он громогласно одобрил конкордат между Ватиканом и фашистской Италией. Теперь через Кааса Ватикан стал оказывать большее влияние на принципиальные решения германской политики. В послевоенной истории партии Центра избрание прелата Кааса означало сильнейший перелом. Впервые в ходе своей истории партия Центра доверила руководство священнику. На рубеже 1928/29 гг. в политическом католицизме наглядно обозначился резкий поворот вправо, в партии одержало верх консервативно-клерикальное направление. Против Кааса решительно выступал И. Вирт, экс-канцлер, представитель левого крыла партии. Каас не делал секрета от общественности из своей склонности к авторитарному управлению государством и к «вождизму высокого стиля». В своих речах и статьях он обосновывал необходимость авторитарного государства, во главе которого должен стоять «вождь». Подобные откровения свидетельствовали о скрытом отклонении парламентской партийной системы. Правящая СДПГ получила в его лице ярого противника.

Важно отметить, что в первые ряды партии выдвинулся не только Каас, но и Брюнинг. Прелат поставил условие, что он примет пост председателя только в том случае, если в ближайшие помощники ему будет дан Брюнинг. Каас просил Генриха стать его личным заместителем, тот согласился, взяв на себя практически партийное руководство, за исключением вопросов культуры. В партии он стал рассматриваться в роли ее негласного лидера. Каас не любил заниматься ежедневной организационной и агитационной работой партии. Прелат сказал как-то про Брюнинга: «Я систематически выдвигал его в первые ряды, потому что у него имеется синтез мысли и действия, который редко встречается у государственных мужей, разве только у античных героев».¹³ Так, Каас и Брюнинг стали оказывать решающее влияние на политику партии, которая следовала в направлении сильного авторитарного развития, государства с сильными авторитарными чертами. Этот «новый курс» в последующие годы республики связан с итогами Кёльнского съезда. Лидеры, которые были поставлены во главе партии, определяли ее курс вплоть до роспуска партии Центра летом 1933 г.

Вскоре новое руководство партии заняло жесткую позицию в правительстве «большой коалиции», возглавляемом социал-демократом Г. Мюллером. Оно было сформировано в июне 1928 г. в результате серьезной победы СДПГ на майских выборах 1928 г. в рейхстаг. В него вошли представители СДПГ, партии Центра, Немецкой демократической партии (НДП) и Немецкой народной партии (ННП). В начале 1929 г. партия Центра потребовала три места в кабинете Мюллера. Ее лидеры угрожали, что если их условия не будут выполнены, то они отзовут единственного министра Т. Герарда из правительства. Инициатором этого политического демарша был Брюнинг. Он заявил, что партия Центра должна показать свою силу¹⁴. Поскольку требование Центра не было выполнено, Герард вышел из правительства. Особенно на этом настаивал Брюнинг. В апреле 1929 г. правительство Мюллера было преобразовано. Центр добился своего, в него вошли три его представителя.

Основой коалиции партии Центра, СДПГ, НДП и ННП послужила конференция экспертов в Париже по репарационному вопросу, открывшаяся 9 февраля 1929 г. Председателем комитета экспертов был избран американский финансист О. Юнг. Работа комитета продолжалась четыре месяца и закончилась 7 июня 1929 г. принятием нового репарационного плана (плана Юнга)¹⁵. Он был выгоден Германии и давал существенные преимущества по сравнению с существующим планом Дауэса, приносил серьезное финансовое облегчение. Республика получала полный финансовый суверенитет, снижалось бремя репараций, вмешательство стран-победительниц в репарационный вопрос было сведено до минимума. План Юнга открыл путь к эвакуации иностранных войск из Рейнской области, к тому же оставалась возможность для его ревизии. На первой Гаагской международной конференции (август 1929 г.) германская делегация добилась крупного успеха. Рейнская зона должна была быть очищена от оккупационных войск на пять лет раньше, чем было предусмотрено Версальским мирным договором, а именно до 30 июня 1930 г. Кстати, Брюнинг был направлен партией на эту конференцию в помощь Й. Вирту и пытался оказать давление на него в сторону ужесточения позиции германской делегации¹⁶. Генрих протестовал против французских требований о создании постоянных кон-

трольных комиссий. Он выдвинул предположение, получившее одобрение правления фракции, своевременно начать переговоры с правительством и особенно министерством финансов о подготовке проведения в жизнь плана Юнга и нового бюджета¹⁷. К тому же Брюнинг требовал, чтобы реформа о страховании по безработице была принята раньше, чем план Юнга. Показательно, что политики партии Центра рассматривали план Юнга не как окончательное решение репарационного вопроса, а только как этап на пути к нему. Они не исключали возможность его скорейшей ревизии. План Юнга, говорил Брюнинг, не является соглашением равных партнеров. Он есть «диктат», и мы «вынуждены подчиниться этому диктату»¹⁸. Действительно, план Юнга никто в Германии, а не только политики Центра, не рассматривал как окончательное и полное решение репарационного вопроса. Это только «этап», который вскоре должен быть пройден. Между тем рейхспрезидент Гинденбург считал план Юнга политически прогрессивным, а крайне правые силы, включая НННП и нацистскую партию, наоборот, проклинали этот план, считали его неприемлемым и организовали мощную националистическую, антиверсальскую, антиреспубликанскую и антидемократическую кампанию. План Юнга вызвал консолидацию консервативных и реакционных сил Германии. В стране была развязана травля представителей, подписавших план Юнга, а также сторонников республики. Созданный ими «Имперский комитет по проведению народного опроса» против плана Юнга был по сути дела первой формой той коалиции, которая три с половиной года спустя погубила республику.

Вопросы, связанные с планом Юнга и результатами первой Гаагской конференции, обсуждались на специальном заседании фракции и правления партии Центра 14 сентября 1929 г. в Кобленце. Брюнинг в своей речи выразил сомнение относительно выполнения плана Юнга, если в ближайшие годы не последует достаточный ввоз капитала. Он говорил о необходимости проведения строгой политики экономии в государстве, землях и общинах¹⁹. В этой связи Генрих ратовал за введение более чем на 100 млн. марок косвенных налогов на пиво и табак. Он считал, что при проведении плана Юнга неизбежен экономический кризис, так же как при сохранении плана Дауэса. Й. Вирт возражал и

не соглашался с мнением Брюнинга и настаивал, чтобы фракция как можно скорее решила вопрос – принять или отклонить план Юнга. Каас практически поддержал Вирта, хотя рекомендовал воздержаться пока от вынесения окончательного решения²⁰. В 1929 г. Брюнинг был обременен обязанностями редактора газеты «Der Deutschen» («Немцы»), однако это не мешало ему зорко следить за финансовой и налоговой политикой правительства.

5 декабря 1929 г. Брюнинг был единодушно избран председателем парламентской фракции Центра. Как председатель фракции он был обязан отказаться от своей деятельности в профдвижении, а с другой стороны, этот карьерный рост еще больше усилил его позиции и влияние, поднял авторитет в партии. Он мог теперь действовать более независимо и самостоятельно в случае непослушания парламента, больше считаться с политикой рейхспрезидента и рейхсвера. Должность председателя парламентской фракции оказалась для Генриха коротким промежутком на пути к канцлерству. В общественности его избрание едва ли произвело сенсацию. Оно рассматривалось как нормальное парламентское событие. В леволиберальной прессе Брюнинг был охарактеризован как «младоконсерватор». Депутатов партии Центра радовал тот факт, что с помощью Брюнинга можно будет найти компромисс с рейхсвером при принятии военного бюджета. Генрих пользовался симпатией военного министра В. Грёнера и генерал-майора К. Шлейхера, занимавшего с апреля 1929 г. должность руководителя управления в военном министерстве в ранге статс-секретаря.

На олимп исполнительной власти Брюнинга продвигали люди консервативных взглядов. Его суждения совпадали с их мнением. Взгляды Брюнинга импонировали консервативному направлению в политике. С весны 1929 г. Генрих стал серьезно рассматриваться влиятельными кругами рейхсвера и консервативными политиками как основной кандидат в канцлеры. Почти в течение года шли закулисные встречи, переговоры, беседы, искали приемлемого кандидата. Главным переговорщиком и закулисным интриганом был генерал К. Шлейхер. Он был тем человеком, к которому вели нити закулисных комбинаций, осуществлявшихся на протяжении 1929 и начала 1930 гг. Шлейхер совместно с Тревиранусом «работали» с целью смены прави-

тельства Г. Мюллера и изменения его характера. В качестве главного исполнителя программы рейхспрезидента, когда другие кандидатуры отпали по той или иной причине, был выбран Брюнинг. Шлейхер рекомендовал рейхспрезиденту Генриха как кандидата в канцлеры следующими словами: «Ваше превосходительство примите человека, который носит Железный крест 1-го класса даже на своем штатском костюме». Как известно, на штатском костюме обычно носили розетку ордена.

Вскоре после пасхи 1929 г. Брюнинг встретился с генералом Шлейхером на его квартире. Встреча эта была длительной, и в ней были затронуты вопросы, касающиеся судьбы страны. Любопытный факт, разговор шел между двумя будущими канцлерами Германии, от их планов и намерений в какой-то мере зависела судьба республики. Беседа началась с того, что Шлейхер упрекнул Генриха за то, что он с 1923 г. не поддерживает отношения с рейхсвером. Между тем ситуация изменилась. Рейхспрезидент видит опасность в том, что вся внутренняя и внешняя политика сползает в болото. Он, Гинденбург, решил вместе с рейхсвером и молодыми силами в парламенте привести дела перед своей смертью в порядок. Генрих спросил, намерен ли президент сделать это с парламентом или без него. Генерал ответил: «Президент не будет нарушать конституцию, но он в соответствующий момент пошлет депутатов парламента по домам и в это время при помощи статьи 48 приведет дела в порядок»²¹. На вопрос Брюнинга, сколько времени необходимо для проведения реформ, генерал ответил: «Ну, в течение шести месяцев должно это произойти». Брюнинг, по его утверждению, пытался объяснить Шлейхеру, что ввиду ситуации вокруг плана Юнга не следует выступать с такой идеей перед предстоящим освобождением Рейнской области. Когда генерал затронул вопрос о монархии, Генрих заявил, что нынешнее правительство должно будет в ближайшем будущем принять крайне непопулярные финансово-экономические и социально-политические меры, которые не должны обременять монархию.

Он считал, что необходимые реформы в финансовой области надо осуществлять постепенно, теперешним большинством, до освобождения Рейнской области. Нужно заставить социал-демократию по меньшей мере относиться терпимо к такой ситуа-

ции, как в Венгрии. Шлейхер на это воскликнул: «Фантастика. Это же моя идея. Мюллер больной, но сказочно порядочный и патриотический человек»²². Брюнинг продолжал: «Тогда мы согласны в том, чтобы ни при каких обстоятельствах не вводить монархию в борьбе против масс квалифицированных рабочих. Монархия должна стоять в конце реформ. Статью 48 не следует использовать для изменения конституции. Шлейхер возразил, что они зашли далеко. Фельдмаршал не желает умереть без решения этого вопроса. В министерстве рейхсвера пришли к мнению, которое подтверждает, что использование в дальнейшей практике статьи 48 может привести к изменению конституции. Генрих не согласился с ним в этом пункте, но благожелательно обещал изучить разработанное в военном министерстве «Заключение» о возможности «обхода» конституции при помощи «лояльной» президиальной власти. Брюнинг считал тогда применение статьи 48 в течение длительного времени нежелательным. С ее помощью можно решать дела самое большее один год. Он просил Шлейхера использовать его влияние и осуществить реформы с парламентом. Только когда рейхстаг привыкнет к этому, как теперь впервые произошло с новым бюджетом, и когда созреет время, провести последнюю большую реформу при помощи статьи 48²³. У Брюнинга сложилось убеждение, что Шлейхер толкает президента на опасный путь и что нужно сделать все возможное, чтобы рейхстаг сам осуществил реформу.

Из этой беседы Брюнинг узнал о стремлении изменить Веймарскую конституцию на основании статьи 48, но в противоположность генералу имел свое мнение, что реформу политической системы, которую он считал также необходимой, нужно попытаться провести в последние часы парламентскими методами. Из этого разговора вытекает также вывод, что уже с весны 1929 г. вынашивались планы, опиравшиеся на статью 48 и сильные позиции президента, привести к ограничению законодательной власти и созданию авторитарного правительства. Шлейхер горячо поддерживал план «независимого президиального правительства». При этом из такого правительства исключалась бы СДПГ, устанавливалась «конституционная диктатура», которой не требовалось большинства в рейхстаге.

Возглавив парламентскую фракцию Центра, Брюнинг обнаружил незаурядные способности и гибкость в закулисных переговорах. Он играл активную роль. В это время помимо Шлейхера ему оказывали протекцию статс-секретарь президента О. Мейсснер, депутат рейхстага Тревиранус. Они задавали тон в президентском дворце. В декабре 1929 г. с их помощью была организована встреча Брюнинга с Гинденбургом. Президент приветствовал его словами: «А, вот он, тот, кого я ищу» и затем «весьма демонстративно» настоял на разговоре с глазу на глаз. В ходе 20-минутной беседы Генриху стало ясно, что его ввели в заблуждение: Шлейхер не хотел сам быть канцлером, но имел в виду прежде всего его, Брюнинга²⁴. Поэтому Генрих постарался донести до президента свое мнение. Кабинет Мюллера должен остаться, но одновременно начать необходимые реформы. Он обвинил Национальную партию и ее лидера А. Гугенберга в том, что партия Центра вынуждена идти вместе с СДПГ. Большинство фракции, в которой значительное влияние получило поколение, прошедшее войну, выступает за сотрудничество с правыми. Но Гугенберг сделал это невозможным. Поэтому нынешний кабинет мы лояльно поддерживаем. Гинденбург со слезами на глазах жаловался Брюнингу: «Все меня в жизни покинули. Вы должны мне обещать, что вместе со своей партией не бросите меня под конец жизни на произвол судьбы»²⁵. Генрих признавался в своих верноподданнических чувствах. Он пишет: «О нем у меня сложилось впечатление заброшенности, почти безнадежности. Я не мог отрицать, что внезапно нахлынуло чувство глубокого сострадания, беспокойства, что рано или поздно на мои плечи упадет уже пошатнувшаяся стена». Брюнинг попросил президента в решающие моменты докладывать ему о положении, как оно видится Генриху. Гинденбург с детской радостью ответил: «Итак, вы меня не покинете, будь, что будет. Бог защитит вас»²⁶.

Через несколько дней Брюнинга посетил Тревиранус и сказал ему, что должен внести окончательную ясность. Грёнер желает поговорить с ним о политическом положении. Вечером на второй день рождества 1929 г. Тревиранус по инициативе Шлейхера и по договоренности с Грёнером организовал на частной квартире Виллизена встечу с Брюнингом. В ней участвовали также статс-секретарь президента О. Мейсснер и другие политики и чи-

новники. В центре оживленной беседы был вопрос о кабинете Мюллера. Шлейхер и Мейсснер дали понять Генриху, что президент после принятия плана Юнга ни при каких условиях не желает еще раз оставить правительство Мюллера и он ожидает, что Брюнинг не откажется от его призыва²⁷. Генрих считал, что кабинет «большой коалиции» должен остаться до осени 1930 г. Шлейхер был убежден, что должно быть образовано президиальное правительство, которое будет править при помощи статьи 48. Мейсснер добавил, что ему не удастся убедить президента в понимании позиции Генриха. Канцлер Мюллер будет свергнут, а его наследник получит полномочия на основании статьи 48. Грёнер напомнил, что он имеет решающее влияние на президента и знает, что Гинденбург до конца будет стоять за кандидатуру Брюнинга²⁸. Генрих был согласен со Шлейхером в том, что политический кризис вызван партиями. Как парламентарий, он, как и генерал Шлейхер, думает больше о «реформе» партийной системы. Итак, после принятия плана Юнга Гинденбург был намерен уволить в отставку кабинет Мюллера. Он больше не хотел сотрудничать с социал-демократией, на что не в последнюю очередь оказал влияние Шлейхер.

Действительно, в декабре 1929 г. по правительству «большой коалиции» был нанесен сильный удар. Из-за финансовых трудностей оно оказалось на грани развала. Падения кабинета удалось избежать, поскольку в рейхстаге предстояло утверждение плана Юнга. Однако вслед за этим Народная партия потребовала отставки министра финансов социал-демократа Р. Гильфердинга, инициатора финансовой программы. Руководство этой партии решило, что после принятия плана Юнга СДПГ должна будет выйти из правительства. Начавшийся мировой экономический кризис отразился на ее политике. Лидеры ННП и стоявшие за этой партией круги финансового капитала стремились теперь взорвать кабинет Г. Мюллера, устранить СДПГ из правительства и развязать себе руки во внутриполитических делах²⁹. С этой целью руководство ННП установило контакт с Брюнингом, Тревиранусом, председателем крайне консервативного союза землевладельцев «Ландбунд» М. Шиле. Новый председатель Народной партии, после смерти Г. Штреземана, Э. Шольц был противником

сотрудничества с социал-демократами, стремился «взорвать» кабинет Мюллера, устранить СДПГ из правительства.

В первые три месяца 1930 г. происходила решающая борьба внутри «большой коалиции». Эта борьба обострилась также в лагере самой буржуазии, принимая резкие формы и сопровождаясь ростом интриг, закулисных манипуляций и сделок. Необходимо было принять в рейхстаге план Юнга, окончательно утвержденный на второй Гаагской конференции (3–20 января 1930 г.), оформить финансовую и налоговую политику. Брюнинг, как лидер парламентской фракции, выдвинул два по существу независимых друг от друга предложения: немедленное оздоровление касс и принятие плана Юнга в рейхстаге³⁰. План Юнга, говорил он, только тогда будет одобрен в рейхстаге Центром, если заранее будет внесена ясность в проблему оздоровления финансов. Принятие плана Юнга и оздоровление финансов ставились в прямую политическую связь. Эта «политика взаимосвязи» чрезвычайно обострила политическое положение и определила в следующие недели ход событий. Прелат Каас и правление фракции поддержали Брюнинга.

Конкретные цели, которые преследовала партия Центра, Генрих разъяснил 1 февраля 1930 г., во время встречи с лидером парламентской фракции СДПГ Р. Брайтшайдом. По его утверждению, речь шла о том, чтобы в интересах восстановления кредитоспособности рейха и земель перед принятием плана Юнга проявить добрую волю к оздоровлению финансов. Центр предполагает повышение налога с оборота и на пиво и далее – урегулирование вопроса о страховании по безработице³¹. Позиция Центра безусловно не могла не вызвать раздражения среди членов правительства. Брюнинг проявлял твердость и настойчивость в проведении линии партии и своих требований. 10 февраля правление фракции Центра потребовало от канцлера Мюллера: а) скорейшего принятия кабинетом бюджета на 1930 г.; б) соглашения партий о размере общего расхода; в) решения вопроса о страховании по безработице; г) разработки законопроекта по оздоровлению кассового положения³². Кроме того, по заявлению Брюнинга, Центр стремился также удержать правительственные партии для будущей «парламентской работы» и «по возможности предотвратить любую опасность падения коалиции»³³.

На первый взгляд может создаться впечатление, что Генрих не являлся противником «большой коалиции». Между тем за кулисами готовилось свержение кабинета Мюллера. Брюнинг был в курсе всех интриг, которые плелись против правительства, и сам был активным участником. В парламенте он настойчиво требовал провести оздоровление финансов в качестве условия принятия плана Юнга. Оздоровление финансов было тесно связано с решением вопроса о страховании по безработице. Позиция партии Центра угрожала вызвать правительственный кризис. Решение о принятии плана Юнга все более зависело от Центра. Хотя его политики понимали, что отклонение «нового плана» весной 1930 г. ввиду плохого экономического положения исключалось.

В этой ситуации 1 марта 1930 г. рейхспрезидент Гинденбург снова принял Брюнинга. Во время «строго доверительной беседы» были затронуты три вопроса: 1) значение оздоровления финансов; 2) необходимость «укрепления» ныне существующего правительства; 3) невозможность преобразования правительства в Пруссии – требование, выдвигаемое Народной партией. На вопрос президента, придерживается ли партия Центра требования о принятии финансового закона по оздоровлению касс до одобрения плана Юнга, Брюнинг ответил, что уступка со стороны Центра приведет к длительному кризису и неопределенным осложнениям. Гинденбург выразил свое недовольство позицией партии Центра по отношению к плану Юнга и потребовал его принятия с тем, чтобы затем другое правительство немедленно взялось за реформы. Брюнинг возразил, что данная коалиция может пока продержаться, и после принятия рейхстагом плана Юнга она должна провести ряд социальных, экономических и финансовых реформ³⁴. Проведение этих реформ без социал-демократии приведет к сильному политическому потрясению, и весьма сомнительно, удастся ли получить большинство без СДПГ по этим вопросам. Брюнинг в конце беседы еще раз подчеркнул, что партия Центра требует финансовой реформы и единодушна в том, что нынешняя коалиция на некоторое время должна еще сохраниться. Итак, лидер Центра, как казалось, был заинтересован «по возможности сохранить» правительство Мюллера. Но наряду с этим Брюнинг намекнул Гинденбургу, что его фракция не останется глухой к призыву рейхспрезидента, если «нынешняя коалиция»

окажется неспособной проводить реформы, указанные Центром и Гинденбургом³⁵. Это заявление Брюнинга было с удовлетворением принято рейхспрезидентом и его окружением.

Брюнинг высказал также сомнение относительно возможности сотрудничества с Национальной партией, пока во главе ее стоит Гугенберг, хотя он (Брюнинг) стремится к согласованным действиям с националистами. Генрих считал Гугенберга главным виновником тяжелых внутрипартийных разногласий. Лидер фракции Центра отклонил требование ННП об изменении коалиции в Пруссии, о ее расширении и отверг перспективу включения Народной партии в прусское правительство³⁶. О своем разговоре с президентом Брюнинг сообщил 1 марта по телефону статс-секретарю рейхсканцелярии Пюндеру. Брюнинг напомнил при этом, что накануне визита к Гинденбургу он встретился и имел длительный разговор с министром финансов Мольденгауэром. Тот информировал Брюнинга о планах Народной партии «взорвать» кабинет Г. Мюллера, образовать правительство меньшинства без социал-демократов, а в перспективе – создать «новую государственную партию» под руководством Лютера³⁷. Причем Брюнинг сообщал Пюндеру доверительно, совершенно секретно, интригуя против ННП.

Через 10 дней Брюнинг вновь встретился с имперским президентом. В период между этими встречами в министерстве рейхсвера речь шла о будущих «гарантиях президента» и о том, что на месте правительства Мюллера должен быть образован новый кабинет на «надпартийной основе» под руководством Брюнинга или правого деятеля Народной партии Шольца³⁸. В то же время руководство партии Центра вело переговоры с лидерами СДПГ и канцлером, добиваясь реализации своих требований. Социал-демократы высказывали опасения в отношении «политики взаимосвязи» деятелей Центра. Народная партия настаивала прежде всего на принятии плана Юнга, а затем уж – на проведении финансовых реформ. Во время второго чтения законопроекта 6 – 8 марта 1930 г. в рейхстаге фракция Центра также отказалась голосовать за план Юнга. Наконец, правление фракции Центра обсудило 10 марта возможность преобразования коалиции³⁹. Было высказано мнение об образовании новой правительственной коалиции без участия в ней Народной партии, руководство которой,

как известно, решило после одобрения рейхстагом плана Юнга расторгнуть коалицию с СДПГ. Поэтому ННП не хотела накануне принятия нового репарационного плана связать себя какими-либо обязательствами в отношении финансовой политики. Это противоречило линии партии Центра. В ней росло недовольство позицией ННП. Члены правления фракции не были уверены в том, что канцлер Мюллер одобрит отстранение ННП. Во время этой дискуссии Брюнинг был приглашен Пюндером для беседы с имперским президентом, которая состоялась 11 марта.

Гинденбург откровенно заявил, что без поддержки Центра законопроект о плане Юнга не может быть принят. Президент положительно отнесся к заявлению Брюнинга о том, что партия Центра «из чувства ответственности за родину» должна иметь гарантии проведения финансовой реформы. После этого он обещал поддержку фракцией Центра плана Юнга. Гинденбург заверил будущего канцлера, что он применит все «конституционные средства», чтобы осуществить в короткий срок урегулирование финансового вопроса. Президент дал Брюнингу также обещание применить статью 48 конституции в том случае, если политические партии не придут к соглашению⁴⁰. Результат переговоров Брюнинга с президентом расценивался как «большой успех партии Центра». 11 марта на совещании лидеров парламентских фракций: социал-демократической, Демократической партии, Народной партии, Баварской народной партии и партии Центра – было достигнуто принципиальное соглашение о проведении финансовой реформы. Так был устранен спорный вопрос о связи между планом Юнга и оздоровлением финансов. Вслед за этим большинство депутатов партии Центра высказалось за одобрение плана Юнга. Голосование последовало 12 марта 1930 г., и «новый план» был принят рейхстагом. Выступая в этот день в парламенте, Брюнинг заявил, что его партия «незамедлительно вызовет политические последствия, если не будет осуществлена в скором времени финансовая реформа». План Юнга он вновь характеризовал как «диктат»⁴¹. Вообще Генрих считал, что экономический кризис при проведении плана Юнга неизбежен, как и при реализации плана Дауэса. Он также полагал, что нужно повысить кредитоспособность рейха и земель, т.к. без дальнейшего иностранного кредита план Юнга невыполним.

После принятия плана Юнга дни кабинета Мюллера были сочтены, буржуазные партии умножили свои усилия по устранению социал-демократов из коалиционного правительства. Руководство рейхсвера уже давно было заинтересовано вытеснить СДПГ из кабинета. Поводом послужили острые разногласия по вопросу страхования безработных. Народная партия настаивала на сокращении пособий по безработице путем уменьшения той части взносов, которая выплачивалась государством и предпринимателями. СДПГ, наоборот, требовала повышения взносов до $3\frac{3}{4}\%$, а затем – до 4%. Министр труда, социал-демократ Р. Виссель и профсоюзы рассматривали страхование по безработице как краеугольный камень социальной политики. Такая твердая позиция поддерживалась левым крылом партии. Посредническую роль между СДПГ и ННП взял на себя Брюнинг. 27 марта он внес «компромиссное предложение» по вопросу о страховании безработных. Взнос в фонд безработных составлял 3,5% , и это могло казаться идеальной золотой серединой, которую могли принять и конфликтующие партнеры. Другие предложения касались государственных дотаций для учреждений социального страхования в размере 150 млн. рейхсмарок и в случае необходимости предоставления кредита. Брюнинг надеялся на успех своего предложения. Против «компромисса» выступили, прежде всего, представители профсоюзов и министр труда Виссель, в свою очередь канцлер Мюллер и другие члены кабинета от СДПГ относились к той небольшой группе, которая склонялась к принятию компромисса Брюнинга.

Следует признать, компромисс был сформулирован так, что его приняли партия Центра, ННП и НДП. Генрих обратился за поддержкой к генералу Грёнеру и просил его помочь принять «компромиссное предложение». Военный министр обещал оказать помощь, но выразил опасение, что план Брюнинга на этот раз может провалиться. Однако руководство СДПГ считало, что возглавляемое ими правительство сделало достаточно уступок и отвергло «компромисс Брюнинга». Партия Центра и ННП увидели в таком решении СДПГ повод к разрыву коалиции, взяв на себя большую ответственность. В тот же день кабинет Мюллера ушел в отставку. Генрих прокомментировал отставку правительства словами: «Центр не виновен в крушении кабинета»⁴². Позже,

будучи канцлером, Брюнинг отвергал любую ответственность за крах «большой коалиции», а в партии Центра ее распад возложили на социал-демократов. СДПГ в случае согласия с «компромиссом Брюнинга» могла задержать развал «большой коалиции» самое большое до осени 1930 г. Ввиду курса на конфронтацию правых сил и растущих правых тенденций в партии Центра шансов у «большой коалиции» оставалось мало. Основной политический компромисс Веймарской республики, констатирует Лонгсрих, соглашение между умеренными социал-демократами и буржуазией, в 1930 г. окончательно исчерпал себя⁴³.

И все же лидеры Центра с удовлетворением восприняли смену правительства. На страницах печати партии и в партийных организациях все настойчивее раздавались голоса с требованием применить статью 48, проводить «сильную государственную политику» в парламенте и, если нужно, то и против парламента, а политика СДПГ подверглась систематическим нападкам. Руководство Центра благожелательно отнеслось к намерению Гинденбурга и его окружения сформировать новое правительство на «надпартийной основе». Авторитарные воззрения в Центре имели широкое распространение и связывалось прежде всего с личностью Брюнинга. В партии стал насаждаться его культ. Генрих уже в то время пришел к выводу, что «рейхстаг не способен к положительной работе». За десять дней до отставки кабинета Мюллера Брюнинг встретился с Тревиранусом. Последний встретил Брюнинга словами, что разговаривает с ним как с будущим канцлером, и просил его взять инициативу в свои руки. Правда, Генрих возразил ему, что не должен нарушать игру Шлейхера, а правительство Мюллера должно оставаться еще шесть месяцев, до осени 1930 г. В то же время, по утверждению Тревирануса, Брюнинг назвал ряд имен, которых он, в случае, если ему поручат образование нового правительства, пригласит в кабинет: Штегервальда, Грёнера, Дитриха, Раумера, Шольца, Кастля, Рейша, Ф. Шеффера и др. Без них он не согласится. Тут же Генрих сделал комплимент Тревиранусу, что видит его в должности вице-канцлера⁴⁴. Для Тревирануса, его сторонников, как и для различных политически правых групп, был актуален лозунг: «Больше власти рейхспрезиденту!».

К этому времени президент Гинденбург уже не желал сохранять социал-демократического канцлера, предоставлять ему полномочия в соответствии со ст. 48 конституции. Он был настроен на удаление СДПГ из правительства. Фельдмаршал хотел видеть на посту канцлера только Брюнинга. Ему надоело нестабильное правительство, руководимое социал-демократией. 27 марта 1930 г. Брюнинг на заседании правления фракции Центра сказал о Гинденбурге: «Он хочет навести правый порядок, и в этом ему должен помочь кабинет Брюнинга». На этом же заседании экс-канцлер Вирт выразился следующим образом: «В этой ситуации возможна только государственно-консервативная личность масштаба Брюнинга, но он должен иметь гарантию правых консервативных сил»⁴⁵. Несомненно, Брюнинг при активной поддержке руководства рейхсвера, консервативных сил, своей партии сыграл большую роль в падении «большой коалиции». Он стремился образовать правительство, заручившись президентским инструментом власти, и проводить собственную политику. Историк Ф. Хейде полагает, что план Юнга во многом отношении содействовал свержению правительства Г. Мюллера⁴⁶.

Падение кабинета Мюллера, последнего парламентского правительства Веймарской республики, означало серьезный поворот в ее истории. Его свержение подготавливалось заранее, и оно должно было повлечь за собой смену системы правления. Специалист по истории Веймарской республики Г.А. Винклер пишет, что Немецкой народной партии, камарилье вокруг президента, руководству рейхсвера, крупным промышленникам и землевладельцам надоела парламентская система. Они хотели перехода от парламентской демократии к президиальной системе, к правительству с чрезвычайными полномочиями президента на основании статьи 48⁴⁷. Переход к президиальному правительству в марте 1930 г. был не только следствием краха «большой коалиции», но и его причиной⁴⁸. С падением правительства Мюллера был нанесен сильнейший удар по парламентской демократии, началась фаза ее распада, что стало важным этапом на пути к диктатуре Гитлера. Функционирующая парламентская демократия закончилась 27 марта 1930 г.⁴⁹ После развала «большой коалиции» переход к открытой президиальной системе был только вопросом времени. Брюнинг стал ее первым канцлером.

Глава IV. Канцлер

4.1. «Кабинет фронтовиков»

Рейхспрезидент Гинденбург принял Брюнинга 28 марта 1930 г. и назначил его преемником Мюллера. Новый 44-летний канцлер получил все prerogatives власти. Он был молод и энергичен. Интеллектуал. Его кабинет должен проводить «практическую политику, независимую от коалиционных уз». Гинденбург сказал Генриху: «Вы имеете возможность полной свободы выбора лиц в качестве министров, я только прошу, чтобы Вы Грёнера оставили на посту военного министра, М. Шиле – на посту министра сельского хозяйства и привлекли Тревирануса». Присутствующий при встрече статс-секретарь президента О. Мейсснер добавил, что президент просит также оставить на посту министра Шётцеля. Гинденбург кивнул головой и произнес: «Это мой старый друг»¹. Брюнинг обещал выполнить пожелания 83-летнего рейхспрезидента. Он всегда и всюду выражал свое почтение к Гинденбургу, крепко держался за него и содействовал прославлению фельдмаршала. При образовании своего правительства Генрих также проявил покорность. Президент апеллировал не только к национальному чувству офицера запаса Брюнинга, но даже угрожал отставкой, если тот откажется принять канцлерство. Во время разговора с Гинденбургом Генрих предложил включить в правительство лидера Национальной партии А. Гугенберга, но президент категорически отклонил это предложение. Весьма примечательно, что вступление в должность рейхсканцлера Брюнинг обосновал следующей фразой: «В конце концов я не мог уклониться от призыва господина президента к моему чувству солдатского долга».

После аудиенции с Гинденбургом Брюнинг встретился с Г. Мюллером, Р. Брайтшайдом, Грёнером, Тревиранусом, Шиле, Г. Дитрихом, чтобы узнать позицию парламентских фракций рейхстага в отношении нового правительства. Он также хотел обсудить вопрос «терпимости» со стороны СДПГ и части Нацио-

нальной партии. В расчетах Брюнинга важное место отводилось группе деятелей Национальной партии, близких ему по взглядам. В декабре 1929 г. в этой партии произошел раскол, Тревиранус и его сторонники покинули партию, образовав Народно-консервативное объединение (позднее оно преобразовалось в Консервативную народную партию), ориентируясь на союз с партией Центра. Спустя некоторое время к этой группе присоединился еще целый ряд деятелей Национальной партии, включая ее прежнего лидера графа К. фон Вестарпа. Брюнинг возлагал на это объединение большие надежды, полагая, что оно сможет привлечь к себе разочарованных сторонников старых буржуазных партий.

СДПГ была готова поддержать Брюнинга, с условием, если в состав правительства не войдут Шиле и Тревиранус. Об этом 29 марта Генриху заявил лидер парламентской фракции СДПГ Р. Брайтшайд. На вопрос Брюнинга, примут ли социал-демократы его «компромиссное предложение», если он не включит Шиле и Тревирануса в новый кабинет, Брайтшайд ответил положительно. По утверждению Брюнинга, это был акт государственного понимания Брайтшайдом, согласиться на принятие компромисса, отклонение которого привело 27 марта к падению собственного канцлера. Генрих через Мейсснера сообщил президенту о «компромиссном предложении» Брайтшайда. Гинденбург отклонил любую договоренность с социал-демократами². Историк Хёмиг считает, что, возможно, Брюнинг допустил ошибку, сообщив свой разговор с Брайтшайдом президенту³. В своих заметках Брайтшайд передает суть этой встречи с Брюнингом несколько иначе. Разговор шел о будущих членах и составе правительства. Брюнинг не был искренним до конца. Многие недоговаривал. Брайтшайд высказал свое предположение, что между Брюнингом, Тревиранусом и Шиле была договоренность еще накануне свержения кабинета Мюллера. Генрих категорически отверг такое утверждение как несправедливое. Брюнинг попытался убедить Брайтшайда, что он выступал за сохранение «большой коалиции» и сделал все, чтобы воспрепятствовать ее падению. Далее Генрих указал на необходимость оздоровления кассового и финансового положения в стране. Если его кабинет не получит доверия в парламенте, остается только прибегнуть к статье 48, которую применит с большим внутренним сопротивлением. Брайтшайд сказал

Брюнингу, что со стороны СДПГ, вероятно, последует вотум недоверия. Что касается «компромиссного предложения», то социал-демократы его не одобряют⁴. Брюнинг не скрывал своего разочарования, что СДПГ не готова проявить терпимость к его правительству. Хотя Брайтшайд выражал надежду, что СДПГ и партия Центра в обозримом будущем вновь сблизятся и при возможности рассмотрят вопрос о создании новой «большой коалиции» во главе с Брюнингом.

Вообще при формировании кабинета Брюнинг встретился с трудностями, и ему пришлось преодолеть разногласия и серьезную взаимную неприязнь между политиками и будущими членами его правительства. Так, группа Г. Тревирануса не хотела, чтобы на посту министра иностранных дел оставался деятель Народной партии Ю. Курциус. Однако Брюнинг сохранил за ним этот пост, подчеркнув тем самым континуитет внешней политики. В свою очередь лидер Народной партии Шольц, которому Генрих предлагал пост министра юстиции, решительно высказывался против вступления в правительство Тревирануса.

30 марта 1930 г. кабинет Брюнинга начал управлять страной. Быстрота, с которой он был образован, доказывает, что кабинет был заранее подготовлен. Вступление в должность канцлера Брюнинг и его коллеги отметили вечером того же дня распитием бутылки знаменитого мозельского вина «Черный поросенок» («Schwarzen Ferkel»). Как уже отмечалось, канцлерство Брюнинга совпало с пиком «Великой депрессии» 1929 – 1933 гг., масштабы и продолжительность которой весной 1930 г., конечно, никто не мог предсказать. Историк Шульце высказал следующее мнение, что Брюнинг стал кандидатом в канцлеры, но момент и обстоятельства его назначения отнюдь не были удачными и вовсе не соответствовали его желанию⁵. По утверждению Аретина, когда генералы Грёнер и Шлейхер склоняли Брюнинга принять должность канцлера, Генрих знал, что он восходящее светило. Брюнинг хотел стать канцлером осенью 1930 г., но не весной 1930 г. Но он подчинился напору Шлейхера. Генрих согласился не в последнюю очередь на принятие поста канцлера потому, что Грёнер обещал ему позаботиться о том, чтобы Гинденбург поддерживал и прикрывал его политику⁶. Приведем суждения еще двух авторитетных историков. Так, Л. Фольк пишет, что напря-

женное кассовое положение рейха, репарационные обязательства, экономический кризис требовали во главе правительства финансового специалиста, а Брюнинг, образованный политэкономом, был превосходным знатоком имперского бюджета и связанных с этим вопросов⁷. Брюнинга он назвал «национально-консервативный католик как руководитель имперской политики», а один из параграфов работы Фолька звучит так: «Возведение на престол идеального временного канцлера». Интересное мнение высказал Морсей: «Брюнинг принадлежал к поколению фронтовиков и как «недоктринерский прагматик» олицетворял новый тип, который сменил поколение старых «политиков знати»⁸.

Правительство Брюнинга называли «кабинетом фронтовых солдат» — формула, которая случайно была подхвачена общественностью с ироническим оттенком. Действительно, в кабинет вошли подлинные участники Первой мировой войны, шесть министров были в свое время награждены за доблесть «Железным крестом» I степени. Во всяком случае, правительственная пропаганда воспользовалась этим, когда она апеллировала к идеализму, товариществу, к духу самопожертвования и активности населения. Внешне новый кабинет не очень отличался от предыдущего: 7 из 11 министров принадлежали к бывшему правительству «большой коалиции». И все же переход власти от Мюллера к Брюнингу воспринимался менее драматично, чем позднее, в момент захвата власти Гитлером, и утверждалось, что заменены лишь министры — социал-демократы на консервативных политиков Шиле, Тревирануса и Бредта. Правда, в него вошли и лично доверенные люди рейхспрезидента.

К назначению Брюнинга канцлером в Германии отнеслись по-разному: одни доброжелательно, другие — враждебно, третьи — восторженно. Рейхсвер, промышленные, банковские и торговые круги поддержали нового главу правительства. Один из руководителей Имперского союза германской промышленности Л. Кастль заявил, что правительство Брюнинга «наилучшее из всех возможных», и пообещал ему «любую поддержку»⁹. И действительно, Кастль неизменно оказывал помощь канцлеру, даже в самые кризисные моменты его правления. К кругу ближайших и важнейших советников Брюнинга относились: П. Зильверберг, О. Вольф, финансист Р. Пфердменгес и Г. Бюхер, генеральный

директор «АЭГ». Между Генрихом, Пфедменгесом и «АЭГ» установились тесные связи. Дружеские отношения у него были с промышленниками К. Бошом и К. Дуйсбургом. При Брюнинге монополистические союзы более активно влияли на политику правительства. Новым при его правлении стало обсуждение хозяйственной и финансовой политики канцлера с действительными властелинами Германии. Концепция ведущих представителей финансового капитала, поддерживавших Брюнинга в области внутренней политики, предусматривала прежде всего большую независимость правительства от рейхстага, расширенное использование полномочий рейхспрезидента, в особенности антидемократической статьи 48 о предоставлении президенту и правительству чрезвычайных полномочий, без отказа при этом от определенных парламентских форм. Между тем против канцлера, как якобы «слишком мягкого», выступали крайне консервативные заправилы тяжелой промышленности, такие как Тиссен, Кирдорф, Фёглер и другие, вместе со своими последователями из НННП и нацистской партии (НСДАП). Тем не менее, общественности он был представлен как убежденный католик, «лояльный демократ».

Особенно горячо приветствовали нового канцлера различные католические союзы и организации, а также христианское рабочее движение¹⁰. Христианские профсоюзы ожидали от нового правительства «поворота в немецкой политике» и преодоления веймарской «формальной демократии». По их мнению, уже сама форма образования правительства свидетельствовала о «государственно-политическом взгляде на необходимость сильного политического руководства»¹¹. Католический союз рабочих заявил, что с помощью концепции «сильного государства» будут преодолены экономические и политические трудности и спасена Веймарская республика. Для католического рабочего движения не существовало никакой другой политической альтернативы, кроме курса Брюнинга. Оно идентифицировалось с ним¹². Многие члены партии Центра расценивали назначение Брюнинга как начало «новой эры оздоровления парламентаризма»¹³. Партийная пресса с большим подъемом изливала свои чувства, выражала восхищение в связи с этим событием. Она писала о «новой эпохе» в истории Веймарской республики¹⁴. Парламентская фракция Центра

выражала канцлеру полное доверие и поддержку. Во время правления Брюнинга она стала служить ему в качестве трибуны для изложения и разъяснения своей политики. Центральное правление партии, земельные организации, прежде всего прусская организация Центра, также поддерживали канцлера.

Партией Центра, католическими союзами, прессой стал систематически создаваться культ «вождя» Брюнинга. Прославление канцлера и критика в адрес действующей до сих пор парламентской практики были выражением одного и того же явления. Лидер партии Центра Л. Каас заявлял, что в лице Брюнинга нашелся тот государственный деятель, который укажет государству и парламентаризму выход из кризиса¹⁵. Такие видные деятели партии, как Г. Шрайбер, О. Больц, Й. Иоос и А. Штегервальд выступили апологетами Брюнинга и его политики.

Социал-демократическая партия оказалась в оппозиции президентскому кабинету Брюнинга. Вновь образованное правительство преследовало не только антипарламентскую, но и антимарксистскую политику. СДПГ и ее пропаганда до середины сентября 1930 г. выступали против политического курса канцлера Брюнинга. В выступлениях деятелей этой партии и партийной прессе содержалось немало обличительных слов о его политике и острых оценок самого правительства. Утверждалось, что «у социал-демократов нет пощады для этого правительства». Газета «Форвертс» писала в начале апреля, что «Бредт, Шиле, Тревиранус не являются республиканцами, они опасны для республики»¹⁶. Пресса и политические деятели СДПГ и Центра вели друг против друга открытую политику. В свою очередь Компартия рассматривала это правительство как воплощение системы грубейшей и беспощадной эксплуатации, как правительство проведения фашистской диктатуры Брюнинга. В свое время в советской историографии канцлера Брюнинга и его кабинет представляли как один из вариантов фашизации страны. Этот вариант обозначался термином «холодная» – постепенная – фашизация¹⁷. Кстати, Гитлер рассчитывал, что Брюнинг продержится у власти недолго.

Правительство Брюнинга было составлено в основном из правонастроенных политиков. Чиновничий аппарат был его главной опорой. Однако канцлер не хотел до конца порывать нити,

связывавшие его с левыми силами. По тактическим соображениям на пост министра внутренних дел он назначил Й. Вирта, лидера левого крыла партии Центра, а на пост вице-канцлера – Дитриха, деятеля Демократической партии. Брюнинг с самого начала получил в свое распоряжение от Гинденбурга документ, который уполномочивал его распустить рейхстаг¹⁸: достаточно было лишь проставить соответствующую дату.

Интеллектуал Брюнинг пришел к власти вполне сложившимся человеком и политиком. Готовой программы он не имел. Его назначение на канцлерский пост свидетельствовало об изменении характера правительственной власти по сравнению с прежним кабинетом. В целом это было президиальное правительство, которое в первую очередь зависело от доверия рейхспрезидента, но не от большинства рейхстага. Канцлерство Брюнинга было прочным до тех пор, пока он пользовался полной поддержкой президента и руководства рейхсвера, поставивших его у власти как человека, с назначением которого они связывали осуществление жесткой исполнительной власти. Не случайно утверждается, что он был «ставленником армии», а ключом для понимания его канцлерства остается зависимость от Гинденбурга. Брюнинг был исполнителем той политики, директивы которой в общем определялись президентом и его окружением. Это не исключало попытку Брюнинга найти поддержку своей политики в рейхстаге справа от СДПГ, но все же кабинет должен был вышиться над партиями и партийной борьбой. От нового человека в ведомстве канцлера президент ожидал изменения конституции, уже давно запланированного руководством рейхсвера и правыми кругами, в сторону авторитарной президентской власти¹⁹. Брюнинг легко согласился с антипарламентскими планами рейхспрезидента и политикой авторитарного переустройства государства. Гинденбург и Брюнинг были едины в вопросе о границах изменения конституции. Новая президиальная система должна быть обоснована в рамках Веймарской конституции. Конституция должна быть расширена, но не ликвидирована. Открытого нарушения конституции боялись оба. Гинденбург считал это совместимым со своей клятвой верности конституции, которой присягнул перед богом, католик и юрист-профессионал Брюнинг – с естественным правом. Однако во время перехода от пар-

ламентской правительственной системы к президиальной оба не избежали нарушения конституции. Доверие Гинденбурга и рейхсвера, как было сказано, было для Брюнинга основой власти. Пока он пользовался этим доверием, он мог в рамках президиальной системы идти на конфликт с парламентом.

Отказываясь от поддержки рейхстага, кабинет Брюнинга принимал законы с помощью статьи 48 конституции, и они законно вступали в силу как чрезвычайные декреты. Если парламент после этого выражал недоверие правительству, Гинденбург на основании статьи 25 конституции распускал рейхстаг, и назначались новые выборы. Эта конфликтная ситуация произошла уже летом 1930 г. Историк Винклер, на наш взгляд, высказал справедливое мнение о неоднозначном положении канцлера. Брюнинг являлся одновременно и сильным, и слабым канцлером в истории Веймарской республики: сильным потому, что был независим от рейхстага, как ни один из его предшественников, слабым потому, что он, как никакой другой канцлер, был зависим от благосклонности рейхспрезидента. Эта зависимость от Гинденбурга не оставила ему с самого начала возможности стать архитектором «консервативной альтернативы»²⁰. Несомненно, с самого начала Брюнинг стал проводить президиально-авторитарный правительственный курс. Он был первым канцлером в процессе распада немецкой демократии. В этом отношении 1930 г. был решающим, переломным моментом, в котором просматривается заключительная фаза Веймарской республики и непосредственная предыстория «захвата власти» Гитлером²¹. Существует также мнение, что парламентская демократия Веймарской республики потерпела крушение уже тогда, когда Брюнинг стал канцлером²².

Действительно, как политик Брюнинг имел личные цели, собственные взгляды на стратегию и тактику, на различные социальные и экономические вопросы. Являясь консервативным политическим деятелем, он стремился к радикальному изменению государственной и конституционной системы, включая устранение федералистских основ. Он добивался установления бесконтрольной власти, полностью независимой от парламента. Рейхстаг был для него пригоден лишь в качестве органа правительства, одобрявшего действия кабинета²³. Эту «бессмысленную форму парламентаризма» Генрих намеревался заменить «истинной де-

мократией» или «умеренной демократией», которая даст возможность правительству осуществлять финансовые и экономические реформы в интересах монополий и юнкерства. О понятиях «христианская демократия», «подлинная демократия», «истинная демократия», «умеренная демократия» Брюнинг часто говорил в двадцатые годы и значительно позже, уже в эмиграции. Это были, похоже, бессмысленные слова. Полномочия парламента должны быть практически сведены до уровня времен Бисмарка, его влияние на образование правительства и на законодательство — до минимума. Право инициативы рейхстага Брюнинг считал сомнительным, во всяком случае, во время его канцлерства.

Канцлер имел собственные планы относительно преобразования парламентской, партийной демократии в авторитарную монархию под регентством Гинденбурга. Германские конституции 1871 г. и 1919 г. Генрих считал «пройденным этапом». Брюнинг хотел реставрировать монархию и пруссачество, экономические и военные позиции великой державы. Свою конечную цель связывал с реставрацией в стране конституционной монархии²⁴. Конституционно-политически он относился к искренним монархистам, во всяком случае, не к защитникам Веймарской демократии и республики. Брюнинг был готов поставить на карту демократические партии и объявить недееспособным веймарский парламентаризм²⁵. Республика с 1918 г. была для него «государством». «Государство» оставалось для Брюнинга, разумеется, немецким национальным государством, созданным под руководством Бисмарка. Республиканскую государственную форму Генрих понимал не иначе как последствие проигранной войны.

Взгляд Брюнинга на политику был связан с традицией немецкого государственного понимания, которое основывалось на качественном разделении партийной и государственной политики, на преимущественном праве государства перед демократией. По мнению историка Брахера, два главных компонента были характерны для государственного мышления Брюнинга: романтически-консервативный и аскетически-целесообразный²⁶. Затем они нашли свое воплощение в политике рейхсканцлера. Внешнеполитически Брюнинг относился к «ревизионистам», которые не могли примириться с европейским мирным порядком, установленным Версальским мирным договором 1919 г., и немецкими

репарационными платежами. По мнению известного немецкого историка Г. Моммзена, на понимание Брюнингом парламентской системы повлияла все-таки в высшей мере бисмарковская имперская конституция, служившая в качестве прообраза²⁷. Брюнингу удалось добиться ограничения на продолжительность заседаний рейхстага, и он все же хотел отвести парламенту в основном контролирующую роль.

Попытка воссоздать облик канцлера Брюнинга представляется довольно трудной, поскольку описание современников и материалы историков не дают единого и целостного представления о нем. Те высказывания, которые приводятся в литературе, свидетельствуют о чрезвычайно противоречивом образе нового главы правительства. Историкам нелегко разгадать его личность. Один из старейших немецких историков Э. Эйк в своей книге «История Веймарской республики» пишет, что из всех немецких канцлеров труднее всего разгадать Г. Брюнинга. Бесспорно, он был человеком выдающейся интеллигентности. В чистоте его характера не сомневались и его противники, настолько он был честным. Во внешней политике он руководствовался патриотическим стремлением поднять престиж Германии. Он принципиально желал прийти к этой цели на пути взаимопонимания с прежними противниками. В своей основе он был консервативным, не будучи, однако, сознательно реакционным. Хотя ему не были чужды монархические приступы, можно было без обвиняков полагать, что он хотел сохранить существующее республиканское государство...²⁸

Тонкое аскетическое, всегда гладко выбритое лицо делало канцлера похожим на католического священника. Французский посол в Берлине Франсуа-Понсе так обрисовал внешность Брюнинга: «Густые линии бровей, тонкие губы, беспокойный взгляд за стеклами его очков производили малоприятное впечатление»²⁹. Франсуа-Понсе небрежно заметил, что у канцлера склад ума католического священника, он — иезуит, а в сердце — «дикий шовинист». По его мнению, Брюнинг не имел ни характера, ни голоса, ни жестов «фюрера» немецкого народа. Г. Лютер, экс-канцлер и бывший президент Имперского банка, писал, что для Брюнинга были характерны недоверие к ближайшим сотрудникам и замкнутость³⁰. Любопытным представляется психологический порт-

рет Брюнинга, нарисованный одним из современных ему биографов: «Очень учтивый и корректный человек, который редко вмешивается в беседу, зато внимательно слушает, и замечания которого отличаются большой оригинальностью»³¹.

Крупный деятель партии Центра Г. Кёлер писал о своем коллеге: «Осторожный, уклончивый, скептический, не приходящий ни к одному серьезному решению, постоянно раздумывающий, размышляющий, колеблющийся – далекий от жизни ученый». Кёлер называл его также превосходным тактиком, который, как лиса, умело замечает свои следы; старый Гинденбург возлюбил этого политика, который должен стать противником СДПГ, Й. Вирта и другом буржуазии и правых³². Но Брюнингу не доставало ораторского таланта, способности увлечь слушателей на массовых собраниях своими политическими целями. Всем бросались в глаза его нерешительность и постоянные колебания. Вот что писал о Генрихе его друг Тревиранус: Брюнинг не был кумиром аплодисментов и возгласов ликования. Он презирал дешевое рукоплескание толпы под впечатлением момента, обольщение словами и жестами, лозунговые выражения ему были противны, он не просил народной благосклонности... Брюнинг не шел с модой в ногу и не принимал слишком близко к сердцу упрек. Легко забывают, что Брюнинг, как и Папен, был и остается исключительно правостоящим деятелем партии Центра, консервативным политиком³³. Но несомненным является тот факт, что интересы господствующего класса Брюнинг отстаивал твердо. Он обладал большим честолубием и верил в свое призвание. Религию он рассматривал как составную часть общества и культуры, на которой зиждется политика и государство.

Высокую оценку Брюнингу как человеку дал известный американский историк и журналист У. Ширер: человек безупречной репутации, бескорыстный, скромный, честный, самоотверженный, в некотором смысле аскетичный. Брюнинг надеялся восстановить устойчивое парламентское государство и вывести страну из углубляющего экономического кризиса и политического хаоса. Трагедия этого благонамеренного и демократично настроенного патриота заключалась в том, что, стремясь к своей цели, он, сам того не желая, рыл яму немецкой демократии и расчищал дорогу Адольфу Гитлеру³⁴. Думается, что это искаженный

образ Брюнинга. Автор все же признает, что канцлер, правда, неосознанно, но «рыл яму немецкой демократии». Восторженно отзывался о новом канцлере американский посол в Германии: «Брюнинг – это то открытие, которое совершила Европа, это по-настоящему великий человек»³⁵.

Историк Фольк дает ему следующую характеристику: лично Брюнинг не был тщеславным; с солдатским рассудком, лояльный и национальный, неутомимый работник, уважаемый собственной фракцией в рейхстаге, которого выбрали кандидатом в канцлеры Шлейхер и Грёнер и добивались, чтобы его признал Гинденбург. Несомненно, канцлер чрезвычайных декретов не был чёрствым человеком³⁶. Известный исследователь Веймарской республики Х. Шульце пишет, что Брюнинг не был человеком, способным зажечь массы фантазией. Он был аскетичным мечтателем, колеблющимся одиночкой, безупречным кабинетным политиком с неутомимым стремлением к аристократичности, пристрастный к сложным шахматным ходам и свободный от каких-либо влияний эгоцентризма³⁷.

1 апреля 1930 г. новый канцлер предстал перед рейхстагом с программным заявлением. Первые слова, касавшиеся состава и программы правительства, гласили, что вновь образованный кабинет не связан ни с какой коалицией и создан для решения в возможно короткий срок самых насущных задач; это последняя попытка найти выход из существующего положения при помощи нынешнего рейхстага³⁸. Брюнинг сказал, что для этого правительство «намерено и имеет возможность применить все конституционные средства». Главной программной целью будет оздоровление имперских финансов путем проведения строжайшего режима экономии общественных расходов, что в первую очередь касалось социального страхования трудящихся. Кроме того, правительство обещало уделить внимание планам максимального расширения «Восточной помощи». Он неоднократно подчеркивал, что основная линия политики кабинета соответствует точке зрения Гинденбурга. Оценивая в целом правительственное заявление, следует сказать, что по содержанию оно было убогим, а по форме непривычно резким. Речь Брюнинга началась и закончилась неприкрытой угрозой распустить рейхстаг, если тот не будет повиноваться воле правительства.

Брюнинг попытался получить поддержку ННП, пообещав в рейхстаге немедленно приступить к проведению льгот, требуемых аграриями. Партия немецких националистов поддержала кабинет ценою его уступки в аграрной политике и отклонила вотум недоверия правительству, предложенный СДПГ. Первая проба сил между правительством и рейхстагом закончилась успехом канцлера. Кабинету было высказано доверие незначительным большинством.

В начале мая 1930 г. рейхстаг приступил к обсуждению правительственного проекта бюджета на 1930/31 гг., предусматривавшего снижение налогов на капитал, новое повышение налогов с трудящихся, снижение социальных расходов, а также «чрезвычайные жертвы» служащих и чиновников в размере 4% их жалованья. Последний пункт вызвал серьезные разногласия и осложнения в правящем классе и самом правительстве. Против такой «жертвы» высказались ННП, а также участницы кабинета Народная и Хозяйственная партии. Борьба вокруг бюджета привела в июне к первому кризису кабинета и к отставке Мольденхауэра (ННП). Он был заменен вице-канцлером Дитрихом (НДП). Мольденхауэр лишился поддержки даже собственной партии. В промышленных кругах ситуация в правительстве Брюнинга была расценена как «весьма опасная». Авторитет кабинета был значительно поколеблен. Руководитель ННП Гугенберг и его сторонники требовали теперь отставки кабинета Брюнинга³⁹. Лидер Народной партии Шольц угрожал, что его партия выйдет из правительства, если не будет достигнуто единство по финансовой программе⁴⁰. Эти споры обнаружили различные оценки и взгляды в отношении политики канцлера.

Брюнинг, оценивая политическое положение в Германии, полагал, что правильным решением в той ситуации было бы принятие чрезвычайных полномочий. К подобному взгляду склонялись и министры Штегервальд и Тревиранус⁴¹. Но канцлер опасался, что при их принятии правительство не сможет получить в рейхстаге большинство в 2/3 голосов, и потому отказался от данного решения. Кстати, министр внутренних дел Вирт был против чрезвычайных полномочий и стремился добиться согласия между партиями за столом переговоров. Он заявил тогда, что за принятие чрезвычайных полномочий следует арестовать весь каби-

нет⁴². Тем не менее, канцлер грозил распустить парламент в случае отклонения бюджета и ввести его при помощи статьи 48 конституции. Он обвинял СДПГ и особенно Народную партию в том, что они чинят этому препятствия⁴³. Брюнинг всегда находил поддержку своей политики партией Центра, парламентской фракцией, земельными организациями. Некоторые деятели партии Центра требовали от канцлера проявить, наконец, волю и порвать с традиционными методами правления.

К середине июля 1930 г. обсуждение бюджета вступило в критическую стадию. Брюнинг, выступая 15 июля в рейхстаге, заявил, что «для германского парламента наступил решающий час»⁴⁴. Канцлер сознательно провоцировал рейхстаг. Он избегал переговоров с руководством СДПГ по поводу правительственной программы, ему не удалось наладить тесного сотрудничества с НННП. Брюнинг надеялся все же, что ему удастся перетянуть на свою сторону большую часть депутатов НННП. Однако только 25 депутатов под руководством графа К. Вестарпа поддержали правительство, 32 последовали за Гугенбергом и поддержали социал-демократическое предложение, отменяющее правительственный проект. 16 июля рейхстаг проголосовал против предложенных законопроектов о налогах на холостяков, на разлив спиртных напитков, о поголовном налоге и провалил их. Таким образом, попытка канцлера найти большинство в рейхстаге в поддержку своей политики провалилась. После этого Генрих пошел на разрыв отношений с рейхстагом, решив показать, кто является хозяином положения. В тот же день появился чрезвычайный декрет президента, который на основе статьи 48 утверждал отклоненный парламентом проект бюджета – от угроз Брюнинг перешел к политике чрезвычайных распоряжений.

Декрет стал единственным пунктом повестки дня парламентских дебатов 18 июля. Министр внутренних дел Й. Вирт в своем выступлении пытался оправдать применение статьи 48, рейхстаг же, по его мнению, противясь этому, может привести к тому, «что кризис парламентаризма перерастет в кризис демократической системы вообще»⁴⁵. Вирт даже брал на себя всю ответственность за этот политический шаг правительства. Депутат от КПП В. Кёнен заявил, что «мероприятия, проводимые Брюнингом, являются шагом к установлению фашистской диктатуры».

Большинством голосов (СДПГ, КПП, НСДАП и НННП) рейхстаг отверг декрет. Как только это произошло, Брюнинг сразу зачитал предусмотрительно подписанный Гинденбургом декрет о роспуске рейхстага⁴⁶. Разгоном «неспособного рейхстага» канцлер продемонстрировал новый метод управления, являясь сторонником твердой власти. Впервые в истории Веймарской республики бюджет был принят не парламентом, а чрезвычайным декретом. Любопытно понимание самим канцлером использования статьи 48 и значения роспуска парламента. Он говорил в августе 1930 г.: «... применение статьи 48 имперской конституции, осуществляемое мной, означает со всей ясностью не борьбу против, а борьбу за спасение парламента»⁴⁷.

По мнению ряда немецких историков, роспуск рейхстага летом 1930 г. противоречил не только идеям парламентской ответственности правительства (статья 54 конституции). Он был также чувствительным вмешательством в баланс власти между главой государства и парламентом. Предусмотренный конституцией дуализм власти рейхстага и рейхспрезидента был нарушен: начался постепенный раздел власти на исполнительную и законодательную. Теперь парламент исключался из этой системы. Все возможности законодательной власти влиять на ход событий были блокированы президентскими полномочиями на основании статьи 48. По сути, возникла новая политическая ситуация. С роспуском рейхстага Брюнинг недвусмысленно перевел стрелки в направлении авторитарного президиального режима. Роспуск рейхстага означал переход к открытой президентской системе с диктаторской властью рейхспрезидента как основы государственной власти⁴⁸. Рейхстагу противостоял рейхспрезидент. Он сосредоточил в своих руках губительную для республики власть: право роспуска рейхстага, полномочия главнокомандующего рейхсвера, пользование правом о чрезвычайном положении на основании ст. 48, право назначения и освобождения канцлера и рейхсминистров без участия парламента. Последствия этого авторитарного курса Гинденбурга с 1930 г. были губительными⁴⁹. Как покажут дальнейшие события, Брюнинг неверно оценил ситуацию и общественное настроение в стране, которое все больше склонялось на сторону радикальных партий.

Внутриполитическая тактика Брюнинга в июле 1930 г. привела к «роковому поворотному пункту»⁵⁰ в истории республики: из парламентской демократии возникла система президиальных кабинетов. Прибегнув к статье 48, Брюнинг сделал это явно вопреки духу конституции. Канцлер поставил парламент перед свершившимся фактом. То был сильный удар по престижу Веймарской республики. В этом выразилась антипарламентская тенденция политического курса Брюнинга. Действия канцлера в значительной степени парализовали рейхстаг и поставили кабинет в зависимость от президента и военно-политической камарильи, окружавшей его. Сам Брюнинг был убежден в правильности своих действий и заверял, что осуществленное им – вовсе не диктаторское мероприятие, а средство воспитания в немецком народе государственно-политического мышления⁵¹. Антипарламентский курс Брюнинга был с одобрением встречен заправками тяжелой промышленности⁵², рядом политиков и министров его кабинетов. При самоотказе рейхстага, писал Тревиранус, рейхспрезидент использовал конституционные права, чтобы «оздоровить парламент и демократию». И далее, правительство Брюнинга не было полностью расположено к экспериментам, но оно имело мужество помочь и повести борьбу «за спасение немецкого народа и демократии»⁵³. Звучит иронически. Как Брюнинг «боролся за спасение демократии», уже сказано; об этом будет речь и впереди. Здесь можно согласиться с мнением известного немецкого историка Л. Бергштрассера, который писал: «Брюнинг был очень авторитарным политиком, пристрастным к военному образу мысли; он в 1918 г. пытался бороться с революцией и теперь хочет перейти к авторитарной демократии»⁵⁴.

Роспуском рейхстага закончился первый этап правления Брюнинга. Канцлер вначале воздерживался от применения чрезвычайных указов. Он шантажировал лишь статьей 48, желая показать, что если правительство вынуждено будет использовать ее для оздоровления финансов, то это произойдет исключительно по вине парламента. 26 июля Гинденбург издал чрезвычайный декрет, который сокращал контингент получателей пособий по безработице и их размеры, вводил новые налоги, выплата безработному пособия могла быть отсрочена на 6 – 12 недель. На 14 сентября были назначены выборы в рейхстаг.

Начиная с конца июля и вплоть до середины сентября 1930 г. Германия стала ареной невиданной по своему размаху избирательной кампании, проходившей в условиях экономического кризиса, роста безработицы, политики жесткой экономии Брюнинга, активности нацистской партии и острейшей межпартийной борьбы. Народ хотел хлеба, а избиратели были против налогов и безработицы. В этой ситуации партия Гитлера смогла организовать рекордное количество митингов и собраний, развила бешеную предвыборную агитацию по всей стране. Немецкая деревня оказалась под обстрелом нацистов, которые вели там активную агитацию. НСДАП умело спекулировала на трудностях и тяжелом положении трудящихся, растущей безработице и экономическом бедствии. Нацисты характеризовали кризис как на сильно импортированный товар из Англии или США. «Великая депрессия» 1929 г. с самого начала возвестила о наличии фундаментального кризиса государственного устройства Веймара. Именно этого и хотел Гитлер. Он и его партия извлекли наибольшую выгоду из этого кризиса. Нацисты обвиняли существующий демократический строй в неспособности обеспечить людям работу, жилье, пищу, нормальную экономическую жизнь. Они организовали бешеную травлю правительства.

НСДАП эффективно использовала современные средства массовой коммуникации. Фантастические обещания всяческих благ в случае своего прихода к власти, броские и впечатляющие в своей примитивности плакаты, гибкость и оперативность в пропаганде, обращенной к различным общественным слоям и прослойкам, в сочетании с террором и насилием оказывали воздействие на очень многих избирателей, изверившихся во всем, особенно из числа молодежи⁵⁵. Центральной темой националистов и нацистской пропаганды была борьба против плана Юнга, «партий Юнга», «правительства Юнга» и против Версаля. Все экономические проблемы объяснялись репарациями, которые являются якобы единственной причиной экономического кризиса. Экономическая и финансовая политика расценивалась как политика обнищания народа. Крайний национализм должен был упразднить все, что разделяло немцев. НСДАП пыталась мобилизовать массы на борьбу против «системы» и рабского гнета Германии всемирным еврейским финансовым капиталом. Нацис-

ты не делали секрета из того, что хотят уничтожить эту демократическую республику. Они утверждали, что режим чрезвычайных декретов превращает парламентаризм в фарс, а «государство фюрера» предлагали в качестве альтернативы как партийному государству, так и бюрократической президиальной системе.

Вообще вся избирательная кампания была наполнена ревизионистским шумом, включая правительственные партии и министров. Немецкая государственная партия, бывшая НДП, заявляла, что сейчас на повестке дня стоит вопрос о ревизии Версальского мирного договора. ННП взывала среди прочего к возврату колоний и изменению восточных границ. Министр Тревиранус заявлял, что «борьба немцев за освобождение направлена против политического и экономического насильственного диктата». Его замечание, что будущее Польше не может быть гарантировано без изменения границ, вызвало резкие протесты за границей⁵⁶. Брюнинг в этой связи потребовал от всех министров воздерживаться от высказываний по вопросам внешней политики и согласовывать их с министерством иностранных дел, а Тревиранусу вынес порицание.

СДПГ рассматривала выборы 14 сентября как выбор между «буржуазным блоком и социал-демократией, трудом и капиталом, демократией и диктатурой». Социал-демократы называли Брюнинга «канцлером социальной реакции». Его правительство хочет пощадить богатых и возложить бремя кризиса на бедных и слабых. Партия вела избирательную борьбу не только против социальной реакции, но и за право парламента и право народа. Она призывала избирателей голосовать против правительства Брюнинга, за демократию, социализм и СДПГ⁵⁷. Между социал-демократами и партией Центра шла острейшая полемика, взаимные обвинения и упреки. СДПГ заявляла о стремлении Центра установить католическую диктатуру в Германии, критиковала Брюнинга за применение статьи 48 как нарушение конституции. Правительство возражало и отвечало, что президент Эберт использовал ее десятки раз.

В свою очередь партия Центра и христианские профсоюзы поддерживали Брюнинга, оправдывали все его действия, роспуск «неспособного рейхстага», фетишизировали его как «вождя нации», выдавали политические концепции канцлера за единствен-

но правильные⁵⁸. Культ Брюнинга достиг небывалых масштабов. Массовым тиражом распространялись грампластинки с его речами. Личность Брюнинга вызывала восторг, особенно среди католической молодежи. Ему давали клятву верности. Девизом Центр избрал слова своего лидера Кааса: «Необходимо достичь парламентаризма облагороженного и опирающегося на более твердую дисциплину»⁵⁹. Под «твердой дисциплиной» подразумевался авторитарный курс. Жесткой критике подверглась парламентская система, предлагалось даже отказаться от «неуклюжей машины парламентаризма»⁶⁰. Даже республиканец Й. Вирт требовал «реформировать современную демократию». Слова «твердость», «жесткость» часто звучали в речах ораторов Центра.

Брюнинг, объездивший почти всю Германию, на митингах и собраниях обещал реформы, которые будто бы выведут страну из политического и экономического кризиса и будут способствовать укреплению ее положения. При этом выражалась твердая уверенность в правоте своей политики и в победе партии Центра. Брюнинг и лидер Центра Каас утверждали, что политика оздоровления подготавливает ревизию плана Юнга. В своих речах Генрих критиковал деструктивную оппозицию СДПГ, отвергал любое сотрудничество с ней, оправдывал применение статьи 48. В то же время энергично выступал против антисемитизма и хвалил традиции старых еврейских фамилий Германии. Судьбу семьи Ратенау он называл «полной сочувствия и грусти». Канцлер убеждал избирателей и членов своей партии, что борьба идет не против демократии, а за демократию и ее выздоровление, за оздоровление социально-политических учреждений⁶¹. Избирателям канцлер советовал как можно больше экономить, только так можно будет спасти Германию. Если избиратели не хотят экономить, значит, они отказываются от спасения страны. Это говорилось в период массового роста безработицы и обнищания населения.

На деле своими чрезвычайными декретами канцлер выходил из демократии и проводил антисоциальную политику. Антисоциальная политика Брюнинга была одной из важнейших тем избирательной кампании, которую его правительство оправдывало как подготовку к преодолению кризиса и активной внешней политике. Важно отметить, что руководство Центра, сам Брюнинг явно недооценивали опасность национал-социализма, Гит-

лера, переоценивали факты разногласия внутри НСДАП, предсказывали быстрый распад этой партии, не попытались распознать ее суть. В послании от 13 сентября к избирателям Генрих угрожал тем, кто думает о «третьем рейхе», и предупреждал, что не допустит, чтобы они достигли своих целей. «Нас не испугаешь ни путчем, ни диктатурой»⁶². К сожалению, на деле кабинет Брюнинга не принял никаких мер, чтобы обуздать зарвавшихся национал-социалистов. При этом важнейшей задачей предвыборной кампании для Центра было «не допустить большевизма Германии». Лейтмотивом многих выступлений канцлера был ярый антикоммунизм.

Компартия Германии вела избирательную кампанию достаточно динамично. В августе она опубликовала свой главный документ «Программа национального и социального освобождения Германского народа». Ее острiot было направлено как против нацистов, так и против буржуазной демократии, за пролетарский, социалистический выход из кризиса, против плана Юнга и социал-демократии, хотя опасность национал-социализма была весьма остра. Поэтому следовало бы вести борьбу не против СДПГ, а против наступающего нацизма. Ставилась задача побороть прежде всего социал-демократию как направление «умеренного крыла фашизма» и «социал-фашизма». Объявлялось, что СДПГ и фашисты – «близнецы-братья». Партия расценивалась как «штурмовой таран в деле фашизации Германии»⁶³. Вместе с тем коммунисты сами недооценивали опасность фашизма и возможность развития массового национал-социалистического движения. Правительство Брюнинга рассматривалось как «фашистское».

Результаты выборов 14 сентября разочаровали Брюнинга. Он не предполагал, к чему приведут выборы. Для него они закончились провалом. Выборы не оправдали его надежд и сорвали планы консолидации правых сил в консервативный блок, который, положительно относясь к правительству, взял бы на себя «историческую линию спасения Германии». Результаты выборов показали, что население недовольно политикой Брюнинга и что страна однозначно поляризовалась. Немцы поддержали экстремизм справа и слева, т.е. произошла резкая политическая поляризация. К тому же потерпел поражение германский либерализм. От него отвернулись многие избиратели, включая известных не-

мецких писателей. Консервативная народная партия, на которую Брюнинг так надеялся, потерпела сокрушительное поражение. Гинденбург был недоволен своим канцлером. Распуск рейхстага и выборы в рейхстаг были безответственным шагом власть имущих. Была допущена грубейшая ошибка, которая открыла дорогу к власти национал-социалистам.

Выборы стали поворотным пунктом в истории республики. Они принесли сенсационный успех национал-социалистам: НСДАП получила 6,4 млн. голосов (18,3%) и 107 мест в парламенте, вместо 12 на предыдущих выборах в мае 1928 г. Ее фракция стала второй по численности в рейхстаге после СДПГ. Выборы показали, что в Германии произошли серьезные изменения в расстановке политических сил. Успех нацистов изменил политический ландшафт. Самая опасная антиреспубликанская сила получила возможность беспрецедентного участия в парламентской жизни и начала фронтальное наступление на учреждения республиканского строя. Впечатляющая победа нацистов на выборах не была совершенно неожиданной. Она стала результатом упорной работы НСДАП, в течение всего 1929 г. при выборах в ландтаги и общины она добивалась всевозрастающего успеха. И тем не менее победа этой партии вызвала настоящий шок. До выборов нацистов мало кто принимал всерьез. Они выиграли их главным образом за счет других буржуазных партий и благодаря новым избирателям. Огромный успех у НСДАП был среди молодежи и средних слоев. Недаром эти выборы были названы «катастрофическими». По мнению историка К. Гузи, результаты выборов 14 сентября были поражением республики⁶⁴. Им было суждено дать Гитлеру возможность совершить парламентский прорыв. Этот день, пишет И. Фест, знаменовал собой конец демократического многопартийного режима и возвестил о начавшейся агонии всего государства в целом⁶⁵. Несомненно, победой нацистской партии на парламентских выборах демократии был нанесен тяжелейший удар. После выборов впервые очевидно и во всем масштабе ощутимо появилась уязвимость экономики и политики. Брюнинг, недооценивая опасность национал-социализма, переоценивал угрозу со стороны коммунистов.

Не менее сенсационным был успех КПП, за которую проголосовало 4,5 млн. (13,1%) избирателей – на 1,3 млн. больше, чем

в мае 1928 г. Партия теперь имела в рейхстаге 77 депутатских мест вместо 54. Все другие партии оказались в лагере проигравших: НННП потеряла половину своих избирателей, получив 7% вместо 14,2% в 1928 г.; ННП получила только 4,5% (8,7% – в 1928); Немецкая Государственная партия, бывшая Немецкая демократическая партия, – 3,8% (было 4,9%); СДПГ – 24,5% (было 29,8%). Партии Центра и Баварской народной партии удалось сохранить традиционную стабильность избирательного корпуса, вместе они имели 87 мандатов в рейхстаге. Таким образом, в результате сентябрьских выборов возникла серьезная опасность для демократической республики, исходившая справа и слева. Исход выборов ускорил закат парламентаризма. Не только в Германии, но и за границей исход выборов расценивался как явное проявление германского государственного кризиса. Это привело к серьезной потере доверия.

Международный капитал реагировал на результаты выборов массивным оттоком иностранной валюты из Германии. Отток оказался особенно опасным для германского рейха, потому что речь шла в основном о краткосрочных кредитах. Результаты выборов не остались без последствий для финансовой, экономической и репарационной политики. После выборов с разных сторон усилились требования ускорить ревизию плана Юнга. В Германии господствовало всеобщее настроение его пересмотра, на канцлера оказывалось давление с целью решения репарационного вопроса. Брюнинг говорил, что вопрос о ревизии плана Юнга правительство помнит «каждый день, каждый час, в любом решении»⁶⁶. Это не были пустые слова, т.к. свои планы ревизии репараций он вынашивал после вступления в правительство. Развитие мирового экономического кризиса вскоре показало сомнение в выполнении этого плана.

Результаты выборов создали новые условия, которые изменили ситуацию для самого кабинета Брюнинга. Генрих с сожалением констатировал, что новый состав рейхстага не проголосует за проект предоставления правительству чрезвычайных полномочий. Фракции НСДАП, НННП и КППГ, по сути дела, блокировали работу рейхстага. Выборы повлияли как на укрепление президиального режима, так и на продолжающееся разрушение Веймарской парламентской системы. Президиальный режим получил

свое завершение только после роспуска рейхстага и новых выборов 14 сентября 1930 г.⁶⁷ Результат выборов окончательно отрезал пути возврата к парламентской правительственной системе. Все шире в общественности распространялось мнение, что парламентская система перестает действовать и возможны только авторитарные решения.

4.2. Брюнинг, СДПГ и НСДАП

После сентябрьских выборов 1930 г. для канцлера Брюнинга возникла сложная ситуация. Он должен был решить вопрос: как править дальше? расширить правительство за счет национал-социалистов или социал-демократов? Генрих оказался перед альтернативой: или сотрудничество с социал-демократией, или с Гитлером. Сразу после выборов канцлер стал получать заманчивые предложения на этот счет. Его советники настаивали на новом сближении с СДПГ и принятии её в правительство, т.к. прежняя правительственная политика, которая основывалась на коалиции правых, провалилась. Руководство рейхсвера также было за совместные действия с СДПГ и решительно против сотрудничества с национал-социалистами. Свое доверие и поддержку канцлеру выразил Имперский союз германской промышленности⁶⁸. С другой стороны, поступали предложения включить национал-социалистов в правительство и «привлечь их к ответственному сотрудничеству». Даже в рядах собственной партии требовали сделать выводы из быстрого подъема нацистского движения, включить НСДАП в правительство. С такой рекомендацией выступал правый деятель партии Центра Г. Кёлер во время встречи с канцлером 15 сентября. Брюнинг «возбужденно» возразил однопартийцу, что он «никогда и ни при каких обстоятельствах не сделает выводов из «временной высокой конъюнктуры» национал-социализма для образования имперского правительства; национал-социалистическое движение есть лихорадочное явление немецкого народа, которое скоро исчезнет»⁶⁹. Это высказывание канцлера весьма красноречиво. Очевидны его нежелание включать нацистов в правительство и в то же время его явное непонимание сути и недооценка фашизма, игнорирование причин

роста влияния нацистского движения. Взгляды Кёлера разделял лидер партии Центра прелат Каас. К поискам компромисса с Гитлером Брюнинга склонял крайне правый политик Ф. фон Папен. На следующий день 16 сентября канцлер сообщил кабинету, что в настоящий момент передача всей полноты ответственности Гитлеру и Гугенбергу не может быть возложена по причине государственно-политического характера. Учитывая, что американские и французские банки реагировали на сенсационный успех нацистов на выборах весьма болезненно, начался мощный отток капитала, и финансовая ситуация рейха еще более ухудшилась. Это свидетельствовало о том, что тогдашняя внешнеполитическая ситуация исключала расширение правительства за счет крайне правых.

В итоге Брюнинг отказался от переговоров по созданию правительственной коалиции с правыми и левыми. Его кабинет остался у власти, но он оказался еще более зависимым от рейхспрезидента и рейхсвера. Теперь канцлер рассчитывал на поддержку его политики СДПГ. На вопрос министра юстиции Бредта, не будет ли тогда кабинет зависеть от социал-демократов, Брюнинг заверил его, что «ни в коем случае он не будет зависеть от СДПГ, а наоборот. Прусское правительство, возглавляемое социал-демократом О. Брауном, зависит от партии Центра и может быть свергнуто в любой день»⁷⁰. Канцлер держал «пруссский рычаг» в своих руках и строил на этом свою политику в отношении социал-демократов. Он ясно осознавал стесненное положение СДПГ и умело его использовал.

СДПГ после сентябрьских выборов в рейхстаг, которые принесли ей ощутимые потери, оказалась перед дилеммой: Брюнинг или Гитлер. Итоги выборов вызвали в руководстве СДПГ сильную растерянность. Мнения по поводу того, что делать дальше, разделились, так же как и в отношении канцлера высказывались разные точки зрения: от крайне негативных до установления контактов с ним. В руководстве партии имелись и приверженцы допущения нацистов к участию в правительстве Брюнинга, дабы они «разоблачили себя» или их «укротить»⁷¹. 23 сентября 1930 г. на квартире одного из ведущих деятелей СДПГ Р. Гильфердинга впервые после распада «большой коалиции» «совершенно секретно» состоялась встреча Брюнинга и экс-

канцлера Мюллера. Речь шла о будущем сотрудничестве. Недели позже канцлер вновь встретился с Мюллером и председателем СДПГ О. Вельсом на квартире статс-секретаря рейхсканцелярии Г. Пюндера. Брюнинг во время этих встреч познакомил лидеров СДПГ со своей программой «реформ», нацеленной на установление авторитарного режима, и поставил перед ними вопрос о поддержке этой программы. Кстати, во время этих переговоров 29 сентября правительство представило новую программу экономии, среди прочего она предусматривала сокращение содержания чиновникам на 6% и вноса на страхование по безработице с 4,5 до 6,5 %. Результат встреч оказался положительным. Лидеры социал-демократии, учитывая безнадежную ситуацию в парламенте после крупной победы НСДАП и КППГ, пришли к выводу, что в данной политической ситуации не остается ничего иного, кроме как поддержать Брюнинга во избежание диктатуры правых⁷². 2 октября канцлер вместе с Мюллером и Вельсом обсуждали уже другой вопрос, что следует сделать, чтобы предотвратить принятие внесенного КППГ вотума недоверия правительству. Для лидеров СДПГ успех нацистов на выборах 14 сентября послужил сигналом к отказу от оппозиции курсу Брюнинга. После сильных внутрипартийных разногласий СДПГ решилась на политику терпения или «меньшего зла».

3 октября фракция рейхстага приняла резолюцию, в которой говорилось, что «социал-демократическая фракция после выборов в рейхстаг видит свою главную задачу в сохранении основ демократии, гарантий конституции и защите парламентаризма». Далее указывалось, что фракция выступает за соблюдение жизненных интересов рабочих масс, за гарантии парламентских основ и за решение насущных финансово-политических задач⁷³. Таким образом, руководство СДПГ приняло решение о поддержке непопулярной социальной и экономической политики и должно теперь терпеть кабинет Брюнинга, который к тому же проводил антисоциальную и антипарламентскую политику. Политика «терпимости» в отношении Брюнинга и его чрезвычайных декретов считалась «наименьшим злом». Оно полагало, что партия тем самым преграждает путь к власти нацистам и отстаивает важнейший бастион власти – Пруссию. СДПГ и свободные профсою-

зы допускали возможность «скрытой диктатуры» Брюнинга, чтобы в результате предотвратить «наихудшее»⁷⁴.

Историк Винклер, говоря о политике «меньшего зла», считает, что она не имела альтернативы. Социал-демократы взяли на себя огромную ответственность за жесткий курс Брюнинга и связанное с этим социальное обнищание, а также за националистическую политику канцлера, проводимую им в вопросе германских репараций. Если бы СДПГ на имперском уровне разорвала контакты с Брюнингом, то была бы большая вероятность быстрого свержения О. Брауна в Пруссии. В этом случае социал-демократы потеряли бы прусское министерство внутренних дел и контроль над прусской полицией, важнейшее государственное средство принуждения в борьбе против нацизма и коммунистов. Итак, по утверждению автора, главная причина принятия СДПГ политики «терпимости» заключалась в том, чтобы правительство Брюнинга не допустило национал-социалистов к власти⁷⁵.

Правда, Винклер упрекает Брюнинга в том, что тот и пальцем не пошевелил, чтобы укрепить позиции прусского правительства под руководством Брауна, и рассчитывал в недалеком будущем использовать финансовый крах Пруссии для начала имперской реформы на своих условиях. Канцлер остался безразличным и к плану Брауна, который намеревался вступить в кабинет Брюнинга и через личную унию соединить имперское и прусское правительства, чтобы иметь солидный базис против нацизма. Правда, президент Гинденбург возражал против этого плана. Брюнингу было достаточно того, что СДПГ окажет ему поддержку и не внесет против него вотум недоверия. Таким образом, через политику «терпимости» СДПГ выполняла двойную функцию: с одной стороны, она должна представлять широкую оппозицию радикальным партиям НСДАП и КПП, а с другой стороны, все же оказывать только ограниченное влияние на политику правительства. СДПГ не хотела поставить под удар прусское правительство под руководством О. Брауна. Свержение Брюнинга имело бы следствием падение Брауна. Брюнинг не боялся откровенно указывать на эту связь. Однако политика «терпимости» СДПГ означала отказ от эффективного выполнения парламентских контрольных прав⁷⁶.

Несомненно, СДПГ дорого заплатила за политику «меньшего зла» в отношении Брюнинга: ослаблением влияния партии, дискредитацией себя в глазах избирателей и части своих членов. А кроме того, такая политика исключала партию из «внепарламентской борьбы за мобилизацию масс», и чем дольше продолжалась политика «терпимости», тем отчетливее становились её отрицательные последствия, из которых нацисты постарались извлечь пользу для себя. Для СДПГ это было тяжелейшим испытанием.

13 октября собрался вновь избранный рейхстаг на свое первое заседание, из 577 депутатов откровенными противниками республики были 225, т.е. 39,1%. Тремя днями позже Брюнинг выступил с правительственным заявлением. Он сообщил депутатам, что предоставление краткосрочного кредита американским банковским консорциумом на сумму 125 млн. дол. послужит предпосылкой для погашения долга и потребовал для этого принять закон. Это было важнейшим средством давления на парламент. Вообще правительство стремилось свести к минимуму использование парламентской трибуны своим противником. 18 октября голосами СДПГ был принят закон о погашении долгов, оставался в силе июльский чрезвычайный декрет, а вместе с депутатами буржуазных партий депутаты от СДПГ воспрепятствовали принятию вынесенного коммунистами и правыми партиями вотума недоверия правительству. КПГ обвинила СДПГ в том, что она поддержала «диктатуру Брюнинга», предала рабочий класс и поэтому содействует процессу фашизации Германии. Борьба против фашизма связывалась с борьбой против СДПГ. Она была названа в роли «главного врага». Очевидно, что национал-социалисты получили благодаря политике терпения СДПГ шанс показать себя как эффективное оппозиционное движение справа от коммунистов. Рейхстаг заседал всего пять дней, а с 19 октября по 3 декабря он был отправлен на каникулы. Брюнинг выиграл не только битву, но, что важнее, также время. В своих мемуарах он пишет, что «с тех пор рейхстаг никогда более не собирался против воли правительства»⁷⁷.

В то время как руководство СДПГ старалось убедить партию в необходимости политики «меньшего зла», Брюнинг попытался установить контакты в ином направлении. Он старался дос-

тигнуть сотрудничества с Гитлером и установить с ним личный контакт. Канцлер хотел ценой некоторых компромиссов обеспечить терпимое отношение нацистской партии к своему кабинету или же договориться с ней о «конструктивной оппозиции» с ее стороны. 5 октября 1930 г. Брюнинг на квартире Тревирануса тайно встретился с Гитлером и министром внутренних дел Тюрингии, нацистом Фриком. Генрих информировал фюрера о политическом положении и целях правительства, о требовании отмены репараций, ревизии границ в Европе и формировании вооруженных сил, излагал ему свои планы разгрома парламентаризма и восстановления монархии, предлагал Гитлеру политическое сотрудничество и изъявил согласие включить нацистов в правительство⁷⁸. По оценке канцлера, экономический кризис продлится около четырех-пяти лет и лишь только в 1935 г. можно рассчитывать на подъем экономики.

В области внешней политики Брюнинг намеревался в короткий срок добиться полной отмены репараций; он надеялся в течение двух-трех лет расшатать все устои Версальского договора. Канцлер имел намерение склонить Гитлера к своеобразной координации дипломатических мероприятий правительства, с одной стороны, с выступлениями НСДАП по международным проблемам, с другой. Брюнингу было чрезвычайно выгодно иметь в лице нацистской партии сильную антиверсальную оппозицию по внешнеполитическим вопросам. Речь шла о том, чтобы начать совместную игру между правительством и оппозицией «перед лицом предстоящих трудных переговоров относительно репараций и разоружения»⁷⁹. Такая сыгранность правительства и оппозиции, полагал канцлер, «укрепит позиции немецких представителей на переговорах в Женеве». Для этих целей канцлер был готов использовать даже мировой экономический кризис.

Во внутренней же политике Брюнинг хотел заключить с Гитлером своего рода «джентельменское соглашение». Во второй фазе сотрудничества, рассуждал канцлер, он приступит к изменению конституции, которое должно завершиться реставрацией монархии⁸⁰. Брюнинг не исключал возможности образования земельных правительств из представителей Центра и нацистской партии. Это произвело, видимо, на Гитлера большее впечатление, чем все сказанное ранее. Более того, канцлер заявил, что он со-

гласен в любое время пожертвовать постом рейхсканцлера, если партийная коалиция в рейхстаге с участием нацистов возьмет на себя правительственную ответственность⁸¹. Любопытно, что Брюнинг, надеясь склонить Гитлера к поддержке своих планов, не напрасно обращался к нему как «старому фронтовому солдату». Фюрер ответил Генриху требованием: «Франция должна быть уничтожена как смертельный враг, Россия как оплот большевизма, а также СДПГ и КППГ. Совместно с Англией, Италией и Америкой в короткое время сравнять этих врагов с землей»⁸². Это заявление Гитлера не вызвало никаких возражений со стороны Брюнинга. Важен был, конечно, сам факт встречи. Брюнинг хотел завязать личное знакомство с лидером наиболее крупной оппозиционной партии, ознакомиться с его планами. Своими переговорами с Гитлером канцлер придал нацистам ранг политической силы, которую он поднял до уровня партнерства и которую пытался направить в нужное русло, на «путь истины». Брюнинг затеял опасную игру.

Переговоры с канцлером повышали престиж фюрера. Встреча, правда, не дала конкретных результатов, так как Гитлер не желал поддерживать Брюнинга, но тот все же не отказался от планов сотрудничества с нацистами. Канцлер полагал тогда, что нацизм – проявление быстро текущей «болезни», которую можно излечить тем скорее, чем быстрее будут найдены наиболее эффективные средства для обуздания экономического кризиса и выхода из тупика в дипломатических переговорах. Он был убежден, что «призрак» национал-социализма исчезнет с ослаблением мирового экономического кризиса и экономическим выздоровлением. Нацистскую идеологию канцлер считал интеллектуально несостоятельной и не заслуживающей детального анализа и рассмотрения, т.е. он недооценивал идеологический потенциал национал-социализма и, следовательно, его способность в будущем повлиять на сознание немцев. Движение Гитлера было для него не что иное как социальное протестное движение. Нет ничего удивительного, что книгу Гитлера «Майн Кампф» Генрих прочитал, будучи уже в эмиграции. Роковым образом, недооценивая Гитлера и фашистскую партию, Брюнинг ожидал, что внутри нее начнется грызня между отдельными группировками, которая поможет ему добиться своего. К тому же он переоценивал роль со-

перника Гитлера Г. Штрассера, с помощью которого хотел расколоть нацистскую партию. Но главное, что вынес Брюнинг из этих переговоров, – нужно держать НСДАП в «воспитательном карантине» и одновременно «обуздать» поток радикализма справа и слева. Он, конечно, не хотел диктатуры Гитлера. Брюнинг, пишет историк Юнкер, не был ни национал-социалистом, ни демократом, ни республиканцем. От нацизма его отделяли католическое учение и безусловное признание правового государства, от демократии и республики – прусский монархизм, идея о государственном устройстве и элитарное презрение к народу, который был для него массой⁸³.

Докладывая 8 октября президенту Гинденбургу о своей встрече с Гитлером, Брюнинг говорил о готовности к активному сотрудничеству с нацистами и о нежелании смириться в интересах традиционной коалиционной политики с их требованиями, в особенности с немедленной ревизией репараций при объявлении моратория. Канцлер подчеркнул, что национал-социалисты придерживаются совершенно другой точки зрения относительно экономического положения, и она неприемлема для правительства. Поэтому сотрудничество пока невозможно. При этом Брюнинг не отклонял принципиального сотрудничества с НСДАП. Оно не может быть отвергнуто, говорил канцлер, если взгляды НСДАП будут умеренными, и она будет стоять на почве легальности⁸⁴. Президент Гинденбург, боясь возникновения гражданской войны в Германии, также высказался против вхождения нацистов в имперский кабинет. 13 октября на заседании фракции Центра Брюнинг вновь указал на нежелательность пока коалиции с НСДАП⁸⁵. В то же время канцлер не был готов вести энергичную принципиальную борьбу с НСДАП. Он видел в подъеме нацистского движения инструмент, который можно использовать при проведении своей внешней политики. Брюнинг играл с огнем. Республике в действительности во многих отношениях был брошен вызов, ведь руководители НСДАП никогда не скрывали, что хотят уничтожить это правовое государство, поскольку оно является «инструментом еврейства». Гитлер и НСДАП были смертельными врагами Веймарской демократии.

Важно отметить, что в конце 1930 г. по настоянию Брюнинга имперский кабинет постоянно откладывал решение о запрете

НСДАП. Имперское и прусское министерства внутренних дел в то время подготовили докладную записку, в которой откровенно говорилось о подрывном, антиреспубликанском характере НСДАП⁸⁶. Брюнинг не проявил также никакого интереса к тому, чтобы разрешить правовой спор с земельным правительством Тюрингии, где с января 1930 г. пост министра внутренних дел и культуры занимал нацист В. Фрик, и официально определить антиконституционность НСДАП. На заседании правительства 30 октября канцлер порицал министра внутренних дел Й. Вирта за то, что тот прекратил выплату имперских ассигнований правительству Брауншвейга, где представитель НСДАП занимал пост министра внутренних дел⁸⁷. Он предостерегал от того, что национал-социалисты для государства также опасны, как и коммунисты. Брюнинг, между прочим, полагал, что с национал-социалистами будет быстро покончено, как только они войдут в правительство. Он лишь боялся, что, оказавшись в кабинете, они могут утратить свою ударную силу против опасной Коммунистической партии⁸⁸. Брюнинга постоянно информировали о тактике НСДАП, о ее внутреннем положении, о целях и действиях нацистов, сообщали о росте их влияния среди служащих государственных органов. Министр внутренних дел Вирт не раз заявлял, что НСДАП добивается своих целей насильственными средствами. Он совершенно не доверял заверениям Гитлера о том, что тот придерживается легальных средств борьбы, видя в них лишь тактический маневр, призванный ввести в заблуждение относительно истинных целей этой партии. Поведение Вирта Брюнинг явно не одобрял. В этом вопросе их взгляды очень отличались друг от друга. Отношения между ними были и оставались напряженными. В правительстве были разные мнения: запретить эту экстремистскую партию или в рамках концепции «укрощения» привлечь НСДАП к сотрудничеству с существующей системой.

В декабре 1930 г. канцлер на требование Вирта принять решительные меры против нацистов возразил, что правительство должно избегать повторения ошибок бисмарковского исключительного закона против социалистов — теперь в отношении национал-социалистов. Кабинет сейчас еще не может высказать окончательное мнение по вопросу о легальной или нелегальной деятельности НСДАП. Во всяком случае, правительство должно

остерегаться использовать ошибочные методы в отношении национал-социалистов⁸⁹. Это высказывание Брюнинга дает представление о его образе мыслей; он видел в нацизме потенциального, мало привлекательного, но в интересах имперской политики необходимого союзника. Линия, занятая канцлером, отличалась снисходительностью к тем, кто игнорировал законы республики. Такая позиция, несомненно, была использована Гитлером, способствовала наступлению и подъему нацизма, а также подрывала конституционные основы.

НСДАП и ее лидеры продолжали в парламенте, выступлениях и своих газетах нападать на правительство Брюнинга, причем в грубых формах. Насилие, политический террор систематически исходили от НСДАП. К сожалению, эти поступки игнорировались правительством. Те методы, которые использовались против коммунистов, не применялись в отношении нацистов. Правительство Брюнинга больше говорило о насилии коммунистов, чем о насилии фашистов, оно постоянно обсуждало вопросы о репрессивных мерах против КПП, вплоть до ее запрета. Брюнинг не раз заявлял, что главную внутреннюю опасность видит в коммунизме. КПП считал опаснейшей партией. Эту позицию подтверждает в своих воспоминаниях бывший канцлер и президент Рейхсбанка Г. Лютер. Он пишет, что Брюнинг и после сентябрьских выборов 1930 г. рассматривал коммунистов в качестве большей опасности, чем национал-социалистов⁹⁰. Недооценка нацистской опасности соответствовала переоценке угрозы, исходящей якобы от КПП. Из этого страха коммунистической угрозы наибольшую выгоду извлекли нацисты. Примечательно, что Карл Осецкий, редактор журнала «Вельтбюне», противник фашизма, писал в феврале 1931 г. о том, что Брюнинг уже давно настроен на союз с крайне правыми. «Удар, который Брюнинг наносит в настоящее время против национал-социалистов, служит их укрощению, но не их уничтожению. Он бьет как педагог, но не как противник. Канцлер старается изо всех сил образумить не в меру жесткого Гитлера»⁹¹. Слабая готовность правительства Брюнинга к борьбе против нацистов объясняется результатом приоритетных решений во внешней, внутренней и военной политике. Незначительная опора кабинета Брюнинга среди населения, малое признание президиальной системы вследствие функцио-

нальной потери партиями, парламентом и выборами вели к не-
удержимому росту праворадикальной альтернативы.

Партия Центра в тот период взяла на себя всю ответствен-
ность за политику канцлера Брюнинга. Она отождествляла свою
политику с авторитарным курсом Брюнинга, преклонялась перед
личностью канцлера, необычайно доверяла своему лидеру, разду-
вая его культ. Партия видела в лице Брюнинга своего вождя, ко-
торый спасет страну от экономического краха и от угрозы экс-
тремизма справа и слева.

4.3. Чрезвычайные декреты и дефляционная политика

После 14 сентября рейхстаг работал короткими периодами,
не функционировал месяцами, часто переносился и «терпел»
принятие чрезвычайных декретов, потому что над ним висел да-
моклов меч нового роспуска, который мог быть выгоден только
радикальным партиям: НСДАП и КППГ. Ликвидация Веймарской
демократической системы началась с того, что правительством
Брюнинга все больше законов принималось в чрезвычайном вне-
парламентском порядке, минуя парламент. Это выглядело сле-
дующим образом: в 1930 г. было проведено 94 заседания рейхс-
тага, в 1931 г. их было уже 41, а в 1932 г. – всего 13. В то же
время в 1930 г. рейхстаг принял 52 закона и издал 5 внепарла-
ментских чрезвычайных декретов, в 1931 г. было принято 19 за-
конов и опубликовано 43 чрезвычайных декрета, в 1932 г. рейхс-
таг принял лишь 5 имперских при 60 чрезвычайных декретах.
Чем дальше, тем больше население теряло доверие к рейхстагу,
не способному решать важные проблемы. Так Брюнинг обесце-
нил Веймарскую конституцию, равно как и деятельность избран-
ного парламента. Падение роли парламента выразилось в приня-
тии в период его канцлерства 108 чрезвычайных декретов,
обозначив тенденцию перехода от парламентаризма к президент-
ской диктатуре.

Долгосрочной целью Брюнинга было создание широкой
правой коалиции, с помощью которой республика должна быть
преобразована в авторитарное государство. Устранение земель-
ных парламентов и передача управленческих и финансовых ком-

петенций на уровень рейха должны были превратить федеративное государство в единое консолидированное. Таким образом, канцлер намеревался решительно усилить положение имперского правительства по отношению к рейхстагу. Важнейшей составной частью его программы реформ была всеобщая концентрация административного аппарата и отход от социального государства, созданного в 1920-е годы.

Через готовность СДПГ терпеть правительство Брюнинга канцлеру удалось значительно ослабить гарантии, предусмотренные конституцией, против превышения президентских полномочий. Любым способом можно было отклонить предложения оппозиции о вынесении вотума недоверия правительству или об отмене чрезвычайного декрета, принять предложение правительства об отсрочке заседания парламента и заблокировать инициативу по досрочному созыву рейхстага. Отсрочки в работе парламента были важнейшей целью правительства, и эта его политика оказалась чрезвычайно успешной.

Переход к президиальному режиму лишил власти парламента и партии. Вместо них придавалось значение интересам союзов, которые теперь пытались оказать прямое влияние на президента и правительственный аппарат. Одновременно возросла роль и влияние рейхсвера и министерской бюрократии, сотрудников и советников в личном окружении Гинденбурга: К. Шлейхера, О. Мейсснера, сына Гинденбурга Оскара, Ф. фон Папена и др. Вокруг президента процветали нашептывания, интриги, соперничество в почти неконтролируемой мере, что влияло на политический процесс и делало его необычайно опасным⁹².

Все это проходило в условиях тяжелейшего экономического кризиса, который принял крайне затяжной и всеобщий характер. Рост промышленного производства к 1932 г. снизился по сравнению с 1928 г. на 54%. В начале 1931 г. недогрузка предприятий составляла 56,2%, свыше половины производственных мощностей германской индустрии не использовалось. Покупательский спрос падал, зарплата сокращалась. Объем внешней торговли сократился с 1929 по 1932 гг. почти на 2/3. Немецкая экономика, связанная с иностранными капиталовложениями, задолжавшая другим странам, переносила кризис особенно болезненно. Он потряс Веймарскую республику, вызвал всеобщее недовольство.

Росла массовая безработица: в декабре 1930 г. она составила 4 млн. 384 тыс., в декабре 1931 – 5 млн. 668 тыс., а в феврале 1932 г. – 6 млн. 128 тыс.⁹³ Число «невидимых» безработных оценивалось в 1931 г. в 1 млн. человек, в 1932 г. – 1,5 млн. Безработица коснулась каждой второй немецкой семьи. Всеобщий дух безработицы был фактором чрезвычайного значения. Кризис стал одной из главных причин краха республики. Политическая радикализация продолжала обостряться. Наибольшую выгоду из всеобщего протестного настроения извлекли нацисты, которые говорили, что вся «система» «ноябрьских преступников» прогнила, что причина несчастья Германии в «позорном Версальском договоре» и наложенной на нее «дани». На Брюнинга, кажется, это меньше всего производило впечатление. Он не предлагал немецкому народу и безработным никакой надежды. Напротив, канцлер требовал жертв, лишений, отказа и еще большей экономии от тех, которые и без того голодали. Политика чрезвычайных декретов шла рука об руку с патриотическими призывами: выстоять, не унывать, хладнокровно продолжать борьбу ради государственных интересов⁹⁴. В конце мая 1930 г. Брюнинг самоуверенно заявил своей фракции, что он надеется своими мероприятиями «полностью совладать с экономическим кризисом»⁹⁵.

Тем временем канцлер и его кабинет продолжали наступление на права и жизненный уровень трудящихся масс. 1 декабря 1930 г. был опубликован чрезвычайный декрет, который предусматривал сокращение бюджетных расходов на социальные нужды, усиливал влияние имперского правительства на финансовую политику земель и общин. Одновременно уменьшались государственные дотации в фонд страхования по безработице, в результате тысячи людей переводились с «обычного» пособия на так называемое «кризисное». Декрет касался также чиновников и государственных служащих, их жалованье снижалось на 6%. Своим декретом канцлер повышал налоги и одновременно снижал налоги (поземельный и промышленный), что было своеобразным подарком промышленникам⁹⁶. По мнению английского историка Дж. Макдоно, Брюнинг мог удержать власть в своих руках и предотвратить развал страны только с помощью чрезвычайных декретов. Как демократическое государство Веймарская республика к тому времени уже обанкротилась⁹⁷. На открывшейся 3 декабря

сессии рейхстага, благодаря поддержке фракции СДПГ, декрет был принят. Социал-демократы вновь спасли кабинет Брюнинга от падения, проголосовав против предложения об отмене декрета.

Брюнинг, как и большинство его современников, не сумел правильно оценить существо экономического кризиса, который воспринимался им как «очистительный». Он не смог вовремя понять опасность надвигавшейся экономической катастрофы. С кризисом и его внутривнутриполитическими последствиями, дестабилизировавшими в особенности государственные финансы, Генрих попытался бороться с помощью политики дефляции. Она рассматривалась им как лекарство, которое вылечит и вернет здоровье нации. Эта политика дефляции означала резкое ограничение государственных расходов, снижение зарплаты, цен, сокращение импорта. Брюнинг надеялся также усилить экспортные способности германской экономики, что позволило бы, во-первых, создать необходимую валютную подушку для репарационных платежей, во-вторых, организовать новые рабочие места. К тому же дефляционная политика имела важнейший внешнеполитический аспект: канцлер планировал с ее помощью окончательно устранить репарационные платежи, утверждая, что Германия не способна оплатить репарации по плану Юнга. Для данной цели был расширен государственный механизм регулирования, а чрезвычайные декреты, принимаемые Брюнингом, означали глубокое вмешательство в экономическую и социальную политику. Канцлер не думал о том, чтобы сбалансировать бюджет с помощью кредитов. Режим жесткой экономии, которому подчинялась вся внутренняя политика, должен был способствовать этому. Сокращались расходы, особенно социальные. Жертвой этой политики были рабочие, служащие, пенсионеры, безработные. Они становились легкой добычей для антидемократической пропаганды справа и слева. Так, жесткая дефляционная политика не могла ни разрешить, ни смягчить экономические трудности, которые Генрих недооценивал. Канцлер отклонил предложение экономиста Кейнса относительно решения экономического кризиса. Сомнения в отношении теории Кейнса он разделял с другими немецкими политиками.

Брюнинг постоянно подчеркивал, что его политика оздоровления нацелена на создание доверия для новых кредитов и зай-

мов. Политика дефляции скорее способствовала обострению кризиса, ожидаемый канцлером успех так и не наступил. Социальный и экономический кризис был доведен до крайности. Генрих попытался эксплуатировать кризис не только стратегически, но также тактически: не преодоление, а политическая эксплуатация депрессии⁹⁸. Он хотел использовать кризис не только для внешнеполитических целей, но и для обширной реформы конституции и управления. Историк Г. Мейер пишет, что до сих пор остается почти бесспорным тезис, что Брюнинг сознательно обострял экономический кризис, чтобы таким образом доказать невозможность выполнять план Юнга. Обострение кризиса со всеми его последствиями как инструмент ревизии – таков общий знаменатель⁹⁹. Брюнинг считал, что через план Юнга утверждается «дефляционная политика». Мировой экономический кризис подорвал основы плана Юнга и благоприятствовал его ревизии. Брюнинг был твердо настроен окончательно решить репарационный вопрос еще во время кризиса. Усиление нужды народных масс должно было служить в качестве демонстрации кризисного положения рейха, немецкой неплатежеспособности и абсурда финансово-политических требований заграницы, подчеркивая тем самым необходимость полного освобождения от репараций. Вся его концепция могла быть реализована до 1934 г.

Дефляционная финансовая политика служила политическим целям. Целью финансовой политики Брюнинга было расширить «дееспособность внешней политики Германии и ее свободу действий»¹⁰⁰, уменьшить экономическую зависимость, занять в переговорах с державами-победительницами прочную позицию и выдержать любое давление извне. Исходя из этого, он склонялся к мысли об экономической автаркии. Жесткое сокращение всех государственных расходов (включая снижение зарплаты) и социальных достижений служило внешнеполитическому «освобождению», в рамках которого канцлер стремился к равенству в вооружениях. Ревизия договора и системы Версаля должны были начаться с устранения репарационных платежей. Финансовая политика Брюнинга, пишет Морсей, большинством экономических теоретиков и современниками оценивается как наихудшее из всех зол¹⁰¹. Она предполагала тесную связь между экономическим кризисом, дефицитом бюджета и репарационной политикой.

Решающее значение имело подчинение финансовой и экономической политики как бескомпромиссного приоритета своей национально-консервативной, ревизионистской внешней политике¹⁰². Ради поставленной цели – полного освобождения от репараций – Брюнинг продолжил политику экономической депрессии. Это была политика морального шантажа¹⁰³. На второй план отступали все зловещие последствия депрессии и дефляционной политики, невзирая на массовую нужду и огромный пожар политической радикализации. Некоторые исследователи, наоборот, считают, что экономическая и финансовая политика Брюнинга не мотивировалась репарационной политикой, т.к. она проводилась независимо от целей ревизии плана Юнга. Его программа оздоровления была прежде всего «целью самой в себе». Подчеркивается, будто источники не подтверждают тезис, что упразднение репараций решительно определяло всю его экономическую и финансовую политику. Дефляционная политика Брюнинга играла только подчиненную роль. На первом месте была необходимость сбалансировать бюджет¹⁰⁴. Как ярый националист Брюнинг хотел использовать внутривнутриполитический и экономический кризис для достижения внешнеполитических целей. Канцлер не видел в нем катастрофы. Накануне своей отставки, в мае 1932 г., на заседании правления своей партии Брюнинг утверждал, что «кризис продлится и после решения репарационного вопроса еще два года; трудоустройство только тогда имеет смысл, когда кризис достигнет низшей точки»¹⁰⁵.

В феврале 1931 г. открылась сессия рейхстага, которая должна была окончательно утвердить бюджет на 1931 г. и принять некоторые поправки к статусу рейхстага. Значительное большинство парламента проголосовало за предложенный бюджет. Затем по предложению депутата от партии Центра Й. Белля были приняты поправки к статусу рейхстага, имевшие целью еще более ограничить его полномочия. Речь шла о 4-х пунктах: 1) о прениях и голосовании по бюджету в целом; 2) об усложнении голосования по вотуму недоверия; 3) о сокращении возможностей депутатских интерпелляций; 4) о новом урегулировании вопроса о депутатском иммунитете¹⁰⁶. Так правительство Брюнинга навязывало свою волю парламенту.

В знак протеста депутаты от НСДАП и НННП демонстративно покинули рейхстаг. Это был беспрецедентный факт. Своим уходом они поставили кабинет Брюнинга в щекотливое положение, ибо СДПГ и КПП располагали теперь большинством и могли совместно провести вотум недоверия. На это, собственно, и рассчитывали нацисты, ожидая, что канцлер призовет их на помощь. Однако Брюнинг предпочел усилить давление на СДПГ, грозя расколом прусской коалиции. Социал-демократы, продолжая политику «меньшего зла», спасли правительство. Вотум недоверия правительству был отклонен большинством парламента, а предложение о роспуске рейхстага отвергнуто. С конца марта и до середины октября 1931 г. рейхстаг был отправлен на каникулы. Это было, пишет Брюнинг, максимальное ограничение власти парламента ... Без внесения изменений в конституцию была практически осуществлена имперская реформа в духе возврата к принципам бисмарковской конституции¹⁰⁷.

Положение Брюнинга в июне 1931 г. оказалось весьма трудным. Финансовая ситуация Германии продолжала резко ухудшаться. Расходы золота и валюты из хранилищ Рейхсбанка неожиданно стремительно выросли. В середине месяца возникла опасность полного прекращения его платежей. Государственный бюджет имел миллиардный дефицит. 5 июня правительство опубликовало очередной чрезвычайный декрет. Он сокращал на одну треть дотации в фонд страхования по безработице, вводил новое сокращение пособий безработным. Ускоренный перевод с «обычного» пособия на уменьшенное – кризисное; выдача помощи ставилась в зависимость от выполнения какой-нибудь работы. Сокращались оклады чиновникам и служащим. Декрет взваливал на плечи трудящихся кризисный налог как добавку к налогу на зарплату и подоходный налог. Инвалиды и жертвы Первой мировой войны получали минимальную пенсию¹⁰⁸. Социальные тяготы чрезвычайного декрета в действительности превзошли наилучшие ожидания.

Одновременно с декретом было опубликовано воззвание «Tributaufruf», в котором правительство попыталось ответственность за решение отчаянного экономического положения взваливать на «заграницу». В нем, в частности, утверждалось, что «граница лишений, которую мы накладываем на наш народ,

достигнута», угрожающе опасное экономическое и финансовое положение рейха настоятельно вынуждает к отказу Германии от невыносимых репарационных обязательств¹⁰⁹. Воззвание спровоцировало огромный отток иностранных кредитов из страны и привело к краху немецкую банковскую систему. Экономика оказалась почти на краю пропасти. Из-за чрезвычайного декрета, полагал Генрих, «должен был возникнуть ураган огромной силы... Обстановка в Германии была напряжена до предела»¹¹⁰. Канцлер не ошибся: декрет вызвал резкое сопротивление со стороны самых широких слоев населения. По всей Германии прокатилась волна голодных походов безработных, массовых демонстраций. Протест охватил все политические лагеря. КППГ, НННП, НСДАП и Экономическая партия потребовали созыва рейхстага. Вообще со стороны этих партий экономическая и финансовая политика как политика обнищания подверглась резким нападкам. Правительство опасалось, что в случае проведения необходимого заседания рейхстага возникнут социальные беспорядки непредсказуемых масштабов. СДПГ заявляла, что будет бороться против антисоциального содержания декрета, который вызвал внутри партии острые разногласия. Тем не менее лидеры СДПГ не видели альтернативы политике «терпения».

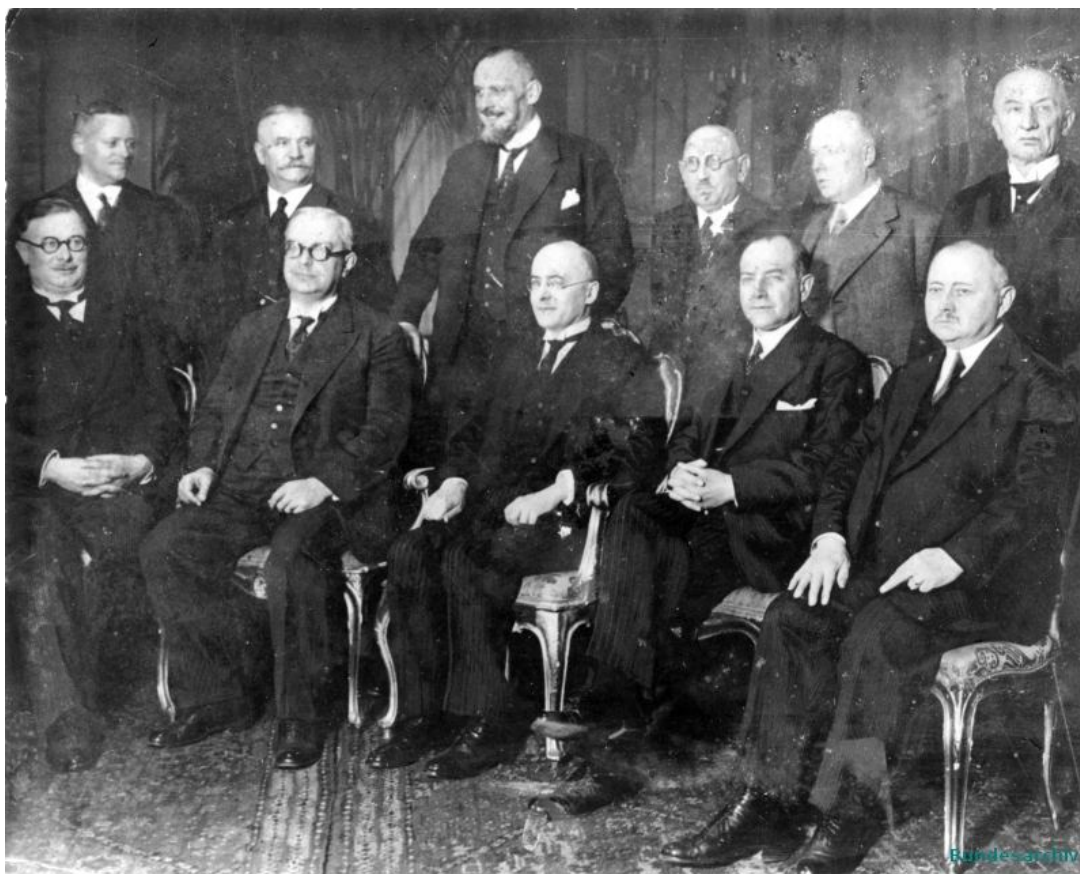
В партии Центра, основной опоры канцлера, декрет также вызвал сильное недовольство. Она ожидала, что правительство найдет возможность для устранения несправедливой жестокости. Брюнинг нес ответственность за чрезвычайный декрет. Народная партия выступила против декрета, а именно против предусмотренного сокращения жалованья чиновникам и кризисного налога. Отрицательная позиция ННП сигнализировала о серьезной потере интереса к Брюнингу в экономических кругах. К тому же воззвание «Tributaufruf» имело совсем другое воздействие: оно поколебало доверие международного финансового сообщества по поводу готовности имперского правительства платить репарации, предусмотренные планом Юнга. В остройшей экономической, финансовой и социальной ситуации Брюнинг увидел действенный инструмент для реализации своих внешне- и внутриполитических планов и опасался, что кризис закончится раньше, чем будет устранен план Юнга и, следовательно, достигнут первый этап на пути получения внешнеполитического влияния.

12-й [рейхсканцлер Веймарской республики](#)¹¹¹

Генрих Брюнинг перед зданием рейхстага в Берлине (1930 г.)¹¹²

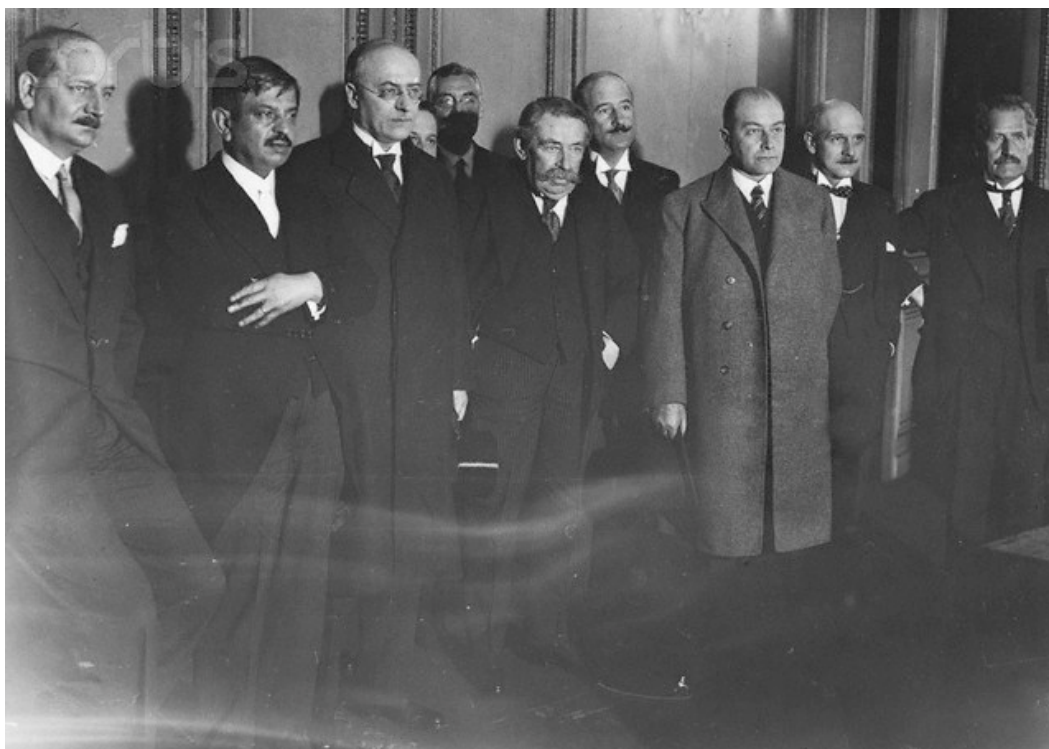
Первый кабинет Брюнинга, сидят (слева направо): Й. Вирт, Г.Р. Дитрих, Г. Брюнинг, Ю. Курциус, Г. Шетцель; стоят: Г.Р. Тревиранус, М. Шиле, Е.В. Бредт, А. Штегервальд, П. Мольденхауэр, Т. фон Герард¹¹³

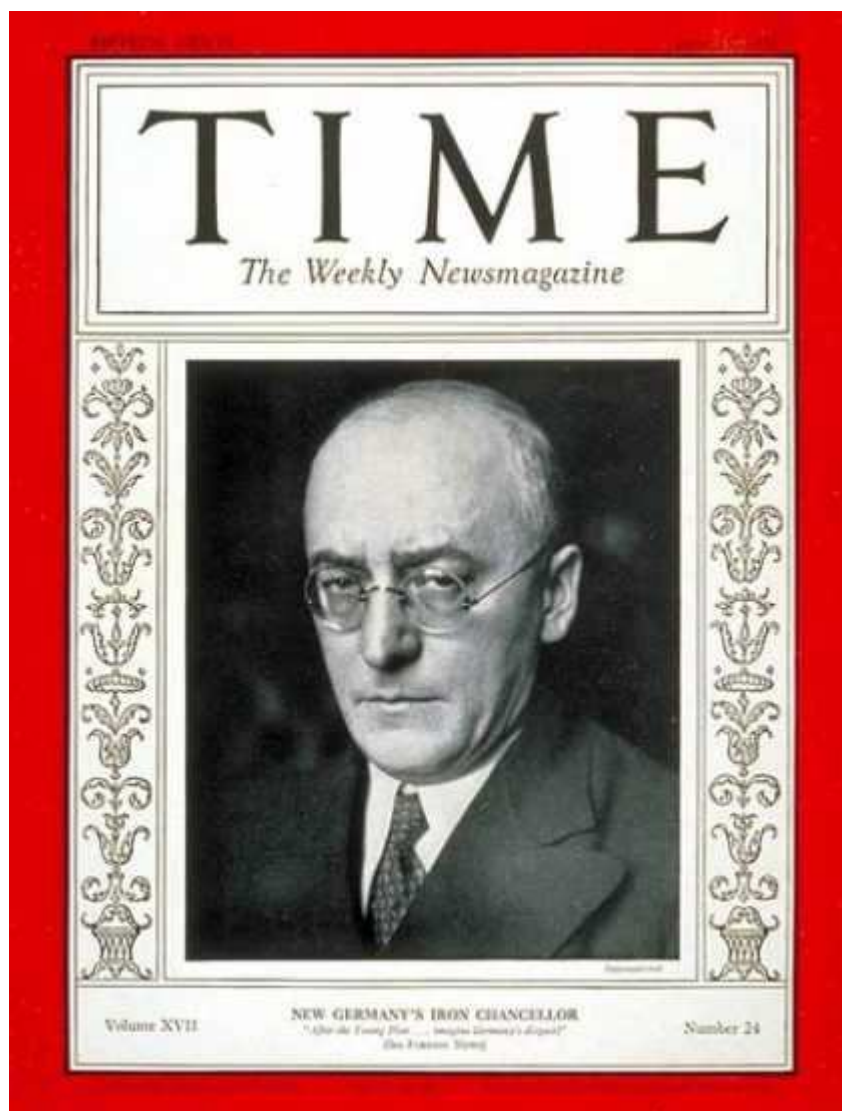
Недатированное фото германского рейхсканцлера (1930 – 1932) Генриха Брюнинга¹¹⁴

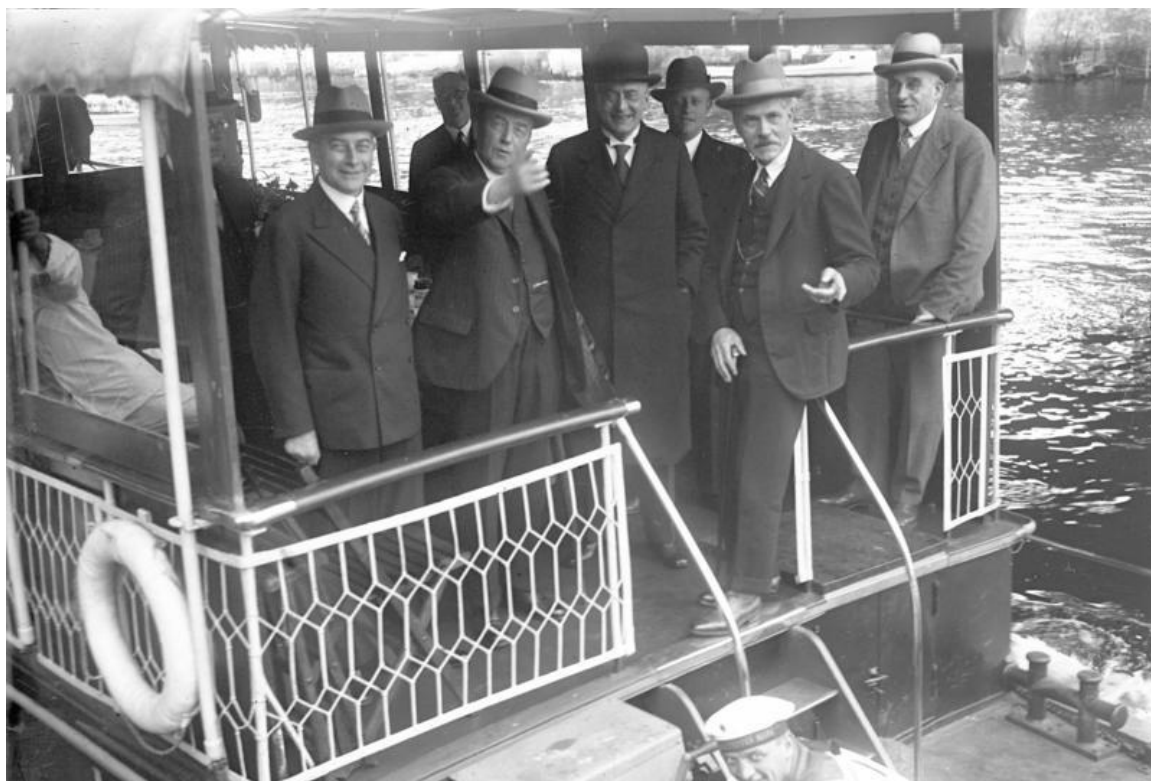
Канцлер Гейнрих Брюнинг проводит заседание своего кабинета министров в саду канцелярии. Берлин. 1930 год¹¹⁵

Французский и германский министры¹¹⁶

Генрих Брюнинг, 15 июня 1931 г.¹¹⁷

Bundesarchiv, Bild 102-12081
Foto: o. Ang. | Juli 1931

Берлин, прогулка немецких и английских политиков
(июль 1931 г.).¹¹⁸

Юлиус Курциус – министр иностранных дел Германии,
Артур Гендерсон – министр иностранных дел Великобритании,
Генрих Брюнинг – рейхсканцлер,
Джеймс Рамзей Макдональд – премьер-министр Великобритании,
Отто Браун – премьер-министр Пруссии

Рейхсканцлер Г. Брюнинг и министр иностранных дел Ю. Курциус провожают премьер-министра Великобритании Р. Макдональда в аэропорту Темпельхоф, июль 1931 г.¹¹⁹

Bundesarchiv, Bild 183-2008-0826-506
Foto: o.Äng. | August 1931

Г. Брюнинг, Л. Орсини – итальянский посол в Германии,
Б. Муссолини – глава итальянского правительства и Большого
фашистского совета, август 1931 г.¹²⁰

Выступление Брюнинга в рейхстаге, октябрь 1931 г.¹²¹

Bundesarchiv, Bild 102-13207
Foto: o. Ang. | 1931

Визит Аристида Бриана (министр иностранных дел Франции)
и Пьера Лавалья (премьер-министр Франции)
Берлин, 1931 г.¹²²

Генрих Брюнинг во время выступления в рейхстаге.
Берлин, февраль 1932 г.¹²³

Bundesarchiv, Bild 102-13152
Foto: o. Ang. | Februar 1932

Траурный митинг в память о павших
в годы Первой мировой войны,
Берлин, февраль 1932 г.¹²⁴

Рейхканцлер Брюнинг во время избирательной кампании
президента в апреле 1932 г.¹²⁵

Генрих Брюнинг выступает на собрании избирателей
во время президентской избирательной кампании,
Реднерпульт, март 1932 г. ¹²⁶

Bundesarchiv, Bild 102-13517
Foto: o. Ang. | Mai 1932

Праздник тела Христова¹²⁷
На фото в центре: Г. Шетцель, Г. Брюнинг, Й. Вирт
Берлин, май 1932 г.

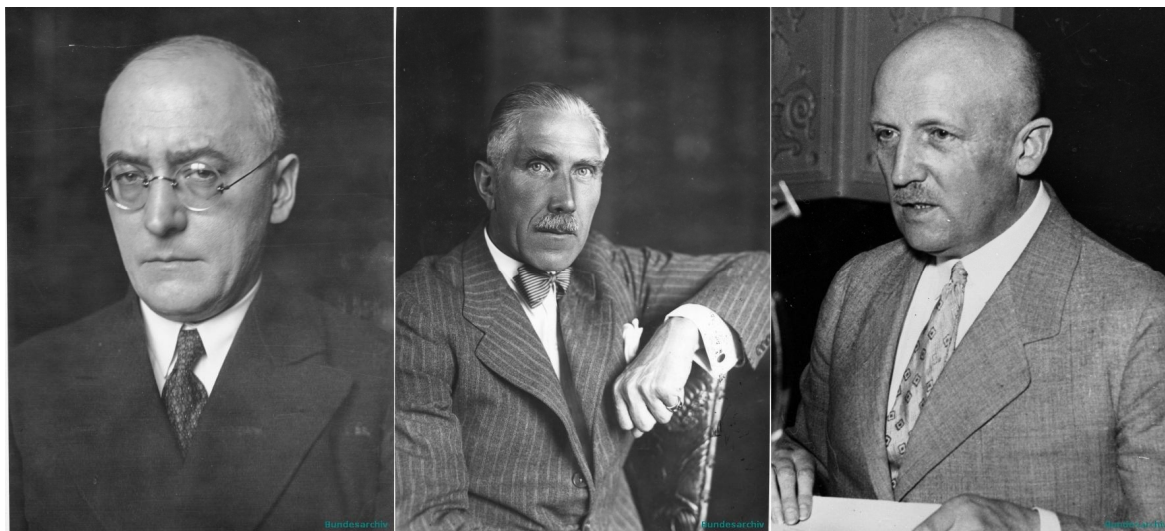

Bundesarchiv, Bild 102-13479
Foto: o.Äng. | Mai 1932

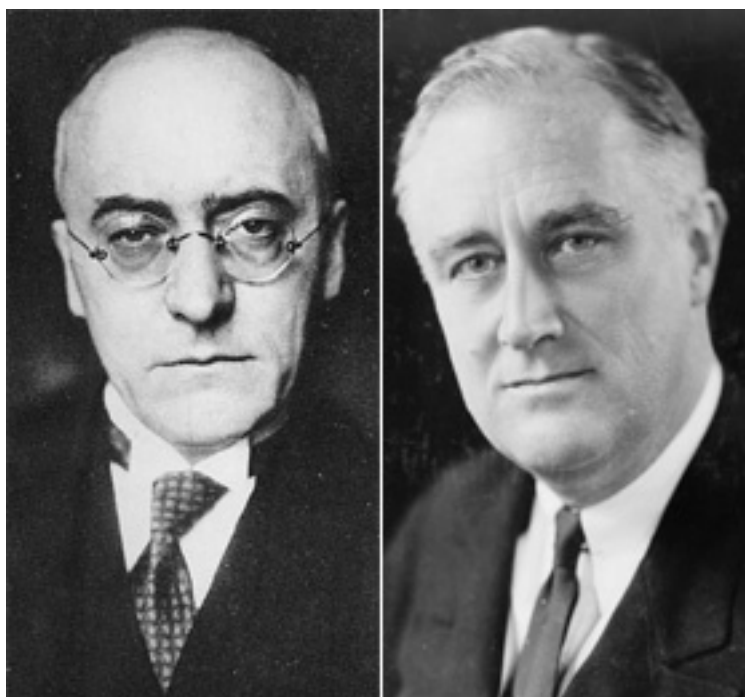
Траурная церемония по случаю смерти
французского президента¹²⁸:
Г. Брюнинг и О. Мейсснер, статс-секретарь, шеф президентской
канцелярии (Берлин, май 1932 г.)

Рейхспрезидент П. фон Гинденбург и лидер НСДАП А. Гитлер¹²⁹

Рейхсканцлер Генрих Брюнинг. Рейхсканцлер Франц фон Папен.
Рейхсканцлер Курт фон Шлейхер¹³⁰

Брюнинг и Рузвельт¹³¹

В самом правительстве обнаружились сильные противоречия. ННП потребовала созыва рейхстага, изменения изданного декрета и преобразования правительства¹³². «Я, — заявил канцлер, угрожая передачей исполнительной власти рейхсверу, — при всех обстоятельствах до конца выдержу это испытание сил»¹³³. Ставя вопрос таким образом, что интересы правительства абсолютно несовместимы с созывом рейхстага, Брюнинг признал, что между этими двумя государственными институтами образовалось принципиальное противоречие. Фактически правительство не желало вообще допустить парламентской дискуссии по поводу своей экономической и финансовой политики. Такое положение было беспрецедентным в истории Веймарской республики. СДПГ Брюнинг пригрозил тем, что если она выскажется за созыв рейхстага, то он взорвет коалицию Центра и СДПГ в Пруссии¹³⁴.

Только после долгих, драматических переговоров с лидерами партий и профсоюзов, министрами, руководством рейхсвера, президентом Рейхсбанка Лютером Брюнингу удалось добиться большинства, которое высказывалось против созыва рейхстага. Совет старейшин на своем заседании 16 июня также отклонил предложение о созыве рейхстага. СДПГ в очередной раз спасла канцлера. Она предложила созвать хотя бы бюджетную комиссию парламента. Однако Брюнинг оказался непреклонным, настаивая на продолжении жесткого дефляционного курса, даже если он повлечет за собой еще большую нужду. Он оказал мощное давление на фракцию СДПГ, угрожал расторгнуть прусскую коалицию в случае, если социал-демократы будут добиваться созыва бюджетной комиссии¹³⁵. Давление и угрозы подействовали. После бурных дебатов фракция СДПГ значительным большинством отказалась от созыва бюджетной комиссии. Статс-секретарь Пюндер записал в своем дневнике: «День огромного значения подходит к концу. Мы победили». Далее он пишет, что только немногие осознавали или подозревали, что «возможно, назревала гражданская война»¹³⁶. С этого момента, по утверждению самого Брюнинга, он больше не боялся рейхстага, пока президент оказывал ему твердую поддержку¹³⁷. В эти же дни Г. Лютер попытался завести разговор с Брюнингом о создании «большой коалиции» с участием СДПГ. Этот план Лютера напугал канцлера, для него и рейхсвера он оказался просто неприемлемым¹³⁸. Активную под-

держку в эти критические дни канцлер получил от руководства Имперского союза германской промышленности. На заседании главного комитета этой организации 19 июня П. Зильверберг призывал монополистов оказать помощь правительству и доверие канцлеру¹³⁹.

Угроза финансовой катастрофы заставила тогдашних руководителей Германии летом 1931 г. вступить в переговоры с английским премьер-министром Макдональдом и министром иностранных дел Гендерсоном по вопросу о моратории на долги и репарации и обратиться с просьбой о помощи к США. Брюнинг хотел с помощью Англии добиться нового урегулирования репараций. Встреча Брюнинга и Курциуса с Макдональдом и Гендерсоном состоялась 5-9 июня 1931 г. в резиденции премьера в Чеккерсе. Во время переговоров канцлер говорил об угрозе революции в стране, о серьезной опасности социальных волнений. Германское правительство будет выполнять обязательства, но при этом оно чувствует, что самое позднее в ноябре положение дел резко ухудшится¹⁴⁰. К огорчению немцев их надежды на мораторий не оправдались. Встреча прошла в дружественной атмосфере, но закончилась безрезультатно. Президент Гинденбург во время встречи с Брюнингом выразил ему свое недовольство тем, что канцлеру не удалось достигнуть немедленного решения с англичанами, но проявил готовность ввиду угрожающей ситуации поддержать его¹⁴¹.

В этот момент Гинденбург обратился за помощью к США и 20 июня президент США Г. Гувер выступил с предложением годового моратория всех платежей по репарациям и военным долгам. Правительства европейских стран с готовностью поддержали это предложение. Германское правительство немедленно ухватилось за него, видя в нем не только временное облегчение финансового положения, но и шанс на возможное упразднение репарационного «плана Юнга». Мораторий означал решающий «поворотный пункт в репарационном вопросе»¹⁴². Брюнинг мог праздновать инициативу Гувера как большой политический успех, хотя попытался умалить значение этого исторического события. Он полагал, что наступил момент, когда можно раз и навсегда покончить с репарациями. Канцлер придерживался твердой линии в вопросе репараций, и здесь для него могло быть только

одно решение — их окончательная отмена. С другой стороны, Брюнинг предполагал воспрепятствовать всем, кто считал, что наступил час устранить наихудшие социальные жестокости чрезвычайного декрета от 5 июня или, по меньшей мере, смягчить их. Он был уверен, что не в 1931 г., а только в следующем 1932 г. наступит пик финансовых трудностей. Канцлер понимал, что после принятия предложения президента Гувера все тяжести Германии не будут устранены и немецкий народ не должен предаваться иллюзиям. Он настаивал на том, что проводимая до сих пор политика дефляции должна быть продолжена без изменений¹⁴³. После моратория Гувера пересмотр плана Юнга стал необходим. Мораторий стал рассматриваться как начало конца репараций. Кстати, ведущие промышленники, буржуазные политические деятели видели в предложении американского президента начало коренного пересмотра репарационного вопроса. Заслуга в этом деле приписывалась Брюнингу, в силу чего проводимая им тактика переговоров с западными державами признавалась наиболее приемлемым средством постепенной ликвидации репараций. Теперь окончательное решение вопроса больше связывалось с личностью канцлера¹⁴⁴. После этого Брюнинг стал добиваться полного отказа от уплаты репараций.

Происшедший в начале июля 1931 г. крах крупнейших немецких банков ускорил дальнейший поворот финансового капитала в сторону нацизма. Все большее число монополистических и банковских воротил настаивало на «свободе действий в экономической деятельности». Немецкий банковский кризис обнажил слабость германской экономики, обострил ситуацию в Германии. С крахом банков кризис приобрел новый размах. Кабинет Брюнинга использовал этот кризис для принятия новых чрезвычайных декретов 19 сентября и 6 октября. Банковский кризис нанес капиталистической системе сильнейший удар по доверию и престижу. Он имел непосредственные последствия для репарационной политики. Брюнинг воспользовался крахом банков, чтобы добиваться ревизии плана Юнга. Этот крах служил теперь в качестве дополнительного аргумента, чтобы окончательно упразднить репарации. Во время визита 25-27 июля в Германию американского госсекретаря Г. Стимсона и 28 июля британского премьер-министра Дж. Р. Макдональда канцлер получил обнадеживающие

заверения, что после окончания годичного моратория Гувера возврата к плану Юнга не будет¹⁴⁵. Лидеры этих государств, видимо, полагали, что если можно не возвращать долги один год, зачем платить их вообще. Однако Генрих и не думал сообщить об этом германской общественности.

Более того, накануне всех этих событий 20-23 июня в Лондоне состоялась конференция семи государств, на которой выявились сильные франко-британские противоречия. Франция оказалась в полной изоляции. Брюнингу все же удалось добиться при поддержке США и Англии решения об оказании Германии необходимой экономической помощи без предварительных условий. Результатами конференции германская делегация была довольна. Три ее решения существенно облегчили положение Германии. Во-первых, кредит в 100 млн., который 25 июня Рейхсбанк получил от Банка международных расчетов (срок уплаты 25 сентября), продлевался на три месяца. Затем он продлевался снова и снова. Во-вторых, финансовые институты различных стран должны были договориться о совместных мерах, направленных на защиту Германии от дальнейшего оттока иностранных кредитов. В-третьих, разрешалось обращаться в Банк международных расчетов с рекомендацией немедленно созвать комиссию экспертов для обследования финансового положения Германии. Комиссия могла потребовать кредит для Германии и в этой связи проверить возможность превращения части краткосрочного займа в долгосрочный¹⁴⁶. Для Германии они имели положительное значение, тем более комиссия вскоре пришла к выводу о невозможности для Германии возобновления репараций даже после истечения годичного срока моратория Гувера. Однако Брюнинг постарался приуменьшить их результат и вывода не сделал в плане ослабления жесткой дефляционной политики, учитывая при этом экономическую нужду, социальную бедность и радикализацию политической жизни. Эти факты он стремился использовать для окончательного решения проблемы репараций. За границей, по его мнению, не должны допускать и мысли, что при доброй воле рейх в состоянии оплатить свои государственные долги. Брюнинг хотел побудить кредиторов репараций отказаться от плана Юнга, подчинить кризис национальным интересам Германии.

По итогам конференции семи была создана комиссия, во главе которой стал американский банкир Виггинг. В августе 1931 г. в своем заключительном сообщении комиссия констатировала, что репарации в значительной мере влекут за собой высокие иностранные долги – главное препятствие для оздоровления германской экономики. Решение репарационной проблемы является предпосылкой для возрождения кредитного достоинства Германии и, следовательно, решающим шагом к восстановлению ее экономического процветания. Кроме того, комиссия Виггинга позаимствовала выводы международной банковской конференции, которая разработала проект соглашения о моратории частных долгов¹⁴⁷. По этому соглашению с сентября 1931 г. краткосрочные зарубежные германские долги отсрочивались первоначально на шесть месяцев. По истечении этого срока соглашение о моратории многократно продлевалось. Само соглашение и выводы комиссии Виггинга относительно репараций были успехом репарационной политики Брюнинга и дали возможность добиться скорейшего упразднения плана Юнга.

С весны 1931 г. дефляционная политика Брюнинга стала подвергаться критике. Угрожающих масштабов достигла безработица. Общественность ожидала от кабинета Брюнинга решительных мер против массовой безработицы. Принимаемые правительством с середины 1931 г. мероприятия по трудоустройству: мелиоративные работы, дорожное и поселковое строительство, в особенности после публикации Постановления об исполнении по содействию добровольного труда, – не принесли решающего успеха. Кредитная экономика прежних лет срочно нуждалась в корректировке. Кризис достиг таких размеров, что подверг сомнению проведение в дальнейшем дефляционной политики. Влиятельные круги германской буржуазии атаковали правительственную политику с разных позиций. 30 июля известные промышленники, среди которых были Крупп, Клёкнер, Фёглер, Рейш и другие, в письме канцлеру потребовали развернутой реформы управления, которая ограничивала бы права избирателей, снизила бы социальное обеспечение до уровня 1913 г., радикально покончила бы с прежней системой страхования по безработице и практически отменила бы тарифное законодательство и государственную третейскую систему¹⁴⁸. Они же открыто выступали за

включение лидера НННП Гугенберга и нацистов в правительство. Другая часть правящей элиты на совещании 3 августа, где присутствовали министры, представители СДПГ и экономических кругов, высказывала пожелание корректировки дефляционной политики. К сожалению, это обсуждение не имело практических решений. Но оно все же показало, что влиятельные силы в лагере предпринимателей недовольны дефляционной политикой Брюнинга и даже считали ее опасной.

Весной – осенью 1931 г. с разных сторон, а также внутри самого правительственного аппарата вносились и обсуждались альтернативные дефляционной финансовой и экономической политике планы и предложения, рассчитанные на помощь иностранных кредитов или увеличение объема внутренних кредитов с целью стимулировать производство. Советник министерства экономики В. Лаутенбах, статс-секретарь министерства финансов Х. Шеффер предлагали заменить дефляционный курс политикой кредитной экспансии и общественных работ. Не согласившись с планом Шеффера, канцлер заявил: «Мы должны безусловно выстоять до весны 1933 г., даже если придется прибегнуть к обману»¹⁴⁹. В мае 1931 и в январе 1932 г. президент статистического имперского ведомства и директор Института конъюнктурных исследований Э. Вагеман предложил план «денежной и кредитной реформы», а именно увеличить через ослабление средств покрытия объем денежного обращения. Однако канцлер отказался от девальвации рейхсмарки, несмотря на требования части представителей экспортной индустрии. Он также отверг и советы о смягчении или хотя бы частичном отказе от дефляционных мер.

Почему Брюнинг отклонил планы коррекции дефляционного курса? Он полагал, что заграница может подумать, что «Германия пытается через искусственный кредит улучшить свою экономику и избежать уплаты репарационных платежей»¹⁵⁰. Канцлер также сомневался в том, что от кредитной экспансии следует ожидать долговременного благоприятного воздействия. Кроме того, на пике кризиса, как он считал, стабильность валюты через обширную кредитную экспансию будет поставлена под угрозу. Твердо придерживаясь своего курса, Генрих не сомневался в его правильности. Об альтернативе своей непреклонной финансово-политической линии он не хотел знать, любое отклонение от нее

рассматривал как инфляцию. По мнению историка Хольтфрериха, с точки зрения внутренней политики речь шла о консолидации финансов путем прежде всего резкого сокращения социальных расходов. «Преждевременное» же оздоровление могло бы помешать этому. К тому же нормализация ситуации создавала угрозу решению главного для Брюнинга вопроса: полного прекращения выплаты репараций. Брюнинг рассчитывал использовать мировой экономический кризис в качестве мощного средства давления на победителей с целью ревизии Версаля¹⁵¹.

Для Брюнинга основополагающим был «примат внешней политики», определявший финансово-экономические и другие акции. Канцлер ставил своей целью произвести ревизию итогов Первой мировой войны. Он сознательно и целеустремленно использовал критическую ситуацию для поиска правоальтернативных решений. Историк У. Венгст ссылается на стремление Брюнинга не допустить «досрочной», «несвоевременной» стабилизации экономики до ликвидации плана Юнга¹⁵². Отсюда его блокада мер выхода из кризиса и попытки найти взаимопонимание с правым фронтом политических сил. И планы реставрации монархии, и поиски консервативных решений Венгст относил к «роковым» для Германии. Брюнинга он причислял к тем политикам, которые «вопреки воле», т.е. не будучи сторонниками нацизма, создавали предпосылки, которые облегчили передачу власти национал-социализму¹⁵³.

Важным намерением Брюнинга было оказать широкую государственную помощь сельскому хозяйству. С этой целью он решил познакомиться с его положением и по просьбе президента посетил Восточную Пруссию, Верхнюю Силезию и восточные области. Отправляя канцлера в поездку по востоку страны, Гинденбург возлагал большие надежды на то, что, во-первых, по результатам поездки правительство подготовит программу помощи востоку в больших размерах, во-вторых, это будет способствовать созданию благоприятного имиджа президента и правительства. Увиденное произвело на канцлера ужасно тяжелое впечатление. Он убедился, «как велика была разница между востоком и западом страны, особенно в плане политической зрелости». В своих мемуарах он пишет: «... восток сегодня остается таким же, как и 120 лет назад, он не созрел для демократии даже в умерен-

ной форме. Я впервые признал, какие тяжелые потери понесло восточное дворянство в годы Первой мировой войны»¹⁵⁴.

Во время поездки Брюнинг убедился и в другом. Миф, созданный вокруг Гинденбурга, на востоке был уже мертв, лишь на западе и юге Германии еще оставался жить. В ходе поездки Брюнинг признал недостаточное финансирование восточных областей. Ему стало ясно, что по меньшей мере потребуется три года для проведения всех запланированных реформ на востоке. Он решил подготовить развернутую аграрную программу с представителями земельного фронта. Канцлер обсуждал свои идеи с профессором Вармбольдом, Тревиранусом, вел переговоры с Зильвербергом, Кастлем о ходатайстве промышленных обязательств, с Пехманом о понижении ипотечной процентной ставки¹⁵⁵. Генрих предлагал подготовить общий меморандум о «Восточной помощи». Министром продовольствия в правительстве Брюнинга был М. Шиле, ярый сторонник политики аграрного протекционизма, президент землевладельческого союза «Ландбунд». Правда, осенью 1930 г. он отказался от руководящего поста в союзе, а в начале 1931 г. Ландбунд призвал даже к свержению правительства Брюнинга. Шиле пытался осуществить срочную программу, которая предусматривала повышения пошлин на сельскохозяйственные продукты и значительное расширение «Восточной помощи». В правительстве были очень недовольны методами Шиле. Он пытался через предварительный взнос успокоить Имперский земельный союз, но при этом не замечал, что этими методами еще больше усиливает требования землевладельцев. Брюнинг попал, что называется, в переплет. С одной стороны, он зависел от президента и должен был учитывать предпочтения Гинденбурга, лоббировавшего интересы юнкерства, с другой – канцлер хотел добиться увеличения экспорта, чтобы поставить кредиторов перед фактом: продолжение платить репарации может иметь для них негативные экономические последствия.

До весны 1931 г. Шиле удалось добиться, вопреки сопротивлению своих коллег по правительству, дальнейшего повышения таможенных пошлин в пользу сельского хозяйства. В конце марта того же года при мощном давлении Шиле посредством чрезвычайного декрета был введен в действие так называемый

«Закон о Восточной помощи». Он давал правительству возможность устанавливать новые неограниченные пошлины административным путем, предусматривал финансовую помощь государства областям восточнее Эльбы и ликвидацию задолженности сельскохозяйственных владений. Крупные землевладельцы получили большие средства, многим из них достались баснословные суммы. Уже в первом чрезвычайном декрете от 26 июля 1930 г. содержался раздел о «Восточной помощи» для сельского хозяйства, предусматривавший ассигнование в 1,5 млрд. марок.

Правительство Брюнинга ввело в 1931 г. специальный пост рейхскомиссара, который занял выходец из юнкерства Шланге-Шенинген. Наряду с этим предусматривались меры по поощрению сельскохозяйственных поселений. Эти меры должны были повысить производство сельскохозяйственной продукции и повлиять на растущие цены. Предполагаемая политика поселений и другие мероприятия по защите сельского хозяйства находились в резком контрасте с дефляционной политикой¹⁵⁶. Однако средства, выделяемые на «Восточную помощь», тратились на различные прихоти, выявились серьезные злоупотребления при распределении и использовании ассигнований. Это признавал и сам канцлер. Деньги, которые передавались Восточной Пруссии, были практически потеряны. Восток, писал Брюнинг, потерял чувство меры¹⁵⁷. Он обвинял в этом националистов и друзей рейхспрезидента. Некоторые юнкерские хозяйства давно и безнадежно обанкротились, и их не было смысла финансировать. Поэтому Шланге-Шенинген и министр труда Штелервальд считали, что такие имения лучше пустить в принудительную программу, чтобы в дальнейшем земля перешла в руки крестьян-переселенцев из центральных областей страны.

27 августа Брюнинг по требованию рейхспрезидента встретился с Гугенбергом. Во встрече участвовали также Л. Каас и Кваатц. Генрих сообщил лидеру ННП о целях своей политики и высказался пока против привлечения в правительство правых. Встреча не дала никаких результатов. Однако для Брюнинга важно было узнать мнение националистов о их готовности поддерживать и переизбрать Гинденбурга на второй президентский срок. Убедительно высказывая свою точку зрения, он пытался оказать воздействие и на собеседника: «Я, — говорил канцлер, —

подчиню всю политику для обеспечения переизбрания Гинденбурга. Это мой единственный долг, а 1932 г. был бы связан с его именем»¹⁵⁸. Брюнинг спросил Гугенберга, что он думает по этому вопросу. Лидер НННП не дал ответа, поскольку якобы не знает точку зрения Гитлера, хотя Генриху уже было известно, что национал-социалисты не будут голосовать за Гинденбурга. Канцлер хотел бы сохранить Гинденбурга как главу государства с целью содействия мирному восстановлению монархии. «Это, – заявил канцлер, – было исходным пунктом всей моей политики»¹⁵⁹. Брюнинг даже предложил лидеру националистов установить с ним постоянный контакт, прежде всего по внешнеполитическим вопросам. В этой беседе Генрих впервые четко обозначил свою позицию по вопросу переизбрания Гинденбурга.

В сентябре в адрес рейхспрезидента обрушился организованный национально-консервативными кругами поток антибрюнинговских и прогугенберговских писем. Они добивались отставки Брюнинга. Генерал Шлейхер носился с планом полного изменения состава правительства, учитывая положение крайних правых. Он вновь стал участником интриг. Один из видных деятелей Народной партии Э. Дингельдей, будущий ее лидер, также активно участвовал в интригах против Брюнинга. 13 сентября канцлер посетил Гинденбурга, их беседа была долгой и содержательной в плане понимания взглядов двух основных государственных мужей Германии. Президент твердым голосом сказал Генриху, что он должен теперь дальше идти вправо. Брюнинг возразил ему, что в целом его политика уже абсолютно консервативная (в хорошем смысле), но для большинства же правых (имея в виду националистов) до сих пор еще не созрели предпосылки. Теперь он обязан переговорить с Гитлером, чтобы узнать, готова ли вообще НСДАП поддержать расширение правительства вправо, даже если оно не сможет усвоить основные политические принципы Гитлера. «Я, – говорил канцлер, – не могу рисковать осознанным разрушением почти гарантированного большинства в рейхстаге без абсолютно согласованного обещания как Гугенберга, так и Гитлера»¹⁶⁰. Брюнинг предложил президенту встретиться и переговорить с Гитлером, чтобы узнать мнение о возможности сотрудничества и совместных действиях. Гинденбург категорически отклонил это предложение. Канцлер сказал Гин-

денбургу, что можно не принимать Гугенберга, но нельзя отвергать фюрера — лидера второй по величине, а возможно, уже самой крупной партии.

В ходе беседы президент заявил, что хотел бы вывести из состава правительства Дитриха, Штегервальда, Вирта, Курциуса, Пюндера, Тревирануса. На это канцлер ответил, что дорожит сотрудничеством с консервативными политиками, которые имеют деловой опыт и хорошие политические суждения. Следующее заявления Гинденбурга буквально потрясло Брюнинга: «Я перед моим богом поклялся конституции. Вы должны мне помочь, чтобы я ее не нарушил»¹⁶¹. Дальнейший ход рассуждений канцлера свидетельствует о его истинных намерениях как политика. Он сказал президенту, что до сего дня не трогал Конституцию, но пообещал свести полномочия парламента до уровня времен Бисмарка и одновременно передать ему, главе государства, фактически всю полноту власти, какой владел ею раньше кайзер. На этом пути он, канцлер, не остановится и после достижения внешнеполитических успехов проведет имперскую реформу в конституционных формах, чего намерен добиться в следующие полгода. Однако изменение Конституции произойдет только после перевыборов президента, которые осуществит несмотря ни на что и рассматривает их как свою главную задачу. Изменение имперской Конституции Брюнинг представлял как «возвращение к лучшим традициям прусской системы управления столетней давности». Об этом он сообщил Гугенбергу. Канцлер направил также Гитлеру предложения об изменениях парламентских основ и был намерен потребовать от него ясного ответа.

Брюнинг снова просил Гинденбурга поговорить с Гитлером, оказать на фюрера давление и убедить его в поддержке переизбрания президента, на что фельдмаршал откровенно пожаловался: у него нет желания вновь выставлять свою кандидатуру. Все ему платят неблагодарностью, его покинули старые друзья и клеветают на него¹⁶². Когда Генрих намекнул на включение Гугенберга в кабинет, президент достаточно живо возразил, что он никогда не даст согласия назначить Гугенберга министром. В конце беседы Брюнинг был сильно удивлен неожиданной просьбой президента о поддержке генерала Шлейхера, которого он назвал

умным человеком и понимающим толк в политике. Генриху показалось это весьма странным¹⁶³.

Брюнингу удалось уговорить президента пока не включать националистов и нацистов в правительство. Те представители монополистической буржуазии, которые выступали за канцлера, были вынуждены констатировать, что в широких предпринимательских кругах доверие к его правительству падает¹⁶⁴. В адрес президента шел поток писем от генералов, промышленников, политиков, монархистов довоенного времени с требованием отставки Брюнинга. Эта травля была организована с целью окончательно подорвать его положение. Телефонные разговоры канцлера прослушивались. Интриги вокруг президента, грызня и соперничество между политиками усугубляли ситуацию. В мемуарах Генрих пишет, что впервые поделился своими мыслями с президентом о возможности восстановления монархии в Германии¹⁶⁵.

Такому натиску кабинет Брюнинга более противостоять не мог. Возможность его преобразования в духе правых появилась в начале октября, когда министр иностранных дел Курциус вынужден был уйти в отставку из-за неудавшегося австро-германского таможенного союза. 7 октября 1931 г. Брюнинг заявил президенту об отставке правительства. При этом он заявил: «Или Вы мне даете свободу действий или Вы расстаетесь со мной»¹⁶⁶. А накануне своей отставки 6 октября его кабинет опубликовал «малый» чрезвычайный декрет, который снижал срок выплаты основного пособия по безработице с 26 до 20 недель. Сначала правительство намеревалось сократить срок выплаты до 16 недель. Кроме того, декрет предусматривал возможность выплаты определенной его части продукцией. Правительствам земель предоставлялся полный контроль над бюджетом общин и право в чрезвычайном порядке снижать их расходы¹⁶⁷. Так кабинет Брюнинга хотел лишить общины каких-либо возможностей «перерасходования» средств в помощь безработным и другим остро нуждающимся категориям. Правда, рейх предоставлял общинам облегченный налог на благотворительность (на зиму) в сумме 230 млн. марок.

В начале октября 1931 г. закончилась деятельность первого правительства Брюнинга. Канцлер показал себя как авторитарный политик, не сумевший упрочить положение своего кабинета.

4.4. Снова у власти. Второй кабинет

Брюнинг, судя по его мемуарам, в тяжелейших ситуациях своего канцлерства, черпал из своей фронтовой жизни «мужество и уверенность». 9 октября 1931 г. было образовано второе правительство Брюнинга. А накануне президент Гинденбург потребовал от Генриха, чтобы новый кабинет не был связан партийно-политически и имел сильный консервативный профиль. Брюнинг обещал выполнить это пожелание. Однако новый кабинет был не совсем таким правым, как хотел Гинденбург. В итоге президент был не удовлетворен составом кабинета, хотя он еще больше, чем прежде, зависел от его доверия. Акция крайне правых пока еще не увенчалась полным успехом, но и позиция канцлера во время этого октябрьского кризиса оказалась чрезвычайно слабой. В состав правительства вошли Г. Вармбольд в качестве министра экономики и представитель «ИГ Фарбениндустрии», К. Йёль, крайне консервативный деятель, близко стоявший к ННП, в качестве главы министерства юстиции. Его Брюнинг хвалил как «настоящего чиновника». Тревирануса назначили министром транспорта. Канцлер был вынужден вывести из правительства трех министров: Ю. Курциуса, Й. Вирта, Т. Герарда. На отставке всех троих настаивал президент. За каждое министерское кресло шла борьба. Последние двое, видные деятели партии Центра, были к тому же не согласны с авторитарным курсом Брюнинга. Х. Шланге-Шёнинген стал имперским комиссаром по «Восточной помощи» и одновременно рейхскомиссаром без портфеля. ННП не была представлена в новом кабинете. Особенно сильно был настроен против Брюнинга лидер этой партии Дингельдей. Она стала настаивать на том, что «национальная оппозиция» должна участвовать в правительстве. 13 октября после начала сессии рейхстага фракция ННП внесла предложение о вотуме недоверия правительству Брюнинга. Сам Генрих взял на себя министерство иностранных дел, а министерство внутренних дел передал, также по совместительству, генералу В. Грёнеру. Это означало усиление влияния рейхсвера на руководство государством и концентрацию исполнительной власти.

Было очевидно, что и второй кабинет Брюнинга имеет переходный характер. Поэтому правые политики не хотели подвергать себя риску вступлением в недолговечное правительство. В него отказались войти К. Нейрат – фаворит Гинденбурга, посол в Англии, и ведущие промышленники А. Фёглер, Г. Шмиц, П. Зильверберг. Подобная позиция видных деятелей крупного капитала нанесла удар престижу правительства. Разрыв между правым крылом лагеря буржуазии и кабинетом Брюнинга произошел окончательно. Канцлер сожалел «всем сердцем», что ему не удалось создать «национальное» правительство¹⁶⁸. Нацистская пресса характеризовала второй кабинет Брюнинга как «установление диктатуры партии Центра, опирающейся на батальоны рейхсвера»¹⁶⁹. Неудача в расширении кабинета вправо убедила генерала Шлейхера и окружение президента Гинденбурга в том, что Брюнингу никогда не удастся достигнуть «объединения национальных сил», т.е. создания единого правонационалистического союза, и добиться через него полной диктатуры монополистического капитала. Статс-секретарь Шеффер писал тогда, что доверительные отношения между президентом и Брюнингом поколеблены¹⁷⁰. Национально-шовинистические круги (фёлькише) с первых же дней существования второго кабинета Брюнинга встали в резкую оппозицию к нему. Непримируемые отношения и личная неприязнь установились между Брюнингом и Гугенбергом.

В то же время Брюнинг явно старался получить поддержку правительственного курса от нацистов. Его часто навещал Геринг. Во время одной из таких встреч Геринг говорил о дружественной позиции НСДАП к нему и предупредил канцлера об интригах господина Гугенберга. Гитлер наслышан о стараниях канцлера организовать встречу фюрера с рейхспрезидентом и отдает должное этому. Геринг откровенно сказал Генриху, что в ближайшее время НСДАП из тактических соображений, вероятно, будет тесно сотрудничать с НННП. Тем не менее Брюнинг согласился на переговоры с Гитлером, но предложил встретиться с ним перед началом совместного заседания НСДАП и НННП. После этой встречи, возможно, будет легче устроить прием Гитлера президентом¹⁷¹. 10 октября Брюнинг встретился с Гитлером. Когда Гитлер получил телеграмму от Брюнинга с приглашением на встречу, он воскликнул, размахивая телеграммой перед своими

однопартийцами: «Сейчас они у меня в кармане! Они признают меня равным партнером на переговорах». Во время встречи канцлер спросил, готов ли тот поддержать переизбрание президента Гинденбурга на второй срок. Гитлер ответил, что это исключено. Он точно знает, что Гугенберг подбирает другую кандидатуру и хочет отомстить имперскому президенту. Поэтому ему (фюреру) уже невозможно выступать в какой-либо форме за переизбрание президента. Далее Брюнинг заявил, что нацистская партия должна пока еще оставаться в оппозиции, ибо в случае прихода крайне правых к власти в стране может возникнуть «коммунистическая опасность». Беседа закончилась безрезультатно, но в своих мемуарах Брюнинг пишет, что проходила она очень дружелюбно¹⁷². Гитлер считал положение канцлера в данный момент очень прочным и предупреждал, что большая опасность исходит от планов государственного переворота Гугенберга.

Одновременно Брюнинг инициировал встречу Гинденбурга с Гитлером – она состоялась в тот же день. Во время беседы фюрер не возражал против конструктивной политики канцлера, который должен совместно действовать только с НСДАП. Результат беседы на время укрепил положение Генриха при президенте. Гинденбург остался крайне недоволен встречей с Гитлером, пообещав больше никогда не встречаться с этим «богемским ефрейтором». Гитлер, напротив, сообщил своим друзьям, что он произвел уничтожающее впечатление на президента¹⁷³. Этот факт имел для Гитлера важное политическое значение: из главаря оппозиционного движения он превращался в признанного политика.

К этому времени возникли большие разногласия между Брюнингом и Шлейхером. Кстати, во время разговора канцлера с генералом в конце сентября последний потребовал от Генриха отмежеваться от левых, но одновременно, при замене некоторых членов кабинета, совершить государственный переворот. Брюнинг отклонил это предложение, сказав, что, пока он располагает большинством, было бы преступлением не считаться с конституцией¹⁷⁴. После беседы со Шлейхером Брюнинг неожиданно почувствовал, как одинок он в своих взглядах. Гитлер воспользовался этим уже на следующий день, когда в Гарцбурге 11-12 октября НСДАП совместно с НННП и другими консервативными пангерманскими силами образовала антиправительственный

фронт, преследовавший цель – свержение Брюнинга и ликвидация ненавистой «веймарской системы». «Гарцбургский фронт», кстати, помог Брюнингу понять, что без большинства в рейхстаге дни его правительства сочтены, хотя в целом он проигнорировал значение «Гарцбургского фронта». Канцлер рассматривал создание этой коалиции как серьезное препятствие для переговоров с державами-победительницами. Поэтому Брюнинг и партия Центра надеялись использовать раздоры в рядах «Гарцбургского фронта» в своих интересах и, через голову Гугенберга, пойти на сотрудничество с Гитлером. Лозунг о «народной концентрации» должен был стать тем мостиком, по которому НСДАП смогла бы перейти на «позитивные позиции». Гитлера критиковали за то, что он связался со «смешным меньшинством», которое представляет Гугенберг¹⁷⁵. Кроме того, Брюнинг был готов на создание двухпартийных правительств из представителей фашистской партии и партии Центра в тех землях, где это было возможно, чтобы таким образом подвести реальную базу под их сотрудничество в общегерманском масштабе.

16 октября Гитлер обратился с открытым письмом к Брюнингу, в котором призывал партию Центра отказаться от коалиции с социал-демократами в Пруссии. Гитлер писал, что питает большое уважение к Брюнингу как личности и заявил, что теперь речь идет только о борьбе между национал-социализмом и большевизмом¹⁷⁶. Письмо Гитлера было благожелательно встречено католической прессой, оно свидетельствовало якобы о произошедшем «повороте» в НСДАП¹⁷⁷. Тема «синтеза идей Брюнинга и Гитлера» стала предметом оживленной дискуссии. Переписка, встречи и переговоры Брюнинга с Гитлером в конце 1931 г. показали принципиальную готовность канцлера сотрудничать с нацистами. Брюнинг рассчитывал, что ему удастся «обуздать» фашистскую партию, включив ее в правительство и предложив ее главарю пост вице-канцлера¹⁷⁸. Это был симптом политической близорукости. Осью сотрудничества Брюнинга с нацистами должны были стать «конкретные задания». Речь шла в основном о том, чтобы вновь переизбрать Гинденбурга в президенты. Брюнинг хотел это сделать путем простого парламентского продления полномочий президента. Реальность данного намерения зависела от позиции нацистской партии.

Почему же Брюнинг, зная, что склероз делал и без того не отличавшегося государственным умом Гинденбурга еще менее способным к политическим делам, так добивался его повторного избрания? Он преследовал далеко идущие планы – восстановить монархию. Чтобы создать переход от республики к монархии, Гинденбург, дни жизни которого близились к концу, должен остаться президентом и одновременно стать регентом Германии, а после его смерти последует коронация нового кайзера. Преемника императора видели в старшем сыне кронпринца Луисе Фердинанде¹⁷⁹.

В беседе с президентом 11 ноября 1931 г. Брюнинг посвятил его в свои планы. При этом откровенно заявил, что сам всегда был и остается монархистом, политическое положение теперь так быстро меняется, что необходимо восстановление монархии в пределах возможного. Реакция престарелого фельдмаршала оказалась очень бурной и своеобразной: он был поражен и возмущен. Гинденбург заявил, что считает себя только поверенным кайзера Вильгельма II, всякое другое предложение является оскорблением его воинской чести; он никогда не согласится, чтобы кто-нибудь другой, кроме Вильгельма, занял трон; его глубокие монархические убеждения несовместимы с подыскиванием и выбором среди принцев императорского дома; принцип легитимности не должен быть нарушен¹⁸⁰. Пока же не остается ничего другого, кроме власти его, Гинденбурга. Брюнинг пытался объяснить ему, что для стабилизации монархии по меньшей мере необходимо пассивное согласие организованного рабочего класса. В качестве примера канцлер привел конституционную монархию английского образца, о которой всегда мечтал и которая опирается на рабочих. Это возмутило президента: он был приверженцем монархии старопрусской, которая существовала с 1863 по 1870 гг. в Пруссии¹⁸¹. Для него как старого прусского солдата, продолжил Гинденбург, не остается ничего другого, как спасти лицо его короля. В этой беседе президент впервые признался, что уже в феврале 1918 г. осознал, что Первая мировая война проиграна, но еще раз хотел предоставить генералу Людендорфу свободу действий¹⁸². Сказанное президентом потрясло Генриха. Таким образом, осуществление плана Брюнинга натолкнулось на сопротивление Гинденбурга, ни рейхспрезидент, ни руководство

рейхсвера не поддерживали его попыток реставрировать монархию. Более того, без их одобрения осуществление этих планов вообще было невозможно.

Не обращая внимания на позицию президента, канцлер продолжал свои усилия в этом направлении. Спешка Генриха в восстановлении монархии шокировала многих его коллег по фракции. Восстановление монархии Брюнинг рассматривал как средство, способное помешать захвату власти нацистами¹⁸³. В том, что ему не удалось реализовать эти планы, канцлер обвинял президента Гинденбурга. По замыслам Брюнинга, реставрация монархии должна была произойти летом 1932 г.¹⁸⁴ Для достижения своих целей он заручился поддержкой правого руководства СДПГ. Ее лидеры считали, что для них легальное восстановление монархии не будет непреодолимым препятствием, нужно лишь постепенно приучить массы к этой мысли, если будет поставлена альтернатива: нацистская диктатура или монархия¹⁸⁵.

В решении репарационной проблемы канцлер исходил из того, что необходимо полностью использовать политическо-экономический кризис, а это означало еще большую социальную нужду и дальнейшую политическую радикализацию. Не экономическая неизбежность, а собственные политические цели определяли таким образом политику Брюнинга. Эта политика Брюнинга отразилась прежде всего в чрезвычайном декрете «По сохранению экономики и финансов и защите внутреннего мира» от 8 декабря 1931 г. По своему объему и остроте он превзошел, пожалуй, все предыдущие. Впервые предписывалось снижение зарплаты рабочим, занятым на частных предприятиях. Она устанавливалась на уровне января 1927 г., что означало уменьшение в среднем на 10–15%. Декрет принудительно продлевал все тарифные договоры до 30 апреля 1932 г. Более того, арбитры получили право удлинить срок их действия вплоть до 30 сентября того же года. Декрет тяжело ударил по чиновникам и рабочим государственных предприятий. Жалованье чиновникам снижалось на 9%, зарплата рабочих – на 10%. Декрет предусматривал резкое сокращение расходов страхования по болезни, пособие по болезни снижалось до минимума и не должно было превышать 50% зарплаты. Декрет сильно ударил по пенсионерам. В то же время в нем говорилось о снижении ставок различных налогов на имуще-

ство, тарифов на железнодорожные и водные перевозки, оплаты почтовых и других услуг, о снижении цен и стоимости некоторых коммунальных услуг, предоставлялись преимущества домовладельцам. Декретировалось 10-процентное снижение картельных цен¹⁸⁶, обер-бургомистр Лейпцига К. Гёрделер был назначен имперским комиссаром по ценам. Считается, что декретом от 8 декабря был достигнут высший пункт дефляционной политики.

Декрет вызвал сильные разногласия в кабинете и произвел огромное впечатление за рубежом. Однако для Брюнинга окончание репарационных платежей было высшей целью, он отклонял любые меры, которые могли вызвать за рубежом впечатление, что Германия готова платить свой государственный обязательный долг. Расчет Брюнинга состоял в том, чтобы связать уменьшение зарплаты и снижение цен так, чтобы покупательная способность снизилась незначительно и поднять шансы сбыта немецких товаров за границей. Этот декрет, как и предыдущие, вызвал сильное возмущение. Парламентские партии требовали немедленного облегчения декрета. Брюнинг остался непреклонен. Тем, кто думал, что после моратория Гувера наступило улучшение положения, он объяснял, выступая 8 декабря 1931 г. по радио, что тернистый путь еще долго не закончится. Вероятно, высший пункт финансовых трудностей будет достигнут только в 1932 г.¹⁸⁷ В своем выступлении канцлер остановился на вопросе о нацизме и Гитлере. Свои слова он облек в крайне осторожную форму. Отметив, что Гитлер стремится осуществить свои политические цели легальным путем, Брюнинг выступил против тех деятелей НСДАП, которые намереваются нарушить эту легальность и призывают к бессмысленной братоубийственной борьбе и «внешнеполитическому сумасбродству»¹⁸⁸.

Стремясь рассеять за границей впечатление, вызванное чрезвычайной активностью Гитлера, Брюнинг заявил, что попытки создать мнение, будто в Германии противостоят друг другу два фронта и даже существует будущее правительство, которое берет на себя смелость говорить от имени немецкого народа, – вредная затея. Канцлер призывал отказаться от внутривнутриполитических разногласий, требовал ужесточить предписания, касающиеся владения оружием, и выступил за запрет ношения униформы и знаков различия политических союзов¹⁸⁹. На словах Брюнинг как

будто отмежевывался от Гитлера, а в действительности он в тот же день, 8 декабря, встретился с нацистским главарем. Канцлер уговаривал Гитлера создать общий блок вокруг Гинденбурга во время предстоящих весной 1932 г. президентских выборов. Гитлер обещал, что все 107 депутатов его партии в рейхстаге поддержат канцлера и одобряют изменения в конституции, связанные с продлением полномочий рейхспрезидента¹⁹⁰. Однако обещание, данное Брюнингу, не имело силы обязательства. Гитлер должен был проконсультироваться по этому вопросу с другими деятелями НСДАП. 16 декабря в специальном номере «Фелькишер Beobachter» была изложена точка зрения Гитлера. Он выражал «готовность НСДАП к сотрудничеству», заверял, что его партия стоит на позициях «легальности» и все планы о внезапном перевороте считал работой «коммунистических провокаторов». Фюрер заявил, что национал-социалисты уважают конституцию, хотя считают, что она не вечна и должна быть изменена. Наконец, он потребовал, чтобы правительство, за которым стоит меньшинство, не держалось так упорно за власть¹⁹¹.

С конца 1931 г. переизбранию Гинденбурга были подчинены все действия правительства в области внутренней политики. Чтобы выполнить свой замысел, Брюнинг шел далеко навстречу нацистам, которых рассчитывал убедить «объединиться вокруг Гинденбурга». Нацисты отдавали себе отчет в том, насколько они необходимы канцлеру, и использовали создавшуюся ситуацию для собственных целей. Нарастала волна политического террора и убийств. На улицах городов и деревень Германии царил нацистский разбой. Об истинных планах нацистов, когда они придут к власти, свидетельствовало содержание т.н. «боксгеймских документов», ставших известными общественности в ноябре 1931 г. Всех противников национал-социализма ждала жестокая расправа, включая смертную казнь.

Появление этих документов вызвало настоящую сенсацию в стране и сильное возбуждение в правящих политических кругах, поскольку открыли глаза на сущность нацизма. Повсюду звучали требования принять действенные меры против нацистов, а парламентская фракция Государственной партии 7 декабря потребовала от канцлера «прекратить пассивное отношение имперского правительства в отношении национал-социалистов». И все-таки

канцлер не пошел на решительные шаги. Брюнинг признавал тотальный характер нацистского «движения». Однако он не принимал «боксгеймские документы» слишком серьезно, считая, что нет оснований для насильственных мер против нацистской партии¹⁹². От самого Брюнинга исходило указание приуменьшить значение этих документов. Канцлер отдал генеральному прокурору распоряжение быть «осторожным» и «не преувеличивать» возможности дела¹⁹³. Неубедительно звучит в этой связи послевоенное утверждение Брюнинга, будто уже ранней весной 1931 г. между ним, руководством рейхсвера и СДПГ обсуждался план подавления нацистской партии по окончании Лозаннской конференции по репарациям, однако рейхспрезидент Гинденбург постоянно отказывался от насильственной акции против НСДАП, если одновременно не проводить подобные акции против других революционных партий, против коммунистов.

В качестве причины своей терпимости к нацистам канцлер указывал на все то же стремление привлечь их к переизбранию Гинденбурга. Как известно, Гинденбург и в 1925 г. не имел ни малейшего желания становиться президентом демократической республики. Тогда его уговорил дать свое согласие баллотироваться на этот высокий пост адмирал Тирпиц. Теперь инициативу взял в свои руки сам канцлер. При этом он предполагал в нарушение конституции отказаться от порядка выборов, продлив ему срок полномочий решением 2/3 депутатов рейхстага. Парламентское продление полномочий президента противоречило духу и букве статьи 41 конституции, которая гласила: «Рейхспрезидент избирается всем германским народом». В данной связи была предпринята попытку объединить партию Центра со всеми правыми силами, включая нацистов. Руководство этим процессом должно было находиться в руках Брюнинга.

Канцлер выражал готовность к созданию двухпартийных правительств из представителей НСДАП и партии Центра в тех землях, где это было возможно, чтобы таким образом подвести под их сотрудничество в общегерманском масштабе реальную почву. Как раз в ноябре-декабре 1931 г. в Гессене после выборов в ландтаг 15 ноября, на которых нацисты добились крупного успеха, вынашивались планы осуществления «нормальных совместных действий (в качестве опыта)» партии Центра и НСДАП в

земельном правительстве¹⁹⁴. Снисходительная позиция Брюнинга в отношении нацистов осенью 1931 г. была согласована с руководством рейхсвера. Грёнер и Шлейхер, как и канцлер, считали, что, допуская НСДАП к управлению землями, нацистская партия в будничной работе утратит свой радикализм. Кроме того, таким «ловким шахматным ходом» Брюнинг надеялся расколоть Гарцбургский фронт, оторвать Гитлера от Гугенберга и совместными усилиями партии Центра и НСДАП начать наступление против «социальной реакции, проводимой Гугенбергом». Однако в Гессене усилия по созданию коалиционного правительства из двух партий потерпели неудачу, так как нацисты выдвинули неприемлемые для Центра требования. Одновременно Брюнинг в ночь на 2 декабря встречался и вел переговоры с Г. Штрассером, соперником Гитлера в нацистской партии, надеясь таким образом расколоть НСДАП изнутри. Попытки канцлера навести мосты с нацистами вызвали сильное раздражение не только среди социал-демократов, но также внутри правительственного лагеря. Этой двойной игрой Брюнинг явно обманывал себя и действовал на руку нацистам.

В начале января 1932 г., когда произошли две встречи Брюнинга с Гитлером, Фриком и Ремом, канцлер обещал фюреру в обмен на его согласие на поддержку Гинденбурга провести «унификацию» Пруссии, в течение одного года окончательно закончить переговоры об отмене репараций и о равноправии Германии в вооружении. После этого Брюнинг готов был добровольно подать в отставку и рекомендовать президенту назначить рейхсканцлером Гитлера¹⁹⁵. Кроме того, канцлер пообещал нацистскому лидеру «в случае, если тот первым выступит за переизбрание рейхспрезидента», предоставить ему «руководство политикой». Гитлер потребовал от канцлера свободу пропаганды для нацистской партии, запрета КПП, разрыва связи с социал-демократами в Пруссии, роспуска рейхстага и объявления новых выборов¹⁹⁶. Последнее было неприемлемо для Брюнинга, который как раз стремился избежать выборов, боясь поражения правительственных партий и опасаясь, что новые выборы подорвут доверие заграницы и перед лицом идущих переговоров могут иметь «катастрофические последствия». Позднее Брюнинг оправдывал также свое намерение продлить полномочия президента

опасением, что президентские выборы разрушат любую «перспективу политической стабильности» и могут привести к гражданской войне или тоталитарному правительству. Гитлер понимал, что его согласие с планом Брюнинга укрепило бы позиции канцлера в стране и личное влияние на рейхспрезидента. В свою очередь Генрих мог бы представить дело так, будто он пользуется полным доверием президента и оппозиции, в особенности у нацистов. В руководящих кругах нацистов план продления полномочий Гинденбурга встретил резкое сопротивление. Поэтому после долгих и мучительных колебаний Гитлер ответил отказом Брюнингу, расчеты которого осуществить замысел с помощью коалиции с нацистской партией при своей руководящей роли таким образом провалились. Этому же в немалой степени способствовал Гугенберг со своей НННП, который отверг сотрудничество в продлении президентского срока. Затем Гитлер и Гугенберг потребовали немедленной отставки Брюнинга, обвиняя его в нарушении конституции. Гинденбург ответил отказом и стал готовиться к избирательной борьбе.

Следует отметить, что планы Брюнинга продлить полномочия президента не встретили возражений со стороны руководства СДПГ и свободных профсоюзов. Во время встречи с социал-демократическими лидерами канцлер заявил, что предъявляет крайне высокое требование к их государственно-политическому благоразумию. «Я, – говорил он, – должен пропустить Гитлера вперед при решении вопроса о рейхспрезиденте. Это может и будет, вероятно, означать изменение во внутренней политике. Несмотря на это, мы должны при всех условиях в интересах отечества, а также и в правильно понятых интересах своей собственной политики решиться голосовать за продление полномочий рейхспрезидента». В беседе с лидерами профсоюзов Генрих «обнаружил у них высокую степень государственно-политического понимания»¹⁹⁷. Зависимость Брюнинга от Гинденбурга была не только в политическом, но и в эмоционально-личностном отношении. Никто лучше не осознавал состояние рейхспрезидента, чем Брюнинг. Уже в 1929 г. при первой встрече с Гинденбургом, за полгода до своего назначения на пост канцлера, у Генриха осталось такое впечатление: «Гинденбург выглядит ужасно старым. Усталость и беспомощность во всем его поведе-

нии потрясли меня»¹⁹⁸. Позже, в декабре 1945 г. Брюнинг скажет, что Гинденбург с сентября 1931 г. только периодически был вменяем: «первый случай полной потери памяти у старого господина произошел в 1929 г., второй в августе 1930 г. В сентябре 1931 г. он был почти 14 дней невменяемый»¹⁹⁹.

Политическая судьба Брюнинга висела тогда на волоске. Канцлер поговаривал даже о том, что в доме президента подготавливают его падение. «Положение Брюнинга серьезно поставлено под угрозу», – записал в своем дневнике Геббельс²⁰⁰. Канцлера спасло вмешательство генерала Шлейхера, который признал в беседе с ним, что удар был направлен не только против Брюнинга, но одновременно и против него и генерала Грёнера²⁰¹. Последний и статс-секретарь Пюндер в этот момент оказали Генриху решительную поддержку. 12 января заседал совет старейшин рейхстага, который отклонил немедленный созыв парламента, таким образом, свержение Брюнинга не состоялось. Весь этот шум вокруг отставки Брюнинга был результатом рафинированных интриг Гугенберга в доме президента. Канцлер был весьма благодарен Шлейхеру за поддержку. Он теперь заискивал перед генералом, льстил ему, старался показать свою расположенность, искал дружбу с ним, интриговал его против сына Гинденбурга, обсуждал все политические вопросы. Безусловно, Шлейхер оказывал на Генриха большое влияние. Важно подчеркнуть, что во время кампании за продление полномочий президента рейхстагом Брюнинг не прекращал убеждать Гинденбурга в необходимости восстановления монархии – просил поддержать его усилия в этом направлении²⁰².

Возникает вопрос, сторонником какой монархии был Брюнинг: ратовал ли он за «монархическую реставрацию династии Гогенцоллернов» или думал о «конституционной монархии английского образца». В его мемуарах речь идет о той и другой. Скорее всего, Генрих склонялся к монархии династии Гогенцоллернов. 14 января 1932 г. канцлер во время встречи предлагал Гинденбургу преобразовать президентство в регентство для сына кронпринца, заручившись поддержкой 2/3 голосов в парламенте и отговаривал от возвращения Вильгельма II из-за внешнеполитических опасений²⁰³. Позднее, 20 июля 1935 г. в Париже Брюнинг случайно встретил графа Кесслера и сказал ему, что он «не-

медленно после президентских выборов намеревался осуществить монархическую реставрацию и думал о личности монарха в лице принца Луиса Фердинанда»²⁰⁴. 2 мая 1932 г. в разговоре со Шлейхером канцлер говорил о восстановлении династии Гогенцоллернов. Массы организованных рабочих, доказывал он, должны желать монархию в борьбе против диктатуры национал-социализма. Тогда они прочно защищены²⁰⁵. Брюнингу удалось заручиться поддержкой лидеров СДПГ в вопросе о восстановлении монархии. Они заверили Брюнинга, что постепенно приучат массы рабочих к этой идее, если возникнет альтернатива: диктатура нацистов или монархия²⁰⁶.

В ряде работ немецких историков высказывается сомнение, преследовал ли Брюнинг во время своего канцлерства конкретные планы реставрации монархии. В частности, автор биографии канцлера Хёмиг предполагает, что эти планы были связаны с имперской реформой, которая требовала не только личной унии между главами правительств рейха и Пруссии, но также и предельной последовательности объединения глав земель. В 30-е годы идеи восстановления монархии и без того были едва ли популярны. Тогда Брюнинг не характеризовался как монархист. Позднее его стали упрекать, что он был «тайный монархист», но это, по убеждению Хёмига, слишком неубедительно. Генрих, как и многие другие известные личности своего времени, принципиально признавался в своей приверженности к монархии, не придавая этому большого политического значения. Это говорит о том, что Брюнинг высказывал свои предложения по реставрации только по тактическим соображениям. Мало вероятно, продолжает Хёмиг, чтобы Брюнинг в ближайшей перспективе предпринял конкретные шаги по ревизии Веймарской конституции. В целом мало вероятно, чтобы восстановление монархии, даже если это скрытая политическая цель Брюнинга, могло предотвратить национал-социалистическую диктатуру, на случай «захвата власти» Гитлером²⁰⁷. Винклер в книге «Веймар 1918–1933 гг.» отмечал, что в вопросе, стремился ли Брюнинг в свое время как канцлер к реставрации монархии Гогенцоллернов или нет, есть только ограниченный исторический интерес²⁰⁸. Однако спор историков по вопросу, сторонником какой монархии был Брюнинг, продолжается до сих пор.

4.5. Внешняя политика на пике кризиса

Внешняя политика при Брюнинге приняла националистическую окраску. Его кабинет стал проводить, по мнению Хейде, политику «свободных рук». Это изменение курса удалось ему легко, потому что он соответствовал убеждениям канцлера²⁰⁹. По сравнению с внешней политикой Г. Штретземана изменились стиль, методы и содержание германской дипломатии. В проведении германских интересов она была более требовательной и менее шла на компромиссы и сотрудничество. При Брюнинге было вычеркнуто понятие «политика выполнения». Внешнеполитический стиль правительства Брюнинга не был рассчитан на кооперацию с другими государствами, отличался националистической жалостливостью, с одной стороны, и мелочным, неуступчивым ведением переговоров, с другой; важно было любым путем иметь успех, достигнуть внезапного эффекта и использовать вынужденное положение других государств²¹⁰. Чтобы достигнуть своих целей, Брюнинг был вынужден во внутренней и внешней политике расставить различные акценты.

Во внутренней политике он должен был подчеркивать, что пик кризиса достигнут, ревизия уже идет, во внешней должен был производить впечатление, что конъюнктурно пик кризиса только предстоит, все его усилия направлены на уплату репараций. Стратегия использовать кризис для всеохватывающей внешнеполитической мирной ревизии Версаля вынуждала Брюнинга к сокрытию своих политических целей, которые он мог раскрыть в полном объеме, только если предстоящие дипломатические переговоры под давлением тотального государственного и экономического кризиса достигли кульминационного пункта. Его концепция только тогда была бы успешной, если бы ему удалось полностью использовать вовне негативные последствия кризиса²¹¹. Особенно опасным было то, что Брюнинг пытался использовать успехи национал-социалистов на выборах в репарационной политике. Он также запугивал западные державы тем, что в условиях острого экономического кризиса на Германию надвигается «большевистская опасность». Канцлер постоянно напоминал своим иностранным партнерам по переговорам внутривнешне-

скую радикализацию, отчаянное, неконтролируемое в будущем настроение в Германии, прицельно оказывая таким образом на них давление. «Нужда и настроение народа были важнейшим козырем в рискованной игре германской внешней политики»²¹².

Судьба Брюнинга решалась, конечно, внутри страны, в проведении им внутренней политики. Хотя он рассматривал внешнюю политику как свою собственную прерогативу, придерживаясь мнения о её примате. Будет лучше, полагал канцлер, если управление всей внутренней политикой подчинить внешней политике, потому что она решает судьбу государств и народов. Генрих был убежден, что внешняя политика не должна быть делом партии и народа, поскольку это означает чудовищную опасность, когда они за нее берутся²¹³. Брюнинг был уверен, принимая во внимание внешнюю политику, что действия государственных деятелей оказывают большее влияние на судьбы народов. Канцлер, писавший историк А. Хильгрубер, с учетом влияния мирового экономического кризиса, обратился к немецкой традиции «примата внешней политики» и попытался добиться внешнеполитического успеха совсем другого формата, а через достигнутый внешнеполитический успех найти поддержку внутри страны. Его внешняя политика была направлена на «ликвидацию» двух главных обременений «Версальем», т.е. на полное упразднение репараций и признание военного равноправия²¹⁴.

Брюнинг как политик увидел в изменившейся внутри- и внешнеполитической ситуации на фоне мирового экономического кризиса рычаг, с помощью которого можно вообще взломать Версальскую договорную систему. Он намеревался заменить ограниченную и отчасти успешную в плане ревизии штреземановскую «Саламитактик» генеральной стратегией «все или ничего»²¹⁵. Ввиду экономической зависимости рейха от американского капитала Брюнинг стремился прежде всего с помощью США ликвидировать репарации, чтобы затем на базе достигнутой экономической независимости постепенно избавиться от американского влияния. Канцлер предпринял своей политикой дефляции и жесткой экономии крайне опасное смещение факторов, связанных между собой: с одной стороны, роста влияния НСДАП, а с другой – надежды на постепенную готовность союзников ревизовать Версальский договор²¹⁶. Таким образом, доби-

ваясь окончательного прорыва во внешнеполитической свободе действий, германская дипломатия могла продолжать вовне традиционную политику великой державы.

Старая болезнь германской внешней политики со времени падения Бисмарка вновь выступила на передний план. Под воздействием мирового кризиса в деятельности германской дипломатии все больше места занимала восточная и юго-восточная Европа, тогда как до 1929 г. западное направление было приоритетным. На досрочное освобождение Рейнской оккупационной зоны 30 июня 1930 г. Брюнинг и германская дипломатия ответили требованием преждевременного возврата Саарской области. Кроме того, европейскому плану А. Бриана, пишет Юнкер, кабинет Брюнинга устроил «похороны по первому классу»²¹⁷. Германская дипломатия усмотрела в плане Бриана лишь замаскированную попытку Парижа закрепить сложившееся после Первой мировой войны соотношение сил и сохранить завоеванные Францией преимущества.

Брюнинг вызвал серьезное недоверие Европы проектом создания таможенного союза с Австрией, поскольку Европа по праву заподозрила планы долгосрочного строительства в Восточной и Центральной Европе. Канцлер был нацелен на создание сильной «Центральной Европы» с политической и руководящей ролью Германии по отношению к юго-восточному европейскому пространству. Этим планом господствующей зоны влияния отличалась внешнеполитическая перспектива Брюнинга от Штрессмана, при котором взаимопонимание всегда ставилось на передний план, германская внешняя политика постоянно формировалась с видом на возможность тесной связи с западными партнерами. Германское министерство иностранных дел стало рупором и сторонником особенно ориентированной на экспорт продукции германской индустрии, довольно рано ощутило возрастающее экономическое значение государств юго-восточной Европы и ввиду мирового кризиса признало важнейшие экспортные возможности Германии²¹⁸. С этим изменением экспортного направления с запада на юго-восток Европы необходимо было противостоять французским усилиям в этом экономическом пространстве. Из экономических трудностей балканских государств Германия хотела извлечь выгоду для себя.

Через Австрию в интересах Германии можно было влиять на развитие в юго-восточной Европе. В 1931 г. Брюнинг начал развивать проект, который сводился к частичной ревизии Версальского договора. Речь идет о проекте германо-австрийского таможенного союза. Он задумывался еще до начала 1930 г. В литературе пангерманистов эта идея активно обсуждалась и пропагандировалась. 19 марта 1931 г. австрийский вице-канцлер И. Шобер и министр иностранных дел Германии Ю. Курциус подписали соглашение о таможенном союзе. Предусматривалось уничтожение таможенных границ, установление единого таможенного закона и согласованных тарифов. Таможенный союз представлял «первый шаг на пути экономического «аншлюса» Австрии, так как время для политического «аншлюса» еще не пришло». По сути дела это была попытка подчинить экономику Австрийской республики без силового захвата ее территории. Внешнеполитический риск такого соглашения был очевиден. На карту был поставлен с трудом завоеванный внешнеполитический престиж страны. С другой стороны, обращение к великогерманской идее, популярной в широких кругах немецкого населения, осуществление которой в 1919 г. провалилось из-за сопротивления стран-победительниц, «новая» внешнеполитическая установка Брюнинга опиралась на традиционную концепцию вильгельмовской Германии. Пробная наступательная операция канцлера на дипломатическом фронте вызвала серьезные осложнения международного характера. Как пишет российский историк В.Н. Горохов, в отличие от великого немецкого политика «эры пацифизма» Г. Штреземана, Брюнинг, плохо разбиравшийся в дипломатических хитросплетениях, применял методы прямого давления с элементами шантажа и демонстративного неподчинения Версальским распоряжениям. Ответная реакция западных демократий носила двойственный характер: с одной стороны, отпор наиболее грубым нарушениям Парижских соглашений, но, с другой стороны, все более явственное отступление к политике «умиротворения»²¹⁹.

Таможенный союз был недвусмысленно направлен против Франции. Он воспринимался как контрпроект пан-Европы А. Бриана и должен был наряду с запланированным заключением преференциального договора с Венгрией и Румынией в 1931 г.

вытеснить через постепенное расширение своего влияния в юго-восточных европейских странах господствующее положение Франции, демонтировать французскую систему безопасности в Центральной и Юго-восточной Европе. Естественно, таможенный союз немедленно вызвал сильное сопротивление со стороны Франции, а затем его осудили Англия, Италия и ряд других европейских государств. По инициативе Франции этот вопрос был передан на рассмотрение Международного суда в Гааге, который 5 сентября 1931 г. 8 голосами против 7 аннулировал германо-австрийское соглашение как несовместимое с Версальским и Сен-Жерменским (1919 г.) договорами и противоречившее Женевскому протоколу 1922 г. об экономическом и финансовом восстановлении Австрии. За два дня до решения суда, 3 сентября, Шобер и Курциус заявили об отказе их сторон от союза. Германия потерпела дипломатическое поражение. Германо-австрийский таможенный союз, по мнению Хильгрубера, – это несвоевременно предпринятая попытка, которая помешала обширным замыслам Брюнинга²²⁰.

Провал замысла немецкой дипломатии озлобил германских реваншистов. Нацисты, националисты развернули мощную националистическую кампанию. Позиция Курциуса как министра иностранных дел и инициатора таможенного союза оказалась несостоятельной, и ему ничего не оставалось, как заявить о своей отставке. Не только «национальная оппозиция», но также газеты партии Центра резко нападали на него. Его собственная Народная партия потребовала отставки Курциуса. Самого Брюнинга упрекали в недостаточной активности, в нерешительности и в неспособности к подлинному руководству²²¹. Неуклюжая попытка созданием таможенного союза внезапно изменить европейское равновесие привела к тому, что германо-французские отношения достигли низшей точки.

Брюнинг как канцлер намеревался вернуть германский рейх внутри - и внешнеполитически к кануну 1914 г. Это означало крушение Версальского договора и послевоенной международной системы, восстановление независимых позиций великой державы в Центральной Европе и конституционной монархии Гогенцоллернов²²². Генрих и его современники были возмущены Версальским договором, который воспринимался ими как диктат.

Дух Версаля был ненавистен всем немцам. В Германии господствовало широкое согласие, что мирный договор исключительно несправедливый. Его ревизия стала в последующие годы главным направлением во внешней политике. Многие историки пишут даже о ключевой роли Версальского договора в распаде республики, а «своевременная его ревизия, вероятно, спасла бы Веймарскую республику и мир». Брюнинг считал Версальский договор и репарации корнем всех политических зол послевоенного времени. Репарации, как считалось, служили в качестве инструмента, чтобы продемонстрировать всемогущество стран-победительниц и бессилие Германии. Отношения между Англией, Францией и Германией и различные интересы трех государств с начала 20-х годов отражались в репарационной политике особенно остро.

Канцлер не скрывал своего стремления «мирными» средствами (пока Германия еще недостаточно вооружена) аннулировать итоги Первой мировой войны, включая досрочное возвращение Германии Саара и области Эйпен-Мальмеди, ревизию германопольской границы, ликвидацию ограничений в области вооружений и легализацию перевооружения Германии, но в первую очередь ликвидировать репарации²²³. Как уже отмечалось, среди внешнеполитических вопросов, вызывавших сильные эмоции в германском обществе, была репарационная проблема. К 1930 г. германские иностранные долги составляли 25 млрд. рейхсмарок, большей частью краткосрочные платежи. Выплаты репараций по плану Дауэса с 1924 г. основывались на иностранных займах, поступавших в основном из США. В условиях кризиса Германия в отношении заграницы оказалась в двойственном положении, как должник по репарациям, так и по займам. Свои надежды на невыполнение плана Юнга Брюнинг возлагал на Англию, но главным образом на США. Как квалифицированный экономист, он знал финансово-экономическое значение Лондонского Сити для всей тогдашней мировой экономики, но также осознавал роль США как самого крупного кредитора в системе межсоюзнических долгов. В понимании того, что почти все германские репарации в конце концов уходят в США, Генрих убедился, что ключ в решении репарационной проблемы находится в Вашингтоне. Кроме того, в августе 1931 г. комиссия экспертов Банка международных расчетов пришла к заключению, что Германия не в со-

стоянии выполнять репарационные обязательства и после окончания одногодичного моратория Гувера.

В декабре того же года в Базеле проходили заседания комитета экспертов, предусмотренного планом Юнга, по проблеме уплаты долгов. Немецкая делегация уже на этой стадии пыталась добиться решения немедленной отмены репараций, но, ввиду сопротивления французов, ей не удалось осуществить своих намерений. Тем не менее комитет пришел к выводу, что Германия в будущем не в состоянии выполнить трансферт по плану Юнга. 23 декабря комитет подвел итоги своей работы и обратился к правительствам с предложением: чтобы избежать новых бед, нужно немедленно добиваться согласования всех межгосударственных долгов (репараций и других военных долгов) и привести в соответствие с современным пошатнувшимся положением в мире. Это является единственной подходящей мерой, чтобы восстановить доверие и стать надежной основой для экономической стабильности и подлинного мира²²⁴.

Брюнинг безусловно хотел помешать тому, чтобы это «согласование» касалось временного урегулирования репарационного вопроса, поскольку он стремился к окончательному упразднению всех репарационных платежей. Канцлер заявил послам Франции, Англии и США, что Германия более не в состоянии платить репарации. Это привело к тому, что конференция в Лозанне, намеченная ранее на январь 1932 г. была перенесена на лето того же года. Цель германского правительства окончательно ликвидировать репарации вызывала у французов раздражение. Брюнинг надеялся, что после парламентских выборов во Франции в мае 1932 г. можно будет больше рассчитывать на компромиссную готовность французов.

Отказ от репараций Брюнинг стремился также связать с долгосрочной торгово-политической выгодой и восстановить ведущее место Германии на мировом рынке. Канцлер разрушил главенством репарационной политики доверие, которое было достигнуто в отношениях с Францией при Штресемане. Его правительство, например, отказалось принять французское предложение о займе, несмотря на неотложную потребность, под тем предлогом, что не хотело связывать себя политическими обещаниями²²⁵. 9 января 1932 г. Брюнинг вновь заявил, что в условиях

кризиса план Юнга явно невыполним и что Германия платить репарации не в состоянии. Французское правительство отреагировало заявлением, что ни один француз не согласится на отказ Германии от плана Юнга и на отмену «священного права Франции на репарации»²²⁶. Однако государства-кредиторы не были единодушны в решении проблемы репараций, а Франция со своей позиции сопротивления оказалась в растущей изоляции.

Некоторые германские политики считали тогда, что план Юнга просуществует один-два года, другие – пять лет. Сам Брюнинг сначала полагал, что план Юнга продлится три-пять лет и между 1933–1935 гг. будет ревизован. Репарационная политика Брюнинга, по утверждению Ф. Хейде, была «импровизированной, противоречивой и популистски кризисной». Она не играла в увязке с финансовой и экономической политикой решающую роль. И только в январе 1932 г. выступила на передний план. Репарационная политика правительства, несмотря на ее высокую степень по шкале политических целей, не достигла высшего приоритета²²⁷. Источники, продолжает Хейде, не подтверждают тезис, что Брюнинг имел прочную концепцию ревизовать репарации по плану Юнга и она являлась для него высшим приоритетом²²⁸. Он не приписывает Брюнингу заслуги в решении репарационного вопроса. Наоборот, все произошло вопреки намерениям канцлера и его сотрудников. Обстоятельства сыграли свою роль. Конец репараций был результатом комплексного процесса: Великая депрессия была решающим фактором при упразднении германских репарационных обязательств.

Важнейшим для конца репараций была вторая фаза кризиса, вторая дефляция: при биржевой панике за границей Германия потеряла 42% своих валютных резервов и, следовательно, способность платить свои иностранные долги. Последовал мораторий президента Гувера, после этого окончательное разрешение репарационных обязательств было логическим следствием²²⁹. В противоположность французам, пишет Хейде, немцы в своей репарационной политике имели успех. Но этот успех, как принято считать, не был обязан ревизионистской концепции, которая была разработана правительством Брюнинга в 1930 г.²³⁰ Она впервые предусматривала возможность через активизацию торгового баланса платить репарации собственными силами, снизить их и

оздоровить дефицитный имперский бюджет. Но эта концепция потерпела неудачу по двум причинам: первая – не удалось из-за мирового экономического кризиса сбалансировать бюджет; вторая – мероприятия по оздоровлению и поощрению экспорта были связаны с высокими социальными расходами²³¹. Первого репарационно-политического «успеха» немцы добились по причине, которая была диаметрально противоположна их концепции – это знаменитый меморандум Гувера. Это было скорее угрожающее банкротство германской экономики и забота о частных инвестициях в Германии, которые побудили Гувера к далеко идущему шагу²³².

Очевидно, немецкое «равноправие в вопросах вооружения» было тесно связано с проблемой репараций. Правительство Брюнинга продолжало добиваться равных с другими державами прав в вооружениях. Германская дипломатия еще во времена Штресемана выдвинула требование «равноправия» в вооружении. Под этим понималась прежде всего ликвидация военных ограничений Версальского договора как право на ремилитаризацию. У Брюнинга была своя трактовка тактики «равноправия»: «психологически и тактически мы провозглашаем требование «абсолютного равноправия под личиной решительного условия о разоружении»²³³. В своих мемуарах он настоятельно подчеркивает: «Это значит достичь того, чтобы перетянуть иностранные державы на принятие трех требований, которые, казалось бы, противоречат друг другу: ликвидация репараций, разоружение для других и вооружение для нас»²³⁴.

Перевооружение армии было целью Брюнинга и его кабинета. В 1931 г. канцлер уже поставил конкретную цель: «В течение пяти лет создать армию такой силы, какую мы не имели перед войной»²³⁵. В том же году он добился того, что СДПГ не голосовала против строительства второго тяжелого крейсера. Уже после своей отставки он хвастался, что ему тяжелый крейсер был важнее, чем борьба с экономическим кризисом. Задачи Германии во время мирового экономического кризиса Брюнинг сформулировал следующим образом: «Болезнь мы должны преодолеть путем вооружений»²³⁶. Вооружение может открыть мирный путь к разрушению Версальского договора. Нужно использовать мировой кризис, чтобы оказывать через него давление на все остальные

державы. Брюнинг был откровенен в своих намерениях. В январе 1932 г. на вопрос Гугенберга, что будет, если Лига Наций выскажется против вооружения Германии? Генрих ответил: «на это я заявлю, что мы в этом случае покинем конференцию по разоружению и будем вооружаться»²³⁷.

Ведя переговоры с англичанами, французами или американцами, канцлер выдвигал в качестве коронного аргумента именно то, что настроение общественного мнения страны не позволит ему далее откладывать принятие необходимых решений относительно восстановления полного «равноправия» Германии. Немецкие политики во главе с Брюнингом неоднократно заявляли о необходимости «довооружения» Германии и «военного равноправия». В те годы вопрос о разоружении был одним из важных и дискуссионных в европейской политике. После смерти Г. Штрессмана (начало октября 1929 г.) германская позиция по вопросу разоружения или равенства вооружений и отмены военных ограничений, зафиксированных в пятой части Версальского договора, ужесточилась. Именно правительство Брюнинга заняло в этом вопросе жесткую позицию, которая должна была стать предпосылкой начала европейской политики безопасности. Цель германской политики разоружения состояла в том, чтобы лишить Францию ее доминирующей военной мощи и добиваться для Германии терпимого уровня вооружений, т.е. использовать все возможности и достигнуть паритета с Францией. Через такое понимание вопроса о разоружении как тактического хода к равенству сил с Францией германскую политику безопасности можно рассматривать как часть общей политики ревизионизма того времени²³⁸. Впервые требование «довооружения» и «военного равноправия» прозвучало в правительственном заявлении Брюнинга 13 октября 1931 г. и направлялось против французской доктрины безопасности, равно как и против планов разоружения, выдвигаемых США и Англией. Тем не менее английское правительство признавало германские требования принципиальными, но было заинтересовано в том, чтобы германское вооружение было заморожено на существующем уровне.

Американская позиция отличалась от французской и также от британской. Госсекретарь США Стимсон во время своего визита в Берлин в июле 1931 г. заверил Брюнинга об американской

поддержке и назвал немецкие опасения в отношении предстоящей конференции по разоружению необоснованными²³⁹. Он попытался убедить Брюнинга в том, что строительство «карманного крейсера» излишне и военная безопасность Германии обеспечена надежной защитой в международных рамках. Канцлер, напротив, ссылаясь на проблему безопасности на востоке и на существующую якобы угрозу со стороны Советского Союза, от которой рейх должен защищаться. В тот период большинство политиков считало большевизм глобальной идеологической угрозой.

У канцлера и католика Брюнинга, судя по его мемуарам, не сложились отношения с Ватиканом, а персонально со статс-секретарем папы Пия XI Пачелли. В мае 1931 г. состоялся официальный визит Брюнинга в Италию. Он встречался и вел переговоры с Бенито Муссолини. Во время проводов министр иностранных дел Италии Гранди спросил Генриха, хочет ли он «быть настоящим другом дуче?». Тотчас же последовал ответ: «разумеется»²⁴⁰. Позитивный отклик, который вызвал Муссолини у Брюнинга, объясняется прежде всего тем, что Италия поддержит германские ревизионистские требования, в особенности в сфере репараций. Канцлер надеялся, что Муссолини в ревизионистской политике выскажется в пользу германских пожеланий. Италия ведь тоже относилась к тем странам, которые выступали за ревизию Версальского договора, и в 1931 г. Муссолини публично поддержал германские ревизионистские требования в области репараций. Положительные высказывания о «дуче» находят свое объяснение в личностных особенностях Брюнинга.

Генрих судил о личностях почти исключительно потому, поддерживают ли они его политические решения и цели, использовать их с пользой для себя или нет. Этот критерий, пишет Фолькман, проходит красной нитью через его мемуары и переписку²⁴¹. В то же время было бы ошибочным считать, что Брюнинг симпатизировал кооперативной и корпоративной модели общества в фашистской Италии. Совершенно различные взгляды у Муссолини и католика, политика партии Центра были на партийную систему и народное представительство. Муссолини запретил партию «Пополари», установил в стране однопартийную фашистскую диктатуру, а парламент стал чисто фашистским. Брюнинг, наоборот, видел в существовании многопартийной сис-

темы важное средство регулирования отношений между населением и правителем, это соответствовало как социальному плюрализму в Германии, так и немецкой традиции. Брюнинг хотел урезать веймарский парламентаризм и ограничить его права до уровня кайзеровского рейхстага. Однако он не исключал право на существование парламента. Правда, Брюнинг в 1931 г. считал итальянский фашизм принципиальным противником германского национал-социализма. Но это было широко распространенное ошибочное мнение.

Одновременно Брюнинг посетил и Ватикан, где состоялись нелицеприятные переговоры с Пачелли. Вскоре между ними выявились разногласия по двум вопросам: о наличии в армии армейского епископа и заключении рейхskonкордата. Относительно первого Генрих сослался на прелата Кааса, который обсуждает этот вопрос в рейхсвере. Что касается рейхskonкордата – вопрос сложный, и Брюнинг откровенно сказал Пачелли, что для него, католического канцлера, ввиду напряженного положения в Германии, лучше вообще не браться за этот вопрос. Это вызовет бешенство протестантов, с одной стороны, и полное непонимание левых, с другой²⁴².

Пачелли советовал канцлеру ради рейхskonкордата образовать правительство правых и при этом поставить условие – как можно скорее заключить рейхskonкордат. Генрих упрекнул кардинала в недооценке политической ситуации в Германии и истинного характера национал-социализма. Он напомнил статс-секретарю, что после заключения прусского конкордата в 1929 г. партия Центра торжественно обещала заключить прежде всего церковный договор с протестантской церковью в Пруссии и уже предприняла шаги в этом плане. Пачелли был возмущен и считал невозможным, чтобы католический канцлер заключал договор с протестантской церковью. Брюнинг резко ответил ему, что соответственно духу конституции, которой он обременен, должен соблюдать интересы верующих протестантов на основе полного равноправия. Кардинал после этих слов весьма негативно отзывался о прелате Каасе, осудил всю политику канцлера и посоветовал ему сложить с себя пост председателя партии Центра и занять свободное место ректора кладбища в Италии. Генрих

возразил ему, что отвергнет любую попытку Ватикана повлиять на его политическое решение и на позицию партии Центра²⁴³.

Пачелли похвалил Брюнинга за высказывание найти компромисс с Муссолини и пожелал примирения с нацистами. Канцлер заявил ему, что до сих пор все попытки прийти к ответственному соглашению с правыми ради государства и народа оказались безуспешными. Он не понимает природу национал-социализма. Социал-демократы в Германии не верующие, но толерантны, в то время как национал-социализм ни религиозен и ни толерантен. Национал-социализм и фашизм в своих духовных основах не противоречат друг другу. Поэтому, считал Брюнинг, необходимо в данный момент, когда большевистские идеи в мире так популярны, чтобы Ватикан пошел на примирение с Муссолини²⁴⁴. В целом Святой престол остался очень недоволен Брюнингом, и его представители даже не пришли провожать канцлера. Ватикан нанес католику Брюнингу серьезный удар.

Между тем германская дипломатия для достижения поставленной цели использовала трибуну международных конференций по разоружению. 2 февраля 1932 г. в Женеве по решению Лиги Наций прошла всемирная конференция по сокращению и ограничению вооружений. Брюнинг приехал 6 февраля, чтобы лично представить точку зрения германского правительства. Во главе германской делегации был посол Р. Надольный, к которому Генрих не питал особого доверия, т.к. тот поддерживал тесные контакты с кругами НННП и НСДАП. Кстати, О. Мейсснер был его закадычным другом. В работе конференции участвовали многие видные государственные и политические деятели Европы. Выступление Брюнинга 9 февраля в Женеве привлекло международное внимание, затем оно передавалось по германскому радио, его речь слушал президент Гинденбург. Его страстное выступление по вопросу всеобщего разоружения было обращено к поколению фронтовиков и ко всем бывшим воюющим государствам. От имени имперского правительства и германского народа канцлер заявил, что Германия выступает за всеобщее разоружение, за равенство прав и равенство безопасности всех народов²⁴⁵.

На первый взгляд может показаться, что аргументы Генриха были весьма убедительны и привлекательны. Он говорил, что нужно «согласованное добровольное разоружение всех госу-

дарств» наряду с обширной и решительной ликвидацией экономических и финансовых остатков войны, которые мешают восстановлению мира, и важные, необходимые шаги, чтобы человечество очнулось от катастрофы мировой войны, изнуряющей его силы, и вернулось к оздоровлению и новому подъему. Но одновременно канцлер требовал, чтобы все великие державы разоружились до уровня Германии или Германия получает право на довооружение на уровне остальных великих держав и военный паритет. Это ультимативное требование подкреплялось угрозой ухода с конференции в случае отрицательной на него реакции²⁴⁶. Расчет, пишет российский историк В.Н. Горохов, строился на том, что дипломатический шантаж в сочетании с политикой «умиротворения» западных демократий принесет желаемые результаты²⁴⁷.

Против принципа равенства всех государств в вопросах вооружений решительно возражали Франция и ее европейские союзники. На конференции ярко проявились разногласия между Германией и Францией. Германские требования равноправия в вооружении и французская концепция безопасности представлялись как различные политические концепции, но все же не исключали одна другую. Немецкая делегация выдвинула лозунг «к безопасности через разоружение», а французский девиз звучал: «только безопасность, затем разоружение». Франция, исходя из своего исторического опыта и настроения, господствующего в обществе, не могла разоружаться без обширных международных гарантий своей безопасности. К удивлению французов немцы согласились с их предложением о создании международных полицейских вооруженных сил. Во время работы конференции Брюнинг в неформальных беседах с руководителями английской делегации (Симоном и Лейтоном) пытался получить поддержку в упразднении репараций. Министр иностранных дел Симон, а также его итальянский коллега Гранди, принципиально были за отмену репараций. Кстати, влиятельные круги Лондонского Сити тоже склонялись к их упразднению.

Германские политики считались с провалом конференции по разоружению, и такой провал мог привести к тяжелым последствиям. Любую неудачу в глазах общественного мнения необходимо было свалить на Францию. С другой стороны, Брюнинг

издал директиву, согласно которой нужно при любых обстоятельствах избежать поражения на Женевской конференции или по меньшей мере не давать повода для этого, поскольку вопрос о разоружении (или о довооружении) являлся составной частью внешней политики канцлера, как и репарационный. Брюнинг хотел достичь ревизии Версальского договора путем международной договоренности. Добившись внешнеполитического успеха и престижа, он надеялся укрепить свое положение внутри страны. Конечно, в политике канцлера большая война как средство будущей германской политики исключалась. Наверняка, пишет Беккер, нет связи между внешнеполитической концепцией Брюнинга и расово-империалистической политикой «жизненного пространства» Гитлера²⁴⁸. Кроме того, Генрих склонялся к точке зрения, что ввиду польской позиции по вопросу о коридоре и из-за значения устья реки Вислы для молодого польского государства ревизия германских восточных границ вряд ли могла быть достигнута только ненасильственно²⁴⁹. Ряд немецких историков весьма критично оценивают внешнюю политику Брюнинга, которая направлялась фронтально против Версальского послевоенного порядка. Абсолютным приматом являлось прекращение репарационных платежей — цель, которую Брюнинг преследовал с одержимостью фанатика. Ей он подчинил все. Причем репарационная политика Брюнинга проводилась с «чудовищными издержками» и имела следствием полный паралич экономики, не считая социальных последствий²⁵⁰. Это привело к роковым последствиям и позволило Гитлеру осуществить притязания на власть. Брюнинг, пишет К.О.Ф. Аретин, сознательно обострял кризис, чтобы признать вовне неплатежеспособность рейха. Его программа через море нужды разрушить Версальский договор привела к порогу успеха: осталось 100 метров до цели²⁵¹.

Второе выступление Брюнинга в Женеве по проблеме разоружения состоялось в середине апреля 1932 г., когда между президентом и канцлером наметились уже серьезные расхождения, влияние его противников на Гинденбурга становилось решающим. Канцлер признавал, что успех в Женеве будет его последним шансом в политической деятельности. Он пунктуально придерживался и во втором раунде Женевских переговоров прежней стратегии, разработанной в Берлине. Одновременно Генрих

встречался и обсуждал с руководителями английской делегации репарационный вопрос. Результат этих бесед оказался для Брюнинга ободряющим, т.к. англичане принципиально заявили о своем согласии ликвидировать репарации²⁵². Министр иностранных дел Бельгии Хюманс, напротив, впервые назвал Брюнингу сумму 2-3 млрд. рейхсмарок, которую Германия должна внести в качестве заключительного платежа в счет репараций. Брюнинг сообщил также союзникам, что Германия не только нуждается в окончательном решении репараций, но также в новом долгосрочном займе в размере 2 млрд. марок.

Во время работы конференции 26 апреля в Бессинге, резиденции госсекретаря США, недалеко от Женевы, состоялся доверительный разговор Брюнинга и статс-секретаря министерства иностранных дел фон Бюлова с премьер-министром Англии Макдональдом и американским госсекретарем Стимсоном. Они собрались, чтобы ускорить затянувшийся переговорный процесс по разоружению. Брюнинг предложил новый вариант германских требований в вопросе равноправия в вооружениях: ограничение вооружения Версальским договором должно быть заменено международной конвенцией о разоружении, во время срока действия которой Германия берет на себя обязательство не предпринимать широких планов по вооружению; затем под давлением полученной германской «свободы вооружения» снова вести переговоры²⁵³. Англия и США признали германские требования как разумными, так и справедливыми, но высказались против замены части пятой Версальского договора международной конвенцией по разоружению, которая разрешала Германии ограниченное вооружение. Канцлер, казалось, добился успеха, хотя со стороны партнеров по переговорам они рассматривались как ни к чему не обязывающий обмен мнениями. Итоги этой встречи Брюнинг так охарактеризовал в речи 11 мая в рейхстаге: «наша точка зрения по вопросу разоружения встретила глубокое и все большее понимание»²⁵⁴. Французы не участвовали в переговорах в Бессинге и их позиция по вопросу разоружения и безопасности оставалась неизменной.

Прорыва к окончательному успеху Брюнинга по проблеме разоружения не произошло, как, впрочем, и в вопросе репараций. Канцлер вернулся из Женевы фактически без ощутимого резуль-

тата, а итог беседы в Бессинге не был таким сенсационным, чтобы существенно поднять престиж Брюнинга в германском обществе. Германия, как и прежде, оставалась неравноправной с военной точки зрения. Миф о 100 метрах, которые якобы отделяли Брюнинга от цели, относился прежде всего к решению репарационного вопроса. Но в конце мая у канцлера появились большие сомнения в урегулировании репарационного вопроса. 24 мая в комитете иностранных дел рейхстага он предостерегал «от иллюзий» в вопросе репарационных платежей. Генрих указывал на то, что участвующие державы в готовности отменить репарации вновь и вновь ставят в зависимость от готовности отмены международных долгов США. За три дня до отставки правительства, Брюнинг вновь крайне скептически выразился о возможном успехе немецкой стороны на предстоящей в июне-июле в Лозанне международной конференции по репарациям. Он даже решил узнать мнение бывшего статс-секретаря министерства финансов Шеффера, «ждет ли успех немцев в Лозанне». Шеффер ответил, что он «ни в коем случае не ожидает полного успеха»²⁵⁵. Однако Лозаннская конференция, вопреки пессимистическим прогнозам Брюнинга, приняла решение об аннулировании репараций. Потерпевший неудачу канцлер (после отставки) пустил в ход легенду «об ударе кинжалом в спину», нанесенном якобы ему непосредственно перед достижением им внешнеполитических целей. Как политический аутсайдер (Г. Моммзен) Брюнинг искусно играл в покер и в конце концов проиграл²⁵⁶. Хотелось бы также отметить, что в начале 1932 г. канцлер предпринял конкретные шаги по улучшению германо-польских отношений, предложив Варшаве переговоры по вопросу интенсификации торговли между двумя странами.

В исследовательской литературе в адрес Брюнинга высказывается также упрек, что в свое время он утаил от современников и немцев цели своей внешней политики. Генрих играл с закрытыми картами. Для вида дефляционная политика должна была освободить Германию от оков Версальского договора и являлась решающим этапом на пути к концу репараций и равноправию в вопросе вооружений. Только после восстановления полного суверенитета Германии и политической позиции великой державы в Европе, полагал Брюнинг, должно начаться экономи-

ческое оздоровление. Только с 1935 г. он рассчитывал на новый подъем экономики, до этого народ должен нести необходимые жертвы. Брюнинг ожидал от решения внешнеполитических вопросов психологической стабильности внутри страны и верил в возможность локализовать нацистское движение и опасность, которая исходит от национал-социализма²⁵⁷.

На фоне разногласий Германии с Францией и другими западными державами по вопросу отмены репараций и ограничения в вооружениях «русская карта» имела для правительства Брюнинга немаловажное значение. Германия старалась поддерживать договорные отношения с Советским Союзом. В этом плане большую роль играл германский посол в СССР Х. фон Дирксен. Несмотря на то, что прекращение НЭП негативным образом повлияло на его воззрения, тем не менее он активно поддерживал идею прагматичного военно-технического и экономического сотрудничества двух стран. Несомненно, в годы кризиса развитие торговых и хозяйственных отношений с Советской Россией являлось для Веймарской республики жизненно необходимым: объем советско-германской торговли неуклонно возрастал и увеличился в два раза. Советский импорт составил в 1930 г. – 23,7%, 1931 г. – 37,2%, 1932 г. – 46,5%²⁵⁸.

Торговля с русскими для германской экономики становилась крайне важной. Министерство экономики констатировало мрачную картину на рынке сбыта. Одновременно оно указывало выход – экспорт товаров в Советский Союз. Это особенно касалось машиностроительной промышленности, для которой русские заказы становились крайней необходимостью. Германия была заинтересована в расширении экспорта своих товаров на советский рынок. Особенно эффективно подействовало на развитие торговых отношений подписание 14 апреля 1931 г. соглашения между ВСНХ и представителями германской промышленности о предоставлении СССР кредита в 300 млн. марок («соглашение Пятакова»). Германская обрабатывающая промышленность, электроиндустрия, машиностроение получили производственные заказы, а число рабочих, занятых на выполнении советских заказов, составило 250 000 чел.²⁵⁹ 1931 г., по мнению историка Розенфельда, был рекордным годом в отношении советских заказов, число которых выросло по сравнению с предыду-

щим годом на 62,3%, а общая сумма советских заказов в Германии достигла 919,3 млн. марок²⁶⁰. Сравнивая итог советской внешней торговли с Германией за первую половину 1932 г. с тем же периодом 1931 г., Розенфельд отмечает: экспорт из Германии в СССР в первой половине 1931 г. составил 262,4 млн. марок, а в первой половине 1932 г. – 356,6 млн. марок. Импорт Германии из СССР в 1931 г. – 151,7 млн. марок, в 1932 г. – 147,8 млн. марок. В 1932 г. несмотря на трудности, которые возникли в сфере кредита, германский экспорт в Советский Союз был весьма высоким и достиг 10,9% всего германского экспорта, в то время как в 20-е годы эта доля была около 3%²⁶¹.

Приводимые данные красноречиво свидетельствуют об огромном перекосе в сторону германского экспорта в СССР. Возникли большие трудности в сбалансировании торговых отношений и в погашении задолженности. Не случайно в памятной записке правительства СССР правительству Германии от 15 августа 1931 г. указывалось, что в последние годы экспорт Советского Союза в Германию не развивается, в то время как импорт из Германии в СССР столь же непрерывно растет²⁶². В записке открыто говорилось о том, что следствием этого является нанесение все возрастающего ущерба законным интересом и договорным правам Советского Союза²⁶³. Указывались и причины ухудшения положения экспорта в Германию, в частности введение преференциального режима. В результате ограничивались товарные поставки, вводился режим ограничения наибольшего благоприятствования, принадлежащего в силу договоров Советскому Союзу. Тем самым явно ущемлялись интересы СССР, поскольку он уже не пользовался возможностью свободной конкуренции на германском рынке в отношении всей массы германского импорта соответственных товаров. Вторая причина ухудшения положения советского экспорта: резкое и систематическое повышение правительством пошлин на предметы преимущественного ввоза из СССР с одновременным предоставлением замаскированных льгот отдельным конкурентам Советского Союза по этим продуктам²⁶⁴.

И все же Германия продолжала оставаться приоритетным партнером в стратегических расчетах Москвы. Да и советские лидеры были дружественно настроены по отношению к Герма-

нии. Опираясь на «особые отношения» с СССР, Берлин последовательно восстанавливал свой статус великой державы²⁶⁵. Общие итоги экономического сотрудничества между СССР и Германией в период с 1922 по 1932 г. были благоприятными для обеих сторон²⁶⁶. Продолжались контакты военных армий двух стран, однако в более ограниченных масштабах. На деле к началу 30-х годов, по мнению российского историка А.А. Ахтамзяна, конечно, не было и речи о расширении военных контактов²⁶⁷. Действительно, в период канцлерства Брюнинга отмечаются противоречивость и неоднозначность в отношении к СССР. По утверждению историка Л.И. Гинцберга, Брюнинг «чувствовал чуть ли не физическую неприязнь ко всему, что было связано с советско-германскими отношениями»²⁶⁸. 24 июня 1931 г. в Москве был подписан протокол о продлении советско-германского договора 1926 г. Канцлер пролонгировал его не на пять лет, а лишь на два года. Это было сделано вопреки точке зрения Министерства иностранных дел²⁶⁹. Однако и в таком варианте его правительство так и не внесло протокол в рейхстаг для ратификации. Любопытно, что в апреле 1932 г. отмечали 10-летие подписания Рапалльского договора, Брюнинг пригласил на завтрак М.М. Литвинова, но выступить с речью отказался под тем предлогом, что в рейхстаге предполагается поставить ратификацию продления Берлинского договора. Советское полпредство в Берлине расценило это как «симптом отхода Германии от СССР, от рапальской линии»²⁷⁰.

В мемуарах Брюнинг пишет, что в вопросе отношений с Россией при необходимости он должен был «иметь свободу рук»²⁷¹, т.е. он в любой момент мог пожертвовать отношениями с СССР. Летом 1931 г. Советский Союз предложил продлить кредитное соглашение от 14 апреля 1931 г. и заключить новое соглашение о кредитах в размере 200–250 млн. марок. В начале августа Г.Л. Пятаков, заместитель председателя Госплана и Высшего экономического совета, вел переговоры по этому вопросу с Клэкнером, Клотцбахом, Кёттгеном и Кремером, и промышленники положительно отнеслись к новому советскому предложению. Но кабинет Брюнинга отказался предоставить гарантированный экспортный кредит²⁷². Канцлер считал, что «русские заказы» используются для военных целей. Однако заслуживает внимания следующий факт. С весны 1931 г. французская

дипломатия пыталась склонить Берлин на свою сторону, намереваясь расстроить отношения Германии и Советского Союза²⁷³. Во время переговоров с канцлером Брюнингом в Берлине в сентябре 1931 г. глава французского правительства П. Лаваль запугивал германских политиков опасностью «большевизации». Французы пытались оттеснить немцев от России. Однако эти усилия оказались тщетными. В условиях глубочайшего кризиса Брюнинг не хотел конфронтации с ней, пытался не замечать осторожного сближения СССР с Францией. Несмотря на возникавшие затруднения и разногласия правительства СССР и Германии старались поддерживать дружественные отношения. 13 декабря 1931 г. Сталин во время беседы с писателем Эмилем Людвигом заявил, что СССР не гарантирует границ Польши. Однако дружественные отношения с Германией остаются теми же, как и до сих пор. В начале января 1932 г. во время визита в Берлин М.М. Литвинов подтвердил Брюнингу эту позицию Советского Союза²⁷⁴. Не совсем согласуется с этим утверждение некоторых историков, что реакционные правительства Брюнинга, Папена и Шлейхера, проложившие путь нацистам к власти, подготовили полный и окончательный разрыв Германии с рапальской политикой²⁷⁵.

4.6. Свержение Брюнинга

В середине февраля 1932 г. рейхспрезидент П. Гинденбург после долгих уговоров дал окончательное соглашение на новое выдвижение его кандидатуры на пост президента. Еще в конце января в письме на имя Брюнинга он писал, что готов вновь принять должность рейхспрезидента только тогда, когда будет убежден, что его пребывание в этой должности является отечественной необходимостью. Кроме того, он может стать кандидатом в президенты только при условии, что канцлер не натолкнется на сплоченное сопротивление всех правых и пере выборы могут считаться надежными в первом туре²⁷⁶. Гинденбургу хотелось, чтобы он был выдвинут не одной какой-то партией, а «всем народом», «чтобы выборы были со стопроцентной гарантией, а Гарцбургский фронт не был бы целиком и полностью против». Брюнинг заверил «старого господина», что все правые партии, за исключе-

нием нацистов и националистов, желают его переизбрания и что инициатива этого исходит от строго «национальных» кругов. Канцлером и генералом К. Шлейхером была организована акция под лозунгом «Народ хочет Гинденбурга».

29 января Генрих разговаривал со своим старым другом Вилизенгом о возможности повлиять на кронпринца с целью молчаливой поддержки кандидата Гинденбурга и получить гарантию против нападков со стороны монархистов²⁷⁷. А через два дня Брюнинг встретился с самим кронпринцем и изложил свои цели реставрации монархии в Германии. Кронпринц был не особенно в восторге от мыслей о восстановлении монархии с терпимой поддержкой левых. При этом он, зная характер рейхспрезидента, полагал, что Брюнинг все равно потерпит неудачу, потому что, по его мнению, рейхспрезидент также предаст Генриха, как предавал всех других²⁷⁸. Эти слова оказались пророческими. Кронпринц предложил вернуться к этому вопросу после возвращения Брюнинга из Женевы. Любопытно, что Генрих о переговорах с кронпринцем и о своем намерении реставрировать монархию информировал социал-демократа Р. Гильфердинга. Судя по письмам Брюнинга, президентские выборы 1932 г. должны были открыть легальный путь к имперскому регентству, непосредственно включая реставрацию монархии Гогенцоллернов. Генрих «серьезно намеревался на реставрацию монархии весной и летом 1932 г.»²⁷⁹.

Выборы президента, имевшие огромную политическую важность, были назначены на 13 марта. «Главной задачей, – писал Г. Пюндер, – является успех. Добьемся переизбрания Гинденбурга, тогда можно будет покончить с заносчивостью Гитлера»²⁸⁰. Но это было иллюзией и недооценкой нацистов. В первом туре предполагались следующие кандидатуры: Гинденбург, Гитлер и почти неизвестный полковник Дюстерберг от Национальной партии. Итак, Гитлер выступил на выборах в качестве конкурента легендарного Гинденбурга, хотя осознавал, насколько рискованно было соперничать с ним. Парадоксальным было то, что партии объединившиеся в «Гарцбургский фронт», не смогли договориться о выдвижении единого кандидата. От КППГ был выдвинут Э. Тельман как «красный кандидат рабочих». Он должен был перетянуть значительную часть социал-демократических ра-

бочих на свою сторону. Компартия вела избирательную борьбу под лозунгом: «Кто голосует за Гинденбурга, голосует за Гитлера; кто голосует за Гитлера, голосует за войну». Это были пророческие слова. Избирательная борьба весной 1932 г. проходила с большой остротой и явилась ареной ожесточенной битвы между сторонниками Гитлера и Гинденбурга – Брюнинга. Нацисты делали все, чтобы дискредитировать авторитет канцлера и подорвать его отношения с рейхспрезидентом.

Нацистские банды терроризировали политических противников. НСДАП вела предвыборную борьбу необычайно активно и агрессивно, прибегая к грубой силе и лжи. Она организовала по всей Германии массовые собрания и выступления лидеров партии, оглушительную пропагандистскую кампанию, используя современные технические средства, распространяя по всей стране пластинки, листовки, плакаты, показывая фильмы о Гитлере и Геббельсе, которые навязывались владельцам кинотеатров в качестве вступления к основным фильмам. Целые города окрашивались знаменами нацистской партии, парад следовал за парадом. 22 февраля Геббельс, гауляйтер Берлина, заявил в берлинском дворце спорта: «Гитлер будет нашим рейхспрезидентом».

Сам Брюниг организовал и развил бурную кампанию за переизбрание «посланника бога» Гинденбурга. Он вел переговоры с политическими и военными деятелями, с представителями промышленных кругов, прессой, заручался их поддержкой, разъезжал по стране, выступал по радио, создал фонд президента, агитируя за переизбрание Гинденбурга. Партия Центра, христианские профсоюзы, различные католические союзы и организации, ряд известных историков и влиятельных газет, СДПГ и созданный ею «Железный фронт» призвали всех избирателей голосовать за президента. По всей стране проходили массовые собрания и митинги, на которых выступали видные политики и деятели профсоюзов. Фракция Центра выдвинула тогда лозунг: «С Гинденбургом за нацию, народ и отечество». В то же время СДПГ заявляла, что будто Гинденбург олицетворяет ту «часть буржуазии, которая ведет жесточайшую борьбу против открытого и грубого фашизма»²⁸¹. Ее руководство провозгласило: «Выбирайте Гинденбурга – бейте Гитлера». Каждый голос против Гинденбурга будет за Гитлера. Необходимо напрячь все силы,

чтобы нанести решающий удар уже в первом туре. Освободим этим ударом немецкий народ от фашистской угрозы! Бейте Гитлера! Поэтому голосуйте за Гинденбурга!» Партия Центра и СДПГ доказывали, что старый фельдмаршал будет «соблюдать конституцию, ее дух и букву», он является «гарантом порядка и свободы», «хранителем демократии и республики».

На сессии рейхстага, открывшейся 23 февраля, вокруг кандидатуры Гинденбурга разгорелась острая дискуссия между депутатами Центра и НСДАП. В дискуссии принял участие Брюнинг. В ответ на критику нацистов в адрес правительства канцлер заявил в речи 25 февраля, что «кабинет не потерпит никакой другой власти, кроме конституционной»²⁸². Он атаковал НСДАП и НННП за их поведение и отношение к вопросу о парламентском продлении полномочий рейхспрезидента. Речь Брюнинга характеризовалась как «фронтальное наступление» на так называемую «национальную оппозицию». На одном из заседаний парламентской фракции Генрих безапелляционно заявлял, что «если удастся успешно осуществить цели имперского правительства, то с призраком НСДАП будет покончено»²⁸³. Сам канцлер не предпринял, однако, решительных шагов, чтобы устранить этот «призрак». Именно в это время Брюнингу была вручена прусским премьер-министром социал-демократом Брауном докладная записка с требованием энергичных мер против нацистской партии. В ней указывалось, что эта партия занимается антигосударственной деятельностью, а поведение военизированных и родственных им организаций противоречит конституции и уголовному праву. Рекомендовалось объявить НСДАП вне закона²⁸⁴. Однако Брюнинг не принял никакого решения и остался глух. Брюнинг даже не препятствовал получению Гитлером германского гражданства в феврале 1932 г. Он верил в то, что власть рейхспрезидента, рейхсвера и кабинета достаточно сильна, чтобы спасти государство от кризиса и не допустить НСДАП к власти²⁸⁵. В своей агитации Генрих безмерно восхвалял президента и даже начал обожествлять старого фельдмаршала. Выступая 11 марта на большом митинге в Берлинском дворце спорта, Брюнинг причислил Гинденбурга к «истинным вождям» и «человеку, ниспосланному богом», назвал его «символом немецкой мощи и единства во всем мире» и закончил свою речь возгласом: «Гинденбург должен по-

бедить, потому что Германия должна жить»²⁸⁶. Канцлер был почему-то уверен в неминуемом поражении Гитлера на президентских выборах.

На прошедших 13 марта 1932 г. выборах Гинденбург получил 49,6%, Гитлер – 30,1%, Тельман – 13,2% и Дюстерберг – 6,8% голосов. Брюнинг сообщил президенту итоги первого тура голосования. Гинденбург встретил его холодно и недружелюбно. Он не сказал ни слова благодарности, лишь пробурчал: «партия вничью»²⁸⁷. Итак, первый тур выборов никому из кандидатов не дал требуемого абсолютного большинства, поэтому на 10 апреля был назначен второй тур голосования. Он проходил еще более остро и бурно, чем первый. На этот раз были выставлены лишь три кандидатуры: П. Гинденбург, А. Гитлер, Э. Тельман. НСДАП повела бешеную атаку на компартию, а также на правительство и партии, поддерживавшие рейхспрезидента. Нацисты вели предвыборную кампанию еще изощренней и изобретательней. Гитлер нанял самолет для себя и своего ближайшего окружения, чтобы действеннее использовать свой ораторский потенциал и лично охватить как можно большее число людей и городов. «Гитлер над Германией» – таков был эффектный лозунг, обыгрывавший предвыборные полеты фюрера. На сторону Гитлера переметнулись многие известные люди, немецкие князья, высокопоставленные военные, многие влиятельные промышленники. Лагерь Гинденбурга – Брюнинга боролся с кандидатурой Гитлера. Канцлер был неутомимым борцом. Он атаковал «национал-социалистическую систему, называя её бесцеремонной и безответственной демагогией». Прославление и обожествление им Гинденбурга не знало границ. Ему давали клятву верности и заявляли о горячей любви к нему. Католическая церковь и епископат призвали верующих поддержать кандидатуру Гинденбурга. Как ни странно, Брюнинг главную причину подъема НСДАП и превращения её в сильнейшую партию Германии видел в избирательном праве и пропорциональной избирательной системе Веймарской республики.

Второй тур принес победу Гинденбургу. За него проголосовали 19,4 млн. человек (53%), следовательно, он получил абсолютное большинство. Такая победа Гинденбурга была в то же время впечатляющим успехом и для Брюнинга, который полагал, что теперь прочно сидит в своем кресле. Гитлер завоевал

13,4 млн. голосов (36,8%), на два с лишним миллиона голосов больше, чем в первом туре. Это был большой успех Гитлера. Результаты выборов продемонстрировали поразительное усиление влияния нацистов. Они также стали удивительным свидетельством того, что более трети населения республики были готовы видеть Гитлера на посту главы государства. За Тельмана проголосовало 10,2%, на 3% меньше, чем в первом туре. Всего 10 апреля приняло в голосовании 83,5% избирателей, в то время как 13 марта – 86,2%.

Несомненно, главная роль в переизбрании Гинденбурга принадлежала Брюнингу, партии Центра и СДПГ. Без поддержки этих партий он не был бы избран. Канцлер выиграл победу «своему президенту» голосами этих партий. Демократы и прежде всего социал-демократы проголосовали за убежденного монархиста Гинденбурга. В апреле 1932 г. почти все социал-демократы были убеждены, что они должны голосовать за Гинденбурга, чтобы помешать установлению национал-социалистической диктатуры. Гитлеру могла противостоять только кандидатура Гинденбурга. СДПГ праздновала повторное избрание фельдмаршала как «большую победу партии» и «триумф демократии»²⁸⁸. Ряд историков считает, что откажись социал-демократы весной 1932 г. поддержать Гинденбурга, президентом стал бы Гитлер, и тогда 10 апреля 1932 г. было бы началом «третьего рейха» в германской истории. Поэтому решение СДПГ было последовательным и означало триумф линии, выбранной ею в октябре 1930 г. – удерживать нацистов через политику «меньшего зла» от власти²⁸⁹. Историк Д. Пойкерт пишет, что венцом социал-демократической политики «терпимости» было переизбрание Гинденбурга президентом на второй срок весной 1932 г. Гинденбург победил благодаря поддержке социал-демократов²⁹⁰. Партия Центра также была удовлетворена исходом выборов. Однако ею делался совершенно ошибочный вывод, когда утверждалось, что теперь непосредственная политическая опасность со стороны национал-социалистов устранена, а мечты о «третьем рейхе» являются только продуктом фантазии и никогда не станут реальностью²⁹¹.

В свое время немецкий журналист К. Гейден верно заметил: трудно сказать, кто вышел победителем из этой избирательной кампании; побежденным, во всяком случае, оказался Брюнинг²⁹².

Вновь став президентом, Гинденбург оказался неблагодарным по отношению к своему канцлеру, а ведь Гинденбург должен был бы поблагодарить Брюнинга за свое переизбрание. Однако сразу же после выборов между ними произошло отчуждение, а через шесть недель президент отправил канцлера в отставку. Победа Гинденбурга поколебала положение Брюнинга. Нацистскую партию как фактор силы теперь нельзя было исключить полумерами из политической жизни, и президент окончательно лишил канцлера своей поддержки. Самоотверженное участие Брюнинга в переизбрании Гинденбурга не произвело на фельдмаршала сильного впечатления. Гинденбург был обижен на Брюнинга, так как был избран сторонниками срединных партий, в то время как большая часть правых отдала свои голоса Гитлеру. Президент жаловался, что за него голосовали «соци» (т.е. социал-демократы) и католики, почти одинаково неприятные ему, а не «его люди»²⁹³, чего президент не мог простить канцлеру. Президент был раздражен неспособностью Брюнинга организовать поддержку его переизбрания всеми партиями и прежде всего привлечь на свою сторону немецких националистов. Гинденбурга в особенности задело, что некоторые из его боевых товарищей в ходе выборов вели кампанию против него. Гитлер все же добился своего: Брюнинг, который вовлек президента в открытую борьбу с правыми, теперь ни в коем случае не мог больше казаться Гинденбургу «лучшим со времен Бисмарка». Известный своим остроумием крупный помещик Янушау произнес фразу из Библии, которая относилась к Брюнингу: «Жаль мне тебя, брат мой Ионатан». За спиной канцлера, незаметно от него и его советников, плелись интриги с целью свержения Брюнинга.

Дальнейшее ухудшение отношений между Брюнингом и Гинденбургом последовало после запрета СА и СС. Еще во время избирательной кампании Брюнинг стал требовать от президента издать особый декрет о роспуске штурмовых и охранных отрядов, военизированных формирований нацистской партии. Такое требование исходило также от земельных министров внутренних дел и руководства рейхсвера, включая генерала Шлейхера²⁹⁴. Он лишь перед изданием декрета изменил свою позицию и стал интриговать против своего начальника, военного министра В. Грёнера. Сначала президент отказался издать такой декрет, но под

давлением угрожавших отставкой Брюнинга и Грёнера, как министра внутренних дел, Гинденбург уступил их напору. 13 апреля был опубликован «Чрезвычайный декрет по обеспечению государственного авторитета», штурмовые и охранные отряды объявлялись распущенными. Это был сильный удар, нанесенный нацизму. Брюнинг и Гренер верно считали, что СА и СС представляли опасность для общественного спокойствия и порядка. Их уличный террор вызывал сильное возмущение в стране. Другое дело, что правительство до самого последнего момента терпимо относилось к штурмовикам, их можно было запретить и раньше. Запрет действительно мог бы покончить с нацистским террором, если бы он был проведен в жизнь. Декрет преследовал следующую цель: сделать нацистскую партию пригодной для участия в правительстве; «очистить» НСДАП от радикальных, антикапиталистических элементов; устранить штурмовые отряды как соперника рейхсвера и включить их в дальнейшем в милицию как «ценный человеческий материал». Брюнинг пишет, что имела и внешнеполитическая причина: стремление избежать во время переговоров с западными державами о перевооружении обвинений в существовании огромной «частной армии»²⁹⁵.

Роспуск СА и СС имел для канцлера роковые последствия. Сразу после их запрета против него и генерала Гренера начались интриги, протесты военных, атака крайне правых, Гинденбургу стали поступать письма с протестом. Гинденбург был не согласен с «односторонним» запретом СА и СС. В результате испортились отношения военного министра Грёнера со Шлейхером. Двуличный интриган Шлейхер стал теперь центральной фигурой в борьбе против кабинета Брюнинга. Генерал заявил тогда статс-секретарю О. Мейсснеру: «... нерешительность Брюнинга склонила меня к решению освободиться от него... Брюнинг вначале желал сотрудничать с нацистами, однако не мог решиться форсировать этот вопрос»²⁹⁶. Шлейхер развил с конца апреля активную деятельность против канцлера в тесном сотрудничестве с нацистами. 28 апреля он встретился с Гитлером, а двумя днями раньше принял руководителя берлинских штурмовиков графа Хельдорфа. Против влияния Шлейхера и его друга Оскара Гинденбурга на рейхспрезидента Брюнинг оказался бессильным. И это были не единственные его противники. Множество интересных фактов

об этом сообщается в письмах генерала Грёнера. Например, в письме, адресованном генералу Гляйху 25 апреля 1932 г., он писал, что Брюнинг «взят на прицел» рейхспрезидентом. Ситуация поэтому прямо критическая, так как Гинденбург желает еще более правое правительство, чем кабинет Брюнинга. Грёнер не исключал и такой возможности, что Гинденбург может в один день вышвырнуть канцлера и его самого²⁹⁷. Разумеется, канцлер не избрал решительный антинацистский курс. Его правительство саботировало многие усилия, направленные против Гитлера.

Через две недели после второго тура президентских выборов, 24 апреля, состоялись выборы в ландтаги земель Пруссии, Вюртемберга, Баварии, Гамбурга и Ангальта. Во всех пяти землях нацисты добились большого успеха. Но наибольшее значение имели выборы в Пруссии, исход которых должен был оказать влияние на дальнейшее развитие событий во всей Германии. Выборы в прусский ландтаг принесли небывалый успех НСДАП. В новом ландтаге она имела 162 места из 420, став самой крупной фракцией. Прусские избиратели в своем большинстве проголосовали против правительства Брауна. Большие потери понесли социал-демократы, националисты, Народная и Демократическая (Государственная) партии. Центр добился незначительного прироста голосов. В Пруссии впервые была разрушена основа Веймарской коалиции. В новом ландтаге лишь НСДАП и Центр вместе обладали абсолютным большинством. Исход выборов в Пруссии значительно ослабил позиции Брюнинга в рейхе.

Вскоре после выборов в ландтаги между Центром и НСДАП была предпринята серьезная попытка осуществить совместную правительственную коалицию в Пруссии и других землях. Инициативу проявил Брюнинг. Он, видимо, позитивно оценивал шансы на включение национал-социалистов в прусское правительство на приемлемых условиях и хотел использовать противоречия внутри нацистской партии, пойдя на компромисс с «левым» крылом Грегора Штрассера. Брюнинг был согласен образовать в ландтагах коалиции Центра с нацистами при условии, что те не будут претендовать на передачу в их руки полиции. Особенно это касалось Пруссии. Брюнинг не желал также, чтобы главой прусского правительства был нацист²⁹⁸. Итак, канцлер считал сотрудничество между Центром и крылом Штрассера в ближайшее вре-

мя оправданным. В коалиции Центра с НСДАП в Пруссии видел шанс «укротить» правый радикализм и направить его, как он полагал, на «органический путь».

Брюнинг намеревался осуществить следующий план. Обер-бургомистр Лейпцига К. Гёрделер (впоследствии гражданский руководитель заговора 20 июля 1944 г.) должен был стать главой прусского правительства и вице-канцлером, а в дальнейшем — преемником Брюнинга и одновременно прусским премьер-министром. В этом случае Брюнинг был готов сохранить за собой пост министра иностранных дел. Зато прусские министерства должны были быть переданы нацистам под руководством Г. Штрассера. На этой основе Брюнинг разработал чрезвычайное распоряжение, которое было уже готово в начале мая. Согласно ему, в случае провала всех переговоров о создании земельных коалиционных правительств предполагалось передать полицию земель под общегерманское руководство²⁹⁹. Затем таким же методом предусматривалось передать управление юстицией. Вторым шагом плана намечалось назначение в земли имперских комиссаров. Но эти планы так и остались нереализованными. Власть и влияние уходили от Брюнинга.

В начале мая подготовка к свержению правительства Брюнинга крайне правыми силами зашла уже далеко. 3 мая в отставку подал министр экономики Г. Вармбольд. Позиции канцлера оказались сильно поколебленными. Теперь от него публично отмежевались влиятельные круги буржуазии. Днем раньше статс-секретарь министерства финансов Х. Шеффер, близкий советник и критик политики Брюнинга, решил отказаться от своей должности, поскольку не может более нести ответственность за финансовую политику рейха. Брюнингу удалось уговорить Шеффера отложить отставку до середины мая, но для посвященных было верным признаком, что авторитет канцлера заметно падает. В тот же день состоялся разговор канцлера с президентом. Брюнинг рекомендовал вместо ушедшего в отставку Вармбольда назначить Гёрделера. Далее он сообщил Гинденбургу, что в ближайшие шесть недель будет принято окончательное решение по репарациям, что приведет к дальнейшей ревизии Версальского договора. Вопрос о реставрации монархии также хорошо подготовлен. Канцлер выражал надежду, что личные дружеские отно-

шения между ним и Гинденбургом сохранятся. Он также проинформировал Гинденбурга о переговорах между партией Центра и НСДАП по вопросу образования коалиционного правительства в Пруссии³⁰⁰. Рейхспрезидент проявил известный интерес к этим переговорам, однако он не хотел более поддерживать «своего канцлера».

Между тем в глазах нацистов судьба Брюнинга была уже предрешена. Они явно рассчитывали на его скорое падение. Геббельс 4 мая записал в своем дневнике: «Партия Центра ищет контакта с фюрером, но он старается быть неуловимым. Это очень отратно и вызывает у нас всеобщую усмешку и потирание рук. Первым должен пасть Грёнер, а за ним Брюнинг»³⁰¹. Католическая пресса достаточно откровенно писала о закулисных махинациях генерала Шлейхера и окружения рейхспрезидента против кабинета Брюнинга³⁰². Как раз 8 мая вновь состоялась секретная встреча Шлейхера с Гитлером, которая «проходила успешно», и Гитлер был удовлетворен ее результатами³⁰³. Участники переговоров пришли к окончательному мнению образовать новое имперское правительство.

Гинденбург, не спрашивая мнения канцлера, начал было серию переговоров с лидерами партий, что уже явно указывало на близкие перемены. 9 мая президент заявил канцлеру, что намерен собрать руководителей партий и обсудить с ними политическое положение. Брюнинг спросил, делается ли это с целью образования нового правительства. Гинденбург от ясного ответа ушел. Брюнинг выразил опасение, что такой прием лидеров партий вызовет в рейхстаге тревогу и может еще больше осложнить положение канцлера, а также ослабить его позиции на предстоявших переговорах по разоружению в Женеве, которые должны начаться 17 мая³⁰⁴. Далее Брюнинг заявил, что снимает с себя всю ответственность за правительственные дела, сейчас же отправится в рейхстаг и сделает заявление о том, что президент намерен образовать новое правительство. Гинденбург смутился и сказал канцлеру, что отказывается от своего намерения.

В такой ситуации 9 мая собрался рейхстаг, а 11 мая в нем выступил Брюнинг. Он защищал Грёнера, хотя речь была посвящена внешней политике. Канцлер требовал восстановления «равноправия» для Германии, «окончательного решения» репараци-

онного вопроса, призывал «не проявлять колебаний в последние пять минут» и заявил, что он находится на «расстоянии 100 метров от цели»³⁰⁵. Речь канцлера имела успех, рейхстаг большинством голосов выразил ему доверие, тем не менее судьба кабинета повисла в воздухе. 12 мая военный министр Грёнер ушел в отставку. При такой ситуации правительству Брюнинга морально наносился смертельный удар. Отставка Грёнера как военного министра и министра внутренних дел стала началом конца кабинета Брюнинга. Череда отставок влиятельных политиков свидетельствовала о серьезном правительственном кризисе. В те же дни закончились безрезультатно переговоры Центра и НСДАП о коалиции в Пруссии.

В это время к Гинденбургу с требованием дать отставку Брюнингу обратились остэальбские крупные помещики, напуганные поселенческими планами канцлера в рамках т.н. «восточной помощи». Они буквально завалили президента жалобами на «аграрный большевизм» Брюнинга. Камарилья вокруг рейхспрезидента продолжала действовать с усиленной интенсивностью, чтобы убрать Брюнинга. Летнюю резиденцию президента, поместье Нойдек, посещали не только юнкеры, но и представители «Клуба господ» и генерал Шлейхер («Нойдекская клика»). 22 мая Грёнер писал генералу Глейху, что канцлер будет устранен. Прежняя дружба Брюнинга со Шлейхером кончилась. Шлейхер сам стремится к власти, в чем его поддерживает статс-секретарь президента Мейсснер. Далее Грёнер отмечал, что Шлейхеру давно хочется управлять страной с помощью рейхсвера и без участия парламента³⁰⁶. Сам Брюнинг в разговоре со Шлейхером в начале мая откровенно сказал, что они оба старые солдаты. Но ему до сих пор неизвестно, почему генерал с 20-х годов пытается делать политику за кулисами («Вы имеете власть, находясь за троном»). И далее Брюнинг заявил, что он, Шлейхер, работает только за кулисами и не имеет мужества ясно сказать общественности о своих целях. Это означает смерть для любого политика. Тем более, если он генерал³⁰⁷. Шлейхер молчал, ни слова не возразил. Это был конец их отношениям.

Шлейхер отклонял даже вероятных преемников Брюнинга на пост канцлера: Гёрделера и К. Вестарпа, потому что они были доверенными людьми Генриха. В Нойдеке Гинденбург оконча-

тельно пришел к решению отстранить Брюнинга от власти. 21 мая крупный помещик Ольденбург-Янушау, близкий друг Гинденбурга, сыгравший немалую роль в падении Генриха, писал, что кабинету Брюнинга пришел конец³⁰⁸. Канцлер, полагая, что все еще прочно сидит в своем кресле, предавался иллюзии, будто по-прежнему пользуется доверием президента. Хотя понимал, что политика, основанная на такой личности, как Гинденбург, должна потерпеть крушение. До последнего дня Брюнинг продолжал интенсивно работать, обсуждая различные вопросы внешней и внутренней политики, встречался с видными политиками. Когда 29 мая Тревиранус сообщил ему, что он уже фактически отстранен, Брюнинг не поверил.

29 мая 1932 г. рейхспрезидент, возвратившись в Берлин, сразу пригласил канцлера для доклада. Гинденбург принял его подчеркнуто холодно. Дуэль двух лидеров страны весьма примечательна: они окончательно выяснили личные взаимоотношения. Брюнинг потребовал от президента срочно подписать новый чрезвычайный декрет, ибо его задержка может вызвать сильное недовольство за границей и внутри страны. Далее он заявил, что его стремлением было сильно ограничить безграничную и непланомерную власть парламента, чтобы правительству не создавали больше трудностей. Благодаря этому правительство стало абсолютно надпартийным³⁰⁹. Кроме того, правительство добилось конкретных внешнеполитических результатов. После этого президент грубым и резким тоном потребовал дальнейшего перемещения политики правительства вправо. Затем он надел свои очки, взял со стола лист бумаги и прочел ему несколько фраз, в которых говорилось: во-первых, он, Гинденбург, больше никаких чрезвычайных декретов подписывать не будет, правительство не пользуется популярностью; во-вторых, запрещает канцлеру производить какие-либо персональные изменения правительства³¹⁰.

Брюнинг возразил: «Если я правильно понял только что прочитанное, Вы желаете, господин рейхспрезидент, отставки всего кабинета». Гинденбург ответил: «Совершенно верно. Это правительство должно уйти, потому что оно непопулярно». Канцлер обещал на следующий день собрать кабинет и объявить о его отставке. Рейхспрезидент просил Генриха «сделать это как можно быстрее». Брюнинг: «Я завтра немедленно объявлю об от-

ставке». Рейхспрезидент: «Исполните это»³¹¹. Далее Гинденбург заявил: «Моя совесть вынуждает разлучить меня с вами». Брюнинг встал, поднялся и рейхспрезидент, который сказал Генриху: «Естественно, Вы можете остаться министром иностранных дел». Однако канцлер отказался, поскольку, по его мнению, не обладает для этого достаточным авторитетом. Напоследок Брюнинг предложил в качестве своего преемника имперского комиссара по ценам, национал-консерватора Гёрделера³¹².

На следующий день, 30 мая, разговор между рейхспрезидентом и канцлером продолжался всего три с половиной минуты. Брюнинг протянул свое заявление об отставке. Гинденбург принял его, сказав при этом: «Я вынужден был дать Вам отставку ради моего имени и моей чести». Брюнинг возразил ему: «Господин рейхспрезидент, я также защищаю свое имя и свою честь перед историей»³¹³. Секунда молчания. Громко звучала музыка у матросской вахты на Гогенцеллернштрассе через сад. Брюнинг, прервав молчание, сказал: «Господин президент, я должен попрощаться сейчас, так как Вы должны своевременно появиться при разводе вахты у портала». Президент вновь предложил пост министра иностранных дел, но Брюнинг ответил: «Господин рейхспрезидент, не забывайте, что я не Бетман Гольвег. Когда я убежден, что политика ошибочная, то без злобы ухожу со службы...»³¹⁴. Он выразил надежду, что советники не заставят президента пойти на нарушение конституции. Гинденбург строго посмотрел на канцлера. После этого Генрих поклонился молча и вышел в вестибюль. Он возвращался через сад, а Гинденбург в это время уже стоял у портала, и почетный караул военноморских сил приветствовал его под музыку. «Эра Брюнинга» кончилась. 30 мая Брюнинг капитулировал без боя, без всякого сопротивления, сдав свои позиции. Он был низвергнут весьма жалким образом: оказалось достаточно одного слова президента, чтобы сей претендент на роль лидера немецкого народа оказался не у дел. Вотум недоверия президента остался у него незаживающей раной до самой смерти. Немецкая история, отмечается в книге В. Фернеколя, есть в высшей степени история вероломства, чем верности, и здесь налицо вероломство Гинденбурга в отношении Брюнинга, которое едва ли найдешь равным в истории прусского и германского правового государства³¹⁵.

После 26-месячного пребывания на посту рейхсканцлера Брюнинг ушел в отставку под давлением нацистов, недовольства генерала Шлейхера и рейхспрезидента и происков старопрусских, остэльбских крупных землевладельцев. Отставка Брюнинга для общественности была неожиданной, хотя его кабинет уже давно достиг низшей точки своего престижа. Однако бесцеремонная манера, в которой последовало увольнение канцлера, поразила многих. Прежде всего, в партии Центра возмущение не знало границ. Этот факт рассматривался как удар, направленный против нее самой, как провокация и измена. Из рядов партии посылались тяжкие упреки в адрес неблагодарного президента, нанесшего удар кинжалом в спину Брюнингу. А назначение однопартийца и политического интригана Ф. фон Папена преемником Генриха расценивалось как вызов президентом партии Центра. По свидетельству Брюнинга, он не знал тогда, что Папен уже с 1931 г. предлагал свои услуги Гитлеру и при этом обещал заручиться поддержкой значительной части партии Центра³¹⁶. Находясь в тесных связях с генералом Шлейхером и НСДАП, Папен пренебрег указаниями своей партии и по поручению Гинденбурга возглавил новое имперское правительство. После этого он был исключен из партии Центра.

Вопрос, какие силы и группы были ответственны за падение кабинета Брюнинга, интересовал уже современников. Так, Папен отклонил любую свою ответственность, хотя не снимал ее со Шлейхера. При этом знал о тайных замыслах генерала, его интригах и конкретных действиях против Брюнинга и сам в них участвовал³¹⁷. Удивительно, что и Шлейхер не считал себя виновным, хотя сыграл решающую роль в дискредитации Генриха в глазах президента. Любопытный факт, за шесть дней до увольнения Брюнинга Шлейхер требовал от канцлера 2,5 млрд. марок на вооружение. Сам Брюнинг объяснял свою отставку также «антикатолическими чувствами рейхспрезидента». Реакция на свержение Брюнинга была различной. Одни сожалели об уходе Брюнинга, другие считали, что это было «тяжелой политической ошибкой», третьи – «немотивированной исторической случайностью», четвертые рассматривали отставку Брюнинга как этап на пути захвата власти нацистами. КПП видела в свержении кабинета Брюнинга «новый фашистский рывок к власти»³¹⁸. Вице-

канцлер Г. Дитрих в правительстве Брюнинга, видел главную причину отставки канцлера в том, что «слои, которые раньше не оказывали влияния на государство, а именно старое пруссачество, теперь вновь хотят захватить власть»³¹⁹. Все фракции и группы крупного капитала считали, что время Брюнинга уже истекло. Хотя СДПГ до самого последнего дня оказывала поддержку канцлеру. Ведь его правительство лидеры этой партии рассматривали как «последнюю карту парламентаризма и демократии».

Брюнингу в период его правления не удалось добиться своих финансовых, социально-и политико-экономических целей. Он напрасно пытался «силой государственного убеждения» преодолеть анархию социальных и политических противоречий³²⁰. Из-за бездействия правительства безработица и обнищание воспринимались населением без всяких признаков надежды. Это объясняет обращения отчаявшихся людей к радикальным партиям – КППГ и НСДАП, «носителницам надежды». Мало что удалось достигнуть ему и на конференции по разоружению в Женеве. Германия, как и прежде, оставалась неравноправной с военной точки зрения. Канцлер не смог получить крыло Г. Штрассера, с помощью которого хотел расколоть партию Гитлера. По признанию самого Брюнинга, своим провалом концепции «укрощения» он потерял политическую поддержку со стороны рейхспрезидента. Канцлер ясно осознавал, что его отношения с Гинденбургом в результате запрета СА и СС заметно охладели. Несмотря на это, он не рассчитывал на свою отставку накануне международной конференции по репарации, намеченной на июнь в Лозанне. Именно в годы его канцлерства НСДАП превратилась в доминирующий фактор внутренней политики Германии. Брюнинг не добился своей цели – реставрации монархии, но и в борьбе за Гинденбурга тоже потерпел поражение. Президент отказался от дальнейшей поддержки его политики. Его правительство находилось в значительной зависимости от господствующей властной элиты, представленной прежде всего рейхспрезидентом и руководством рейхсвера. Стратегия Брюнинга, по мнению историка М. Функе, в общей сложности оказалась несостоятельной³²¹.

За время своего канцлерства Брюнинг доказал, что можно править авторитарными методами, пренебрегая ролью парламента и в то же время клянясь в верности Веймарской конституции.

Своей политикой чрезвычайных декретов канцлер обесценил конституцию, равно как и избранный парламент. В период его правления происходила глубочайшая эрозия демократического процесса. Практически, пишет ряд исследователей, Брюнинг, проводя свой курс при опоре на камарилью Гинденбурга, способствовал упразднению парламентской демократии и распаду республики, приучал немецкий народ к олигархической и авторитарной политике, к диктатуре³²². Президиальные кабинеты (Брюнинга, Папена, Шлейхера) сыграли негативную роль в судьбе республики. Известный немецкий ученый К.Д. Брахер верно отмечает, что в 1930–1932 гг. авторитарно управляемое, дистанцирующееся от общественности президиальное правительство только усиливало тягу к радикализму, так как для общественности влияние на политику через демократические партии и парламент казалось теперь все менее возможным³²³. Брахер назвал Брюнинга «ликвидатором республики». Говоря о значении событий конца мая 1932 г. Г.А. Винклер пишет, что падение Брюнинга было глубоким историческим переломом. 30 мая закончилась первая, умеренная фаза президиальной системы. Его политика была исторически необходима, и только свержение Брюнинга стало началом пути к катастрофе. Однако люди, окружавшие президента Гинденбурга, не думали о защите и реформе веймарской демократии, они стремились к ее дальнейшей постепенной ликвидации. Для их планов нужен был другой политик, придерживавшийся более правых взглядов, чем Брюнинг³²⁴. Некоторые авторы весьма тенденциозно оценивают сам факт падения кабинета Брюнинга, придавая ему трагический оттенок для дальнейшей судьбы Германии, мол был упущен исторический шанс предотвратить приход Гитлера к власти. Его отставка стала предпосылкой для захвата власти Гитлером 30 января 1933 г. и промежуточным развитием, длившимся восемь месяцев. Выборы Гинденбурга президентом после смерти Эберта весной 1925 г., продолжает профессор Т. Кампман, и свержение Брюнинга были трагическим поворотом в истории Веймарской республики. За опереточными фигурами Папена и Шлейхера последовал Гитлер, который представлял смертельную опасность³²⁵. А в послесловии к мемуарам Брюнинга Т. Кампман ставит вопрос: что было бы, если бы Брюнинг остался у власти еще два-три месяца? И отвеча-

ет: «Тогда не было бы ни гитлеровской диктатуры, ни Второй мировой войны, ни призрачного факельного шествия, с которого начался Третий рейх, ни моря крови и слез, которым было заполнено все»³²⁶. Конечно, это сильное преувеличение.

Кто же виновен в свержении канцлера Брюнинга? Сам он в качестве главных виновников называл генералов Шлейхера и В. Бломберга, французского посла Франсуа Понсе, статс-секретарей Мейсснера и Шеффера, сына рейхспрезидента Оскара. По мнению Брюнинга, главную роль в его свержении сыграли три круга персон, преследующих свои интересы и мотивы поведения: лоббисты вооружения (Шлейхер, Бломберг), коррупционеры (Мейсснер, Оскар фон Гинденбург) и принципиальные противники его политики (Шеффер)³²⁷. Брюнинг питал к Шефферу известное недоверие, так как это был франкофил, пытавшийся установить сотрудничество с частью французской тяжелой промышленности и восстановить рейхсвер против канцлера. Их отношения испортились летом – осенью 1931 г. из-за разногласий по репарационному вопросу и политике дефляции. Бломберг, как руководитель немецкой военной делегации по разоружению в Женеве, сознательно дал рейхспрезиденту неверную информацию о ходе и результатах конференции по разоружению. По утверждению Брюнинга, Бломберг вместе с В. фон Рейхенау, будущим генерал-фельдмаршалом вермахта, и Ольденбург-Янушау уже с лета с 1931 г. интриговали против его правительства. Мейсснер был замешан в финансовых махинациях с директором Коммерц-унд-Приватбанка К. Зобернхайном.

После отставки Брюнинг на заседании правления партии Центра высказал пожелание полностью исключить его на полгода из политики. Это заявление произвело ужасное впечатление. Многие члены партии упрекали его за такое поведение. Позднее Генрих сам признал свою ошибку.

Глава V. Бесславный конец

5.1. В оппозиции

1 июня 1932 г. канцлером Германии стал крайне консервативный политик фон Папен. Он сыграл крайне негативную роль в судьбе республики. Папен придерживался антиреспубликанских взглядов и способствовал приходу Гитлера к власти. Он был идейно связан с так называемыми «неоконсервативными» группировками республики. Им были позамещены многие «неоконсервативные» идеи. Папен являлся одним из руководителей аристократического архиконсервативного «Клуба господ». Именно в период его канцлерства он достиг своей наивысшей политической активности. Центральной фигурой «кабинета баронов» (так молва нарекла правительство Папена) был генерал К. Шлейхер («серый кардинал», как его называли), занявший пост военного министра. Папен был креатурой всесильного генерала, который и не скрывал, что ему нужна «не голова, а шляпа». Замена Брюнинга Папеном, пишет Лонгерих, означала переход от президиального правительства к президиальной диктатуре; как оказалось, это был логически следующий шаг к полной диктатуре, означавший исключение последних еще существующих конституционно-правовых гарантий¹. Первым шагом правительства Папена стал роспуск рейхстага, а в середине июня был отменен запрет на действия СА и СС. Отмена запрета СА и СС означала конец всем серьезным попыткам воспрепятствовать государственными средствами нацистскому движению.

Сразу же после отставки Брюнинг намеревался на некоторое время отойти от политической деятельности. Однако вследствие сильного давления со стороны напуганных членов правления партии он заявил о желании возглавить список кандидатов Центра в предстоящей избирательной кампании и включиться в предвыборную борьбу. Роспуск рейхстага 4 июня 1932 г. открыл новую избирательную кампанию и, следовательно, дальнейшую поляризацию политической жизни. Первые два месяца существо-

вания кабинета Папена прошли под знаком предвыборной борьбы в связи с назначенными на 31 июля выборами в рейхстаг. Избирательная кампания была очень ожесточенной. Уличный террор нацистов приобрел невиданный до сих пор размах. Политическая обстановка в стране еще более обострилась. Партия Центра к тому времени разорвала все связи с «предателем» Папеном, отвергла его политический курс, перешла в оппозицию и заявила о своей верности бывшему канцлеру. Надежды Папена и Шлейхера на раскол партии Центра не осуществились.

Лидеры Центра вновь стали создавать культ Брюнинга. Его называли «наш дуче», «наш фюрер». «Вождь» Брюнинг противопоставлялся «диктатуре» Папена. Прелат Шрайбер писал о Брюнинге, что «в нем немецкая политика воплотилась в образ фюрера»². Центр провозгласил лозунги: «назад к Брюнингу», «мечь за Брюнинга», чтобы обеспечить единство партии. Представители левого крыла Центра выступали с оправданием политики Брюнинга, возмущались действиями президента Гинденбурга, осуждали Папена. Партия хотела «взять реванш за Брюнинга» и «очистить» его от обвинений, предъявленных фон Папеном. Католическая пресса призывала избирателей еще сильнее сплотиться вокруг партии Центра и Брюнинга. Брюнинг принял в избирательной кампании активное участие. Он вел борьбу против Папена со всей страстностью низвергнутого политика, добиваясь отставки нового главы правительства. Экс-канцлер настойчиво отводил на задний план причины своей отставки, чтобы не разрушить авторитет и ореол святости Гинденбурга. Обосновывая собственную политику, Брюнинг заявлял, что «укротил извращения парламентаризма, исключил активность партий и довел парламент до того, что тот принимал даже самые тяжелые для народа постановления»³. Брюнинг говорил также, что партия Центра выступает за «умеренную, реформированную демократию» или за «авторитарную демократию»⁴.

Государственный переворот в Пруссии 20 июля 1932 г., осуществленный канцлером Папеном против социал-демократов, привел к насильственному смещению возглавляемого ими правительства этой земли. Союз партии Центра с СДПГ был ликвидирован. Это означало одновременно крушение прусской политики Центра, который не поддержал и осудил переворот, но не

оказал никакого сопротивления. Брюнинг тоже его не одобрил, но прокомментировал лаконично: «Недостаточное сопротивление против государственного переворота в Пруссии удручающе подействовало на социал-демократические массы»⁵.

После выборов в рейхстаг 31 июля, из которых нацистская партия вышла победительницей, получив 37,4% голосов и став самой крупной фракцией рейхстага, Центр завоевал 12,5% и четко взял курс на союз с НСДАП. Между прочим, на этих выборах почти 52% избирателей проголосовали за крайне радикальные партии справа и слева. Для получения парламентского большинства реальным решением было создание черно-коричневой коалиции из НСДАП, Баварской народной партии (3,2%) и Центра. Вместе они имели бы 327 (53,1%) из 608 мандатов рейхстага. Вся политическая борьба после выборов проходила под знаком этого «черно-коричневого кошмара». Лидеры Центра, включая Брюнинга, решили возобновить переговоры между обеими партиями по вопросу образования коалиционного правительства. Критические выпады против нацистов прекратились. Печать внезапно перестала осуждать террористические акты нацистов, призывала Гитлера и его партию к благоразумию⁶. Руководители Центра надеялись «парламентаризовать» лидеров НСДАП, «укротить» нацистов. В течение целого месяца, вплоть до роспуска рейхстага 12 сентября 1932 г., шли интенсивные переговоры между Центром и НСДАП. Брюнинг участвовал в этих переговорах, поддержал курс на союз с нацистской партией. Он 23 августа встретился с Г. Штрассером, руководителем умеренного крыла НСДАП. Обсуждался вопрос о коалиции двух партий. Штрассер высказал убеждение, что Гитлер в конце концов откажется от претензий на пост канцлера, если удастся достигнуть соглашения. Брюнинг сказал Штрассеру, что он не собирается в ближайшее время играть активную роль, но готов, как и в годы своего канцлерства, в любое время помочь словом и делом сколько-нибудь разумному правительству. Штрассер был очень удовлетворен ответом⁷. На конец августа была назначена официальная встреча на «высшем уровне».

С 21 по 24 августа Брюнинг принимал участие в совещании лидеров Центра, на котором было решено продолжать переговоры с НСДАП⁸. Любопытно, что на заседании парламентской

фракции 26 августа впервые в его адрес были высказаны серьезные критические замечания насчет далеко идущей склонности экс-канцлера к коалиции с национал-социалистами. Отмечалось также, что политическая деятельность Брюнинга сильно переоценивается⁹. 29 августа Брюнинг встретился с Гитлером, Ремом, Герингом, Геббельсом, Штрассером и Фриком в доме фабриканта Вольмана, старого друга Гитлера. Брюнинг изложил свои условия, в частности, отказ от передачи НСДАП постов прусского премьер-министра и министра внутренних дел. В то же время экс-канцлер заявил о готовности принять на себя посредничество между людьми Гитлера и партийным правлением Центра¹⁰. Эти маневры руководителей политического католицизма оказались тактически очень выгодными для нацистов. По соглашению обеих партий президентом рейхстага был избран нацист Г. Геринг, деятель Центра Эссер – вице-президентом, вторым вице-президентом стал политик Баварской народной партии Раух. «Первое заседание парламента, писал известный политик Центра Э. Больц, протекало гладко. Это было результатом переговоров с национал-социалистами»¹¹. С 1 до 12 сентября переговоры проходили почти ежедневно. Обе стороны не хотели допустить нового роспуска рейхстага. Однако 12 сентября канцлер Папен распустил парламент, и на 6 ноября были назначены новые выборы. Переговоры Центра с НСДАП в рейхе и Пруссии были отложены. С середины сентября Центр начал избирательную кампанию. Стремление к союзу с НСДАП наложило решающий отпечаток на весь ход предвыборной борьбы. Основная атака направлялась против Папена и лидера Национальной партии Гугенберга, поскольку его партия являлась главной опорой правительства.

Выборы 6 ноября 1932 г. нанесли сильнейший удар по кабинету Папена. Они обнаружили падение влияния социал-демократии и чувствительное поражение нацистов. Крупную победу одержала КПП. Партия Центра лишилась 358 тыс. голосов, хотя в целом сохранила свои позиции. Исход выборов принес успех Национальной партии. Результаты выборов показали, что создание большинства из НСДАП, партии Центра и БНП было уже невозможно. Центр провозгласил лозунг создания коалиции «национальной концентрации», т.е. речь шла о создании нового президиального правительства. Снова началась карусель перего-

воров и интриг, открылись новые варианты концепции «укрощения». Йозеф Йосс стал выступать за новую коалицию партии Центра и НСДАП. Брюнинг также высказывался за союз между Центром и нацистской партией. Лидер партии Каас принципиально придерживался того же мнения. 20 ноября Брюнинг, другие представители Центра и Баварской народной партии встретились с Герингом, Фриком, Штрассером, по их приглашению¹². Переговоры закончились предложением, что Гитлер и Каас должны встретиться и разговаривать друг с другом. Геббельс записал 20 ноября в своем дневнике, что партия Центра согласилась с тем, что Гитлер будет канцлером¹³.

17 ноября правительство Папена ушло в отставку. В рядах партии падение кабинета Папена рассматривалось как «избавление» немецкого народа от «диктатуры». Тем не менее в руководстве партии Центра выявились серьезные разногласия. Об этом свидетельствует заседание фракции Центра 29 ноября. Хотя прелату Каасу она выразила свое доверие, но многие депутаты выступали за сохранение демократии, прав парламента и народа. Нарушил свое «молчание» и Брюнинг, заявив, что фракция должна «при всех обстоятельствах, всеми средствами защищать идею права и правовое государство»¹⁴. Судя по мемуарам экс-канцлера, у него самого положение в партии вызывало серьезные опасения. Он упрекал Кааса за длительное отсутствие и недостаток заседаний фракции, в результате многие политики на свой риск и страх повели переговоры с нацистами¹⁵. Отношения между Брюнингом и Каасом охладели уже в 1931 г. Экс-канцлер был весьма недоволен, что против его воли председателем фракции прусского ландтага стал прелат Лаушер, который вместе с управляющим делами фракции Грассом провел вскоре в Пруссии переговоры с нацистами и Шлейхером. Брюнинг не хотел допустить углубления разногласий внутри руководства партии, понимая, к каким негативным последствиям это может привести.

3 декабря 1932 г. канцлером Германии стал генерал К. Шлейхер. Брюнинг, имевший обоснованные причины относиться к Шлейхеру с недоверием, тем не менее своими примирительными высказываниями обеспечил старт новому правительству. Он одобрил концепцию Шлейхера «Querfront», т.е. «третьего фронта», из профсоюзов, «лояльных» национал-социалистов,

профессионально-сословных организаций и армии. Хотя экс-канцлер опасался, что план генерала расколоть НСДАП, а «левое крыло, возглавляемое Г. Штрассером, вовлечь в кабинет, представив несколько министерских постов, может провалиться. Лидеры Центра ожидали от него «большей справедливости», чем от правительства Папена. Правда, в своих мемуарах Брюнинг пишет, что он был настроен скептически по отношению к новому канцлеру. Это было не то решение, которое он предполагал. По его мнению, состав кабинета остался в основном прежним и Шлейхер продолжал старый курс Папена, чем и нажил в лице Гугенберга смертельного врага¹⁶. Попытка Шлейхера расширить правительственный базис «от Г. Штрассера до Центра включительно» провалилась. Партия Центра отказалась войти в его кабинет, не удался ему и раскол нацистской партии. Потерпела провал концепция «укрощения». СДПГ и свободные профсоюзы тоже отказались от поддержки Шлейхера. Вскоре Брюнинг узнает от Штрассера о тайной встрече Папена и Гитлера 4 января 1933 г. в доме кёльнского банкира Шредера¹⁷. Цель переговоров – передать Гитлеру пост канцлера. Если Папен до сих пор сомневался в этом плане, то теперь отпали все сомнения. Канцлеру Шлейхеру оставалось или распустить рейхстаг и назначить новые выборы, или связать роспуск парламента с отсрочкой новых выборов. В этой ситуации лидеры Центра высказались против роспуска рейхстага. Брюнинг и Вирт на заседании парламентской фракции 26 января 1933 г. настоятельно предостерегали от возможного краха конституции. Оба оратора призывали к защите ее основных статей, от которых зависела также судьба партии Центра¹⁸. Брюнинг впервые возмущенно заявил о ненадежности национал-социалистов, о спекуляции НСДАП на трудностях. Но экс-канцлер не внес никаких позитивных предложений о выходе из кризиса. Он рекомендовал придерживаться традиционной линии Центра: не принимать решения, а в дальнейшем полностью довериться партийному руководству и фракции.

Ситуация становилась все более сложной. 26 января Брюнинг обратился к Шлейхеру с просьбой организовать совместный прием руководителей всех партий для решения вопроса о скорейшем созыве рейхстага. Предложение было отклонено. Накануне прихода нацистов к власти партия Центра оказалась совер-

шенно беспомощной. Главную свою задачу ее руководство видело в том, чтобы не допустить внеконституционных экспериментов, в которых не участвовал бы Центр. 27 января Брюнинг заболел бронхитом, поднялась высокая температура, он был вынужден лежать в постели. И тем не менее ситуация заставляла его участвовать в работе заседаний своей партии. Руководство Центра понимало, что близится конец правления Шлейхера. 28 января, после того как Гинденбург не поддержал канцлера и отказал в полномочиях на роспуск рейхстага, Шлейхер объявил об отставке своего кабинета. Лидеры Центра решительно отклонили все обвинения в том, что их партия в союзе с Гитлером и Гугенбергом свергла канцлера. Во второй половине 28 января после серии молниеносных совещаний руководителей Центра и БНП, Шеффер от своего и Брюнинга имени обратился к Папену, которому было поручено рейхспрезидентом провести консультации о создании нового правительства, и заявил о согласии войти в будущее правительство во главе с Гитлером, но не в кабинет Папена¹⁹. Папен ответил Шефферу, что возможность участия в правительстве, к несчастью, не существует. Он выразил свое сожаление, что Брюнинг слишком поздно принял решение о сотрудничестве с Гитлером, ставшем теперь нереальным. После Второй мировой войны Брюнинг постоянно опровергал подобное утверждение. В 1946 г. он категорически заявил, что в его партии «никогда не возникала мысль участвовать в правительстве Гитлера или надежда косвенно или непосредственно взять курс на такое правительство». Гитлер напрасно предлагал дюжине политиков Центра занять место в кабинете. «Все без колебаний постоянно отклоняли это предложение»²⁰. Гинденбург, отказавшись от поддержки Шлейхера, в конце января склонялся решить вопрос о будущем главе правительства в пользу Гитлера. Интриган Папен сделал все, чтобы представить фюрера в глазах президента способным стать канцлером. А лидеры Центра вели себя так, как будто наибольшая угроза республики исходила со стороны канцлера Шлейхера, а не со стороны Гитлера и НСДАП. К тому времени руководство партии уже прочно сжилось с мыслью о передаче власти нацистам. Питая иллюзии, они полагали, что Гитлер чуть ли не единственно легитимное решение кризиса. В Герма-

нии не оказалось ни одной политической партии или силы, которая смогла бы преградить национал-социалистам путь к власти.

5.2. Кабинет Гитлера: надежды и иллюзии Г. Брюнинга

30 января 1933 г. 85-летний президент Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером. Такое решение было одним из самых ошибочных и трагичных в германской истории. Первая немецкая республика перестала существовать. 30 января означает не только конец Веймарской республики, но в результате передачи власти Гитлеру Германия перестала быть конституционным правовым государством. Гибель республики имела колоссальное значение для последующей истории Германии в XX в. Оказавшись у власти, Гитлер использовал предоставленный ему шанс для укрепления своих позиций, позиций НСДАП и для установления национал-социалистической диктатуры.

Партия Центра не выступила как последовательная оппозиционная сила против нацизма. Ее лидеры питали иллюзии в отношении Гитлера. Они заявляли, что Гитлер добился власти «легальными средствами», а не в результате путча. Сам президент Гинденбург назначил его канцлером. Брюнинг полагал, что правительство Гитлера просуществует недолго и рухнет из-за финансовых трудностей²¹. После назначения Гитлера канцлером Генрих сказал – это хорошо, что Гитлер пришел к власти, он обанкротится за три недели. Кроме того, Брюнинг верил в то, что рейхсвер и рейхспрезидент Гинденбург окажутся надежными гарантами конституционного режима. Они в течение двух-трех месяцев обязательно предпримут акцию против Гитлера и его партии и смогут воспрепятствовать террористическим действиям нацистов. Особенно такие иллюзии Брюнинг связывал с именем генерала К. Хаммерштейна, главнокомандующего сухопутными войсками. Экс-канцлер одобрительно отнесся к назначению Шверин фон Крозигка министром финансов в правительстве Гитлера. Этот пост он занимал до последних дней Третьего рейха. Пресса Центра убеждала читателя, что главную роль в кабинете играют Гугенберг и Папен, а не Гитлер. Она называла их

даже «отцами» этого кабинета, а события 30 января рассматривала как «захват власти националистами»²². Гитлера называли «узником Гугенберга» и речь шла о «диктатуре Гугенберга»²³. Во всем этом проявилась колоссальная недооценка Гитлера и национал-социализма.

После своего назначения канцлером Гитлер пригласил лидеров партии Центра Кааса и Брюнинга для переговоров по вопросу о составе правительства. Брюнинг был болен, поэтому вместо него был определен Перлитиус. Он и Каас на следующий день, 31 января, встретились с Гитлером. Главным вопросом переговоров было участие Центра в кабинете Гитлера. Фюрер не был заинтересован в сотрудничестве с Центром, но, несмотря на это, предложил партии Центра войти в состав правительства, занять маловлиятельный пост министра юстиции и потребовал согласия на отсрочку заседаний рейхстага на один год²⁴. Эта была уловка канцлера. Пост министра юстиции был свободен, Каас отказался вступить в правительство под тем предлогом, что партия Центра не желает довольствоваться «кофейной гущей», оставшейся от других. Он также высказал сомнение в необходимости длительной отсрочки заседаний рейхстага и согласился лишь самое большее на двухмесячную, выразил желание ознакомиться с программой правительства и предложил сформулировать вопросы Гитлеру письменно²⁵. Каас к тому же хотел, чтобы партия Центра в кабинете Гитлера заняла два поста: министра юстиции и министра иностранных дел. В тот же день на заседании фракции Центра были сформулированы и одобрены 10 вопросов новому имперскому канцлеру. Они касались перспектив политического курса нового правительства, конституционно-правовых и социально-экономических вопросов²⁶. Этот «каталог вопросов» был передан канцлеру. На заседании кабинета 31 января Гитлер высказался против дальнейших переговоров с Центром, поскольку соглашение об отсрочке заседаний рейхстага на один год не достигнуто. Он также заявил, что возврат к парламентской системе невозможен²⁷. Переговоры Гитлера с руководством Центра окончились безрезультатно. На следующий день, 1 февраля, фюрер отказался от сотрудничества с Центром.

1 февраля рейхстаг был распущен, и на 5 марта 1933 г. были назначены новые выборы. Руководство Центра протестовало про-

тив роспуска рейхстага и прусского ландтага. В феврале – начале марта в обстановке разнузданного террора и антикоммунистической истерии проходила новая избирательная кампания. Высшими целями избирательной кампании Центр провозгласил: обеспечение политических прав и свобод, создание гарантированного правопорядка, контроль за деятельностью правительства. В условиях становления нацистской диктатуры эти цели были недостижимы. 11 февраля, когда Брюнинг почувствовал себя лучше, его посетил в больнице генерал Шлейхер. Беседа продолжалась почти четыре часа. Это была последняя встреча двух экс-канцлеров, закончившаяся почти примирением. Конечно, оно не могло полностью устранить имеющиеся расхождения между ними. Но оба были едины в том, что необходимо удержать Гитлера от установления тотальной власти в государстве. Как им казалось, существовали две возможности ослабить влияние нацистов или устранить их от власти. Первая – лишить рейх поддержки извне, чтобы самое позднее летом 1934 г. он оказался в неплатежеспособном положении. Вторая заключалась в надежде, что генерал Хаммерштейн, несмотря на назначение военным министром В. Бломберга, найдет выход и с помощью рейхсвера воспрепятствует диктатуре²⁸. Обе возможности оказались нереальными. Рассуждения подобного рода свидетельствовали о близорукости двух известных политиков и были далеки от реальной политической действительности. Брюнинг и Шлейхер согласились с тем, что необходимо воспрепятствовать роспуску партий до июля 1933 г. Крайне негативно Шлейхер отзывался о своих недавних «друзьях» Папене и Оскаре Гинденбурге, да и о самом рейхспрезиденте. Даже Брюнинг был потрясен ситуацией, в которой оказался генерал²⁹. Оба собеседника недоверчиво отнеслись к новому военному министру генералу В. Бломбергу. Годом позже, в апреле 1934 г., Шлейхер характеризовал Брюнинга как «выдающегося канцлера», который с грехом пополам, как только это возможно, вел нас, немцев, в первое время мирового экономического кризиса.

Уже в эти первые недели правительства Гитлера, особенно во время избирательной кампании, политики Центра почувствовали на себе преследования нацистов. Запрещались их выступления, банды СС и СА нападали на собрания и митинги, проводи-

мые Центром. Немало деятелей этой партии было арестовано, её сторонники увольнялись с работы, запрещались газеты, происходили столкновения между сторонниками католических партий и нацистами. Однако руководство Центра никаких решительных мер не принимало, ограничиваясь формальными протестами на имя Гинденбурга, вице-канцлера Папена и Геринга. Брюнинг после выздоровления принял активное участие в избирательной кампании, выступая в различных городах, перед массовыми аудиториями. Так, на его митинге в Бреслау присутствовало 16 тыс. человек. Выступая 18 февраля на митинге в Вюрцбурге, он говорил о сплоченности своей партии в борьбе «за право и свободу», критиковал назначение рейхскомиссаров в земли, а также выступал за сохранение и против поругания Веймарской конституции. Брюнинг впервые, учитывая обстоятельства, положительно отзывался о ней, потому что в «настоящее время» еще нет конституции, которая была бы столь эластичной как веймарская³⁰. Он протестовал против «актов несправедливости» в отношении партии Центра и её сторонников, призывал к борьбе за свободу и права народа, свободу мнений, за «умеренную и разумную демократию», делал замечания в адрес правительства Гитлера, особенно критиковал Папена.

Террор нацистов коснулся и самого Брюнинга, которого на митингах вынуждены были защищать полицейские. На митинге в Эссене 1 марта экс-канцлер говорил: «Наша миссия состоит в том, чтобы вести борьбу за конституцию и право. Мы не можем иначе. Основа нашего движения – это борьба за право и свободу. Так было, так будет и впредь»³¹. Протестуя против актов насилия в отношении Центра, Брюнинг одновременно признавал их правомерность в отношении коммунистической прессы и коммунистических «правонарушителей». Антикоммунизм Брюнинга особенно проявился после поджога рейхстага 27 февраля, явившегося чудовищной провокацией нацистов. Выступая 4 марта в Берлине, он заявил: «В этой борьбе против коммунизма мы окажем полную поддержку имперскому правительству»³². Хотя Брюнинг потребовал выяснить причину пожара и провести публичное расследование, он знал, «кто является действительным поджигателем». Такая позиция свидетельствовала о беспринципности руководителей Центра. Католическая пресса также под-

держала все мероприятия правительства, которые, как ей казалось, направлены на сохранение порядка в эти критические часы. А ведь «Указ о защите народа и государства», опубликованный на следующий день после поджога рейхстага, отменял важнейшие демократические статьи конституции, стал, пожалуй, одним из главных законов нацистского режима, заменившего правовое государство, и создал правовую основу для господства Гитлера.

Брюнинг был удовлетворен результатами выборов в рейхстаг 5 марта 1933 г. для своей партии. Ей действительно удалось сохранить свои парламентские позиции и даже несколько увеличить представительство в рейхстаге: она получила 4,4 млн. голосов (11,2%) и 73 места в новом парламенте. Выборы показали, что нацистам не удалось проникнуть в электорат партии Центра. Он проявил завидную стойкость. Однако НСДАП добилась большего успеха, получив высокую поддержку населения – как «триумф революции». Желаемого большинства в рейхстаге нацисты не достигли, но благодаря мандатам Национальной партии правительственная коалиция имела в рейхстаге 51,8% голосов. Результаты выборов упрочили положение Гитлера. Брюнинг не ожидал существенных парламентских изменений, но вскоре понял, что Гитлер стремится к получению чрезвычайных полномочий и принятию соответствующего закона. Таким образом можно будет исключить рейхстаг из политической жизни, сделаться независимым от рейхспрезидента, но достигнуть этого необходимо с помощью самого парламента, чтобы рейхстаг узаконил эти полномочия. Это была главная цель гитлеровской тактики.

Действительно, Гитлер и НСДАП после выборов прибегли к новым маневрам. Фюрер хотел, чтобы партия Центра поддержала в рейхстаге принятие закона о чрезвычайных полномочиях и обеспечила этим необходимое большинство в 2/3 голосов. Геринг даже пригрозил, что если Центр не одобрит законопроект, то последует немедленное увольнение чиновников католического вероисповедания, его депутаты будут лишены материальных льгот, а партия распущена³³. Брюнинг предвидел, что Гитлер переговоры с Центром по этому вопросу будет проводить для видимости, преследуя двойную тактику: вести переговоры с лидером Центра Каасом и членами парламентской фракции и одновременно вести борьбу против католических организаций. Каас уже 6 марта посе-

тил вице-канцлера Папена, просил его «перечеркнуть прошлое» и предлагал сотрудничество Центра³⁴. Он обещал также по возможности устранить внутри фракции оппозицию законопроекту о чрезвычайных полномочиях.

После выборов по стране прокатилась волна нацистских преследований, в том числе и членов партии Центра. В середине марта были смещены со своих постов Э. Больц и К. Аденауэр. Увольнялись многие служащие – сторонники партии Центра, закрывались католические газеты, журналы, собрания, демонстрации. По свидетельству Брюнинга, он попытался якобы в это время через националистов повлиять на Гинденбурга, чтобы сохранить основные положения конституции. Хотя поведение рейхспрезидента его сильно разочаровало. Генрих вел также переговоры с Папеном³⁵. Но они ничего не дали. Партия Центра день за днем теряла с трудом завоеванные позиции в общественной жизни, в особенности в администрации Пруссии. К нацистам и националистам стали перебегать многочисленные католические чиновники.

При принятии в рейхстаге закона о чрезвычайных полномочиях Гитлер очень нуждался в голосах Центра и добивался единодушного одобрения законопроекта этой партии. Это подняло бы престиж его правительства за границей. Кроме того, нацисты были крайне заинтересованы в поддержке их режима обеими церквями: протестантской и католической. Ради этого фюрер был готов пойти на ряд обещаний. В свою очередь руководство Центра решило выгодно использовать сложившиеся обстоятельства, пойдя на переговоры с нацистской верхушкой. Оно хотело добиться у Гитлера некоторых уступок в вопросе сохранения конституционного права, независимости католической церкви от государства, а также защиты чиновников партии Центра от произвольного увольнения. Накануне принятия закона нацисты аннулировали мандаты депутатов-коммунистов и отдали приказ о их аресте. Тем самым была насильственно подготовлена почва для принятия чрезвычайных полномочий.

20 марта начались переговоры между Гитлером и Фриком, с одной стороны, и Каасом, Штегервальдом и Хакельсбергером, с другой, об условиях одобрения законопроекта о чрезвычайных полномочиях. Посредством обещаний и угроз Гитлер старался

склонить Центр к повиновению. Канцлер умело играл на антикоммунистических предрассудках лидеров Центра, пугал их якобы существующей коммунистической опасностью. Поэтому и в дальнейшем он собирался всеми средствами вести борьбу против КПП и СДПП. Правительство, говорил Гитлер, желает получить чрезвычайные полномочия, и оно добьется этого во что бы то ни стало³⁶. Требуя предоставления его кабинету чрезвычайных полномочий, фюрер имел в виду в перспективе ликвидацию всех политических партий. О результатах встречи Гитлер сообщил на заседании правительства. Он указал на то, что представители Центра признают «необходимость принятия закона о чрезвычайных полномочиях» и высказали лишь пожелание о создании рабочей комиссии, в функцию которой входило бы информирование о всех мероприятиях правительства, проектируемых в рамках закона³⁷. Фюрер заявил о готовности удовлетворить данное условие, так как не сомневается, что Центр проголосует за чрезвычайные полномочия. Таким образом, Гитлер преследовал в переговорах чисто тактические цели.

20 марта на заседании правительства Фрик зачитал проект закона о чрезвычайных полномочиях, в котором недвусмысленно проглядывало намерение ограничить роль президента чисто представительными функциями. Он лишался законодательной власти. Согласно законопроекту вся полнота власти, неограниченные полномочия, включая издание законов, которые расходились с конституцией, предоставлялись лично имперскому канцлеру. Законы уже через 24 часа после своего объявления вступали в силу. Договоры, заключаемые Германией с иностранными государствами, больше не нуждались в одобрении рейхстагом и рейхсратом. В итоге новые полномочия означали передачу всех прежних прав рейхстага и рейхсрата, а также известных прав президента, имперскому правительству³⁸.

22 марта переговоры между представителями Центра и нацистской партией были продолжены. На этот раз лидеры Центра в дополнение к законопроекту выдвинули некоторые требования, касавшиеся восстановления конституционных прав имперского президента или использования им права вето; созыва предусмотренной рабочей комиссии; исключения из законопроекта о чрезвычайных полномочиях положений «Об отношении государства

к школе» и «Об отношении государства к церкви». Каас заявил Гитлеру, что для партии Центра наибольшую ценность представляют такие вопросы, как школьная политика нового правительства, конкордат, взаимоотношения государства и церкви³⁹. Гитлер обещал выполнить эти требования и включить их в правительственное заявление. Во время переговоров он заявил, что уничтожит всех «марксистов», а к служащим, принадлежащим к Центру, не будут применяться насильственные меры. Руководство Центра обязалось письменно сформулировать свои требования. В их составлении принимали участие Брюнинг, Каас, Белль, Перлитиус.

Брюнинг в вопросе принятия чрезвычайных полномочий в отличие от Кааса проявил твердость в защите интересов партии Центра, высшего чиновничества и конституционных прав. Он не хотел, чтобы правительство Гитлера получило полную свободу действий от парламента, предлагал однажды собраться рейхстагу и затем отложить заседания на два месяца, а тем временем вести переговоры о чрезвычайных полномочиях. 21 марта Брюнинг вел многочасовую беседу со своим старым противником Гугенбергом в доме депутата рейхстага от НННП О. Шмидта–Ханнофера в Далеме. Генрих пытался убедить лидера националистов в правильности своей прежней политики в бытность его канцлерства и впервые почувствовал, что произвел впечатление. Гугенберг согласился с требованиями Брюнинга относительно принятия закона о чрезвычайных полномочиях и обещал что-либо предпринять⁴⁰. Генрих хотел в случае принятия чрезвычайных полномочий ограничить их воздействие и тяжелые последствия. Гугенберг не разделял мнение Брюнинга, что уже более половины членов фракции НННП поддержат предложение Шпана и Штадтлера распустить партию и перейти на сторону НСДАП. Гугенберг и Брюнинг договорились, что согласие Центра будет зависеть от принятия статьи, гарантирующей гражданские и политические свободы. Было условлено, что фракция НННП должна будет внести сформулированное Брюнингом предложение.

В партии Центра вопрос предоставления правительству чрезвычайных полномочий вызвал бурные споры и полемику. Ряд видных политиков партии, в том числе Брюнинг, Аденауэр, Больц, Вирт, Иоос и другие, выражали открытый скептицизм в отношении данного законопроекта и его одобрения партией. Ме-

жду ними и председателем партии Каасом обнаружились серьезные расхождения. В этом отношении показательным является разговор, состоявшийся между Каасом и Брюнингом 22 марта на квартире известного деятеля Центра, депутата прусского ландтага Б. Леттерхаузена. Каас решительно выступал за одобрение чрезвычайных полномочий. Брюнинг возражал ему, доказывая, что Центр не должен был бы участвовать в этой акции. Поскольку, продолжал Брюнинг, конституция Веймарской республики еще в силе, Центр обязан выполнять все ее положения, будучи «конституционной партией». Нацистский режим доказывает, что его трактовка конституции несовместима с общепризнанными понятиями о правовых нормах⁴¹. Так и закончился их спор, не приведший двух политиков к соглашению.

В мемуарах бывшего канцлера Брюнинга сообщается много интересного о взаимоотношениях между лидерами партии и о ее внутреннем состоянии в тот период. Брюнинг резко критикует действия прелата Кааса, его позицию в отношении гитлеровской диктатуры. Он показывает, как Каас от переговоров к переговорам с Гитлером сдавал свои позиции⁴². Брюнинг и Каас расходились не только по вопросу о чрезвычайных полномочиях, но и в своей оценке некоторых политиков из правительственного лагеря, в особенности вице-канцлера Папена. Каас видел в связях с ним единственную возможность влиять и спасти партию Центра. Прелат навещал Папена без всяких консультаций со своими партийными коллегами. Брюнинг не верил Папену и относился к нему с недоверием. 22 марта Брюнинг совместно с доктором Беллем и Перлитиусом сформулировали дополнительные поправки к законопроекту, предписывающие канцлеру пользоваться законом о чрезвычайных полномочиях только в исключительных обстоятельствах⁴³. За одобрение депутатами Центра законопроекта Гитлер должен отменить ту часть декрета от 28 февраля, которая ущемляла основные права граждан, независимость судов и права чиновников, признание черно-бело-красного флага, изменение приказа о министерстве пропаганды и восстановить официальное право рейхспрезидента. Хотя сам Брюнинг в вопросе о флаге был решительно в пользу черно-красно-золотого флага со времени путча Каппа. Пункт о флаге возник потому, что 12 марта 1933 г. Гитлер издал указ, согласно которому в дальнейшем в стране вы-

вешивались черно-бело-красный флаг и флаг со свастикой. Этот обширный «каталог требований», как назвал Брюнинг, был передан канцлеру. Гитлер устно обещал выполнить их и огласить переданное ему письмо в рейхстаге. Брюнинг, да и другие депутаты считали, что обещания Гитлера надо было подтвердить в форме письма. Гитлер и Фрик заверили Кааса, что прежде чем закончится чтение законопроекта, он будет иметь в своих руках согласие, подписанное Гитлером⁴⁴. Это была уловка. Но она произвела эффект во фракции Центра. Ни Каас, ни Брюнинг так и не получили от Гитлера письменного подтверждения его обещания.

Брюнинг лично скептически отнесся к обещанию Гитлера, хотя большинство членов фракции было настроено на принятие чрезвычайных полномочий. Генрих осознавал политическое значение, которое имело для Гитлера одобрение фракцией Центра этих полномочий. Перед решающим заседанием фракции, по свидетельству Брюнинга, уже 70% ее членов решили одобрить законопроект о чрезвычайных полномочиях⁴⁵.

23 марта соотношение сил в рейхстаге было таково: мандаты компартии были аннулированы, так что общее число уменьшилось до 566 мест: 288 депутатов были членами НСДАП и 278 не нацистами. Поэтому Гитлер был крайне заинтересован в том, чтобы кроме НСДАП и НННП за принятие закона «добровольно» проголосовали Центр и другие политические партии. Однако позиция партии Центра имела решающее значение. Тем не менее депутаты не исключали и опасались, что нацисты могут усилить террор против партии. Напряженная атмосфера во фракции не допускала открытой дискуссии. В ней были и «предатели», которые информировали противоположную сторону о внутреннем настроении во фракции. Депутаты Грасс и Хакельсбергер действовали как посредники между фракцией и Герингом.

На заседании фракции Центра 23 марта, на котором обсуждался вопрос о голосовании за законопроект, Каас сообщил об обещаниях Гитлера, данных им во время переговоров 22 марта. Закон не будет распространяться на культурно-политическую область. Чрезвычайные полномочия не будут касаться церкви, конкордата и школы. Равенство перед законом не признается только для коммунистов. Положение и права имперского президента остаются нетронутыми. Каас призывал членов фракции одобрить

законопроект. Его отклонение может иметь неприятные последствия для фракции и партии. Остается только предотвратить наихудшее. Если правительство не получит необходимое большинство в 2/3 голосов, то оно добьется своих целей другим путем⁴⁶.

В своем выступлении Брюнинг возразил председателю партии, что законопроект о чрезвычайных полномочиях является чудовищным. Решающим при этом является, какие круги НСДАП в будущем получат власть. Произойдет ли усиление власти Гитлера или он потерпит фиаско? Это остается вопросом. Несомненно, существует серьезная опасность для самого существования партии Центра. Если она будет разбита, то никогда не возродится к жизни. Брюнинг напомнил, что рейхспрезидент должен оставаться гарантом и опекуном конституции. Теперь же существует большая опасность для всей конституции, так как Гинденбург примирился с принятием закона о чрезвычайных полномочиях. Поэтому он, Брюнинг, может высказать свое «да» лишь в том случае, если он лично не будет нести моральной ответственности перед всей партией за одобрение законопроекта⁴⁷. Представители христианских профсоюзов во фракции рьяно выступали за принятие законопроекта. Эрсинг заявлял, что «рабочие поручили ему — несмотря ни на что — из любви к народу одобрить чрезвычайные полномочия». Штегервальд, полностью поддерживая Кааса, добавил: «Профсоюзы должны освободиться от марксизма, иначе мира не будет»⁴⁸.

Заседание фракции было прервано, чтобы заслушать правительственное заявление Гитлера в рейхстаге. В речи канцлера неожиданно содержались почти все обещания, данные Каасу, причем в очень миролюбивых формулировках. Гитлер обещал заключить соглашение с церковью и заверил, что видит в католической и протестантской религиях фактор сохранения немецкой национальности, а христианство рассматривает как основу морали. При этом Гитлер придавал большое значение развитию дружественных отношений с папским престолом, гарантировал сохранение существующих конкордатов. Обещал обеспечить обоим религиям «их соответствующее влияние» в школьных делах и области воспитания, гарантировал дальнейшее существование земель, бессменность судей, прав рейхспрезидента, парламента и рейхсрата⁴⁹. Особенно большое значение в заявлении Гитлера

имело для католической церкви и епископата установление дружеских отношений со Святым престолом. Фактически это означало, что канцлер подтвердил готовность, после одобрения Центром законопроекта, немедленно приступить к новому урегулированию отношений между Германией и Ватиканом. Впрочем, в этой речи Гитлер заявил, что источником и основой всех учреждений в области культуры снова станет «принцип крови и расы». В своем выступлении Гитлер неоднократно повторял, что намерен уничтожить коммунизм и марксизм в Германии. Борьба за чрезвычайные полномочия подтвердила, что Гитлер действовал как превосходный тактик⁵⁰.

После выступления Гитлера продолжилось заседание фракции Центра. Настроение было тяжелое. Разгорелись острые споры. Единства не было. Конфликт в партийном руководстве был очевиден. По предложению Кааса состоялось пробное голосование, которое выявило, что большинство членов фракции за принятие полномочий. Меньшинство, возглавляемое Брюнингом, было против принятия закона. Это меньшинство составляло небольшую группу «диссидентов» из 14 депутатов. К ней относились: Брюнинг, Бокиус, Больц, Дессауэр, Эрсинг, Фаренбах, Имбуш, Йоос, Кайзер, Шауф, Х.Й. Шмит, Вебер, Тойш, Вирт. Они напрасно пытались переубедить это большинство⁵¹. Брюнинг угрожал даже выходом из партии, чтобы таким образом оказать давление на сторонников Кааса. Он просил прелата потребовать от Гитлера письменных заверений об отмене указа от 28 февраля 1933 г. Каас, наоборот, настаивал на голосовании, мол, Гитлер все равно силой возьмет то, чего он хочет, запугивал возможностью гражданской войны, если законопроект не будет одобрен⁵². Одновременно было оказано грубое давление на Брюнинга и тех, кто его поддерживал. После долгих споров фракция, «учитывая состояние партии и ее будущее», решила «следовать большинству и единодушно голосовать за законопроект о чрезвычайных полномочиях»⁵³. После этого Брюнинг покинул зал, а возбужденный Вирт, плача, тоже оставил помещение. Во время перерыва Брюнингу сообщили, что Гугенбергу, несмотря на неоднократные попытки, не удалось поговорить с Гитлером. Ему ничего другого не остается, как голосовать за чрезвычайные полномочия. Более того, 22 члена фракции НННП высказались против до-

говоренностей Брюнинга и Гугенберга, в противном случае они примкнут к НСДАП. Подобное поведение националистов ослабило позиции Центра в ее переговорах с Гитлером.

Заседание рейхстага было продолжено после 18 часов. В дебатах по законопроекту выступил социал-демократ О. Вельс, который защищал Веймарскую демократию, правовое государство, изобличал тиранию в истории, заявлял о приверженности принципам человечности и справедливости, свободы и социализма, обосновал отрицательную позицию своей фракции к чрезвычайным полномочиям. Это было смелое и мужественное выступление. От Центра выступал Каас, который заявил: «... перед лицом глубочайшего бедствия, в котором в настоящее время находится народ и государство ... мы от германской партии Центра протягиваем руку всем, в том числе нашим бывшим врагам, чтобы осуществить дело национального подъема»⁵⁴. Каас требовал обеспечить национальную безопасность, ускорить восстановление государственно-правовой жизни, избавить народ и государство от «хаотического развития». Каасу аплодировали нацисты, Гитлер, Папен и другие. В своем выступлении Каас призвал одобрить законопроект. В рейхстаге фракция Центра единогласно 72 голосами высказалась в поддержку законопроекта. Никто из них не осмелился выступить против нацистского диктатора, ни у кого не хватило гражданского мужества проголосовать против законопроекта и выразить этим акт сопротивления. Фракция рассматривала принятие закона в тех конкретных условиях как «наименьшее зло». Несомненно, все те, кто голосовал за злополучный закон, несут равную ответственность с теми, кто внес его на утверждение. Фракция НННП также проголосовала за принятие законопроекта. Центр и другие буржуазные партии капитулировали перед более сильным и наглым противником. Проголосовав за этот закон, они тем самым подписали себе смертный приговор.

В заявлении для прессы на следующий день фракция выражала благодарность Каасу за его трудную и связанную с большими жертвами деятельность. Она полностью одобрила выступление Кааса в рейхстаге, высказалась фактически за сотрудничество с нацистским режимом. Фракция надеялась в своей дальнейшей деятельности руководствоваться «старыми» идеями и принципами партии Центра и защищать народ и государство от хаотиче-

ского развития⁵⁵. Как показали ближайшие события, решение фракции 23 марта и ее заявление были равнозначны политическому самоубийству партии. Брюнинг после принятия закона заявил, что теперь партия фактически перестала существовать⁵⁶. Он указывал на роковую роль Кааса в принятии чрезвычайных полномочий.

23 марта 1933 г. рейхстаг необходимым большинством в две трети (441 – за, против – 94) проголосовал за предоставление правительству Гитлера чрезвычайных полномочий. Теперь оно получило право вносить изменения в конституцию; за правительством закреплялось право принимать законы без санкции парламента, канцлер получал полномочия самостоятельно разрабатывать и вносить в правительство такого рода законы; договоры с иностранными государствами не подлежали более ратификации парламентом⁵⁷. Так рейхстаг лишился роли высшего законодательного учреждения государства. Более того, рейхспрезидент был теперь почти полностью лишен власти. Веймарская конституция, по существу, перестала действовать. С этой самоунификацией парламента диктатура Гитлера была узаконена⁵⁸. Это был важный этап на пути ее консолидации и укрепления, с тех пор правительство держало в руках всю исполнительную и законодательную власть. Принятые декрет «О защите народа и государства» (28 февраля) и закон о чрезвычайных полномочиях стали основными для национал-социалистической диктатуры. Й. Геббельс на следующий день после принятия закона записал в своем дневнике: «Теперь мы конституционно являемся господами рейха»⁵⁹. Папен в своих мемуарах подтверждает, что «этот закон явился единственным правовым оправданием превращения Гитлера в диктатора»⁶⁰. Кстати, он опровергает более позднее утверждение Брюнинга, что получение Гитлером большинства в две трети голосов возможно было избежать.

Опираясь на закон о чрезвычайных полномочиях, нацисты приступили к сосредоточению всей государственной власти в своих руках, ликвидируя все другие политические партии и организации, а также демократические органы местного самоуправления. Брюнинг понимал, в каком безнадежном положении оказалась его партия не только после принятия закона от 23 марта, но и после заявления епископов-католиков на Фульдской конфе-

ренции 28 марта. В нем фактически была выражена поддержка нацистскому режиму и готовность к сотрудничеству с ним. Епископы призывали католиков признать новый порядок. Послание епископов нанесло партии Центра сильнейший удар. Гитлер вынудил католическую церковь признать себя в качестве законной власти. Это также открыло путь для заключения рейхсконкордата. Партия оказалась в глубоком кризисе. Начался индивидуальный и отчасти массовый переход приверженцев Центра в нацистский лагерь.

Отношения Брюнинга с Каасом становились все более напряженными и закончились полным разрывом. В начале апреля прелат уехал в Рим, где принимал активное участие в подготовке рейхсконкордата. В Германию он больше не вернулся. Каас фактически бросил партию на произвол судьбы, в ней наступил кризис руководства. Партия оказалась без лидера. Его пребывание в Риме называли трусостью и «дезертирством». Бегство Кааса также было связано с его опасением «предстоящих разоблачений» финансовых спекуляций банкира Брюнинга, в которых, видимо, был замешан прелат. Фамилия банкира Брюнинга не имела никакого отношения к экс-канцлеру. Каас весной 1933 г. придерживался мнения, что партию Центра и Баварскую народную партию уже нельзя спасти и теперь пытался по меньшей мере сохранить хоть какую-то свободу действий католической церкви. В условиях брожения, отчаяния и паники стали раздаваться голоса о необходимости реформы партии. Прежде всего это выразилось в требовании «немедленной смены руководства во всех партийных инстанциях, избрания нового руководителя партии, который проведет ее реорганизацию». Указывалось, что новый лидер должен быть наделен диктаторскими полномочиями. В качестве такого кандидата называли Брюнинга.

5 мая 1933 г. открылось совещание правления партии Центра, фракции рейхстага и прусского ландтага. Атмосфера была напряженной, откровенная дискуссия была почти невозможна. Доносительство было масштабным. Главным на совещании был вопрос о выборе нового председателя партии. 6 мая из четырех кандидатов Брюнинг, сохранявший влияние и авторитет, был единодушно избран новым лидером Центра, что должно было знаменовать «начало новой эры в истории партии Центра»⁶¹.

Брюнинг выступил с многочасовой «программной речью». В ней он призывал к обеспечению дальнейшего существования Центра, к «самоутверждению партии» и «ее духовному обновлению», а также к спасению свободной Германии. Экс-канцлер требовал выдержать до конца борьбу за вечные принципы партии, за честь и наследие Виндтхорста⁶². Это были лозунги, не имевшие уже политического смысла. В решении этого совещания, опубликованном прессой на следующий день, констатировалось созвучие заявлений Гитлера и призывов партии Центра к «совместной работе по национальному восстановлению». Сотрудничество партии Центра с «политическим порядком» прокламировалось как «существенное и необходимое служение» немецкому народу. Решение призывало всех единомышленников к дружному взаимодействию и подчеркивало необходимость участия партии в «общем национальном фронте»⁶³. Указывая на новую ориентацию Центра, следует отметить, что фактически речь шла о близком конце партии.

Брюнингу предоставлялись диктаторские полномочия в смысле распределения постов, и все депутаты заявили, что отдадут ему свои мандаты в полное распоряжение. Его избрание вызвало поток многочисленных статей, поздравительных телеграмм и собраний, на которых выражалось доверие новому председателю и «страстное желание» видеть его в качестве вождя партии. Газета «Кельнише фольксцайтунг» писала, что Брюнинг приведет «объединенные силы» немецкого католицизма к «новой Германии»⁶⁴. Это была, конечно, переоценка роли Брюнинга и новое возвеличивание экс-канцлера. В журнале «Дас юнге центрум» некий автор статьи Хироними восторженно заявлял: «Наступил решающий час в истории партии Центра. Брюнинг стал во главе партии. Этим шагом он ответил на вопрос о судьбе Центра». Католическая молодежь, продолжал автор, видит в нем фюрера, который сильной рукой осуществит духовное и организационное обновление партии⁶⁵. Вообще, с именем Брюнинга многие приверженцы партии связывали надежды на изменение политического курса и ее будущее. Сам Брюнинг предавался иллюзиям, что партию «еще можно будет спасти»⁶⁶. Но эти иллюзии вскоре рассеялись, поскольку партия медленно разваливалась.

В выборе Брюнинга нашел выражение решительный поворот к «принципу фюрерства», перенятый у НСДАП. То, что наступила «новая, полная надежд эра Брюнинга», показывало создание нового безграничного культа, подобного тому, который создавался в период избирательных кампаний его канцлерства. Пресса Центра писала о Брюнинге только как о «фюрере», который вместе с обновленной и омоложенной партией безошибочно пойдет своим путем, сопровождаемый верными последователями, которые будут «подчинены» его решениям⁶⁷. В руководстве партии был официально провозглашен «принцип фюрерства». За этой нереалистической верой в «принцип фюрерства» скрывалась, по-видимому, отчаянная попытка спасти в последний момент существование партии Центра.

Брюнинг, конечно, не хотел вести партию Центра на борьбу против правительства Гитлера. Он призвал партию к позитивному сотрудничеству с господствующим порядком, которое он называл службой на благо нации⁶⁸. Брюнинг стремился к сотрудничеству с правительством, но достичь его он хотел, сохраняя самостоятельность партии. Сомнительно, был ли он сам убежден в реальности этого предположения. Брюнинг считался с необходимостью роспуска партии. В этом случае руководство Центра стремилось к созданию реформированной организации, которая позволила бы деятелям партии участвовать в политической жизни. Но в сложившейся ситуации Брюнинг пребывал в бездействии. Надежды, возлагаемые на него, экс-канцлер не оправдал. Люди Центра напрасно ждали от него каких-либо указаний. Агония политического католицизма побуждала готовность срочно приспособиться к новой обстановке в стране.

Чтобы сделать более безопасным, по крайней мере, отступление, партия избегала в ближайшие недели всего, что могло бы выглядеть как оппозиция правительству. Центр, как и другие партии, включая СДПГ, одобрил 17 мая в рейхстаге внешнеполитическое заявление – «мирную речь» Гитлера, содержащую требование о «равноправии» Германии⁶⁹. Несомненно, лидеры этих партий не могли не знать, что на деле гитлеровское «равноправие» означает равенство в вооружениях, а внешняя политика – это подготовка новой мировой войны. Проголосовав в рейхстаге за «Резолюцию о мире», за политику Гитлера, они тем самым по-

могли ему ввести в заблуждение большую часть немецкого народа относительно ее истинных целей. Депутаты Центра бурными аплодисментами приветствовали Гитлера. Этот успех был также результатом беседы, которая состоялась днем перед пленарным заседанием между Гитлером и Фриком, с одной стороны, Брюнингом и Хакельсбергом, – с другой. Во время этой встречи Гитлер и Брюнинг подробно обсудили «мирную речь». Генрих считал проект речи полезным. Он посоветовал канцлеру сильнее и позитивнее использовать послание президента Рузвельта от 15 мая, в котором тот выразил стремление США к разоружению и миру, призвав к тому же запретить всякое наступательное оружие. Гитлер обещал это сделать, и использовал призыв Рузвельта наилучшим образом. Брюнинг добился как будто обещания фюрера, в скором времени после «мирной речи» в рейхстаге изменить существовавшие чрезвычайные декреты, которые касались ограничения личных прав. Затем Фрик вынул из портфеля бумагу, которая содержала одобрение «мирной речи» Гитлера. Брюнинг заявил, что готов ее подписать только тогда, если в речь фюрера будут внесены требуемые им изменения. Более того, он постарается склонить и СДПГ к одобрению «мирной речи»⁷⁰. Это был, пишет Брюнинг, акт героического самоопределения СДПГ и Центра, в то время как их члены уже частично томились в концлагерях. Брюнинг действительно склонил фракцию СДПГ к одобрению правительственного заявления. Заседание рейхстага 17 мая, закончившееся вотумом доверия правительству, было последним, на котором присутствовала фракция Центра. 30 мая экс-канцлер вновь встретился с нацистским лидером. Гитлер предлагал Брюнингу сотрудничество с правительством, но Генрих отказался.

Днем позже, 18 мая, партия Центра сделала нацистскому режиму еще одну важную уступку. После оживленных споров фракция прусского ландтага по предложению Лаушера одобрила требуемый премьер-министром Герингом законопроект о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий. Между тем подготовка партийной реформы так и осталась на бумаге. 14 мая на заседании правления партии в Берлине Брюнинг огласил план, по которому должно было осуществляться обновление партии. Он назначил себе четырех заместителей: Иооса, Галена, Хакельс-

бергера и Кеса, представителя союза Виндтхорста⁷¹. Брюнинг поручил комитету четырех разработать предложения по реформе партии, которые так и не были сделаны. Далее Брюнинг ввел особый «суд чести», который должен был проверить жалобы в адрес ряда ведущих политиков Центра, замешанных в финансовых махинациях. С целью всеобщего наведения порядка отныне предписывалось, чтобы во всех подобных случаях членство, функции и мандаты партии Центра рассматривались до судебного решения как недействительные. По выяснении обстоятельств дела он отдавал необходимые распоряжения. Наконец, 31 мая и 1 июня состоялось совещание правления партии с членами фракций рейхстага и прусского ландтага⁷², на котором обсуждались «вопросы и проблемы правового государства». Решений также не было принято. Таким образом, партия Центра была приговорена к политической бездеятельности. Конкретных рекомендаций для деятелей партии на периферии Брюнинг не дал. Надежды на активное и организованное выступление быстро угасали. Не получая никаких указаний из берлинского центра, члены земельных и провинциальных организаций переходили в гитлеровские организации.

Следующий шаг к самороспуску партии сделала фракция Центра баденского ландтага. 10 июня она одобрила закон о чрезвычайных полномочиях. Руководитель баденской организации Центра прелат Фер заявил «о готовности к политическому сотрудничеству». Тем самым духовные политики Центра (прелаты Каас, Лаушер, Фер) одобрили законы о чрезвычайных полномочиях в парламенте и земельных ландтагах. К этому времени Центр не был больше представлен ни в одном земельном правительстве.

Для Брюнинга и партии Центра тяжелые последствия имело папское послание 12 июня 1933 г. В нем признавалась существующая государственная власть, высказывалось пожелание относительно сохранения прав церкви и ее влияния на католические школы, молодежные организации, конфессиональные союзы, а также свободы католической печати. Епископы приветствовали цели «нового государственного авторитета» и ожидали, что «процессу брожения» будет положен конец⁷³. Политика епископата шла навстречу пожеланиям правительства. Это усугубило дезориентацию католических масс. Начался новый массовый

выход из партии. У большинства католиков позиция епископата содействовала активному сотрудничеству с режимом.

В конце концов Брюнинг ясно осознал, что участь партии решается не в Берлине и не при его участии, а в Ватикане в переговорах о заключении конкордата. Отношение лидера Центра к Гитлеру, нацистскому режиму и взгляды, которых придерживался тогда Брюнинг, достаточно ярко просматриваются в беседе с английским послом Рэмбольдом 13 июня. В принципе он был не против поддержать Гитлера, если бы тот проводил более умеренную политику. Экс-канцлер хотел бы работать на правовое государство, в котором не дискриминировалась бы часть народа. При этом Брюнинг высказал свой ошибочный прогноз относительно быстрого крушения нацистской диктатуры в Германии. Гитлер, говорил экс-канцлер, не сможет решить проблемы безработицы, рейхсвер не окажется так долго под влиянием национал-социалистов, он не справится с радикальными элементами в своей партии. Возможно, что одну часть СА фюрер уничтожит. Вообще, не существует опасности, что Германия погрузится в хаос, пока существует рейхсвер, «Стальной шлем» и полиция. Конечно, нельзя представить, что может произойти, если умрет или уйдет в отставку рейхспрезидент. Лучшим решением является введение конституционной монархии. Только это, полагал Брюнинг, даст гарантию внешней безопасности, спасет Германию от тяжёлого кризиса. В экономической и финансовой политике Гитлера он видел большую опасность для страны. Экс-канцлер не скрывал также своего твердого убеждения в том, что и кардинал (Пачелли) враждебно относится к руководству партии Центра в его нынешнем составе⁷⁴.

Брюнинг не сомневался, что предстоящее заключение рейхskonкордата сделает положение партии Центра нетерпимым, она станет жертвой политики Ватикана и правительства Гитлера. 17 июня Брюнинг получил от Кааса проект конкордата между Германией и Ватиканом. Папский престол и немецкий епископат шли навстречу пожеланиям Гитлера, проявляя уступчивость в ряде принципиальных вопросов и «жертвуя» интересами партии Центра и католической церкви в Германии. Брюнинг назвал проект «чудовищным» и попытался улучшить статью о школах⁷⁵. Одновременно экс-канцлер предостерегал Ватикан, Кааса и не-

мецких епископов от заключения «ничего не стоящего» конкордата, так как это означало бы конец партии Центра, и к тому же конкордат не будет соблюдаться правительством. В этом Брюнинг был прав. Он настоятельно советовал затянуть заключение конкордата. Его предостережения оказались тщетными. Генрих подозревал, что придворная политика папы Пия XI в случае опасности для партии Центра ничего не сделает ради ее спасения. Брюнинг со своей стороны возложил на Кааса всю ответственность за судьбу партии. Он осознал, что Каас служит для Пачелли в Германии в качестве канонизированного советника. И верно, Каас своим посредничеством в деле заключения конкордата ускориł гибель политического католицизма.

Во второй половине июня 1933 г. правительство усилило преследования партии Центра. Началась новая волна арестов и увольнений, продолжался запрет католических газет. 19 июня был арестован О. Больц. Вскоре последовал арест Дессауэра. Несколько дней спустя была уволена из прусского министерства депутат рейхстага Й. Эрсинг. В то время целые городские и провинциальные фракции Центра переходили на сторону НСДАП, а местные организации уже начали «самоликвидацию». Депутаты выходили из партии Центра. Центральные газеты отреклись от партии и безоговорочно встали на сторону правительства. «Германия» оказалась в руках Папена. «Кельнише фольксцайтунг» – в руках Хакельсбергера. «Шлезисше фольксцайтунг» 29 июня высказалась за «новый рейх и ее вождя». Таким образом, летом 1933 г. политический католицизм охватила полная апатия, он «разваливался изнутри», через самороспуск, из страха перед насилием.

24 июня были распущены христианские профсоюзы. Брюнинг видел и осознавал всю трагичность ситуации Центра. Ему приходилось выслушивать требования коллег по партии немедленно ее распустить, иначе они перейдут в качестве вольнослушателей в лагерь НСДАП. В эту последнюю фазу истории партии Центра активно выступал за немедленный самороспуск партии заместитель Брюнинга Хакельсбергер. Им был уже подготовлен проект решения о роспуске. 28 и 29 июня он вел переговоры с Фриком о процедуре роспуска партии⁷⁶. Ему было очень важно, чтобы форма ликвидации партии отвечала ее достоинству. Во

время переговоров речь шла также о возможном согласии НСДАП принять в свой аппарат всех без исключения служащих и депутатов Центра. Хакельсбергер домогался какого-либо письменного соглашения, касающегося ликвидации партии, он хотел получить письменное заверение, что депутаты Центра будут автоматически приняты во фракцию НСДАП на правах наблюдателей. Фрик склонил Хакельсбергера к отказу от такого намерения, указав, что вопрос о переходе деятелей Центра в НСДАП решит сама жизнь. Переговоры Хакельсбергера с Фриком затянулись, а 3 июля они были прекращены. Тем самым попытка достичь совместного решения и «соглашения о дружбе» потерпели крах. К этому времени уже 14 членов покинули парламентскую фракцию Центра. На требования распустить партию Брюнинг отвечал, что готов ее распустить, если будет достигнуто соглашение с Гитлером, в котором будет сказано, что он торжественно обещает восстановить правовое государство, даже после роспуска всех партий. Экс-канцлер до конца сопротивлялся роспуску Центра.

В начале июля переговоры о рейхсконкордате приближались к концу. Их успеху энергично содействовали Папен, Каас и архиепископ Гребер. Брюнинг и руководство Центра были полностью исключены из переговорного процесса. Более того, Папен обвинил Брюнинга в том, что он саботирует заключение конкордата. Существование партии Центра представлялось Гитлеру и Папену препятствием для заключения конкордата. Ее роспуск Папен рассматривал как успех своих переговоров с Ватиканом. Уже 2 июля был одобрен текст имперского конкордата, который запрещал католикам членство в политических партиях, политическую деятельность священникам, католическим партиям, союзам и организациям⁷⁷. 2 июля Каас позвонил по телефону из Рима в Берлин Й. Иоосу и выразил удивление, что партия Центра еще существует. «Вы что, не самораспустились? – спросил прелат. – Поскорее сделайте это!»⁷⁸. Так и произошло. Немецкий епископат и Ватикан выступили против собственной партии. 3 июля германский посол в Ватикане Берген сообщил министру иностранных дел К. Нейрату, что в переговорах между Папеном, Пачелли, Гребером и Каасом было решено одновременно с заключением конкордата распустить партию Центра. Между концом партии Центра и заключением имперского конкордата в июле

1933 г. выявилась внутренняя связь. Предстоявший роспуск партии Центра вызвал у многих ее членов глубокое разочарование. Усилия Брюнинга и руководства Центра в целом ужиться с нацистской диктатурой потерпели неудачу.

Решение о роспуске партии было принято 5 июля 1933 г. В нем отмечалось, что «больше не существует почвы для партийно-политической деятельности»⁷⁹. Соответствующее заявление набросал Хакельсбергер и согласовал его с правительством. Роспуск партии Центра последовал «по взаимному соглашению с господином рейхсканцлером Гитлером». Партийное руководство предлагало бывшим членам партии «безоговорочно» предоставить себя в распоряжение «национального фронта» под руководством Гитлера, использовать свои силы и опыт для позитивного сотрудничества с нацистами, для укрепления национальных, социальных, экономических и культурных отношений, организованно содействовать строительству нового порядка⁸⁰. Всем депутатам в рейхстаге, ландтагах и коммунальных учреждениях было предоставлено право свободно распоряжаться мандатами. Следовательно, они не переходили в национал-социалистические фракции, а лишь поддерживали с ними контакты через особых посредников. Роль главного посредника взял на себя Хакельсбергер. Во второй части решения о роспуске выражалась надежда, что «политически обусловленные аресты» больше не повторятся, арестованные будут освобождены, а бывшие приверженцы партии Центра будут защищены Гитлером от «клеветы и оскорблений».

6 июля бывшее имперское руководство опубликовало последнее воззвание по поводу роспуска партии, еще раз подтвердив свою волю к «позитивному сотрудничеству». В нем говорилось о том, что партия Центра под «натиском нового времени» сходит с арены истории. В прошлом и настоящем она воспитала «миллионы немцев» в «верности государству и беззаветному служению народу». «Бывшие члены партии Центра, больше чем кто бы то ни был, полны искреннего стремления внести свой вклад в дело построения нового государства и создания новой национальной общности»⁸¹. Так в момент самороспуска Центр открыто выразил свою солидарность с нацистским режимом.

Поражает, с какой точностью и пунктуальностью выполнялось партийными организациями и союзами решение о роспуске. Не допускалось никаких отклонений, чтобы не вызвать недовольства властей. Руководящие инстанции партии Центра старались провести роспуск организованно, «корректно и лояльно» и как можно быстрее. Соблюдалась строгая дисциплина и подчинение властям. Роспуск региональных организаций Центра проходил спокойно. Всякая политическая деятельность членам распущенной партии была запрещена. Лишь часть молодых членов партии Центра обвиняла Кааса, Брюнинга и других руководителей за их бездеятельность и малодушие, за бесславный конец партии.

Историк партии Центра К. Бахем в статье «Конец Центра», пытаясь оправдать приспособленческую политику партии, писал, что сплоченное сопротивление партии было бессмысленным. Такое сопротивление немедленно показало бы физическое бессилие Центра и было бы жестоко подавлено⁸². В этой статье Бахем пришел к выводу, что время политического католицизма, представленного Центром, прошло. Начинается новая глава в истории немецкого католицизма. Бахем сомневался, что рейхсконкордат, парафированный 8 июля 1933 г., сможет выполнять защитные функции церкви.

Так в начале июля 1933 г. партия Центра, руководимая Брюнингом, сошла с политической арены. К этому времени политический католицизм уже не представлял собой фактора силы. Ему уже ничего не оставалось делать, как ликвидировать себя. С роспуском партии Центра, последней «старой» буржуазной партии, в Германии было покончено с партийной системой Веймарской республики. Надежды Брюнинга, что ратификация конкордата будет отсрочена, не оправдались. 14 июля 1933 г. правительством Гитлера был издан закон, который запрещал деятельность всех политических партий, кроме НСДАП. Таким образом, было провозглашено однопартийное государство. Это был новый триумф Гитлера и важный этап на пути нацистской унификации и укрепления гитлеровского режима. Под более чем 60-летней историей партии Центра была проведена черта, и этот конец партии связан с именами Кааса и Брюнинга. Они несут ответственность за ее трагическую судьбу. Многие бывшие политики Центра были смущены бесславным концом партии и тяжело переживали его.

Не один епископ ни устно, ни письменно не сказал ни одного слова благодарности за то, что сделала партия Центра за свою долгую историю для католицизма в Германии. Правда, Брюнинг протестовал против упрека, что партия в 1933 г. бесславно закончила свой путь. При этом вину за гибель Центра он возлагал на священников, оказавшихся у руководства партии, и Ватикан. В решающий час партия Центра, руководимая Брюнингом, не попыталась оказать сопротивление Гитлеру, не стала барьером на пути нацистской лавины. Она закончила свое существование не вследствие борьбы, а в результате политических уступок, приспособления и отступления. 20 июля 1933 г. рейхсконкордат был подписан Пачелли и Папеном. Ватикан еще раз подтвердил запрет католических партий в Германии и выразил надежду, что конкордат положил начало новой эры хороших и прочных отношений с национал-социалистической Германией.

Карьера Брюнинга, политика и партийного деятеля, полностью закончилась. Началась трудная и опасная жизнь. После роспуска партии Генрих оставался депутатом рейхстага и на какое-то время имел депутатский иммунитет. Однако его уход из политики в частную жизнь сопровождался угрозами и нападками со стороны нацистов. Окна его квартиры были разбиты. На протяжении почти целого года экс-канцлер находился под неусыпным наблюдением гестапо. Состояние здоровья было тяжелым. Врачи настаивали на том, чтобы он меньше курил. Временно Брюнинг жил в больнице Хедвигс. После выхода Германии из Лиги Наций в октябре 1933 г. и объявления новых выборов в рейхстаг в ноябре 1933 г., в больницу явились два человека и хотели узнать, не согласится ли Брюнинг выставить свою кандидатуру в новый рейхстаг. Им ответили, что не знают, где он находится в данный момент. Брюнинг отказался от такого предложения. Экс-канцлер был вынужден покинуть свое место в больнице. С этого времени его жизнь превратилась в «игру в прятки»⁸³.

С ноября 1933 г., преследуемый гестапо, Генрих часто менял места своего проживания. Многие люди готовы были прятать Брюнинга, подвергая себя опасности. Тем не менее Брюнинг смог в конце 1933 г. встретиться с новым американским послом в Берлине У. Доддом и обсудить с ним внутригерманскую обстановку. Как пишет его друг Тревиранус, новогоднюю ночь 1934 г. он

провел в семейном кругу с Брюнингом и супружеской парой Теннштедт в охотничьем домике Шарлиббе в треугольнике Эльба-Хафель⁸⁴. Странно, что даже в этот момент Брюнинга не покидали надежды и иллюзии. В марте 1934 г. Брюнинг встретился еще раз с советником английского посольства Б. Невтоном. При этом он сравнительно приятно отзывался о Гитлере. Экс-канцлер был готов с ним сотрудничать, если бы фюрер исключил экстремистские силы⁸⁵. Вероятно, Брюнинг рассчитывал, что эти его высказывания окольным путем будут переданы нацистам. Несмотря на слежку гестапо, 29 апреля 1934 г. в Берлине на квартире адвоката А. Эчейта Брюнингу удалось встретиться с бывшим послом США в Риме и спецпосланником президента Рузвельта Р.В. Чайлдом. Инициатива этой конспиративной встречи исходила от Чайлда, который был крайне заинтересован в разговоре с экс-канцлером. Во время беседы Брюнинг якобы сказал: «Германия должна снова быть правовым государством»⁸⁶. После этой встречи Чайлд отметил, что не может сказать о Брюнинге ничего хорошего, как ему кажется, он без воображения и без программы.

Между тем Генрих был занесен в «черный список» гестапо, и его ожидала судьба генерала Шлейхера, убитого гитлеровцами 30 июня 1934 г., в «ночь длинных ночей». За месяц до этих кровавых событий, в мае 1934 г. Брюнингу по секрету сообщили, что он должен в течение 36 часов покинуть Германию, потому что граница для него будет закрыта. Гиммлер отдал приказ арестовать его. Из достоверных источников Генриху стало известно, что все его убежища знает гестапо. До сих пор неясно, кто предупредил Брюнинга о предстоящем аресте и кто инициировал его побег. Существует версия, что экс-канцлер через советника уголовной полиции при гестапо Л. Ванделя получил предупреждение об аресте. Другая версия, его предупредил офицер СС и председатель внутрипартийного суда НСДАП В. Бух, с которым у Брюнинга были хорошие отношения. 21 мая 1934 г. он вместе с Г. Мукерманом тайно перешел границу и оказался в Голландии. Ему было в то время 49 лет. Из Германии эмигрировал и друг Брюнинга Тревиранус. Он, как и Генрих, был включен в «черный список» гестапо. Потеря родины на неопределенное время травмировала католика Брюнинга. Никто из покидавших Германию не покидал свою страну с легким сердцем.

Глава VI. Эмиграция

6.1. «Молчание за другую Германию»

Почти для всех эмигрантов, по каким бы причинам они ни покидали страну, общим было то, что нацистская диктатура угрожала их существованию, свободе и жизни. Угроза жизни заставила и Брюнинга оказаться на чужбине. Уже через три недели гестапо сообщило, что Брюнинг находится в Лондоне. Даже было высказано предположение, что в Лондоне он зондирует почву для своего будущего правительствa. Когда Генрих 26 июня уезжал из Лондона, то надеялся, что снова вернется в Берлин как «частное лицо». Однако это были иллюзии. В Германию он так и не вернулся, а был вынужден долгое время жить в эмиграции.

Первый год в изгнании был для Брюнинга нелегким. Он пережил немало трудностей, нужно было приспособиться к новым условиям. Вообще, первые месяцы пребывания за границей отмечены постоянными поездками Англия – Швейцария. Ожидалось, что он публично выступит против диктатуры Гитлера. Но он молчал. В тот период эмиграции ему очень помог его друг швейцарский банкир Э. Бреттауэр, который предоставил Брюнингу не только проживание в своем доме на вилле Мелиде под Лугано, но и организовал в конце 1934 г. совместную поездку в Испанию и на юг Франции¹. Так Генрих заметал свои следы от слежки агентов гестапо. Банкир оказал также экс-канцлеру серьезную финансовую помощь, а в 1935 г. выдал внушительную премию, которая даже 16 лет спустя послужила хорошим подспорьем для многочисленных поездок. Наряду с этим финансовую поддержку он получил от фонда К. Шуртца. Именно этот фонд профинансировал первую поездку Брюнинга летом 1935 г. в США². В разъездах он не забывал о своей родине, внимательно следил за событиями в Германии, его волновала судьба друзей.

Будучи в Швейцарии, экс-канцлер с ужасом узнал о событиях 30 июня 1934 г., связанных с расправой над штурмовиками.

При этом была уничтожена не только верхушка СА. Гитлер, Геринг и Гиммлер свели счеты с экс-канцлером Шлейхером, генералом Бредовым, Г. Штрассером, Г. Каром. Брюнинг сожалел об убийстве генерала Шлейхера и его жены. Для Брюнинга события 30 июня 1934 г. стали доказательством того, что вице-канцлер Папен не сумел выбрать подходящий момент для выступления против Гитлера. Генрих просто не знал, что Папен сам еле уцелел, оказался под домашним арестом, при этом его секретарь Г. Бозе и личный консультант Э. Юнг были убиты. Уже после войны, в июле 1947 г., экс-канцлер назовет эти события как «предполагаемое национально-консервативное сопротивление летом 1934г.», причины которого объяснялись «сильной группой в рейхсвере, имеющей связь с людьми, которые раньше активно занимались политикой, а также с растущим числом видных нацистов, недовольных режимом Гитлера»³. Подобная оценка событий совершенно не соответствовала происходившим реалиям.

В то же время на Брюнинга большое впечатление произвела речь Папена, произнесенная им за несколько дней до этих трагических событий в старинном университете Марбурга. В условиях нацистской диктатуры это было смелое выступление вице-канцлера с осуждением крайностей режима и обвинением в адрес нацистов. В своей речи он призывал покончить со «второй революцией», прекратить нацистский террор, восстановить элементарные нормы поведения, предоставить хоть какие-то свободы, в первую очередь свободу слова. «Национал-социалисты, – говорил Папен, – подавляя свободу и угрожая безопасности личности, стремятся уничтожить всякую веру в прежнюю иерархию ценностей». «Я был убежден, – продолжал он, – что методы нацистов могут вести только к разрушению»⁴. Содержание речи Папена Генрих расценивал как «динамит» и считал огромной ошибкой, что рейхспрезидент и армия не поддержали совместными действиями эту речь⁵.

Брюнинг возлагал надежды то на внутреннее разложение режима, то на умеренные силы в рейхсвере и вермахте, которые выступят против диктатора, но это были лишь иллюзии. Экс-канцлер до конца 30-х годов поддерживал контакты с некоторыми представителями немецкого Сопротивления. За границей он хотел добиться косвенной поддержки военной оппозиции в

рейхсвере. В 1934 – 1935 гг. Генрих поддерживал связь с генерал-полковником Г. Рундштедтом. С ним он был давно знаком. В конце 1935 г. Рундштедт отправил в Швейцарию офицера, который должен был узнать, что он – Рундштедт – сможет сделать против Гитлера и может ли Брюнинг дать ему гарантии⁶, что в случае действия армии за граница отнесется благожелательно к этому. Но за граница тогда была не заинтересована в устранении нацизма. На этом контакты с вермахтом прекратились.

Непосредственно после прибытия в Лондон, в конце мая 1934 г., Генрих получил приглашение статс-секретаря министерства иностранных дел Р. Ванситарта, встретился с ним и премьер-министром Р. Макдональдом. Ванситарт был антигермански настроенным политиком и питал дружеские симпатии к Франции. Некоторые коллеги в шутку называли его «французским агентом». Ванситарт между тем уже с 1933 г. выступал за ускоренное британское вооружение и против опасности германской военной экспансии. Макдональд и Ванситарт спросили гостя о вероятном развитии событий в Германии. Брюнинг проинформировал политиков о соотношении сил в Германии и заметил, что вопрос о возврате к прежней Веймарской системе больше не стоит. Позиция национал-социалистов в Германии прочная. Во время беседы Брюнинг советовал британским политикам поддержать «умеренных командующих в германской армии», чтобы ограничить власть национал-социалистов. Эти генералы непременно желают вооружения, но хотят избежать риска войны. Они считают, что Германия без сильной армии не сможет добиться дипломатических успехов. Генрих назвал имена генералов Ф. Бока и Г. Рундштедта, которым во время его канцлерства оказывал протекцию и которых следует поддержать*, но предостерегал от военного министра Бломберга. Я не думаю, говорил экс-канцлер, что влияние рейхсвера достаточно велико, чтобы сдерживать в течение длительного времени экстремистские тенденции нацизма во внешней политике. Он высказал мнение, что руководство рейхсвера свое влияние сможет сохранить не более 2-3 лет⁷.

* Генерал Ф. Бок не был нацистом, но и не был противником нацизма. Он поддерживал «неограниченную» военную политику Гитлера. Генерал Г. Рундштедт приветствовал назначение Гитлера канцлером.

Британскому кабинету Брюнинг рекомендовал решиться и пойти на удовлетворение законных требований Германии по ревизии Версальского договора: решение вопроса о «польском коридоре»; право Германии на создание таможенного союза с Австрией, Чехословакией и Венгрией; международный заем, который он потребовал в апреле 1932 г. Выполнение этих трех пунктов должно быть согласовано со следующими условиями: Германия будет готова одобрить границы вооружения согласно директиве, изложенной Брюнингом в апреле 1932 г., Германия возвращается к системе свободной торговли и будет готова после ревизии известных предписаний Версальского договора снова вступить в Лигу Наций⁸, из которой вышла в октябре 1933 г. Ванситарт об этой встрече с экс-канцлером писал: «Брюнинг убедительно говорил, что немецкий генеральный штаб не хочет войны»⁹. Брюнинг как эмигрант пытался претенциозно довести свою точку зрения до ведущих и влиятельных английских политиков. Бывшему британскому послу в Берлине Румбольду 7 июня 1934 г. Брюнинг нарисовал мрачную картину германской действительности, отметив при этом, что он не сомневается в том, что Гитлер после смерти Гинденбурга займёт пост рейхспрезидента и поставит под свой контроль армию¹⁰.

В августе 1934 г. под псевдонимом Генри Бровн экс-канцлер вернулся из Швейцарии в Лондон и начал работать над своими мемуарами, которые продолжил позднее на вилле Мелиде. В сентябре он несколько недель был в гостях у сэра Вилли Спенса, ректора колледжа Христианский корпус. В середине того же месяца Брюнинга пригласил в гости один из известных английских консервативных политиков У. Черчилль, находившийся с 1929 г. вне правительства. На этой встрече присутствовал А. Иден, занимавший в правительстве Макдональда пост лорда-хранителя печати. Разговор между Черчиллем и экс-канцлером оказался интересным и содержательным¹¹. Черчилль, как хозяин, игнорировал правила вежливости и гостеприимства, открыто заявив, что он в свое время критиковал внешнюю политику Брюнинга, считал ее опасной, особенно в вопросе вооружений, и возложил на него ответственность за германское вооружение, так как именно в период его канцлерства оно началось. В беседе оба политика говорили о Первой мировой войне, о причинах подъема нацистского дви-

жения, роли Гинденбурга и вероятном политическом развитии в Германии и Европе. Высказывания Черчилля были проникнуты тревогой, вызванной ситуацией в Германии.

Примечательно, что Черчилль сначала с симпатией относился к Гитлеру. В нем его восхищали настойчивость и жизненная энергия, решимость бросить вызов, пренебречь, побороть или найти общий язык со всеми властями или силами, что стояли у него на пути. Правда, уже в августе 1933 г. Черчилль предостерегал от планов вооружения. Его сильно волновала динамика германского перевооружения, а его речи все больше и больше принимали антигерманский оттенок. Он не исключал в будущем борьбу за господство в Европе и даже борьбу за мировое господство. Это были пророческие слова. Брюнингу Черчилль говорил, что он как англичанин испугался мощи Германии, а Гитлер настраивал весь мир против Германии. Превосходство Европы над Германией составляет 11 к 2, и Черчилль был убежден, что германские генералы признают бесперспективность борьбы при таких обстоятельствах. Теперь в Англии без особого труда могут быть одобрены высокие расходы на военные нужды. Он при всех обстоятельствах поддержит правительство, если оно решительно возьмется за создание Англией сильнейшего в мире воздушного флота¹². Существование Англии, утверждал Черчилль, покоится на том, что ни одна другая нация не может быть сильнее. У него всегда перед глазами цифры: 65 млн. немцев и менее 40 млн. французов. В интересах Англии он отказывается признавать равноправие в вопросах разоружения.

Брюнинг был очарован личностью хозяина дома. Воинственность и вся его неанглийская пылкость и спонтанность действовали возбуждающе и ободряюще¹³. Экс-канцлер вспоминал, что они сидели в баре и пили виски, к которому Генрих не привык. Черчилль вскоре заговорил об антигерманском настроении и с восторгом отзывался о Гинденбурге и Людендорфе, которые для него были единственными германскими стратегами. Устранение монархии в Германии и Австро-Венгрии в конце Первой мировой войны было политической ошибкой. Это произвело на Брюнинга сильное впечатление. До глубокой ночи продолжался их разговор, особенно о минувшей мировой войне. Когда он уходил от гостеприимного хозяина, Черчилль произнес слова, кото-

рые глубоко врезались в память экс-канцлера: «Германия будет вновь побеждена и на этот раз окончательно. Иначе Франции и Англии мира не будет»¹⁴. Хотя, как пишет историк Хёмиг, Черчилль тогда еще не был решительным идеологическим противником фюрера. Даже в ноябре 1936 г. он не без восторга отзывался о роли Гитлера¹⁵. В те предвоенные годы Генрих еще не раз встретится с Черчиллем. В том же месяце экс-канцлер беседовал с ведущими представителями делового мира Англии. В дискуссии обсуждались международные финансовые вопросы, в особенности отмена правительством США золотого стандарта и девальвация американского доллара.

В Лондоне к экс-канцлеру отнеслись весьма благожелательно. А один из его друзей А. Чарч, издатель «Реалиста» и партийный друг премьер-министра Макдональда, старался сделать все, чтобы Генрих имел доступ в компетентные круги Лондона. Чарч надеялся втянуть своего друга в игру, отвечающую британским интересам. Однако Брюнинг не был готов в какой-либо мере «работать против собственной страны». Чарч пытался сделать экс-канцлера активным политическим эмигрантом за границей. Он посоветовал Брюнингу сделать политическое заявление по случаю плебисцита в январе 1935 г. в Саарской области, находившейся под управлением Лиги Наций. Чарч хотел, чтобы экс-канцлер публично выступил против возвращения области в нацистскую Германию. Брюнинг почувствовал себя прижатым к стенке инициативой Чарча. Он испытывал «внутреннюю противоречивость». С одной стороны, экс-канцлер не желал успеха нацистскому режиму в вопросе ревизии Версальского договора, с другой, считал возвращение Саарской области в Третий рейх запоздалым исправлением несправедливостей 1919 г. В итоге Генрих отказался от предложения Чарча, полагая, что воссоединение Саарской области с Третьим рейхом имеет большое национальное значение. «Лучше я умру, чем причиню вред другой Германии»,¹⁶ – заявил он. Проведенный плебисцит показал, что 91% жителей Саарской области готовы войти в состав Третьего рейха. Чарч пытался также использовать Тревирануса в своих целях. Вскоре он убедился, что Брюнинг не готов возглавить «крестовый поход против Гитлера». В итоге между двумя друзьями произошло взаимное отчуждение, которое они так и не смогли пре-

одолеть. Эмигрант Брюнинг отклонял любую форму антинемецкой агитации за границей и предложения хотя бы номинально участвовать в планах создания эмигрантского правительства¹⁷.

В июле 1935 г. Брюнинг инкогнито посетил Париж, встретился с писательницей А. Кольб, которая в свое время была сторонницей его политики, совершил прогулку по Латинскому кварталу. В то время экс-канцлер все еще надеялся на политический переворот на родине акцией вермахта. Брюнинга не покидали и мысли о реставрации монархии Гогенцоллернов. Концепция монархической реставрации как альтернатива нацистской диктатуре для католического монархиста из Вестфалии только в эмиграции получила реально политическую оценку¹⁸. По мнению историка Юнкера, Брюнинг еще в 1935 г. проектировал сценарий: если рейхсвер свергнет Гитлера, немецкий народ должен вернуться на путь монархии через переходную диктатуру¹⁹.

Годом позже экс-канцлер обнаружил, что «господин Геринг все более выдвигается на передний план», так что «он может заменить Гитлера в качестве преемника». Затем господин Геринг вынужден будет ввести монархию, которая «после короткого времени неизбежно восстановит умеренный парламентский режим»²⁰. Данное противоречивое высказывание Брюнинга свидетельствует о том, что он не знал ни истинных замыслов ведущих политиков нацизма, ни реальной картины настоящего соотношения сил и отношения зависимости внутри нацистской верхушки.

Ответственность за стабилизацию нацистского режима после событий 30 июня 1934 г. Брюнинг возложил на США, Англию и Советский Союз. Его критические рассуждения сводились к следующему. Когда Гитлер пришел к власти, его правительство должно было «развалиться» из-за финансовых трудностей. Однако «три непредвиденных фактора» коренным образом изменили ситуацию. Причину этого надо искать в недостаточной дальновидности иностранных правительств и их незаинтересованности свергнуть насильственный тоталитарный режим в Германии. Правительство США провело тогда девальвацию доллара и этим помогло нацистскому режиму выйти из «финансовых трудностей», в которых оказался Гитлер из-за программы перевооружения. Главный фактор германского вооружения был создан «англо-германским платежным соглашением», от заключения

которого Брюнинг напрасно предостерегал. Отсюда английская внешняя политика несет главную ответственность. «Третьим другом Гитлера в беде», по мнению Брюнинга, стал Советский Союз, который сохранил верность советско-германским торговым договорам. Наконец, в 1937 г. Гитлер нарушил международные соглашения, которые ограничивали кредитную экспансию и снова заграница бездейательно наблюдала²¹. Правда, экс-канцлер подчеркивал относительность своих обвинений в адрес «трех иностранных держав», которые «без умысла» помогли нацистскому режиму. И все же недальновидность иностранных правительств и незаинтересованность в свержении нацистского режима толкнули Гитлера к войне. Цель этой критики в адрес Англии, США и СССР, пишет Фолькман, заключалась в том, чтобы отодвинуть на задний план внутригерманские упущения 1930 – 1933 гг., интернационализировать ответственность за «германскую катастрофу» и вследствие этого оправдать Германию. Брюнинг перепутал причины и следствие²².

Брюнинг каждый год бывал в Англии, Голландии, Швейцарии, где встречался с друзьями из Германии. Они информировали его о внутривнутриполитическом развитии в Третьем рейхе. Эти встречи не были для друзей Генриха безопасными. Так, Франца фон Галена после возвращения из Швейцарии, где он в конце марта 1935 г. встречался с Брюнингом, допрашивали в гестапо о его контактах с экс-канцлером. Бывшие видные деятели партии Центра Йоос и Леттерхауз весной 1936 г. вынуждены были дать отчет в гестапо о своей заграничной поездке и беседах с Брюнингом. Последний, встречаясь весной 1935 г. с социал-демократом О. Вельсом, обсуждали вопрос о возможном свержении правительства Гитлера и создании военно-консервативного переходного правительства.

В Англии экс-канцлер рассматривался как консервативный противник Гитлера и известный политический беженец из Германии. Брюнинг имел международный авторитет и личные контакты на высоком политическом уровне как в Англии, так и в США. В Англии, а еще более в США, Генрих чувствовал себя в большей безопасности, чем в Голландии и Швейцарии. Страх перед покушением немецких агентов присутствовал среди многих немецких эмигрантов. Осенью 1936 г. Брюнинг и Тревиранус за-

думали издавать эмигрантский журнал «Истинная Германия». Затем они намеревались нелегально ввозить его в Германию и распространять среди оппозиционно настроенных офицеров и генералов и в других кругах сопротивления. Банкир Э. Бреттауэр согласился выделить часть финансовых средств для реализации этого проекта, если будут найдены дополнительные кредиторы. Ф. Демут, руководитель «Общества взаимопомощи немецким ученым» в Лондоне, и бывший директор Берлинской академии политических наук выступили в качестве посредников в поисках спонсора. Вскоре два английских предпринимателя дали свое согласие финансировать эмигрантских политиков, к ним присоединился Г. Раушнинг. Но они поставили условие, что Брюнинг будет исполнять обязанности ответственного редактора журнала. На этом месте проект затормозился, поскольку экс-канцлер отказался быть ответственным редактором и «выполнять унижительные требования кредиторов», предложив вместо себя Тревирануса и Раушнинга²³. В конце концов обязанности редакционного руководителя журнала «Истинная Германия» взял на себя Карл Шпикер.

Брюнинг до 1939 г. поддерживал прямые контакты с национал-консерватором К. Гёрделером, которого в 1932 г. рекомендовал как своего наследника на посту канцлера. Впоследствии Гёрделер станет одним из участников заговора 20 июля 1944 г. против Гитлера. Встречи с ним проходили в Англии в мае 1939 г., в Цюрихе и, наконец, в Стокгольме в августе 1939 г. Они должны были через советника министерства иностранных дел Адама фон Тротта цу Зольца и полковника, графа Шверина установить контакты между британским министром иностранных дел Галифаксом, начальником генерального штаба Гортом и оппозиционными генералами в Германии, которым нужна будет помощь в «последнюю минуту», чтобы предотвратить войну²⁴.

Важную роль в контактах Брюнинга с немецкой оппозицией играл Адам фон Тротт цу Зольц, с которым Генрих во время встреч обсуждал альтернативные планы на случай переворота и свержения Гитлера. 20-22 октября 1939 г. Брюнинг встречался с Троттом цу Зольцом в США. Тротт рассказал о положении противников Гитлера среди генералов вермахта и спросил Генриха от имени генерала А. фон Фалькенхаузена, готов ли он после

удачного государственного переворота вернуться в Германию. Далее Тротт поднял вопрос о будущем государственном и конституционном устройстве Германии после свержения нацистского террористического режима германским сопротивлением. Брюнинг рекомендовал Тротту найти «компромисс между конституциями старой Германской империи до 1802 г., Бисмарковской империи и конституцией Веймарской республики»²⁵. Очевидно, что экс-канцлер хотел ограничить компетенции парламента и усилить исполнительную власть в духе немецкого конституционализма XIX века. В июне и июле 1939 г. экс-канцлер вел переговоры с Галифаксом, во время которых пытался убедить политиков Запада «в необходимости достичь соглашения с военной оппозицией в Германии»²⁶.

И все же, оказавшись за рубежом, Брюнинг не принимал никакого участия в антифашистской борьбе немецких эмигрантов, отказывался от любой видимой политической активности, избегал открыто осуждать национал-социалистическую диктатуру. Правительства всех стран, в которых он пребывал до начала войны, «отговаривали»²⁷ его от этого из-за двойной опасности. Генрих опасался, что его высказывания против своего отечества могут быть использованы гестапо как повод для преследования его друзей на родине. Он подчеркнуто держался в стороне от «эмигрантских разногласий», которые остро критиковал.

В 1936 г. у Брюнинга возникла угроза потери германского гражданства. Посольство в Вашингтоне и консульство в Бостоне сообщали о крайне сдержанных выступлениях Брюнинга в США. Тем не менее в середине мая 1936 г. прусское гестапо со ссылкой на французские и австрийские газетные сообщения и на статью в газете «Нойес Форвертс» заинтересовалось политической деятельностью экс-канцлера, направленной якобы против нацистского режима. Германскому представительству в Нью-Йорке было дано указание проверить эти сообщения и занять соответствующую позицию, вплоть до лишения германского гражданства. Германский посол в Вашингтоне Г. Лютер сообщал в июле 1936 г. в министерство иностранных дел, что выступления Брюнинга в США воспринимаются как сдержанные и лишение его гражданства находит здесь полное непонимание, а злонамеренные высказывания играют только на руку нашим противни-

кам. На основании этого сообщения имперский и прусский министр внутренних дел в письме от 18 сентября 1936 г. статс-секретарю и шефу рейхсканцелярии писал, что «не видит предпосылок для отказа германского гражданства» Брюнингу²⁸. В ответном письме от 5 октября имперская канцелярия сообщала, что «фюрер и рейхсканцлер ознакомился с содержанием письма» и вследствие этого он не видит причин для отказа германского гражданства доктору Брюнингу. Фюрер и рейхсканцлер придает также значение тому, что деятельность и поведение доктора Брюнинга и дальше продолжатся надлежащим образом и об этом будет сообщаться²⁹. Таким образом, эта сдержанность, его «молчание за Германию», осторожность критики нацистской диктатуры «помогли» ему сохранить германское гражданство в отличие от многих других известных и знаменитых политиков, писателей, ученых, деятелей культуры. С 25 сентября 1933 по 7 апреля 1945 гг. 39 006 человек были лишены германского гражданства, среди них: Р. Брайтшайд, Ф. Штампфер, О. Вельс, Л. Фейхтвангер, Г. Манн, К. Манн, Э. Толлер, А. Эйнштейн, Э. Пискатор, Р. Гильфердин, Э. Олленхауэр, Ф. Нойман, К. Гейден и др.

Его молчание стоило экс-канцлеру не только внешней «физической самоотверженности»³⁰, но он подвергся критике и нападкам со стороны левой немецкой эмиграции. Соредактор журнала «Немецкие письма» писал в 1935 г., что Брюнинг не должен молчать, потому что «он и сегодня не является частным лицом» и «несет общественную ответственность за моральное состояние и авторитет немецкого народа»³¹. Правда, осенью 1936 г. экс-канцлер попытался оправдать свое молчание тем, что «пробуждение» заграницы из-за положения внутри Германии может обратиться не только против нацистской диктатуры, но также против страны в целом. Этого он старается избежать и поэтому ведет себя как можно тише³². И тем не менее это молчание не было понято даже его соратниками по эмиграции из его же лагеря и обидело «многих из его друзей». Неоднократные просьбы эмигрантов к Брюнингу взять на себя ведущую роль и создать «правительство в эмиграции» он категорически отклонял³³. В конце 1939 г. пошел слух, что Брюнинг участвует в так называемом эмигрантском «немецком национальном комитете». Однако никаких доказательств на этот счет нет. Особое недоверие Генрих питал к тем

эмигрантам, которые критиковали его политику, когда он был канцлером, напрямую связывая ее с приходом нацистов к власти.

Сильным противником Брюнинга и критиком прусско-германских традиций считался известный ученый Фридрих Вильгельм Фёрстер, лишенный в августе 1933 г. германского гражданства. В 1937 г. в Швейцарии он опубликовал книгу «Европа и германский вопрос», в которой критиковал канцлерство Брюнинга и его как политика партии Центра, назвав Генриха «последним служащим политики фасада» Веймара и марионеткой в руках «крупной буржуазии и армии». Для Фёрстера Брюнинг был «типичным опруссаченным католиком, который со своей поразительной наивностью воспринимал фальсификации, выдаваемые националистической прессой». Сам экс-канцлер характеризовал книгу Фёрстера как «вредную». С переездом в США в 1940 г. Фёрстер продолжал свои выпады против национально-консервативных католиков, но не только против них. В начале 1943 г. он говорил о «германской камарильи», которая бесчинствует в США, а Брюнинга называл ее главой³⁴.

Отказавшись от политической активности в эмиграции и от споров с «шумной эмиграцией»³⁵, Брюнинг не оставался бездейственным или вовсе безмолвным. По мнению историка Р. Морсея, он как «представитель другой Германии» исходил из того, что только с помощью последовательного «молчания» сумеет сохранить или получить возможность, чтобы с влиятельных политических позиций работать на пользу своего отечества в качестве «молчаливого советника и возможного посредника», включая готовность не связывать со своим именем «возможных успехов» этой деятельности³⁶.

6.2. Профессор политических наук

Через год после первой поездки в Америку Брюнинг в 1936 г. вновь посетил США. 28 января он приехал в Бостон и дал интервью газете «Нью-Йорк Таймс», а на следующий день оно появилось под заголовком «Брюнинг в Бостоне, критика нацистских норм». Экс-канцлер заявил, что находится в оппозиции к нацистскому правительству, «поскольку принципы справедливо-

сти и равенства законом не признаются» и «свобода совести в опасности». Свою словесную атаку на правительство он снабдил примирительным указанием, что терпеливо относится ко всему случившемуся в Германии и не хочет приносить вреда своей собственной стране³⁷.

В конце апреля следующего 1937 г. экс-канцлер получил приглашение читать лекции в Гарвардский университет. 3 мая он был утвержден лектором и преподавателем на факультете истории государственной службы и экономики на 1937/38 учебный год. Особенно настойчиво приглашения Брюнинга в университет и включения его в профессорско-преподавательский состав учебного заведения добивались хорошо знакомые экс-канцлеру профессора Гарвардского университета Оливер М.В. Шпраге (которого Генрих знал со времен переговоров по репарациям в начале 30-х годов) и Карл Фридрих. Причина приглашения в известный университет объяснялась затруднительным финансовым положением Брюнинга и необходимостью обеспеченного материального существования, т.е., по сути дела, речь шла об оказании финансовой помощи экс-канцлеру. В мае того же года Оксфордский университет в Англии пригласил Брюнинга в общество лекторов политической теории в Квинс колледже. Газета «Дейли Геральд» 22 мая 1937 г. опубликовала сообщение под заголовком «Брюнинг стал лектором в Оксфорде». До лета 1939 г. он оставался связанным с этим учебным заведением. Экс-канцлер писал: «... мне предложено место члена научного сообщества в Квинс колледже на следующие два года», так что «теперь моя жизнь до известной степени обеспечена на следующие два года»³⁸.

9 сентября 1937 г. Брюнинг добрался до Квебека, затем из Монреаля поехал в Торонто, где выступил с докладом в канадском Институте международных дел. Немного погодя отправился в США, чтобы приступить к работе в Гарвардском университете. 22 сентября в университете Браун в городе Провиденц Генрих получил степень почетного доктора права за доклад, сделанный им весной 1936 г. До конца 1937 г. в течение четырех месяцев в Гарвардском университете вел семинар на тему «Международный финансовый кризис с 1930 г.». 2 и 3 декабря выступал в Пирсон колледже Йельского университета с докладом «Решающие фазы конституционного развития в послевоенной Германии».

Три дня спустя в «Объединении теологических семинаров» сделал два доклада, в одном из которых главным пунктом была «борьба за христианство и элементарные этические принципы». Второй доклад назывался «Конституционный кризис в Германии с 1929 по 1932 гг.» Клаус Манн, сын знаменитого немецкого писателя Томаса Манна, был среди слушателей на этой лекции. В левом эмигрантском журнале «Новый вельтбюне» он критически отозвался об этой лекции Брюнинга. В его полуторачасовой лекции, отмечал Клаус, не было «обращения» к соотечественникам, но взгляд экс-канцлера был устремлен «только в прошлое». Наконец, речь закончилась «грустной апологией Гинденбурга»³⁹.

1937 – 1939 гг. оказались для Брюнинга необычайно насыщенными в преподавательском плане. Он вел семинары, выступал с лекциями не только в американских университетах, колледжах, частных школах, но и в Канаде. Темы были самые разнообразные, в том числе на злобу дня, и охватывали историю XVIII–XIX столетий и первых десятилетий XX века. При этом Брюнинг постоянно посещал Англию и Европу. В Гарвардском университете Брюнинг читал курс лекций по теме «Международные отношения и теории политических систем», «Основные признаки свободного права и обязанности граждан государства». В рамках курсов Генрих особое внимание уделял вопросам культурного развития в новое время, начиная с Французской революции конца XVIII в. и включая трагическую судьбу Веймарской республики. В лекциях экс-канцлер говорил о провале его усилий восстановить в Германии на законной основе монархию с целью ограничить власть Гитлера. В мае и октябре 1938 г. Американская академия искусства и науки в Бостоне предлагала Брюнингу стать «почетным членом иностранной академии».

Анализ его выступлений свидетельствует, что консервативное государственно-правовое мышление Брюнинга негативно воспринимало Французскую революцию конца XVIII в. с её радикализмом и шокирующими эксцессами насилия. Проявилось его критическое отношение к философской школе рационализма. Он считал, что «рационализм губит воспитание молодежи». Экс-канцлер сожалел о том, что последствия Французской революции и Наполеоновских войн вошли в исторические традиции Центральной Европы. Идеология Французской революции была наи-

более разрушительным «подарком» в колыбели современной демократии. Эта идеология, говорил он, разрушила нашу старую демократию, которая была основана на христианской традиции, неважно какой: католической, кальвинистской или протестантской. Брюнинг негативно воспринимал также идеи Ж.-Ж. Руссо. Главная ошибка всех демократических концепций состояла в том, что они после появления теории Руссо восторженно восприняли Французскую революцию с позиций атеизма. Экс-канцлер исходил из того, что во Французской революции, в просвещении, секуляризации, в либерализме и индивидуализме, материализме и коллективизме были заложены основы национал-социализма⁴⁰.

В эмиграции, да и после окончания Второй мировой войны, Брюнинг критиковал Веймарскую конституцию, принятую в 1919 г., видя в ней ряд серьезных изъянов. Она, по его мнению, представляла смесь положений других иностранных демократических конституций и Бисмарковской конституции. Сама конституция была принята «под впечатлением германской революции», с надеждой на «сносный мир» в смысле «Вильсоновских программных пунктов» и усталости «от войны и голода»⁴¹. В 1937 г. усилилась его критика «преамбулы» конституции, которую охарактеризовал как ее единственный принцип, взятый из идей Французской революции. Слабость Веймарской конституции, по убеждению Брюнинга, объясняется в основном этой преамбулой, в которой утверждалось, что вся власть исходит от народа⁴². Экс-канцлер высказывал свою антипатию против плебисцитарной демократии. Веймарское Национальное собрание он упрекал за то, что оно приняло «избирательную систему с точки зрения абстрактных принципов справедливости», критиковал пропорциональное избирательное право, в нем лежит главная причина подъема НСДАП в 1930 – 1932 гг. и превращения ее в сильнейшую партию Германии⁴³. Критика конституции в конце концов была нацелена не только против отдельных ее статей. Скорее всего, пишет Фолькман, Брюнинг отклонял правительственную систему парламентской демократии вообще⁴⁴. В этой связи желанием экс-канцлера было изменить ядро парламентской конституции, статью 54, которая делала зависимым имперское правительство от доверия парламента. Брюнинг, очевидно, хотел

отделить правительство от доверия парламента, придав ему «независимый», «надпартийный» характер⁴⁵.

Экс-канцлер идеализировал конституционную монархию германской империи второй половины XIX века. В январе 1937 г. в университете Принстона он прочитал лекцию «Некоторые размышления об упадке европейской демократии». В ней Брюнинг высоко оценивал Бисмарковскую имперскую конституцию 1871 г. как произведение, которое обязано своим появлением «гению» – основателю рейха⁴⁶. «Гений Бисмарка» сумел найти не догматические решения. По мнению Фолькмана, Брюнинг питал антипатию к современной демократии, как это уже проявилось в «Эссенской программе» 1920 г. Его враждебность к Веймарской демократии имела принципиальный характер и после победы национал-социализма лишь усилилась. Демократические представления Брюнинга исчерпывались всеобщим, тайным и равным избирательным правом мужчин⁴⁷.

В лекциях в эмиграции и после возвращения в ФРГ в университете Кёльна Брюнинг нередко говорил о традиции германской демократии. В 1953/54 гг. он объяснял студентам со ссылкой на «старый рейхстаг Священной Римской империи германской нации» «исторический факт, что уже в раннем Средневековье имелись подлинные демократические формы». Демократия есть моральный принцип, прикладная к политике, а Священная Римская империя германской нации имела это ценное благо уже тысячу лет⁴⁸. Экс-канцлер мифологизировал и идеализировал Средневековье и Священную Римскую империю германской нации, которая, как известно, прекратила свое существование в августе 1806 г. в результате побед и политики Наполеона. Судя по всему, Брюнинг много размышлял о проблеме «истинной демократии», неотделимо связанной с традицией религии. В США в 30-е и 40-е годы, а затем после окончания Второй мировой войны экс-канцлер вновь и вновь возвращался к мыслям, развитым в 20-е годы. Под «истинной демократией» он понимал «демократию в христианском смысле».

Проблеме места и роли главы государства Генрих уделял большое внимание. По его мнению, глава государства должен быть «объективным, беспартийным и справедливым в своих поступках». Он должен оставаться «нейтральной властью» над по-

вседневыми политическими разногласиями. Глава государства должен быть связан конституционно, иметь чувство народной общности и быть просвещенным монархом Вильгельмовской эпохи. В лекции в университете Кёльна 26 февраля 1954 г. экс-канцлер сожалел, что император Вильгельм II смог только «временно» передать это чувство общности, когда он 4 августа 1914 г. заявил в рейхстаге: «Я не знаю больше никаких партий, я знаю только немцев». Введение прямых выборов главы государства он охарактеризовал в 1947 г. как результат заимствования чужого политического опыта, которого не было в немецкой традиции. Понятно, почему канцлер Брюнинг пытался отклонить прямые выборы рейхспрезидента народом весной 1932 г.

Справедливо отмечается, что этот миф о «нейтральном монархе», согласно которому глава государства стоит над классами и партиями, происходил от «монархической идеологии интеграции» XIX века, а после коренных изменений 1918 г. воплотился в «культ Гинденбурга» и даже после 1945 г. долгое время не был полностью искоренен⁴⁹. Брюнинг предполагал, что «личность Гинденбурга напоминала народу о великих временах Вильгельма I»⁵⁰. Он считал «счастливой ту страну, во главе которой стоял монарх –высокообразованный, быстро соображающий, чувствительный и обладающий инстинктом безопасности. При этом он думал о германском императоре Вильгельме I.

Его представления об идеальном главе государства соответствовали по преимуществу позитивным высказываниям о правительственной системе конституционной монархии Германской империи. Экс-канцлер был убежден, что Веймарская республика не справилась с проблемой самодисциплины и взаимного доверия. Ей не хватало хорошей монархической традиции Вильгельма I, которая оказалась непрочной уже с 90-х годов. Друг Брюнинга Тревиранус писал в декабре 1959 г., что он, вероятно, осознавал свое положение рейхсканцлера как главного ответственного политического лидера на стуле Бисмарка⁵¹. Брюнинг высоко оценивал прусские реформы начала XIX века и питал большое уважение к прусским реформаторам того времени: К.В. Гумбольдту, Г. Шарнхорсту, К. Штейну, К.А. Гарденбергу. Он полагал, что редко так удачно бывает, когда в одно целое сливаются «старые традиции и современные принципы управления,

как это произошло в прусской монархии первой половины XIX века».

В своих лекциях экс-канцлер нередко говорил об упущенных возможностях начала 30-х годов, атаковал Версальский мирный договор, в особенности сожалел о территориальных потерях Германии, принесших огромные убытки экономике, об ошибках межвоенного времени, критиковал систему коллективной безопасности и Лигу Наций. Он отмечал, что в первые годы нации, потерпевшие поражение, и Россия были исключены из нее. Вследствие этого возникло впечатление, что «Лига Наций стала инструментом для подавления наций, потерпевших поражение в войне»⁵².

Студенты старались попасть на лекции Брюнинга. Читал он увлекательно, а проводимые им по вечерам семинары вызвали большой интерес, их посещали не только студенты, но и преподаватели. Так, на них регулярно бывал американский историк Джон Велер-Беннет. Кстати, Генрих возродил старую американскую традицию публичного спора, свободного диалога со специалистами. Не менее интересными были приватные беседы с коллегами и студентами вокруг теплого камина в рабочем кабинете профессора Брюнинга. О нем сложилось мнение как «о чутком преподавателе». В США к Брюнингу относились дружески, этим объясняется его длительное пребывание в Америке. Он редко наталкивался на неприязнь. Жизнь в Гарварде во многих отношениях сложилась благополучно. Генрих жил в новом жилом здании Гарварда. США стали для него второй родиной.

По приказу Гитлера германские консульства в США должны были постоянно сообщать в Берлин о деятельности политического эмигранта Брюнинга. Поэтому на многих его занятиях присутствовали «информаторы» или «агенты» (*Vertrauensmann*), тщательно отслеживая содержание лекций и высказывания профессора. Так, консул Типпельскирх сообщал 10 апреля 1937 г. в германское посольство, что экс-канцлер в своих лекциях в колледже Дартмунд в Ганновере «на злободневных политических вопросах не останавливался и в своих высказываниях был осторожен и осмотрителен». После лекции в Боуден колледже в Брунsvик 8 января 1938 г. немецкий консул, опираясь на информацию «агента», сообщал прямо в министерство иностранных

дел о «типичной немецкой академической речи», которая произвела на большинство слушателей очень хорошее впечатление о Германии. Брюнинг объяснил публике о «трудностях», с которыми приходилось бороться немцам после Первой мировой войны. А несколько дней спустя в Рочестере, пригороде Нью-Йорка, в своей лекции экс-канцлер говорил о «неспособности государственных деятелей воспрепятствовать войне 1914г., закончить её в 1916 и 1917 гг. и заключить конструктивный мир в 1918 и 1919 гг.»⁵³. В Ассоциации американских колледжей 20 января 1938 г. Брюнинг говорил о «гуманистическом воспитательном идеале» и отклонил идею о тоталитарном государстве. Германский генеральный консул в Чикаго сообщал в министерство иностранных дел, что Брюнинг свои высказывания о «тоталитарной государственной идее» связывал с критикой модернизма. По его мнению, «современная техника и наука везде существенно расширяют шансы для практического осуществления тоталитарной государственной идеи»⁵⁴.

Брюнинг нередко обращался к теме Версальского договора. Так, выступая 6 января 1939 г. в академии Мильтона с докладом «Размышления по поводу упадка влияния права», он критиковал Версальский мирный договор 1919 г. По его мнению, договор подрывал идею права в Европе и нанес тяжелый удар по экономическому фундаменту побежденных государств. Попытка германского правительства противодействовать экономически заколдованному кругу в 1931 г. через заключение таможенного союза с Австрией была сорвана Международным судом в Гааге. Тогда, утверждал Брюнинг, он представил план таможенного союза как чисто экономически обоснованный проект. Станным в рассуждениях экс-канцлера было то, что линию упадка международного правового порядка без различия он прямо вел от 1919 г. через 1931 г. ко времени нацистской экспансионистской политики. Брюнинг, таким образом, пытался намеренно отождествить международноправовые решения 1919 и 1931 гг. с нацистской политикой завоевания, которая грубо нарушала международное право. Любопытно, что осведомитель германского консульства в Бостоне оценил воздействие выступления Брюнинга на слушателей весьма позитивно, поскольку докладчик ясно

показал, что не Германия, а её бывшие противники подорвали правовую идею⁵⁵.

Пожалуй, единственный раз на ежегодном собрании «Унитарного клуба» в Бостоне 11 января 1939 г. Брюнинг критиковал нацистскую тиранию. Аудитория состояла из 300 слушателей. Присутствующий на лекции секретарь немецкого консульства Бёме оценил его доклад как «дурную подстрекательскую речь против Германии» – такое впечатление она произвела на большую часть слушателей. Между одним из слушателей В. Клоком, американцем немецкого происхождения, и докладчиком произошла весьма интересная перепалка. Он задал Брюнингу вопрос: не согласится ли экс-канцлер по меньшей мере с тем, что правительство Гитлера разорвало оковы Версаля, вернуло таким образом свободу Германии и предотвратило ее дальнейшее падение. Генрих ответил, что оковы Версаля еще не сброшены, особо указав при этом на области, до сих пор отделенные от Германии. В качестве «достижений» нацистов он признал только аншлюс Австрии и Судетской области. Затем Клок упрекнул экс-канцлера в том, что он «сеет ненависть против своей родины» и высказал ему свое «презрение». Брюнинг возразил в «резкой форме», что он «хочет своей стране наилучшего» и «только поэтому обратился против нацистского правительства», и этим не желает создать за границей фальшивую картину о немецком народе, а после падения нынешнего правительства вновь возникнут симпатии к Германии, и ей предоставят необходимые кредиты. Германский консул в Бостоне Х. Шольц в оправдание Брюнинга сообщал, что «это единственный промах доктора Брюнинга, выступившего под давлением круга приближенных к президенту Гарвардского университета ... по случаю посвящения доктора Брюнинга в ординарного профессора Гарвардского университета»⁵⁶.

6.3. Дыхание войны

7 марта 1936 г. Германия денонсировала Локарнские соглашения (1925 г.) и ввела войска в Рейнскую демилитаризованную зону, спровоцировав острый международный кризис. В правовом отношении действия нацистской Германии представляли собой

грубейшее нарушение как Версальского, так и Локарнского договоров, угрожали риском серьезного конфликта с Францией. Рейнский кризис имел далеко идущие политические и военно-стратегические последствия. Он показал, что Берлин встал на путь насильственного изменения европейского порядка. В самой Германии это событие стало гигантским триумфом Гитлера, его боготворили, им восхищались. Ведь он вернул стране национальную гордость. Брюнинг осуждал насильственные и противоречащие договору методы Гитлера. Но в той ситуации нашел «виновных» исключительно за границы. Это касалось Франции и Англии. Он осуждал французскую пассивность и как национально-консервативный эмигрант считал ревизионистские требования законными. Экс-канцлер не критиковал поведение руководства вермахта, взяв его под защиту. Он верил в его умеренность. Спустя четыре месяца после этих событий Брюнинг писал о вероятных первых военных конфликтах именно на востоке. Возможно, раньше удар будет направлен против Польши, так же как и против Чехии. В партийных кругах Германии, утверждал он, открыто говорят о том, что проблеме Данцига нужно сдвинуть с мертвой точки. Таким образом, Генрих считался с германской агрессивной войной на востоке⁵⁷. В том же 1936 г. он выразил надежду, что британская политика, с одной стороны, будет нацелена на то, чтобы удовлетворить законные требования Германии, а с другой – намекала нацистскому режиму, что «военной операции не потерпит»⁵⁸.

Влиятельным покровителем Брюнинга в Вашингтоне был военный министр Г.Л. Стимсон. С ним Генрих был связан со времени визита Стимсона в Германию в 1931 г. в качестве государственного секретаря США. Между ними установились тесные личные отношения. В США оба политика часто встречались, обсуждая международные дела. 17 сентября 1935 г. в доме Джона Фостера Даллеса Брюнинг встретился со Стимсоном, В. Липпманом, влиятельным комментатором газеты «Нью-Йорк Геральд Трибуне», Г.Ф. Армстронгом, издателем журнала «Иностранное дело» и Алленом Даллесом. В долгой беседе экс-канцлер сообщил гостям, что «рейхсвер контролирует настоящий ход событий в Германии». Он почему-то использовал старое название германских вооруженных сил – рейхсвер, хотя с середины марта 1935 г.

рейхсвер был переименован в вермахт. Для Брюнинга являлось несомненным, что сейчас и в будущем армия бесспорно будет верна Гитлеру, потому что он добился права на ее воссоздание. Он также детально проинформировал присутствующих о финансовом положении Гитлера и охарактеризовал его как «очень плохое», потому что оно может привести к наивысшей инфляции⁵⁹. Три дня спустя Армстронг поблагодарил Брюнинга за вечер в доме Д.Ф. Даллеса и предложил ему написать статью для журнала «Иностранное дело».

В начале ноября 1935 г. экс-канцлер вновь встретился со Стимсоном, и они обсудили ситуацию в Европе, в особенности в Германии. В своем дневнике Стимсон записал, что Брюнинг «оценивает настоящую ситуацию в Европе очень пессимистично». Они говорили также о возможных очагах опасности в Европе, Генрих указал при этом на Австрию и Чехословакию. Он вновь заявил, что в этой ситуации вермахт оказывает «самое большое стабилизирующее влияние в Германии» и не является «сторонником войны». А генерал-полковника В. фон Фрича, главнокомандующего сухопутными войсками, охарактеризовал как «консервативного и хорошего мужчину»⁶⁰. Судя по всему, Брюнинг неоднозначно оценивал место и роль вермахта в системе нацистской диктатуры. Следует отметить, что взгляды и оценки событий Стимсона и Брюнинга не совсем совпадали. Американский политик в отличие от Генриха не закрывал глаза на опасное развитие событий в Европе как результат германской политики вооружения. Одновременно он не питал иллюзий относительно характера германской военщины. Экс-канцлер в 1935 г. все еще заблуждался относительно личности Гитлера, его экстремизма и воинствующих замыслов.

19 апреля 1937 г. отправляясь в Европу, экс-канцлер посетил Стимсона в Нью-Йорке в его апартаментах. Он доложил о политическом положении в Германии после удачного занятия Рейнской зоны в марте 1936 г., попытался в очередной раз указать на вермахт как самостоятельный фактор власти и односторонне взвалить вину на французскую и британскую политику за события весны 1936 г., указал на изменившуюся ситуацию в связи с гражданской войной в Испании, которая показала, что германское вооружение в международном сравнении не выдерживает

испытания, к тому же положение в Германии осложнил плохой урожай.

Комментируя Антикоминтерновский пакт, заключенный в ноябре 1936 г. между Германией и Японией, он назвал угрозу войны против России со стороны Германии «чистейшим вымыслом», т.к. такой войне должен предшествовать поход через Польшу, Чехословакию и Румынию. Учитывая состояние германских вооруженных сил, Брюнинг исключил такое наступление, потому что, с одной стороны, Германия не собирается это делать силой, а с другой, консервативные представители германского военного руководства против какой-либо войны с Россией. Экс-канцлер вновь напомнил Стимсону о германской армии как «реальном факторе стабильности»⁶¹. Стимсон уже на следующий день проинформировал Госдепартамент о встрече и позиции Брюнинга по вопросам занятия германскими войсками Рейнской зоны и гражданской войны в Испании.

Накал международной жизни в те годы был крайне напряженным. Брюнинг не оставался безучастным к происходящим событиям, обсуждая их с влиятельными политиками. Летом 1937 г. перед своей поездкой в США он встретился в очередной раз с Черчиллем, причем обсуждалась возможность «мятежа руководителей вермахта» в случае, если «Гитлер зайдет слишком далеко во внешней политике»⁶². В конце июля экс-канцлер вновь встретился со Стимсоном в Лондоне, а 1 сентября поблагодарил его за Лондонскую встречу, сообщив ему, что выражает свои надежды на предстоящий визит Муссолини в Германию. При этом он допускал, что «Муссолини попытается склонить Гитлера к более умеренной политике и оградить от любых атак на Чехословакию и Австрию», хотя признавал, что «активность австрийских нацистов в последнее время сильно возросла». Генрих считал, что основные направления международной политики определятся в ближайшие шесть-восемь месяцев⁶³. Стимсон скептически отнесся к возможности, что итальянский дуче сможет повлиять на умеренность германского диктатора. Визит Муссолини в Германию в сентябре 1937 г. фактически прошел безрезультатно.

Стимсон выступил также посредником в переговорах Брюнинга с президентом США Ф.Д. Рузвельтом. Их встреча состоялась 31 января 1938 г., а накануне экс-канцлер беседовал с по-

мощником государственного секретаря Мессерсмитом, во время встречи обсуждали ситуацию в Европе и особое внимание уделили Германии. Опасность войны в 1938 г. Генрих оценил как незначительную. Считал, что многое зависит от будущей британской политики. Все надежды он возлагал на встречу с Рузвельтом. От него он ожидал твердой позиции в отношении нацистского режима, в особенности надеялся добиться обещания поддержать военную оппозицию против Гитлера. Кстати, Брюнинг приветствовал «карантинную речь» Рузвельта в Чикаго от 5 октября 1937 г. как шаг в этом направлении. В ней президент призвал к установлению «карантина» вокруг агрессоров. Содержание разговора между президентом и экс-канцлером остается неизвестным, так как запись не велась. Брюнинг сумел довести до президента свою точку зрения, суть которой он перед этим изложил Мессерсмиту. Позднее, 15 февраля 1938 г. Генрих сказал, что они говорили «только о внешней политике» и его разговор с президентом протекал «очень приятно»⁶⁴. Любопытно, что встреча Брюнинга с Рузвельтом, видимо, для германского посольства, консульств и американской прессы осталась скрытой. Брюнинг поддерживал контакт и с Госдепартаментом, поскольку хорошо знал помощника статс-секретаря Г. Мессерсмита по его деятельности в Берлине в качестве генерального консула в 1930–1934 гг. Он называл его «наш старый друг Мессерсмит». Высокопоставленный чиновник Госдепартамента Р. Атертон пытался в 1943 г. разузнать, был ли готов Брюнинг к сотрудничеству в эмиграционном правительстве, протезированном или допущенном Вашингтоном.

Когда Брюнинг в начале февраля 1938 г. прибыл в Англию, в Европе назревали серьезные события, связанные с решением Гитлера начать подготовку страны к большой войне. Нацистский диктатор почувствовал себя достаточно сильным, чтобы пересечь национальные границы, установленные Версальским договором. 9 февраля экс-канцлер встретился в Лондоне с лордом Лотианом в Королевском институте международных отношений. Несколько позднее беседовал с главным владельцем лондонской газеты «Таймс» Дж. Я. Астором, затем вместе с Астором посетили главного редактора «Таймс» Г. Давсона. В разговоре с англичанами Генрих заявил, что, на его взгляд, Гитлер захватит Чехословакию.

Он также не исключает, что «скоро последует удар по Австрии, который поставит вопрос о Чехословакии и Юго-Восточной Европе»⁶⁵. Его прогноз вскоре оправдался. 12 марта Австрия была насильственно присоединена к Германии, исчезнув на определенное время с географической карты Европы.

Во время посещения Брюсселя в марте 1938 г. Генрих случайно встретил К. Гёрделера, который проинформировал его о событиях в Германии начала февраля, связанных со смещением со своих постов военного министра В. Бломберга и главнокомандующего сухопутными войсками генерал-полковника В. Фрича, и их последствиях. «Домашняя чистка», устроенная Гитлером, коснулась не только этих генералов, были смещены еще шестнадцать высших генералов, а сорок четыре понижены в должности. Гитлер убрал также К. Нейрата из министерства иностранных дел, ряд опытных дипломатов были отстранены от работы. Нейрат, Фрич и Бломберг сомневались в готовности страны к войне. За эти «сомнения» они лишились своих постов.

В конце марта – начале апреля 1938 г. во время беседы с Черчиллем Генрих настаивал на том, чтобы британское правительство поддержало законные требования немцев в плане ревизии германских восточных границ, затем обратилось к влиятельным германским военным, имена которых при известных обстоятельствах будут названы. В качестве контрмеры военные должны свергнуть Гитлера. Черчилль скептически отнесся к подобному предложению. Он не верил, что правительство Чемберлена пойдет навстречу этим пожеланиям⁶⁶. Здесь националист Брюнинг поразительно наивен и полон иллюзий. В 1938 г. Гитлер имел, без сомнения, поддержку большинства немецкого народа. Военные после внешнеполитических успехов Гитлера, особенно после аншлюса Австрии, не пошли бы на его свержение.

В июне того же года экс-канцлер вновь встретился с Черчиллем, чтобы обсудить с ним острый кризис, связанный с претензией Германии на Судетскую область. К этому времени уже был разработан план «Грюн», план вторжения и захвата Чехословакии, немецкое меньшинство в Чехословакии послужило для Гитлера только предлогом, чтобы захватить и уничтожить чехословацкое государство. На европейскую войну летом и осенью 1938 г. он не рассчитывал. Но Черчиллю Генрих говорил о «неиз-

бежном крахе этой страны» на случай, если Германия по решению Гитлера начнет военную операцию и не уступит на этот раз новой угрозе со стороны Англии и Франции⁶⁷. Здесь Брюнинг вновь повторяет о «новых угрозах» западных держав, чтобы одновременно оправдать немецкую сторону.

Соответствующим образом он расценивал растущую потерю власти германских военных по отношению к Гитлеру и недостаточную готовность к войне Франции и Англии. Его предположение, что «укус Чехословакии» будет спокойным,⁶⁸ вскоре полностью подтвердилось. Несколько дней спустя Брюнинг повторил консервативным политикам Черчиллю и Й. Болю предложение, что британское правительство должно пойти на уступки судетским немцам. Черчилль отклонил какие-либо уступки нацистскому диктатору. Несмотря на различие мнений в конце разговора экс-канцлер предложил Черчиллю встретиться с Гитлером, чтобы сказать ему со всей ясностью, что «любая дальнейшая авантюра означает войну с Англией и Францией». Нейрат, в то время президент «Тайного совета», который должен был «вырабатывать направление внешней политики», так рассчитывал Брюнинг, будет тогда озабочен тем, что угроза войны станет известна германскому генералитету, который вынудит Гитлера отказаться от авантюры⁶⁹. Действительно, во время чешского кризиса зародился первый заговор высшего генералитета против Гитлера, который не имел шансов на успех.

Брюнинг отклонял войну из-за Судетской области, однако считал мнимую цель Гитлера добиться дальнейшего ревизионистского успеха законной. Рекомендации Брюнинга У. Черчиллю как политику, находившемуся тогда в тени, преследовали двоякую цель. Во-первых, удовлетворить неизбежные германские претензии на востоке. Во-вторых, удержать Гитлера от того, чтобы провоцировать большой военный конфликт. Итак, чтобы воспрепятствовать европейской войне, нужны уступки Германии в кризисе летом 1938 г. со стороны западных держав, что в общем и делали правительства Англии и Франции, проводя политику умиротворения агрессора.

В первой половине сентября 1938 г. Брюнинг последний раз встретился с Черчиллем, это было незадолго до поездки 15 сентября премьер-министра Н. Чемберлена на встречу с Гитлером в

Берхтесгаден. Экс-канцлер сказал тогда Черчиллю, что уже поздно следовать совету, который он давал. Больше он не надеется, что Англия может успешно бороться; если ближайшие восемь месяцев не будут использованы для того, чтобы английская военная продукция работала на полную мощность, это приведет к катастрофическому положению. Черчилль был очень возбужден, а двумя днями позже он признал, что это сбылось. Во время встречи Черчилль сказал, что ему придется вступить в кабинет, если положение будет критическим. Это убедило Брюнинга, что Адмиралтейство во всяком случае готовится к войне. Они, как пишет Генрих, говорили о военных возможностях. Он сказал Черчиллю, что не знает их планов, но знает, что элита германских генералов, вышедшая из школы Грёнера, всесторонне взвесила, что её могли противопоставить французам, а экс-канцлер высоко ценил мнение Грёнера и Хаммерштейна. Когда Генрих уходил, Черчилль попросил у него номер телефона и два вечера подряд звонил ему между 9 и 10 часами. Этот телефонный разговор был очень серьезным, и Брюнинг почувствовал, что его мнение о первоначальных успехах германского вермахта произвело впечатление на Черчилля⁷⁰.

Общаясь с Черчиллем, Брюнинг в своих записях дал следующую характеристику британскому политику. Он признал у него качества полемиста, а также его готовность соглашаться с позицией собеседника. По мнению Генриха, Черчилль был вполне способен сдерживать свой темперамент, хотя считался наиболее противоречивым и воинственным политиком. У него физическая потребность к борьбе. Чтобы выявить силу его темперамента и духа, ему нужно сопротивление, как потоку воды, чтобы преодолеть препятствие. Его мнения и цели — насколько они вообще рациональны — не являются стабильными. Все диктуется инстинктом и страстью на уровне подсознания... Многослойность его характера склоняет многих людей, особенно иностранцев, к тому, что его самого и его влияние, которое он оказывает в крайних случаях, недооценивают. Он как рискованный игрок готов взять на себя ответственность и в экстремальных случаях проявить такой характер и произвести такое большое впечатление на сбитые с толку массы, которым не хватает сильного, полного фантазии руководства. Ни Нейрат, ни нацисты, ни вермахт и их

друзья, кажется, не понимают этого. Большим недостатком ведущих немецких дипломатов, офицеров и политиков является то, что они разрабатывают и выполняют планы, как будто на противоположной стороне имеют дело с людьми, которые так тверды и неподвижны как платонические идеи. И эта ошибка может закончиться трагедией⁷¹. Брюнинг уловил многие сильные черты характера Черчилля, которые наглядно проявились в годы Второй мировой войны.

Уплывая 17 сентября 1938 г. из Англии в США, Брюнинг записал в дневнике: «Если Гитлер будет иметь полный успех в «Судетском вопросе», я должен умереть в изгнании. Но это лучше, чем возвращаться в ослабленное и терзаемое внутренними противоречиями отечество»⁷². Исход «Судетского кризиса» в октябре 1938 г. он воспринял «естественно очень облегченно». Германия все же избежала войны. Правда, экс-канцлер критиковал «методы решения», потому что они наносят ущерб и без того низкому моральному уровню международных дел. Брюнинг указывал на то, что он своевременно советовал пойти на уступки, которые были отвергнуты «авторитетными политиками», имея в виду Черчилля. Генрих упрекал и обвинял во всем позицию британских политиков, которые своевременно не выступили с действительно конструктивными решениями, которые он предлагал⁷³. Национально-консервативный изгнанник, пишет Фолькман, приветствовал ревизионистский успех Гитлера, но отклонял тот образ действий, который неоднократно приводил Европу на грань войны⁷⁴.

Одновременно экс-канцлер атаковал британских руководящих политиков, которые будто бы заблаговременно могли лишить остроты эскалацию кризиса, провоцируемого Гитлером. Брюнинг, правда, признавал, что Гитлер постоянно обострял кризис летом 1938 г., несмотря на предлагаемые уступки. Он недооценивал волю Гитлера к войне, пренебрегал принципиальной бескомпромиссностью немецкой стороны, проводил линию раздела между «нацистами-экстремистами», т.е. «радикальным крылом нацистской партии, и «умеренными нацистами»⁷⁵. Генрих верно говорил о «чехословацком кризисе» и даже установил критический период, во время которого не исключал военный захват страны, с учетом климатических и географических условий: ко-

нец сентября – октябрь 1938 г., затем март-апрель 1939 г. Уничтожение остальной Чехословакии, как известно, последовало в марте 1939 г. Брюнинг непрерывно критиковал британских политиков, как тех, которые в отношении Германии вели себя сговорчиво, так и тех (как Черчилль), которые не проявили готовности сделать уступки нацистам. Так, он упрекал англичан, что они спровоцировали вступление немецких войск в Австрию и кризис вокруг Чехословакии.

Как известно, вечером 9 ноября 1938 г. отряды СС и СА совершили нападения на еврейские магазины, учреждения и синагоги, погромы продолжались всю ночь. Из-за огромных куч разбитого стекла эта ночь была названа «хрустальной ночью». Было разрушено и сожжено 267 священных для евреев мест, разгромлено 7500 еврейских магазинов и других заведений, был убит 91 человек. Брюнинг крайне отрицательно отнесся к погромам. 5 декабря 1938 г. он писал М. Андерсон, что из всех сообщений, которые он получает из Германии, выходит, что «преследование евреев повсюду вызывает негодование»⁷⁶. В конце того же месяца Генрих сетовал на «бедствие» и «жестокость» в отношении «бедных еврейских детей в Германии», которые теперь выезжают в Англию. Одновременно Брюнинг возложил на немецкий народ коллективную моральную и юридическую ответственность за преступление в отношении еврейской части населения 9 ноября. Он должен «глубоко стыдиться за свои ужасы»⁷⁷.

Очевидно, что проблемы войны и мира волновали Брюнинга. При этом он открыто высказывал свое мнение и предлагал свой верный или ошибочный рецепт разрешения спорных европейских вопросов. В этом отношении представляет интерес разговор экс-канцлера с английским министром горной промышленности Джеффри Ллойдом во время обеда у депутата от консервативной партии Г. Пальмера 3 марта 1939 г. в Лондоне. Разговор зашел о современной ситуации в Европе и опасности войны. Брюнинг всякий раз отстаивал точку зрения, что мирное, конструктивное решение проблем в Европе невозможно, пока не будут удовлетворены законные требования Германии. При этом он говорил об «урегулировании» так называемого вопроса о коридоре, и если эта проблема не будет решена в ближайшем будущем, то «гарантированному миру не быть». Чтобы избежать

войны, Франция и Англия должны изменить политику «кнута и пряника» в отношении Германии. Конкретно Генрих советовал, чтобы обе европейские западные державы продолжали программу вооружения и одновременно добивались урегулирования вопроса о коридоре, которое удовлетворило бы немецкую сторону. Любопытны следующие рассуждения экс-канцлера. Он считал надежды, что нацистский режим будет свергнут изнутри, маловероятными и указывал при этом на исключительные внешнеполитические успехи, достигнутые Гитлером в 1936 – 1939 гг. В этой ситуации «вермахт ничего не предпримет против Гитлера».

Правда, он осторожно намекнул, что только «опасность новой мировой войны, которая будет разрушительной для Германии, пожалуй, сможет натолкнуть на размышление верхушку вермахта». Шансы политического переворота другими оппозиционными группами экс-канцлер оценил как минимальные. Когда министр Ллойд в конце разговора сказал, что режим может быть свергнут в результате войны, Брюнинг грубо возразил, что именно он хочет помешать этому, поэтому и вернулся в Англию⁷⁸. После оккупации Чехословакии в марте 1939 г. Брюнинг заметил, что «мир лишил его последних иллюзий» и не исключал, что «Польша будет следующим объектом», а затем – Россия.

Накануне Второй мировой войны Брюнинг покинул Европу, так как признал положение безвыходным и отправился в США, где вскоре стал руководителем вновь созданной кафедры государственного управления в Гарвардском университете, возглавляя ее до 1952 г. После вступления США в войну в декабре 1941 г. ситуация изменилась, произошли перемены в частной жизни экс-канцлера. Поднялась волна антипатии к немцам. Он, как и все граждане враждебных государств, проживавшие в этой стране, рассматривался как «иностранный противник». Этот статус ограничивал некоторые права. В 1941/42 – 1945 гг. преобладало просоветское настроение в американском обществе, и это серьезно угнетало Брюнинга. Генрих оказался в изоляции в силу постоянной критики в газетах, журналах, на радио. Его обвиняли даже в том, что он якобы является «немецким агентом». Для дискредитации привлекались немецкие эмигранты, которые утверждали, что Брюнинг получает пенсию от Гитлера. С этих пор он жил скромно и уединенно, но, благодаря ходатайству Стимсона,

во время войны избежал ареста и сохранял должность профессора, что «многих разозлило». Когда началась война, Брюнинг заявил свой протест, а через несколько дней объяснил, что когда Гитлер пришел к власти, у него не было честолюбивого стремления к доминированию в Европе – этот комплекс развился у него благодаря добровольным уступкам западных демократий. Они своим поведением побудили Гитлера ввергнуть Европу в войну. Свои гневные обвинения Брюнинг направлял против Англии⁷⁹. В его глазах Великобритания в любом случае «виновата» за начавшуюся войну. Генрих критиковал британский курс умиротворения и требовал энергичной политики, которая, с одной стороны, продолжала бы угрожать гитлеровской Германии, а с другой – ни в коем случае не должна переступать порог к войне против «фатерланда». В этом просматривается непоследовательность и неестественность критики британских политиков. Известный немецкий историк Голо Манн на вопрос, был ли Брюнинг «с самого начала и всегда» противником политики умиротворения, ответил: «да и нет».

Решение начать войну исходило от нацистской Германии. В этом нет сомнений. Гитлер хотел войны. Он был человеком войны. Однако Брюнинг усиленно обвинял за границу, главным образом Англию. Генрих во многих своих речах более или менее осуждал политику союзников в отношении Германии накануне войны, так же как критиковал их политику в отношении Веймарской республики в 1919 – 1933 гг. Брюнинг не скрывал своих националистических взглядов в выступлениях перед американской аудиторией. 5 октября 1939 г. он говорил один час 45 минут перед 860 выпускниками Гарварда на тему «Последствия ложных возможностей». «Агент» немецкого консульства в Бостоне, присутствовавший на лекции, в своем отчете отмечал, что он был удивлен основному тону брюнинговских высказываний. О содержании его речи он писал: «С самого начала должен сказать, что доктор Брюнинг показал замечательную сдержанность в своих комментариях о современной Германии»⁸⁰. Позже экс-канцлер заверял, что поздней осенью 1939 г., зимой 1939/40 гг. якобы была упущена «единственная возможность» обуздать немецкого диктатора и таким образом раньше закончить европейскую войну⁸¹. Другими словами, западным союзникам в тот период пре-

доставлялся шанс освободить Германию от нацизма. Думается, что «странная война» на Западе и отсутствие конкретных планов и действий оппозиции свергнуть Гитлера не подтверждают точку зрения Брюнинга.

Поддерживая контакты с официальными американскими кругами, Генрих осенью 1939 г. вновь встретился и вел переговоры с Ф. Рузвельтом⁸². К его разочарованию, они проходили не в том направлении, в каком ему бы хотелось. Вскоре Брюнинг сделал выводы, что на президента оказывают давление деятели, отрицательно к нему настроенные. Поэтому в следующие годы позиция экс-канцлера в отношении официального Вашингтона была сдержанной, порой имели место недоверие и затаенная обида⁸³ и, наконец, враждебное отношение к правительству Рузвельта.

Во время войны Брюнинг боролся против утвердившегося тезиса об исключительной вине Германии за ее развязывание. Он поддерживал контакты с некоторыми группами эмигрантов в США: с братом убитого Г. Штрассера Отто Штрассером, социал-демократом А. Гржезинским, вел интенсивную и дружественную переписку с социал-демократами Ф. Штампфером и В. Зольманом. Огромные усилия Брюнинг приложил для спасения политиков СДПГ Р. Гильфердинга и Р. Брайтшайда из вишистской Франции. Эти усилия закончились неудачей. Оба были арестованы французскими властями для выдачи нацистам после поражения Франции летом 1940 г. и её раздела на оккупированные зоны. Однако борьба за их спасение оказалась напрасной. Гильфердинг погиб в парижской тюрьме, а Брайтшайд умер в концлагере Бухенвальд.

После вступления США в войну в декабре 1941 г. Брюнинг желал как можно быстрее включения их в европейские дела, чтобы остановить советские экспансионистские устремления. Он понимал, что поражение нацистского режима закончится оккупацией Германии странами-победительницами. Однако и мысли не допускал о её разделе на два или больше сепаратных государства, поскольку такой шаг не поможет ситуации в Европе. Генрих приводил в пример период после Первой мировой войны, доказывая, что невозможно достигнуть успеха в разделе страны с помощью насилия. С экономической точки зрения Германию нельзя разделить без вреда самой Европе, её раздел еще больше ударит по ок-

ружающим странам, чем в 1919 г. Он будет сопровождаться новыми тарифными барьерами, результатом чего станет крах сбалансированной экономики аграрного Востока и индустриального Запада. Если Германия будет насильно разделена, то снова начнется борьба за объединение, а это в свою очередь приведет к интервенции и вызовет всеобщую нестабильность⁸⁴.

Во время войны мысли экс-канцлера были сконцентрированы на стратегических вопросах, чтобы получать реальную картину положения в Европе и на фронтах войны. Важнейшим соседником в администрации Ф. Рузвельта оставался военный министр Стимсон, которого он консультировал и через которого пытался оказать влияние на послевоенные планы в отношении Германии. В заключительной фазе войны Брюнинг исполнял для Вашингтона скромную роль неофициального советника по европейским и германским делам. В годы войны Брюнинг занялся публицистической работой. В журнале «Иностранное дело» публиковал статьи, в которых давал анализ хода войны, в особенности положения дел на Восточном фронте.

Он скептически оценивал ситуацию германских войск на Восточном фронте, отмечая, что они не смогут удержаться в России, так как, с одной стороны, Англия угрожает открыть второй фронт, а с другой – территория России огромна, и здесь в свое время была уничтожена армия Наполеона. Аналитические статьи Брюнинга в 1941 – 1942 гг. находили большой отклик среди читателей и не случайно главный редактор журнала старался заполучить его материалы. Большой успех имела статья «Россия и Германия» в начале 1942 г., материал которой был близок позиции Госдепартамента. В ней Брюнинг дал детальный анализ развития событий на Восточном фронте, предсказывал весной 1942 г. тотальное наступление в направлении к источникам нефти в Баку, а далее в Турцию и Сирию и в мае 1942 г. – возобновление германского наступления в России. Почти верно определил протяженность фронта зимой 1941 – 1942 гг. по линии Ленинград, Смоленск, Брянск, Харьков, Донецк, Ростов. В этой ситуации Брюнинг не исключал, что Сталин сделает Гитлеру предложение о мире и германский диктатор может принять это предложение, получив при этом Украину. В статье отмечалось также идеологическое и политическое противостояние между

США и СССР и возможное положение дел после свержения Гитлера⁸⁵. Вскоре статья оказалась на письменном столе президента Рузвельта.

Агония Третьего рейха продолжалась. В течение 1944 г. Красная Армия, проведя уникальные наступательные операции, отвоевала большую часть территории Советского Союза и осенью вступила во владения рейха. 6 июня 1944 г. англо-американские войска высадилась в Нормандии, открыв долгожданный второй фронт. Понимание неизбежности национальной катастрофы активизировало действие сил сопротивления гитлеровскому движению. Это привело к покушению на Гитлера 20 июля 1944 г. Однако заговор провалился. Когда Брюнинг узнал о событиях 20 июля, он оказался в состоянии шока. Генрих был потрясен массовыми репрессиями и жестокостью по отношению к истинным и мнимым участникам заговора, среди которых были его друзья, в частности А. Тротт цу Зольц, с которым поддерживал связь через посредника в Стокгольме до 1943 г.

Чем скорее приближался конец войны, тем больше росло опасение у Брюнинга, что крах Третьего рейха приведет к сильным разрушениям, страданиям людей, расколу Германии и потере ею большей части территории. В США в то время шли споры по решению германского вопроса, суть которых заключалась в том, чтобы в будущем предотвратить вероятную опасность третьей мировой войны. Брюнинг не был в стороне от этих споров, он тоже размышлял о проблемах послевоенной Германии, о будущем германского национального государства.

В октябре 1944 г. Брюнинг по просьбе своего «старого друга» Стимсона составил докладную записку о послевоенном существовании Германии, воссоздании управления и связанного с этим оживления представительной демократии⁸⁶. То и другое должно быть связано с прусско-германскими традициями, в них не должно быть влияния эмигрантов, политическая жизнь должна развиваться заново с «нижних ступеней» местного и регионального уровня, многие (но не все) отрасли министерской администрации в Берлине снова оживут под контролем межсоюзнической комиссии⁸⁷. После «крушения нацизма» экс-канцлер считал скорейшие выборы целесообразными, через «совещательные местные и окружные советы» к временному Национальному собра-

нию в Берлине. Для переходного периода необходимо сохранить, несмотря на все ее «слабости», Веймарскую конституцию в той форме, в которой она была до начала 1933 г.

Брюнинг предостерегал от того, чтобы предоставить эмигрантам влияние на немецкую политику и слишком быстро начать формирование новых партийно-политических группировок. Он советовал американскому правительству для успеха восстановления привлечь в будущие оккупационные органы в Германии известных политиков времен Веймарской республики, бывших профсоюзных деятелей и чиновников, представителей «старых партий», используя их опыт управления. При этом Генрих имел в виду опытных деятелей, которые на родине вынесли нужду в «прошедшие двенадцать лет революции, угнетения и притеснения» и не занимались политикой. Далее он предлагал образовать комитет примерно из шести видных немецких эмигрантов, бывших членов демократических партий, которые больше не имеют немецкого гражданства. Члены этого комитета должны неофициально консультировать оккупационные органы власти и осуществлять связь между ними и немецким народом, но сами не должны вновь занимать политически важные посты у себя на родине. Для этого комитета Брюнинг предлагал социал-демократов: М. Брауэра, Г. Зегера, В. Зольмана и Ф. Штампфера⁸⁸.

Другие предложения его докладной записки предусматривали строгое взимание налогов, децентрализацию имперского управления железной дорогой, временное сохранение «нацистской организации» сельскохозяйственного и лесного производств, замораживание цен и контроль за ценами, воссоздание «надежной полиции» и «организованная демобилизация» армии. Как видно, это был важный документ, подробная программа для будущей американской администрации в Германии.

В письмах послевоенного времени экс-канцлер конкретизировал отдельные пункты этой докладной записки. Это коснулось и ступенчатого способа допуска к выборам на различных уровнях вплоть до выборов в «бундесрат» всей Германии. Это относилось также к предложению образовать «для начала правительство» — «правлящий или работоспособный кабинет, хотя бы из бывших статс-секретарей»⁸⁹, а также имеющее силу «центральное правление для неразделенной Германии». Таким образом, должен быть

создан «медленный переход к единому кабинету для всей Германии»⁹⁰.

В докладной записке Стимсону Брюнинг рекомендовал в центральные органы управления Германии пять известных политиков периода Веймарской республики: Г. Дитриха, Г. Шланге-Шёнингена, А. Штегервальда, Г. Пюндера и в конце К. Аденауэра, который «никогда не должен занимать первое место» в управлении. Всех «способнее» он считал Дитриха. Своим предложением создать центральное правление как «правительство экспертов» Генрих хотел воспрепятствовать двум вещам: заключению невыгодного для Германии мирного договора и образованию правительства из немецких эмигрантов⁹¹. Он опасался, что в таком правительстве могут оказаться бывшие влиятельные и авторитетные члены партии Центра, например Й.Вирт. В отличие от Штегервальда (умер в декабре 1945 г.) и Шланге-Шёнингена, экс-канцлер возлагал большие надежды на Дитриха.

В упоминавшейся докладной записке Брюнинг писал о медленном создании партий в сотрудничестве с оккупационными властями. Он исходил из того, что «старые партии» забыты молодым поколением, которому уже не нравилась «надуманная партийная система» Веймарской республики и считал необходимым воссоздание двух-трех больших партий. Генрих полагал, что «устаревшая» партийная система бывшей республики, включая положение социал-демократии, не будет реставрирована⁹², так же как политический католицизм не сможет вновь вернуться в свою конфессиональную «башню»⁹³. После войны он не захотел высказываться в пользу «обновления» прежних партий.

В том же 1944 г. к нему обратились представители Госдепартамента с целью склонить его к сотрудничеству в «административном совещательном совете», позднее это должно было привести к его участию в американской военной оккупационной администрации в послевоенной Германии⁹⁴. Брюнинг это предложение отклонил. Отказ он аргументировал тем, что не является американским гражданином и его участие может причинить правительству США серьезные трудности. В действительности же главная причина заключалась в резком протесте против американского «плана Morgenthau» (1944 г.), девизом которого было «Сильная Европа – слабая Германия». Союзники по антигитле-

ровской коалиции разрабатывали тогда планы оккупации и «наказания» рейха, а также послевоенного устройства Германии. Среди них особую известность получил «план Morgenthau», названный по имени разработавшего его министра финансов США Г. Моргентау, который считался сторонником «жесткого мира» с Германией. План состоял из 14 пунктов и заключался в расчленении страны «на две части» (южную и северную) и в «пасторализации» Германии, т.е. в превращении ее в «страну полей и пастбищ»⁹⁵.

По сути Германия должна была в итоге перестать быть индустриальной страной, конкурентом западных стран, превратиться в сырьевой придаток США и Англии, в поставщика дешевой рабочей силы и должна быть расчленена. 15 сентября план был одобрен президентом Рузвельтом. Брюнинг осудил такой план. Кроме того, этот план встретил сильное противодействие части американской политической элиты, среди которых были госсекретарь К. Хэлл, министр обороны Г. Стимсон, а также премьер-министр Великобритании У. Черчилль. Поэтому Рузвельт через несколько дней был вынужден аннулировать свою подпись под документом ввиду резкой критики данного проекта. Таким образом, план не стал официальным документом американской политики по отношению к Германии.

К концу войны Генрих пытался в США противодействовать постоянно усиливавшимся антигерманским настроениям. Он не раз выступал против требования безусловной капитуляции Третьего рейха. Он осудил массированную бомбардировку Германии, особенно Дрездена, англо-американской авиацией в феврале 1945 г. Брюнинг был против высказываний о коллективной вине немецкого народа за преступления нацизма. Правда, вскоре, потрясенный увиденным, признал наличие концлагерей и массового преследования евреев. И все же преступления Третьего рейха, расово-идеологическую войну против СССР он признавал нерешительно и сконфуженно. Это побудило его впоследствии не высказываться по этой теме ни публично, ни приватно. В то же время экс-канцлер пытался указать правительству США на «большевистскую опасность» в Центральной Европе.

Глава VII.

Думы о родине

В начале мая 1945 г. нацистский режим перестал существовать. Война закончилась полным крахом Третьего рейха и его безоговорочной капитуляцией. Верховную власть в Германии приняли на себя главнокомандующие войсками держав-победительниц. Германия была оккупирована и разделена на оккупационные зоны. С 1945 по 1949 гг. она была лишена национального суверенитета. Вторая мировая война, по мнению Брюнинга, закончилась в августе 1945 г., когда капитулировала Япония, а не в апреле 1945 г. после капитуляции германского вермахта. Экс-канцлер считался с территориальными потерями Германии, ее расколом и массовым изгнанием немцев с Востока. С другой стороны, он понимал, что фактор Германии не может быть вычеркнут из политической географии Европы и что страны-победительницы, хотя бы они того или нет, обязаны считаться с ним. Брюнинг ожидал, что рано или поздно США и СССР придут к соперничеству за преобладание в Европе и Германии.

Наследство Третьего рейха измерялось страшными разрушениями, голодом, потоком беженцев и вынужденных переселенцев. Поэтому после окончания войны Брюнинг свою главную задачу видел в том, чтобы материально помочь бедствующему населению Германии, для чего отдавал часть своих личных средств и помогал немцам через американские организации помощи «GARIOA», «CARE». В то же время он собирал информацию, чтобы сообщать ответственным и влиятельным американским политикам о положении дел в его стране. Экс-канцлер после международных конференций руководителей антигитлеровской коалиции в Ялте и Потсдаме старался объяснить в США степень опасности, исходящей якобы от СССР. Советский Союз, по его представлению, после войны находится в превосходных переговорных позициях по сравнению с западными державами и отнюдь не заинтересован в совместной германской политике со своими прежними союзниками, но преследует обширную экспан-

сионистскую стратегию в Европе. СССР был для экс-канцлера настоящим победителем во Второй мировой войне, в то время как англосаксонские державы меньше извлекли выгоды из своей экспедиционной и интервенционистской стратегии. Он рассчитывал на быстрое установление взаимопонимания между Германией и англосаксонскими странами с тем, чтобы снова увидеть свободную Европу перед растущей угрозой со стороны Советского Союза.

Как уже отмечалось, осенью 1944 г. Брюнинг сообщал в Вашингтон о планах политического и административного восстановления Германии. Он выступал за то, чтобы восстановление послевоенной Германии опиралось исключительно на собственный опыт и традиции. На руководящие посты, считал он, должны быть призваны те деятели, которые оправдывали надежды, будучи на руководящих должностях до 1932 г. и не занимались на родине политикой во время господства Гитлера. В связи с соответствующими целевыми установками 20-х годов Брюнинг высказывался за структурные изменения прежней партийной системы¹. Исходя из опыта своей эмиграции, Брюнинг исключал не только свой собственный возврат к активной политике, но и считал необходимым, что эмигранты должны совсем отказаться от возврата к политической деятельности в Германии. Еще в феврале 1944 г. экс-канцлер вспоминал о том, что с 1934 г. постоянно говорит, что он не займет вновь «соответствующий пост» и не будет на этом настаивать. Во время войны и после 1945 г. Генрих не раз заявлял, что разрыв с родиной стал слишком велик, все эмигранты там «в большей или меньшей степени» забыты, новому поколению «внушается» ненависть к ним, немецкий народ и в особенности «молодые члены всех партий» не захотят признать правительство из эмигрантов². Брюнинг предостерегал от иллюзии «снова привести к власти» эмигрантов с помощью штыков держав-победительниц. Таким образом, для себя он принял твердое решение: «никакого возврата к активной политике». При этом Генрих особенно хотел воспрепятствовать влиянию эмигрантов-антифашистов из левых партий и направлений на политическое, административное, духовное и моральное восстановление Германии. Он опасался того, что они явятся исполнителями со-

юзнической «безумной политики» и будут готовы выполнить «планы разрушения» союзников.

В сентябре 1945 г. Брюнинг дал интервью двум офицерам США. Оно касалось предстоящего Нюрнбергского процесса. В нем Генрих изложил своё видение прошлого и настоящего. Прежде всего ему не нравилась идея создания Международного трибунала над главными военными нацистскими преступниками в Нюрнберге. Вообще, он резко критиковал Нюрнбергский процесс, который рассматривал как «трибунал против Германии». Когда его спросили, как Гитлер смог прийти к власти, последовал ответ: во всем виноваты нацисты, коммунисты и Версальский договор. По мнению Брюнинга, Версальский договор сделал с немцами невозможное, а ситуацию усугубила угроза со стороны нацистов и коммунистов. Численный состав армии и полиции был ограничен, не хватало боеприпасов. Военный бюджет сокращался. В то же время Германия платила репарации. Нацисты и коммунисты сотрудничали во время забастовки берлинских транспортников в ноябре 1932 г., они парализовали работу рейхстага. Коммунистические инструкции, получаемые из Москвы, постоянно держали Германию в состоянии политического брожения³. Как видно, Брюнинг всю ответственность за приход Гитлера к власти свалил на его партию и коммунистов. При этом ни слова не сказал о своей исторической вине, об ответственности тех, кто действительно виновен в падении демократической республики.

Следующий вопрос касался Я. Шахта, бывшего президента Рейхсбанка и рейхсминистра экономики: как он повлиял на приход Гитлера к власти? Брюнинг ответил, что Шахт – прирожденный интриган. Для него Гитлер был только средством достижения его собственной цели – вернуться в Имперский банк. Шахт верил, что, когда Гитлер придет к власти, он сумеет его «обуздать». Позднее за границей Шахт интриговал против Гитлера, и Брюнинг постоянно спрашивал себя, как много об этом знал Гиммлер? Никто: ни Шахт, ни Папен, ни Шлейхер – не хотели, чтобы Гитлер надолго оставался у власти. Эти слова Брюнинга подтверждают одно, как названные политики, да и он сам, недооценивали лидера нацистской партии. К тому же все трое перечисленных сыграли огромную роль в возвышении и завоевании Гитлером власти. Когда Брюнинга спросили, был ли Папен его

другом, последовал ответ: «О нет. Папен был, так сказать, лишь декорацией»⁴. Относительно оппозиции к нацистскому режиму, Генрих наивно полагал, что Геринг до 1938 г. мог свергнуть правительство Гитлера⁵. На вопрос, знает ли он промышленников, которые, быть может, морально поддерживали нацистов, Брюнинг ответил, что крупные промышленники были крайне скептически настроены к ним. В этом ответе кроется поразительная неискренность экс-канцлера. Он-то знал, кто финансировал и материально помогал Гитлеру. Генрих возмущался, не понимая, почему арестован Г. Крупп, немецкий промышленник и финансовый магнат, оказавший значительную материальную поддержку нацистскому движению. Он, конечно, не гений, но очень порядочный человек. Брюнингу был задан традиционный вопрос: будет ли он теперь настаивать на восстановлении монархии? Ответ был неожиданным, но свидетельствовал о том, что в мировоззрении экс-канцлера произошли кое-какие изменения. Генрих впервые признался, что теперь никто не сможет восстановить монархию. Времена не те. Раньше это можно было сделать через плебисцит⁶. На предложение интервьюеров, что русским лучше всего находиться в их собственной стране, чем на оккупированной территории, Брюнинг заявил: в тоталитарном государстве безразлично, где и когда люди умирают. Немцы не могли представить, каким будет тоталитарный режим. Этого не может знать тот, кто не жил при нем⁷.

В послевоенные годы Брюнинг внимательно следил за политическими событиями в Германии. Находясь в США, он приветствовал создание Христанско-демократического союза (ХДС) в западных зонах оккупации и своим авторитетом поддержал молодую партию, руководство которой оказалось в руках Конрада Аденауэра. Из писем друзей в Германии Брюнинг знал о политической карьере К. Аденауэра и создании ХДС. Экс-канцлер высказывался против возрождения партии Центра как небезопасного конкурента ХДС и ее наличие считал возвратом к тем же самым «безрассудным идеям и мнениям развития», как и после 1918 г.⁸ Его партийно-политическим идеалом и после войны оставалось образование межконфессиональной и антисоциалистической христианско-демократической партии, о которой он говорил еще в 1920 г. Брюнинг придерживался мнения, что духовные

лица вероисповеданий должны быть по возможности отстранены от «любой формы народного представительства»⁹, и надеялся, что процесс сближения вероисповеданий как историческое событие не будет вновь нарушаться вследствие общих притеснений и опыта церковной борьбы. Генрих пытался установить контакты с бывшими политическими деятелями в Германии. Он ожидал приглашения со стороны Аденауэра, однако не получил его. В 1945 г. Брюнинг признал, что «с каждым годом ширится пропасть между теми, кто оставался на родине, и теми, кто был в эмиграции»¹⁰. Существует мнение, будто Брюнинг после 1945 г. надеялся играть в немецкой политике большую роль¹¹.

В 1946 г. Брюнингу была оказана честь прочитать публичную лекцию в Чикаго на тему «Государственный деятель». В своём докладе он отметил восемь качеств государственного деятеля, три из них, по его мнению, являются основополагающими: он должен хорошо знать тенденции развития международной политики и их взаимосвязь с экономическими, финансовыми и социальными условиями; он должен иметь свободные от предрассудков представления о характере и темпераменте других ведущих политиков в своей собственной стране и за рубежом; он должен учитывать реакцию общественности внутри страны и за границей на свои предложения. Сверх того крупный государственный деятель отличается «фантазией, предвидением, терпением, тонкой интуицией». И далее отмечалось, что «кто избегает существующих проблем и закрывает глаза на реальные напряженности, тот не сможет достигнуть стабильности и мира»¹².

В первые послевоенные годы жизнь Брюнинга была наполнена многочисленными встречами, беседами и перепиской с политиками и дипломатами США. Так, он хотел оказать решающее влияние на американскую послевоенную политику в отношении Германии. В «день капитуляции» 1945 г. состоялась его первая встреча с экс-президентом США Г. Гувером. Генрих предложил ему взять на себя председательство комиссии по сбору детского питания для немецких детей. Гувер ответил согласием. Более основательный разговор между ними состоялся в дни после Потсдамских решений в августе 1945 г. По предложению Брюнинга в комиссию Гувера был включен немецкий журналист Г. Штольпер в качестве советника по экономическим вопросам, эмигрировав-

ший в свое время из нацистской Германии. Между ними завязалась переписка и в первом письме перед поездкой Штольпера в Германию, экс-канцлер назвал имена людей, с которыми тот должен обязательно встретиться: это были К. Зеверинг, К. Аденауэр, Р. Пфердменгес, Г. Пюндер, Г. Шланге-Шёнинген, в Берлине нужно было посетить Ф. Эрнста, К. Ламмерса, Я. Кайзера, банкира К. Гётца и других. Список достаточно внушительный. Весной 1946 г. Брюнинг выступил с инициативой создания милосердной организации CARE в США. В феврале 1947 г. произошла встреча экс-канцлера с министром торговли США А. Гарриманом и влиятельным республиканским сенатором Р. Тафтом. Брюнинг убедился после встречи, что Тафт, критиковавший внешнюю политику своего правительства, может повлиять на политику в интересах Германии. Тафт в августе и сентябре 1947 г. заявлял: «... наша политика в отношении Германии погубит экономику Европы... Наша политика в общем и целом должна быть прагматичной и направлена на подъем жизненного уровня всех наций, включая Германию и Японию»¹³.

После войны в воздухе витала идея национализации если не всей экономики, то, по крайней мере, тяжелой промышленности и банков. В Великобритании у руля управления государством летом 1945 г. встали лейбористы, проводившие широкомасштабное огосударствление промышленности, во Франции были также сильны левые силы, которые осуществляли национализацию ряда отраслей экономики. В западных оккупационных зонах Германии идея национализации («социализации») тоже была очень популярной. Хотя все-таки для политической и экономической элиты во главе с К. Аденауэром, руководителем объединения христианских демократов в британской зоне, наиболее привлекательной оказалась модель «социального рыночного хозяйства». К тому же Аденауэр был известен своей резкой критикой в адрес «антилиберальной» экономической политики британской оккупационной администрации и антисоциалистической позицией. Брюнинг также высказал свои опасения данными тенденциями. В памятной записке 1947 г. «Проблема социализации тяжелой промышленности в Рурской области» и в своих письмах он решительно отклонил как «социализацию», так и «национализацию», полагая, что «национализация» нанесет большой ущерб конкуренции герман-

ской промышленности, а «социализацию» лейбористского правительства в Англии называл «гибельной».

В феврале 1947 г. экс-канцлер направил республиканцу – сенатору Р. Тафту меморандум «Факторы урегулирования в Европе», в котором говорилось об экономической реконструкции западного мира на базе «всеобщей, интегрированной экономической системы, основанной на свободной конкуренции»¹⁴. В меморандуме Брюнинг пытался обосновать необходимость союза Западной и Центральной Европы на такой основе. Этот союз в западных странах будет открыто рассматриваться как доказательство политического и стратегического блока против России. Он также будет направлен против устремлений к плановой экономике чисто национальной ориентации и против автаркической единой экономики. В меморандуме Брюнинг весьма критически отозвался о проводимой Англией и Францией политике национализации, предсказывая негативные последствия для западного мира, включая Западную Германию. Он выступил как сторонник традиционных принципов свободной конкуренции, заявляя, что «только тоталитарное государство может полностью использовать плановую экономику с целью экономической и политической экспансии. Оно может обречь на крайний голод собственный народ». Если Англия и Франция планируют направить свою экономику по этому пути, то пользу извлечет Россия из-за своей монополии на внешнюю торговлю. Англия и Франция стремятся развивать автаркическую единую экономику, экспортная торговля между Западной Германией и этими странами вряд ли возможна. В перспективе Германия не будет иметь значительного экспортного рынка вне восточных областей и остальной Восточной Европы. Западные державы, считал экс-канцлер, стоят в таком случае перед альтернативой: либо германское население обречено на постоянный голод, либо идти на ежегодные огромные напрасные расходы, чтобы сохранить жизнь этому населению¹⁵.

В меморандуме много говорилось о России в негативном плане. Брюнинг, видимо, намеренно избегал названия Советский Союз. Россия, как он утверждал, вынуждена будет сопротивляться союзу Западной и Центральной Европы, попытается сохранить свои западные позиции. Она формально поддержит создание центрального германского правительства только в том случае, если

сможет извлечь пользу для себя из трёх других оккупационных зон. Открытая попытка западных политиков исключить Чехословакию и Польшу из русской сферы влияния приведет к ускоренному истреблению интеллигенции и средних слоев в этих двух странах, а также в советской оккупационной зоне Германии. Россия постарается избежать войны по меньшей мере в ближайшие десять лет. Экс-канцлер выражал опасение, что 14 млн. немцев, которые изгнаны из восточных областей, могут создать плодотворную почву для коммунистической агитации при обещании им лучших условий жизни, если Германия окажется в русской сфере влияния. И даже если Россия останется в Восточной Германии и подаст надежду на национальное объединение Германии под её руководством, то она усилит свои позиции. Все европейские области, производящие сельскохозяйственные излишки, окажутся под русским господством. Дополнительно промышленность Восточной Германии будет русской. Соответственно будут возложены русские репарации на Западную Германию¹⁶. В этом Брюнинг видел опасность долгосрочного господства над Германией. В то же время он не верил в возможность, что вся Европа объединится для общего похода, чтобы свергнуть большевистское государство в России. Такое общее военное наступление против большевистской России будет возможно, только если русская экспансия будет угрожать положению Англии на среднем Востоке и французским связям на Балканах, а также их отношениям с Чехословакией и Польшей.

Похоже, Брюнинга волновали не только проблемы «социализации» и «национализации». Он был озабочен тем, что Германия в промышленной сфере все больше отводит место импорту сырья. После потери больших аграрно-экспортирующих областей на востоке Германия дополнительно усиливает в сельскохозяйственной сфере импорт, вследствие чего торговый баланс будет и дальше ухудшаться. Экономические и социальные проблемы Германии будут и без того обострены притоком 14 млн. изгнанных с востока, которые приведут к отягчающему росту безработицы. Экс-канцлер уже с октября 1945 г. указывал на катастрофические последствия осуществления Потсдамских решений, которые, по его мнению, приведут «к сокращению населения в течение следующих пяти лет на 15 млн. человек»¹⁷.

В памятной записке А. Гарриману от 12 августа 1947 г., который совершил поездку в Германию в июле того же года, Брюнинг выступил против продолжения «денацификации» и попытался доказать, что весь проект союзников по денацификации является нелепым. В этой записке экс-канцлер затронул и другую тему. Он критиковал «декартелизацию», которая приводит к демонтажу немецких промышленных предприятий ради конкурентной выгоды крупных международных картелей. Брюнинг заклеил политику демонтажа, проводимую союзниками, в особенности в области черной металлургии и сталелитейной промышленности. Политику демонтажа он, как и другие, называл «бессмысленной»¹⁸. Дело в том, что Гарриман сам высказывался за быстрое окончание «денацификации»¹⁹. Судя по содержанию записки, Брюнинг отклонял как «социализацию», так и «национализацию», т.е. попытки обобществления тяжелой промышленности, прежде всего в Руре. Из всей переписки с Тафтом, Гарриманом и другими вытекает, что экс-канцлер советовал ведущим политикам и экономистам США обширную реконструкцию Германии в товарно-денежном смысле и скорейшее включение ее в свободную мировую торговлю. Однако высказывается мнение, что записки Брюнинга не оказали непосредственного влияния на установки американской политики в отношении Германии²⁰.

После войны американское правительство с озабоченностью взирало на экономическую разруху, царившую по всей Европе. Поэтому госсекретарь США Дж. Маршалл 5 июня 1947 г. предложил всем европейским народам программу помощи, включавшую кредиты, поставки продовольствия и сырья. Брюнинг горячо приветствовал включение Германии в план Маршалла как результат его «долгой, спокойной и хлопотливой работы»²¹. Он считал этот план вполне оправданным, сознавая, что европейская политика США под знаком плана Маршалла нацелена при всех колебаниях на политическое и экономическое единство старого континента. Как полагал экс-канцлер, план Маршалла имеет огромное значение в плане защиты Западной Европы от распространения коммунизма. В рамках его возможностей он поддерживал помощь по плану Маршалла ФРГ и после ее образования.

Судьбу Германии определяли США и СССР, отношения между которыми вскоре приняли характер «холодной войны». Брюнингу стало ясно, что на территории Германии возникнут две противоположные политические системы. К тому же в ноябре 1947 г. провалилась Лондонская конференция министров иностранных дел четырех держав по германскому вопросу. В конце того же года экс-канцлер заявил, что СССР устанавливает коммунистический режим в своей оккупационной зоне²². Понимая, что судьба Германии зависит от Вашингтона и Москвы, Генрих считал, что интересы Германии скорее всего нужно согласовать с интересами США. Он исходил из того, что Советский Союз при Сталине и его преемниках был и остается тоталитарным государством²³, поэтому советско-американские противоречия являются непреодолимыми. Экс-канцлер боролся за планы, чтобы добиться европейского объединения в экономической и политической области, преодолеть прежние национальные суверенитеты. Он советовал немецким политикам не втягиваться в конфликт стран-победительниц и преследовать политику выжидания. Противоречия между ними нужно использовать в германских интересах. Брюнинг приветствовал заявление К. Аденауэра, что ХДС не подпишет мир, поскольку восточные области передаются Польше и России²⁴.

Глава VIII.

Брюнинг и Аденауэр

В 1948 г. Брюнинг впервые посетил Западную Германию. Год этот был «особый», переломный, раскол Германии стал неоспоримым фактом. 20-21 июня в западных зонах была проведена сепаратная денежная реформа, а 24 июня началась блокада Западного Берлина. Правда, пробыл он там недолго, несколько месяцев, в начале сентября снова вернулся в США. Находился Генрих преимущественно в английской оккупационной зоне, в родном городе Мюнстере. Экс-канцлер, как известно, являлся почетным гражданином этого города и вновь был приглашен посетить Мюнстер в 1950 г. на закладку ратуши, в которой его портрет будет висеть на почетном месте. Улица, на которой стоит родной дом Брюнинга, названа его именем. Встречался он и с друзьями в американской и французской зонах оккупации.

В конце мая – начале июня того же года газета «Нойес Дойчланд»¹, центральный орган Социалистической единой партии Германии (советская оккупационная зона), и радио Москвы развязали кампанию по дискредитации Брюнинга, он стал мишенью мощной коммунистической пропаганды. Хлесткие фразы, грубый и оскорбляющий тон не могли не привлечь внимание читателей и слушателей. Уже заголовки этой газеты говорили сами за себя: «Неприятное разоблачение для Трумэна – Брюнинг выдает военные секреты США», «Заговорщик Брюнинг и как он хочет одурачить американцев», «Черная программа Брюнинга», «Анти-социалист и антисемит Брюнинг». Экс-канцлер изображался как глава правительства чрезвычайных декретов, проложивший путь Гитлеру к власти, как «политический авантюрист», который уже сегодня принял наследство Гитлера» и покинул свое «долларовое убежище», чтобы в настоящий момент устроиться в Ганновере. Брюнинг был представлен как уполномоченный крупного капитала США и Гитлера, он якобы намеревается «привести к власти нового Гитлера» в Западной Германии. Как показывает «черная программа», это он разработал ее «своим заговорщикам Г. Пюн-

деру, Я. Кайзеру, К. Аденауэру». При этом Брюнинг опирается в Америке на те силы, которые накануне 1933 г. покровительствовали и финансировали гитлеровское движение и которые со смертью Рузвельта имеют тупое честолюбие, чтобы с новым изданием «гитлеровского эксперимента» в Германии подготовить свою собственную нацию к катастрофе. Об эмигрантском времени Генриха писалось как о «псевдо-эмиграции», Брюнинг мол при первом же взлете Гитлера уехал в Америку, чтобы теперь по поручению германского империализма обхаживать американцев с антикоммунистической геббельсовской прытью. Целью «гитлеровского агента Брюнига», «представителя монополистического капитала» является теперь «германский реванш». В ряде статей отмечалось, что у немецкого народа еще тысяча кровоточащих ран как следствие злодеяний Брюнинга – Гитлера в 1932/33 гг. и он кричит «временно вернувшемуся гостю»: «ты прочь от нас, сатана».

8 июня 1948 г. газета «Теглихен Рундшау» опубликовала карикатуру на Брюнинга, где он был изображен в одежде священника, которая украшена долларовыми знаками, а в руках держит крест, на котором тоже красуются долларовые знаки. Перед ним на коленях стоят Пюндер, Кайзер, Аденауэр и Э. Олленхауэр (СДПГ), который держит книгу под названием «Наименьшее зло», намек на политику терпения СДПГ в отношении канцлера Брюнига в 1930 – 1932 гг. Зато политики ХДС/ХСС свои руки сложили умоляюще.

15 августа Брюнинг встретился с К. Аденауэром в доме Шмитта, председателя Католического союза горнорабочих Западной Германии. Оба политика говорили о возможности участия изгнанных в политике. Экс-канцлер сказал Аденауэру, что имеются важные причины против его участия в активной форме в политической жизни. После встречи Брюнинг дал позитивную оценку Аденауэру. Своим друзьям и знакомым он сообщал, что находится под впечатлением от личности Аденауэра, который «очень вырос». Он хвалил его как «единственного способного партийного лидера». Лишь представления Аденауэра по вопросам внешней политики показались ему «немного наивными»². Существует якобы анекдот Брюнинга, что первый вопрос, который задал ему Аденауэр во время встречи, звучал так: «Когда Вы

снова приедете?», тем самым Аденауэр намекнул на нежелательность возвращения Брюнинга в германскую политику. В ноябре 1948 г. экс-канцлер писал Петерсу: «... Вы хорошо знаете, что мой визит в Германию многими политиками не приветствовался, и не только деятелями СДПГ»³. Конечно, были и те, кто явно хотел возвращения Брюнинга в западногерманскую политику. Хотя сам он отказывался от участия в политической деятельности. После окончания первого визита в Германию Брюнинг почувствовал недоверие и отчужденность к нему со стороны Аденауэра. Находясь в Германии – часто в сопровождении Тревирануса – экс-канцлер встречался, беседовал не только со своими старыми друзьями, но одновременно вел обстоятельный разговор с епископами Аахена, Мюнстера, а также с Нель-Бройнингом. У Аденауэра вызвал тревогу такой образ действий и сам факт обмена политическими взглядами Брюнинга с большей частью бывших деятелей партии Центра и видными политиками ХДС/ ХСС.

Следует напомнить, что отношения между обоими политиками испортились еще в конце 20-х – начале 30-х годов, особенно после того, как Брюнинг стал канцлером. Оба питали глубокое недоверие друг к другу, а иногда между рейхсканцлером и тогдашним кёльнским бургомистром происходил острый конфликт. Кстати, Аденауэр в свое время не одобрял брюнинговский курс строжайшей экономии и сокращения социальных расходов. Он, например, поддержал программу общественных работ, которая должна была смягчить безработицу.

1949 г. начался не очень удачно. В феврале в Нью-Йорке с экс-канцлером произошел неприятный случай. Он сломал ногу, перелом был сложный, Генрих долго болел и не мог свободно передвигаться. К тому же давали о себе знать хронический сердечный недуг, хорошо знакомый с детства, и огромное нервное перенапряжение. Несмотря на это, Брюнинг весной и летом 1949 г. вел активную переписку с друзьями, сочинял записки для Пюндера, Аденауэра, Л. Эрхарда и Дж. Кеннана. Посланник американского посольства в Москве Эрхард, находившийся в апреле – мае 1949 г. в США, посетил Брюнинга в нью-йоркской больнице. Из-за болезни Генрих только в феврале 1950 г. смог вновь заняться преподавательской работой в университете Гарварда. Он

живо интересовался событиями, происходящими на родине, а там окончательно совершился раскол страны.

В мае 1949 г. был принят Основной закон и образовалась Федеративная Республика Германия, хотя экс-канцлер считал создание ФРГ поспешным, но все же неизбежным решением. 15 сентября того же года первым бундесканцлером был избран лидер ХДС К. Аденауэр. Брюнинг поздравил его, так же как поздравил Т. Хейса с избранием президентом ФРГ. Он ценил политический талант Аденауэра и одобрил его выборы в канцлеры. Хотя, для заграницы, как он отмечал, его избрание было неожиданностью, эмигрантская пропаганда больше была ориентирована на К. Шумахера (СДПГ). Аденауэр, писал Генрих 20 августа 1949 г., действовал в конституционном вопросе исключительно дальновидно, умно и терпеливо, и за это все ему должны быть весьма благодарны. Что касается внешней политики, продолжал он, то здесь нет оснований нервничать, прежде всего потому, что она в конце концов решительно вырабатывается в Вашингтоне, который держит в руке корзинку с хлебом для всей Западной Европы⁴. Более того, Брюнинг считал Аденауэра «единственным политиком, которому верит» и который справится с положением. Генрих знал, какую большую ответственность и тяжелый труд тот взвалил на свои плечи: «Ввиду его большого политического опыта, политических познаний и личных качеств убежден, что Аденауэру удастся, несмотря на нечеловеческие трудности, стать на путь, по которому бедный немецкий народ продвинется вперед к миролюбивому политическому развитию внутри и экономическому и социальному восстановлению»⁵. В этой тяжелой работе Брюнинг с богом пожелал Аденауэру большой удачи.

Двумя месяцами позже экс-канцлер дополнил характеристику Аденауэра, отметив, что он «не является моим личным другом», но знает как вести и добиться успеха. Он «обладает сильной волей и знает со времен обер-бургомистра все уловки, без которых наша политика, видимо, невозможна». В то же время Генрих с болью наблюдал, что сегодняшние политики за небольшим исключением проявляют все старые, губительные человеческие слабости, как прежде. Только раньше были все же традиции и устоявшиеся узы дружбы над партиями⁶. Экс-канцлер, находясь в Америке, не мог не заметить, как растет престиж бундесканц-

лера в США и Англии. Брюнинг применительно к ФРГ постоянно говорил «Западная Германия», хотя никогда не ставил под вопрос ее легитимность. Аденауэр публично порицал его за это. Бундесканцлер подразумевал под «Германией» обычно ФРГ. Генрих также мыслил общегерманскими категориями, включая в них не только Центральную Германию, но и бывшие немецкие восточные земли, отошедшие к Польше.

Кстати, образование ГДР в октябре 1949 г. Брюнинг воспринял спокойно, не игнорируя этот факт, считая, что это является исключительно внешнеполитической козырной картой СССР. В то же время он не исключал наличие контактов между Бонном и Восточным Берлином. Для него положение Германии в конце 40 – начале 50-х годов еще не было ясным и решенным, и здесь выявились его расхождения с Аденауэром. Брюнинг надеялся, что в результате противоречий между СССР и западными державами, не в последнюю очередь после начала Корейской войны в 1950 г., возрастут шансы в решении германского вопроса. А чтобы не увековечить раскол страны и преодолеть его в недалеком будущем, он даже склонялся к временной нейтрализации Германии между Востоком и Западом, прежде чем их противоречия усилятся из-за войны в Корее. В отличие от Аденауэра экс-канцлер был уверен, что США после 1945 г. сохраняют свои позиции в Европе, чтобы не оставлять поле сражения Советскому Союзу. Аденауэр, наоборот, опасался, что американские войска, как и после 1918 г., вскоре покинут Европу. Брюнинг считал такие опасения необоснованными и в 1948 г. сказал об этом Аденауэру. На этом предположении основывалась позиция Брюнинга в германском вопросе, которая существенно отличалась от позиции Аденауэра. С ним Генрих был единомышлен в том, что германская политика ни при каких обстоятельствах не должна оказаться в противоречии с позицией США. Брюнинг осознавал зависимость ФРГ от курса западных держав, и прежде всего от США.

После того как Брюнинг одобряюще приветствовал первые мероприятия правительства Аденауэра, вскоре одержало верх старое недоверие. На рубеже 1949 – 1950 гг. наметились разногласия между Брюнингом и Аденауэром – Эрхардом по экономическим и внешнеполитическим вопросам, а в начале 50-х годов

эти противоречия стали непримиримыми, в них с новой силой разгорелись старые разногласия времен Веймарской республики. В начале 50-х годов экс-канцлер дистанцировался от политического курса Аденауэра⁷, стали преобладать критические высказывания о содержании и стиле политики и правительственного руководства Аденауэра, поскольку экс-канцлер противился курсу, направленному на западноевропейскую интеграцию. Историк Ф. Мюллер констатирует, что в подходе Брюнинга к германскому вопросу находилась решающая основа позднейшего разрыва с Аденауэром, которого он обвинял в том, что тот хочет сделать Германию, идя по пути западной интеграции, «вассальным государством» союзников⁸. Действительно, у Аденауэра к этому времени сложилось ясное представление о включении Западной Германии в Западную Европу при опоре на союз с Францией. Он также считал, что России, которая доминирует на востоке континента, нужно противопоставить сильный блок западноевропейских государств.

Не менее интересны в это время рассуждения Брюнинга о политике. Известно, что государственные деятели, писатели и ученые давали разные толкования, что такое политика. Отто фон Бисмарк, канцлер Германской империи, например, сказал как-то: «Политика есть искусство возможного». Характерно высказывание Наполеона, французского императора: «Какой смысл имеет сейчас судьба. Политика – вот судьба». Брюнинг в письме от 28 декабря 1949 г. Макс-Паулю Энгельмайеру высказал свое понимание, что такое политика. Он писал, что политика есть высочайшее практическое дело. Нельзя с помощью политики изменить людей. Нельзя также создать с помощью политики идеальное государство. Политика в Германии к тому же долгое время находилась под влиянием в большей или меньшей степени иностранных держав или сама ее определяла. Помимо того, политика не есть геометрия, где прямая линия соединяет расстояние между двумя данными пунктами. Цели в политике чаще всего достигаются окольными путями после трудной подготовительной работы. Ведущие политики не могут даже открыто сказать народу, что является их целью⁹. Брюнинг понимал, что Германия после тотального поражения лишилась своего внутреннего и внешнего суверенитета. Проводить самостоятельную политику не входит

более в компетенцию немецких политиков. В апреле 1949 г. он заявил банкиру и политику ХДС Р. Пфферменгесу, что внешняя политика «не должна быть догматичной или статичной, необходимо поддерживать в той или иной степени приемлемые отношения со всеми соседями, при этом не упускать случая поддерживать прочные и добрые отношения с нашими западными соседями». Поскольку Пфферменгес был другом Аденауэра, то он сообщил ему о политическом признании экс-канцлера.

В мае того же года Брюнинг, находясь в больнице, составил для Аденауэра короткий меморандум, в котором изложил свои экономические и внешнеполитические взгляды. Он писал о «двояком подходе» к этим вопросам. С одной стороны, «безусловно необходимо» после стольких лет централизованного управления экономикой вводить свободную конкуренцию, а с другой – эта политика не должна заходить так далеко, чтобы на случай прекращения помощи по плану Маршалла или помощи в какой-либо другой форме, не отрезать путь «умеренной плановой экономике». Этот совет противоречил экономическим убеждениям Л. Эрхарда, «пророка товарно-денежного хозяйства». Аденауэр также решительно боролся с планово-экономическими представлениями, и ему не нравилось указание на необходимость «умеренной плановой экономики». Еще более сильный протест Аденауэра вызвали внешнеполитические рекомендации Брюнинга, заключавшиеся в выработке ясной концепции на широкой основе, избегать шагов, которые могли бы внезапно затормозить благоприятное развитие в будущем. Экс-канцлер пророчил, что рано или поздно вокруг Германии возникнет дух соперничества всех держав, которые из чисто географических, военных и политических причин попытаются заполучить благосклонность Германии, так как она более чем когда-либо является «центром мира». Поэтому, говорилось в меморандуме, необходимо постоянно оставаться в переговорном процессе с Востоком, при этом Запад всегда держать в курсе дел. По мнению Брюнинга, такие переговоры должны вести не западные державы, не имеющие опыт и способности. Только германское правительство в состоянии сделать это, если оно имеет концепцию и не будет хвастаться успехами в общественности¹⁰.

10 июля 1949 г. экс-канцлер в письме Пюндеру вновь высказывает убеждение, что «если немцы наберутся терпения и их не отдадут односторонне одной или группе держав, они вновь, как в начале 30-х годов, будут великой нацией Европы»¹¹. В ноябре того же года Генрих говорил о «больших шансах» Германии, так как она «центр Европы». Насколько реальным был политический анализ Брюнинга и вытекающие из него его советы? Можно лишь констатировать, что географически Германия как «центр Европы» или «центр мира» была разделена на две части, которые были враждебно настроены друг к другу.

Как уже отмечалось, Аденауэр придерживался иного мнения. Он видел будущее Германии в европейском сообществе государств. В нем «спасение для Европы, спасение для Германии». Ее безопасность может быть обеспечена только тогда, когда Германия будет прочно включена в семью западноевропейских демократий. Поэтому главным для бундесканцлера была интеграция с Западом, примирение и кооперация с Францией, строительство единой Европы, возможность через европейские государства снять страх перед Германией, восстановить потерянное ею доверие за границей. К тому же антикоммунизм и антисоветизм были определяющей идеологической эмблемой политики Аденауэра. Следовательно, пишет Фолькман, представления Аденауэра находились в принципиальном согласии с целями американской концепции для Европы и Западной Германии. Только так можно было реализовать среднесрочное постепенное возвращение западногерманского суверенитета. Аденауэр отвергал путь веймарской «политики качелей». Воссоединение Восточной и Западной частей Германии для него было приемлемо только на двух условиях: во-первых, воссоединенная Германия должна быть свободно-демократическим, правовым государством, никакой «народной демократии»; во-вторых, вся Германия должна быть включена в сообщество западных государств¹².

Уже в конце ноября 1948г. в государственный департамент США поступило сообщение, что Аденауэр «не ожидает и не надеется на то», чтобы включить области восточнее Эльбы в новое германское государство¹³. В одном из интервью 16 августа 1949г. Аденауэр заявил, что экономическое сотрудничество Восточной и Западной Германии возможно только после того, как американ-

ский капитализм найдет путь к сосуществованию с Советским Союзом, «но не за наш счет»¹⁴.

На этом фоне обозначилась критика Брюнинга, для которого единство и неограниченный национально-государственный суверенитет Германии значили все. Экс-канцлер поздним летом 1949 г. был впервые «неожиданно сильно потрясен» мнением Аденауэра, что с нынешним расколом Германии нужно примириться. Брюнинг усомнился в правильности этих слов Аденауэра, отметив, что это «может показать только последующее развитие». Вместе с тем он не хотел, чтобы об этом узнали на родине, поскольку там воспринимают каждое произнесенное им слово. Несмотря на это, он поздравил Аденауэра в середине сентября с избранием бундесканцлером. Критика в адрес нового канцлера прозвучала по вопросу, связанному с распределением должностей внутри правительственной коалиции. Брюнинг считал дурным признаком назначать на министерские посты только католиков, брать их на службу в качестве чиновников, поскольку это вызвало рост антикатолических настроений в либеральных протестантских кругах. К его большому сожалению, широкое распространение получил лозунг о Рейнской клерикальной республике, особенно на юго-западе Германии¹⁵. Экс-канцлер отмечал, что для Аденауэра особую ценность представляет всегда делать наоборот, вопреки тому, что советуют люди, близко стоящие к нему, Брюнингу. Антиклерикализм быстро растет повсюду, и это инстинктивно вызывает чувство протеста против «рейнского католицизма». Брюнинг придерживался идеи уравнивания с протестантским большинством населения и не хотел допустить конфликта между католиками и протестантами. Однако упрек в адрес Аденауэра в приверженности к «клерикализму» был лишен всякой основы. Он был католиком, но не клерикалом, обладал чувством национального достоинства, но не национализмом.

Брюнинг традиционно питал глубокое недоверие в отношении Франции и переоценивал реальные возможности Франции среди западных стран-победительниц, предполагая, что Кэ д'Орсе, министерство иностранных дел Франции, стремится к абсолютному, длительному контролю над Западной Германией. В 1950 г. ФРГ стала ассоциированным членом Совета Европы, в мае 1951 г. — полным членом. Брюнинг расценивал это как сим-

вол будущего французского господства над ФРГ. Он полагал, что Аденауэр, несмотря на «предостережения в 1948 г., предается известным иллюзиям» относительно «французов». Правда, экс-канцлер не сомневался относительно добрых намерений, направленных на примирение с Германией, со стороны Р. Шумана, которого знал со студенческих лет в Страсбургском университете, но не принимал политику Кэ д'Орсе.

Интересный разговор состоялся в конце августа 1949 г. между Брюнингом и политиком ХДС Х. Шубертом, который посетил Генриха в США. Международную ситуацию экс-канцлер оценивал весьма пессимистично и не исключал даже военного столкновения с Советской Россией в ближайшие 2-3 года. При этом он был убежден, что Германия на случай такого конфликта национально-политически имеет шанс, чтобы добиться по меньшей мере возвращения потерянных областей. Шуберт возразил ему, что Западная Германия, и в особенности Рурская область, в данный момент полностью разрушены войной. Брюнинг ответил, что эти несомненно оправданные опасения, видимо, все же пройдут, когда дело примет серьезный оборот. По причине внешнеполитической Генрих высказывался за создание в Западной Германии на несколько лет правительства на широкой основе, включая СДПГ.

Судя по переписке, Брюнинг с сожалением пишет о том, что в послевоенной политике, в управлении и даже в парламентской жизни исчезли старые добрые традиции времен германской империи и Веймарской республики. В политику могут попасть по чистой случайности, люди низкой квалификации. «Ничто меня так не пугает, – писал он 26 декабря 1949 г., – как высказывание Аденауэра, что он не хочет брать людей на службу из школы Вильгельмштрассе. С кем же он думает после этого работать?»¹⁶. Разрыв с традициями, по его мнению, оказался значительно больше, чем он ожидал непосредственно после войны. Брюнинг отмечал в конце декабря 1949 г.: «... я только теперь вижу, после образования западногерманского правительства, как недоверчиво молодое поколение, которое сознательно, не иначе как пережив нацистский период и войну, противостоит парламентаризму... Всегда легко начать войну, труднее закончить ее и при сего-

дняшних условиях почти невозможно скоро заключить конструктивный мир»¹⁷.

В мае 1950 г. Брюнинг снова в Европе. Эта его поездка была насыщенной, он побывал в Лондоне, Гааге, Цюрихе, Нормандии, Кёльне, а затем направился к сестре в Мюнстер. В начале своей поездки в Германию, он вновь заявил, что «ни при каких обстоятельствах не собирается участвовать в германской политике». В Мюнстере Генрих встретился со своими старыми партийцами и местными членами ХДС. Он предостерегал их от необдуманных шагов во внешней политике и стремления к опрометчивым решениям. Экс-канцлер критически отнесся к Совету Европы и плану Р. Шумана – плану создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), который был безоговорочно поддержан Аденауэром. Политические и экономические аспекты плана Шумана стали предметом острых дискуссий в бундестаге. ЕОУС Брюнинг расценивал как безответственный отказ от национального суверенитета на долгие годы. Он разделял мнения своих собеседников, что «внешней политике ФРГ не хватает достаточных сил». Как видно, рейнский европеец Аденауэр приветствовал ЕОУС, а национал-консерватор Брюнинг выступал против. Более глубокая причина расхождений, без сомнения, заключалась в озабоченности Брюнинга тем, что интеграция ФРГ в западноевропейские институты приведет к нарастанию препятствий для воссоединения Германии.

После беседы с Пффердменгесом, который был сторонником плана Шумана, 4 июля Брюнинг посетил Аденауэра на его вилле в Рёндорфе. Бундесканцлер знал о критическом отношении со стороны Генриха к нему и его внешней политике. Беседа двух политиков с самого начала не заладилась, оба не доверяли друг другу, и в ходе разговора это недоверие еще более углубилось. Экс-канцлер предостерег Аденауэра от «закулисной стороны плана Шумана», от французского намерения «помешать воссоединению Восточной и Западной Германии», от «господ Альфонд» в Кэ д'Орсе, которые делают политику, но не господин Шуман. Генрих осудил излишнюю торопливость в вопросе западногерманского «оборонного вклада» в рамках создаваемого Европейского оборонительного сообщества – «плана Плевена». Европейское оборонительное сообщество (ЕОС) Брюнинг считал

ошибочной конструкцией, так как оно благоприятствует французской гегемонии в военной области и, следовательно, служит внешнеполитическим целям Франции. Поэтому Брюнинг критиковал создание ЕОС, а во Франции видел главного противника единой Германии. Аденауэр, наоборот, принял проект ЕОС немедленно. Речь шла, по сути дела, о перевооружении ФРГ и включении ее в систему европейской обороны. План создания ЕОС вызвал тогда сильную оппозицию внутри ФРГ. Политические и экономические взгляды Брюнинга бундесканцлер отклонил. В конце беседы Аденауэр откровенно спросил Генриха, когда он снова уезжает. Отношения между двумя политиками и некогда бывшими членами партии Центра были испорчены.

Из разговора Аденауэра и Брюнинга видно, что Генрих питал глубоко укоренившееся недоверие к германской политике Франции, у которой после войны действительно были притязания на Рур, Рейнскую и Саарскую области. В январе 1951 г. экс-канцлер писал Пюндеру, что «французы все еще не отказываются от своих гегемонистских замыслов на Западе континентальной Европы». Уже после подписания договора о создании ЕОУС Брюнинг жаловался депутату бундестага от ХДС Х. Веберу, что план Шумана принят и это означает «50-летний договор» с западными державами: «... французская политика полностью победила, двум нашим поколениям не надо волноваться. Восток потерян навсегда»¹⁸. Свои предостережения экс-канцлер высказывал по Саарскому вопросу, поскольку Франция настаивала на особых правах по отношению к Саарской области, однако в конечном счете она ей не досталась.

Аденауэра разозлила не столько критика его внешней политики со стороны Брюнинга, сколько ее осуждение в беседах со всеми известными политиками ФРГ. А встречался он со многими деятелями ХДС, СДПГ, даже с генерал-полковником Ф. Гальде-ром, выступал перед студентами. Так, в университете Кёльна 10 июля 1950 г. в своем докладе экс-канцлер высказал опасения и критиковал современное «политическое развитие в Германии при доктринах». Он требовал «наиболее активного участия поколения участников войны в политике и осуждал «конституционное законодательство, которое со времен Французской революции 1789 г. стало общепринятым». Доктор П. ван Хузен, беседовав-

ший тогда с Брюнингом, отмечал, что «он сильно живет в прошлом» и «охотно» хочет вернуться в Германию. Однако в сентябре 1950 г. Генрих покинул родину, а вернувшись в США, снова стал преподавать в Гарвардском университете. В декабре того же года он писал своему другу, что Аденауэр не принял его советов и «делает все наоборот»¹⁹. Похоже, Брюнинга обидел тот факт, что его рекомендации и критика не нашли признания в Бонне и отвергаются. Не сбывались повторяемые им из года в год мрачные прогнозы о политическом крахе правительства, об экономических трудностях или об уходе Аденауэра из политики по старости. Брюнингу также было непонятно, с какой целью бундесканцлер, пользуясь поддержкой общественности, форсирует интеграцию Западной Европы. Между прочим, критика Брюнингом односторонней прозападной ориентации Аденауэра частично нашла поддержку среди свободных демократов и в рядах социал-демократов.

Летом 1951 г. дискутировался вопрос о том, не согласится ли Брюнинг стать председателем Федерального конституционного суда ФРГ. Во всяком случае, его кандидатура была включена в список претендентов, но затем была вычеркнута, так как у него не был сдан экзамен ассессора (на судебную должность). Сам экс-канцлер с юмором воспринял это известие, намекая на то, что это «новая интрига Рёндорфа», которая нацелена на то, чтобы «ослабить его престиж». В письмах немецким друзьям он констатировал, что из «Бонна» открыт огонь против его возвращения в Германию и против занятия им должности профессора Кёльнского университета. Тем не менее в августе 1951 г. Аденауэр предложил Генриху длительное лечение в Наухайме, сообщив одновременно, что поручил министерству финансов изучить вопрос о возможности назначить ему пенсию. Брюнинг среагировал на эту информацию необычайно быстро и также необычайно резко, отклонив это предложение. Свой отказ он мотивировал тем, что «всегда отклонял какую-либо поддержку из государственных средств». Все, что исходило от Аденауэра, Генрих воспринимал негативно. Это свидетельствовало о их непримиримых отношениях.

Глава IX.

Вторая эмиграция

В ноябре 1951 г. Брюнинг вновь отправился в Западную Германию, в Кёльн, где ему была предложена кафедра политических наук. Экс-канцлеру обещали полную поддержку в университете. Перед этим он отказался от предложения стать профессором Мюнхенского университета. Преподавать в Кёльнском университете Генрих согласился из-за близости к Бонну и сестре, проживавшей в Мюнстере. Вскоре он стал профессором политических наук. Некоторые его политические друзья надеялись, что после возвращения в Германию экс-канцлер рано или поздно вновь будет играть важную роль в политике ФРГ. Оказавшись на родине, он не только готовился к лекциям, но и окунулся в реальную жизнь страны. Те годы были насыщены острыми международными событиями, так или иначе затрагивавшими интересы Германии.

В ФРГ в 1951 г. завязалась оживленная внутривнутриполитическая дискуссия по германскому вопросу, её апогей пришелся на 1952г. 10 марта 1952г. СССР выдвинул новую инициативу по решению германского вопроса. Правительствам США, Англии и Франции была передана «нота Сталина», которая застала всех на Западе врасплох. В ней содержался ряд новых моментов по сравнению с прежней позицией советской стороны. Во-первых, в ней речь шла о незамедлительном завершении мирного урегулирования. Во-вторых, к ноте был приложен проект «Основ мирного договора с Германией». В-третьих, этот проект предусматривал для Германии статус вооруженного нейтралитета. Объединенная Германия не должна участвовать в военных блоках. В-четвертых, в ноте ничего не говорилось, как прежде, о ликвидации монополий, проведении аграрной реформы; даже бывших нацистов, за исключением осужденных преступников, предлагалось считать равноправными гражданами. В-пятых, предлагалось проведение в Германии свободных выборов¹.

«Нота Сталина» вызвала политическую дискуссию в ФРГ и даже в самом правительстве. Оппозиционная СДПГ, например,

настаивала на том, чтобы рассмотреть степень серьезности ноты. Брюнинг тоже не остался безучастным в этом споре. Он склонялся к переговорам по советским предложениям и считал, что «русские хотят воссоединения зон и даже идут на уступки в Силезии». Тщательно изучив американскую прессу, он укрепился во мнении, что бундесканцлер не хочет воссоединения, что Аденауэр в ответной ноте союзникам отверг возвращение областей восточнее Одера и пытается помешать русским с их предложениями продвинуться дальше в Западную Германию. Аденауэру действительно удалось убедить западные державы, чтобы они отклонили советские предложения. В Вашингтоне, Лондоне и Париже согласились с ним. Он рассматривал ноту как советский отвлекающий маневр, а политика ФРГ, по его мнению, не должна измениться ни на йоту. Генрих сожалел, что бундесканцлер следует такой тактике, отмечая, что «его тактика является фальшивой. Он во всем идет на уступки только западу».

Идеям западной интеграции Брюнинг противопоставлял свою мечту о «реставрации Германии в рамках государственной системы межвоенного времени». Критикуя внешнюю политику Бонна, он даже был убежден, что в мае 1952 г. появился шанс вступить в переговоры с русскими по вопросу о воссоединении Германии, т.к. ему показалось, что «некоторые западные державы, за исключением Франции, все же желают серьезных переговоров с русскими или даже между Бонном и правительством Восточной зоны»². Брюнинг предостерег правительство Аденауэра и парламент, что формирование западногерманской армии под французским руководством повлечет за собой окончательный раскол Германии — на восточную и западную³. Воссоединение Германии экс-канцлер считал уже потому настоятельно необходимым, что без немецких Восточных областей нет сбалансированного торгового и платежного баланса и не может быть стабильной валюты. Известный журналист Пауль Зете, встретившийся в те дни с Генрихом и хорошо знавший его еще с веймарских времен, писал: «Брюнинг только немного изменился, манера говорить осталась той же: деловая, ясная, с потрясающим знанием экономических цифр, фактов, причин, все это только молча можно слушать»⁴.

В течение трёх лет (1952 – 1955 гг.) Брюнинг преподавал в Кёльнском университете. Студенты ценили лектора за ум, знания, дельные советы. В лекциях он читал о международных отношениях в период между мировыми войнами (курс «Методы и тактика дипломатии»), а также вновь и вновь возвращался к преимуществам английского парламентаризма, критически относясь к Французской революции конца XVIII в. Французскому пути к демократии Генрих противопоставлял Англию как «идеальный пример эволюционно-консервативного развития формы государственного правления». Своим студентам в те годы он говорил, что Англия почти единственная страна, которая сохранила «средневековые традиции», в то время как эти традиции стали жертвой «абстрактного мышления XVIII столетия».

Экс-канцлер восхищался британским парламентаризмом на основе конституционного права и традиций, английской антипатией в отношении всего «логически формалистического мышления и политических теорий». Англия, продолжал он, не имеет писаной конституции, но «только конституционную традицию», что означает бесценное преимущество. Для него сохранение «английской традиции» было основным для интерпретации конституционных обычаев, почему в Англии «может быть предотвращено окостенение конституционной жизни в абстрактных формулах». Традиционным сознанием англичан Брюнинг объяснял невероятный престиж английского парламента в мире. В качестве решающего преимущества британского парламентаризма перед веймарской моделью он признавал то обстоятельство, что в английском парламенте «никто не мог внести предложение об увеличении расходов поверх правительственного предложения, потому что теоретически это «прерогатива короны», а на практике эта привилегия принадлежит нынешнему правительству»⁵.

В этой связи хотелось бы привести высказывание Брюнинга из письма президенту ФРГ Т. Хойсу в июне 1951 г.: «Чем старше я становлюсь, тем больше прихожу к убеждению, что полная жизни конституционная и правовая традиция крайне важна для стабильного политического развития как прописанное слово в конституции». Комментируя это суждение, историк Р. Морсей отмечает, что это, без сомнения, правильное понимание не может

все же скрыть того факта, что Брюнинг понимал эту традицию в общих национально-государственных чертах»⁶.

Судя по корреспонденции экс-канцлера, с конца 1952 г. наступает не только явное разочарование внешнеполитическим развитием, но и личное пессимистическое настроение. Уже летом того же года он высказал предположение, что «в долгие годы эмиграции, видимо, очень идеализировал немецкий народ»⁷. А в ноябре, находясь в смешанных чувствах, отмечал, что «атмосфера в Западной Германии, видимо, несколько хуже, чем я ожидал». Очевидно, процесс акклиматизации в ФРГ проходил трудно, Генрих не мог прижиться. «Моя жизнь в Кёльне, писал он, бесполезная трата времени. Все торопятся стать богатыми и жить в мнимой безопасности»⁸. Он жаловался также на то, что в ФРГ не учитывают уроков прошлого, а Веймарское время с его ошибками и удачами полностью забыто⁹. Экс-канцлер недвусмысленно считал «политику качелей» Веймарской республики, использование геополитического положения Германии высшим пунктом германской внешней политики со времен Бисмарка¹⁰. Внешнеполитический опыт Веймарской республики, как он думал, ввиду раскола страны, мог бы быть полезным. Это не означало, что Брюнинг не извлек некоторых уроков из политической жизни Веймара.

В 1953 г. Брюнингу предлагали принять мандат бундестага от ХДС, причем от четырех спокойных избирательных округов. Он отказался, чтобы не быть на переднем плане политической жизни и из-за серьезных разногласий с Аденауэром по вопросам внешней политики. Кроме того, предложения исходили не от руководства ХДС, а от давних политических друзей. С принятием мандата бундестага он был бы связан обязательством лояльно вести себя в отношении партии и Аденауэра как председателя ХДС и уважать фракционную дисциплину. Экс-канцлер не хотел повиноваться желаниям бундесканцлера.

У Генриха в то время болезненно росло недоверие к Бонну, это проявилось во всевозрастающей критике Аденауэра и его внешней политики, односторонняя западная ориентация которой зашла слишком далеко. Брюнинг продолжал придерживаться мнения, что ФРГ должна учитывать свое положение между Востоком и Западом. Он, в сущности, высказывался за путь перего-

воров, против односторонней ориентации на Запад, за установление контактов с Востоком. Такая политика должна была, по его мнению, служить целям воссоединения Германии. Брюнинг высказался по этим вопросам 2 июня 1954 г. на собрании «Рейнско-Рурского клуба» в Дюссельдорфе. В его нашумевшем докладе на тему «США и Европа» критиковались принципы западной политики Аденауэра с национально-консервативных позиций.

В докладе отмечалось, что ввиду раскола Германии ФРГ является игрушкой в руках западных держав, в особенности США¹¹. Экс-канцлер указывал на двустороннюю ориентацию Германии в 20-е годы, когда были заключены договоры в Локарно (1925 г.) и Берлине (1926 г.), соглашения с западными и восточноевропейскими государствами, в особенности с Англией и Россией. Генрих с сожалением констатировал, что в настоящее время в ФРГ неправильно и тенденциозно трактуют суть Рапалльского договора 1922 г. между Германией и Советской Россией, а также Берлинский договор 1926 г. Он ставил в пример отношения с Советской Россией и с западными державами в годы Веймарской республики. Веймарская дипломатия, заявлял он, была гибкой, учитывала соотношение сил.

Тяжелые времена после 1919 г. и мирового экономического кризиса 1929 – 1933 гг. Веймарская республика, по его утверждению, смогла преодолеть только по двум причинам: во-первых, благодаря мощным долгосрочным и краткосрочным займам США и других западных стран; во-вторых, вследствие всегда возобновляемых договоров о поставках с Россией¹². В этой связи он весьма негативно говорил об односторонних внешнеполитических отношениях Западной Германии, что неизбежно в будущем приведет к экономическим трудностям. «Рано или поздно» наступит «очистительный кризис в мировой экономике», и он сильно ударит «по односторонним торговым отношениям Западной Германии». Для Брюнинга необходимость западногерманской восточной торговли в настоящем и будущем была очевидной, и он напоминал, что, если Западная Германия не использует эту возможность, ею воспользуются другие европейские страны для неограниченной торговли¹³.

Экс-канцлер призывал к более дифференцированной и гибкой политике и учету опыта прошлого. Он считал необходимым

использовать геополитическое положение Германии для стабилизации политического равновесия в Европе и мире¹⁴. Генрих критиковал боннскую внешнюю политику как «чисто догматическую» и упрекал ее в дефиците «далекоидущих идей». Его беспокоила также растущая утрата «убеждений, отвечающих интересам государства». Если Бонн желает полностью включить воссоединенную Германию в договор о Европейском оборонительном сообществе (ЕОС), то рискует захлопнуть дверь для любых переговоров с русскими. Аденауэр, как известно, активно предпринимал попытки объединить военные потенциалы европейских стран, включая ФРГ, и политическую власть в рамках договора о ЕОС. Однако он потерпел неудачу, так как Национальное Собрание Франции летом 1954 г. отказалось его ратифицировать¹⁵. Между тем Брюнинг исходил из того, что германская внешняя политика тем лучше, чем больше ее атакует Кэ д'Орсе. За этим стояло его убеждение, что французская политика, как он выразился в речи в «Рурско-Рейнском клубе», «более чем за два столетия ничуть не изменилась».

Речь Брюнинга и его выпады против политики Аденауэра произвели тогда сильное впечатление. В западногерманской прессе разгорелась большая полемика. Газета «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» опубликовала ряд статей под названием: «Брюнинг предостерегает от односторонних отношений», «Германские ножницы», а 11 июня в газете «Рейнишен Меркур» появилась статья «Трагизм Брюнинга на германской сцене», в которой делались злостные нападки на него и говорилось, что понимание Брюнингом Европы находится на уровне 1932 г. Он до сих пор принимает в расчет европейское и германское величие, которого больше нет. Это свидетельствует о его близорукости, политической догматике и устаревших представлениях. В адрес экс-канцлера обрушилась резкая критика, особенно со стороны официального Бонна и деловых кругов. В эту дискуссию были втянуты многие политики, публицисты.

Речь Брюнинга вызвала острую реакцию за рубежом, особенно в США. Бундесканцлер прореагировал тоже крайне негативно: «Я протестую, что из-за какой-то обиды наносится вред интересам немецкого народа»¹⁶. Президент Федерального союза германской промышленности Ф. Берг заявил в интервью: «Из вы-

ступлений прессы создается впечатление, что доклад господина Брюнинга может причинить вред политике бундесканцлера. Поэтому я отклоняю его весьма решительно»¹⁷. Последовали санкции. Генрих был оскорблен тем, что неожиданно возник вопрос, а должно ли правительство финансировать его лечение в ФРГ как бывшего канцлера. Таким образом, он был вовлечен в тогдашние политические разногласия. Генрих тогда сказал, что «политика приспособленчества не принимается в расчет»¹⁸. Это высказывание больно задело самолюбие Аденауэра.

Доклад Брюнинга в «Рейнско-Рурском клубе» вызвал поразительно огромный резонанс, привлек всеобщее внимание. В июне 1954 г. он был опубликован, и менее чем за неделю было продано 6 тыс. экземпляров. Германская печать обсуждала его все лето. Журнал «Боннер Хефте» в специальном номере в середине сентября 1954 г. писал о «всеобщем воздействии» доклада в «течение короткого времени». Журналист В. Кифер, бывший сотрудник журнала «Гераден Вег», отмечал «важность» доклада и выражал надежду, что Брюнингу удалось показать «систему, которая исчерпала себя в своем окостенении, нужно сменить ее, чтобы служить миру и миссии примирения между Западом и Востоком».

Брюнинг не раз утверждал, что его противники, да и сам Аденауэр, стараются исказить смысл речи, что он подвергается ежедневным грязным нападкам со стороны прессы ХДС и официального Бонна. 10 июня 1954 г. экс-канцлер писал Р. Пехелю: «... пресса ХДС превзошла любую гнусную травлю меня, таким же образом ведет себя пресса КПП в Восточной зоне»¹⁹. После публикации доклада в Германии Брюнинг не молчал, он встречался с журналистами, давал интервью. Экс-канцлер считал, что фактически после появления его доклада впервые началась дискуссия о внешней политике или, лучше сказать, о недостатках внешней политики Бонна. Летом 1954 г. Брюнинг, видимо, хотел использовать благоприятный внутри- и внешнеполитический момент, попытаться ослабить положение Аденауэра и этим осуществить внешнеполитический поворот, в котором он становился в ряды противников бундесканцлера²⁰. Историк Хёмиг называл речь Брюнинга в «Рурско-Рейнском клубе» «дюссельдорфской афе-

рой», которая показала, что экс-канцлер выступая, в «роли политического советника, провалился со всей очевидностью»²¹.

В то время и на Востоке и на Западе Германии постоянно усиливалось сопротивление немцев возрождению западногерманского милитаризма. Брюнинг вместе с бывшими канцлерами Виртом и Лютером поддержал волну протеста против ремилитаризации ФРГ, в чем проявился его здравый подход. Брюнинг отклонял преждевременное строительство вооруженных сил в ФРГ. Силу советских войск в ГДР он оценивал иначе. Они служат, чтобы гарантировать стратегический баланс СССР в Европе. Экс-канцлер отвергал требование некоторых немецких политиков поддержать «борьбу за свободу» внутри советского блока как неудачное. «Крестовый поход за свободу» не будет многообещающим. СССР можно будет подорвать только изнутри. Если это не произойдет, тогда он будет непобедим в течение многих лет. Брюнинг не предполагал, что Москва любой ценой захочет расширить свою европейскую сферу влияния. Да и США не выведут свои войска из Западной Германии и Европы, пока существует конфронтация с Советским Союзом. Но он спекулировал на том, пойдет ли на пользу Германии «холодная война». Для него, пожалуй, важнее всего было при разумной стратегии использовать и расширить в интересах ФРГ свободу действий в международной политике ввиду советско-американских противоречий. Вступление ФРГ в защиту Запада в рамках НАТО (1955 г.) Генрих считал оправданным.

Резкая критика в адрес Брюнинга, его травля в немалой степени способствовали принятию решения о возвращении в США. Политический пессимизм и подозрительное отношение к Бонну связывалось у Брюнинга с нескрываемым отвращением к западногерманскому обществу всеобщего благоденствия. Следствием этого стала растущая антипатия к жизни в Германии. Предложение ряда дружественно настроенных к нему промышленников построить ему небольшой дом в местности, которую он выберет, Генрих отклонил. После окончания преподавательской деятельности в 1955 г. и после смерти своей сестры в том же году экс-канцлер совсем покинул свою родину и окончательно переселился в Америку. При этом он никогда не отказывался от гражданст-

ва Германии, в которой из родственников у него уже никого не осталось.

В местечке Норвих, штат Вермонт, Генрих скромно прожил последние 15 лет своей жизни, мучимый болезнями и старческими недугами. Размышляя на досуге, он в мае 1957 г. пришел к любопытному выводу, что «каждый народ погибает от того, что не имеет национальной цели, а для этого нужно быть готовым к любым личным и материальным жертвам». За этой точкой зрения, писал Морсей, стояло прочное убеждение Брюнинга, что Германия все еще «Центр мира»²².

Проживая в Норвихе, экс-канцлер поддерживал контакты только со своими близкими друзьями Э. Розеншток-Хойси, правоведом и социологом, который с 1929 по 1933 гг. работал в университете Бреслау, а затем эмигрировал в США, и Ф. фон Мольтке, оба жили в Норвихе. Его посещали старые друзья Тревиранус, О.А. Кроне, Х. Бергер и другие, а также немецкий консул в Бостоне. С 1960 г. Генрих резко сокращает переписку.

В ноябре 1960 г. Генрих Брюнинг отклонил предложение президента ФРГ Х. Любке (ХДС) наградить его «Большим крестом» со звездой и лентой через плечо за заслуги и в связи с 75-летием. Свой отказ экс-канцлер обосновал тем, что ему «невыносима сама мысль», что он стоит на одной ступени с бывшим статс-секретарем имперского министерства финансов Х. Шеффером, который получил такой же орден из рук бывшего президента ФРГ Т. Хойса. Затем Брюнинг оклеветал Шеффера как франкофильского еврейского предателя родины, который добивался его свержения в мае 1932 г. с французской помощью, в момент, когда он стоял перед решающим прорывом в репарационном вопросе, вопросе вооружения и победы над нацистским движением²³. В 1965 г. Брюнинг также отклонил предложение, когда ему в связи с 80-летием хотели вручить «Большой крест ФРГ». Тем не менее 75-летие и 80-летие были широко отмечены в ФРГ. В 1966/67 гг. Брюнинг тяжело заболел. До этой болезни он постоянно просматривал и читал американские, английские и французские газеты и журналы.

Генрих Брюнинг умер в 1970 г. на 85-м году жизни, в день назначения его рейхсканцлером – 30 марта. Его тело было перевезено в Западную Германию. 8 апреля он был похоронен в своем

родном городе Мюнстере. Радио, телевидение и пресса удостоили покойного неожиданным вниманием. В ФРГ были приспущены флаги. Газета «Франкфуртер Альгемайне цайтунг», откликнувшись на смерть экс-канцлера, назвала его «демократом и республиканцем». «Франкфуртер Рундшау» писала о нем как о «последней надежде демократической Германии», а «Зюддойче цайтунг» отмечала, что он был «последним республиканским главой правительства Веймарского государства. Брюнинг был республиканцем, хотя не был парламентским демократом». Карл Хайнц Янсен 3 апреля в газете «Цайт» критически отозвался об экс-канцлере: «При нем наступил конец парламентской демократии», а свою статью он назвал: «Не Макиавелли – о смерти рейхсканцлера Брюнинга: Германия была ему долгое время чужой».

З а к л ю ч е н и е

Генрих Брюнинг прожил долгую, нелегкую, но интересную жизнь. Она была наполнена богатыми историческими событиями, которые оказали большое влияние на его судьбу. Он пережил кайзеровскую Германию, Веймарскую республику, нацистский режим, всех министров своего правительства, даже своих знаменитых коллег по партии Центра: Л. Кааса, А. Штегервальда, Й. Вирта; своих противников: А. Гугенберга, Ф. фон Папена, Я. Шахта, К. Шлейхера. Он пережил самого К. Аденауэра. Брюнинг был офицером-фронтовиком, политиком, ученым, вынужденным эмигрантом. Будучи убежденным холостяком, экс-канцлер никогда не чувствовал себя одиноким. Он обладал большой работоспособностью («трудовой фанатизм»), был принципиальным и убежденным национал-консерватором, человеком строгой самодисциплины, решительным противником коррупции. Как писал граф Л. Шверин-Крозигк, «Брюнинг лично не был ненавидим, его ценили за честность, но избиратели голосовали за его противников»¹. Рейхс-канцлер был непреклонно тверд в своей дефляционной политике.

Европа и США были для него местом «притяжения», он совершал на протяжении многих лет постоянные поездки туда и обратно. Брюнинг, помимо богатого профессионального опыта, обладал обширными знаниями, много читал, жил политикой, всегда был в курсе международных событий и живо откликался на них. Он знал и общался со многими интересными и известными политиками, государственными деятелями и дипломатами своего времени. Экс-канцлер оставил после себя огромное и ценное эпистолярное наследие, где, как в зеркале, отражается время, в которое он жил, и сложная и противоречивая фигура этого человека и политика.

Будучи рейхсканцлером, Брюнинг пытался вернуть то, что было потеряно Германией в результате Первой мировой войны: монархию, пруссачество, колонии, равенство в вооружении, экономические гарантии и величие страны. Генрих делал все, что мог, чтобы вычеркнуть революционный 1918 г. из германской истории, произвести всеохватывающую ревизию унизительного и несправедливого Версальского договора, который рассматривался в Веймарской республике как корень всех зол. Своему правлению Брюнинг дал знамя автократизма и как авторитарный политик действовал в интересах господствующего класса, был одним из ведущих политических представителей германской буржуазии. Он был проводником президиально-авторитарного правительственного курса, который обострял экономический и социальный кризис, классовые противоречия, способствовал подъему нацистского движения. Пассивное поведение правительства Брюнинга в отношении нацистов подрывало государственный авторитет и национальные интересы германской политики. В годы канцлерства Брюнинга эрозия Веймарского парламентаризма шла быстрыми темпами. Парламент уже не мог выполнять свои собственные задачи, терял свою власть. Политика чрезвычайных декретов подрывала основы демократической системы.

Рейхсканцлер намеревался реставрировать монархию, заменив ею парламентско-демократическую систему. Он несет историческую ответственность за создание условий и процесс, которые привели затем к гибели первой демократической республики. Брюнингу не суждено было решить задачи, поставленные ему временем, он объективно потерпел неудачу. Провал его курса свидетельствовал об ошибочном выборе концепций во внешней и особенно во внутренней политике. Этот провал подтвердил также «фатальную роль некоторых политических деятелей», которые в ситуации после 1930 г. не смогли предвидеть и не способны были просчитать дальнейший ход событий. Опасным для Брюнинга оказалась значительная зависимость от господствующей властной элиты, представленной прежде всего Гинденбургом и руководством рейхсвера. Как писал в свое время историк К.Д. Брахер, Брюнинг оставил после себя в 1932 г. вакуум власти и шансы для захвата власти национал-социалистами².

После прихода Гитлера к власти в конце января 1933 г., а затем в эмиграции экс-канцлер не оказался в рядах противников нацистской диктатуры и антифашистского Сопротивления, хотя был связан с некоторыми личностями «немецкого Сопротивления». После Второй мировой войны Брюнинг пытался извлечь некоторые уроки из прошлого, давать советы в плане проведения внешнеполитического курса ФРГ. Многие его советы не были приняты, а сам он твердо придерживался своего решения не вмешиваться в активную политику. Его внешнеполитическая концепция представляла во всех существенных частях противоположность западноевропейской интеграционной политике К. Аденауэра. Он был убежден, что политика бундесканцлера построена на иллюзиях, ведет к необдуманным решениям и поэтому губительна для Германии. Однако в споре с Аденауэром Брюнинг проиграл. Он вернулся в США, так и не сумев избавиться от тени своего собственного поражения. По мнению Морсея, Брюнинг всегда стремился к тому, чтобы без усталости, но только в тишине, работать в США на благо своего обремененного новыми заботами отечества и народа³.

О с н о в н ы е и с т о ч н и к и и л и т е р а т у р а

Архивные материалы

1. Archiv der Hauptvorstandes der CDU Berlin Zentrum und NSDAP (№ 225, 244, 281, 554, 741, 744, 788). Kabinett Brüning (№ 257, 351, 700).
2. ZSTA. Potsdam. Reichskanzlei. (Mikrofilme). №19186N.
3. ZSTA Potsdam. Reichslandbund, Pressearchiv. № 6166/6.

Опубликованные документы

1. Документы внешней политики СССР. Т. 14. М., 1968.
2. Документы внешней политики СССР. Т. 15. М., 1969.
3. XI Пленум ИККИ: Стенографический отчет. М., 1932.
4. «План Юнга». М., 1930.
5. Торговые отношения СССР с капиталистическими странами. М., 1938.
6. Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. Das Kabinett Müller II. Bd. 1–2. Boppard-am-Rhein. 1970.
7. Akten der Reichskanzlei. Die Kabinette Brüning I und II. Bd. 1–2. Boppard am Rhein. 1982.
8. Akten der Reichskanzlei. Regierung Hitler 1933-1938. Teil 1: 1933/34. Bd. 1. 30. Januar bis 31. August 1933. Boppard am Rhein. 1983.
9. Akten deutscher Bischöfe über die Lage der Kirche 1933–1945. Bd. 1: 1933-1934. Bearbeitet von B. Stasiewski. Mainz, 1968.
10. Briefe zum Reichskonkordat. Ludwig Kaas –Franz von Papen. (Hrsg. R. Morsey) // Stimmen der Zeit. 1960. H.1. S. 11–30.
11. Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. Stuttgart, 1974.
12. Brüning H. Briefe 1946–1960. Stuttgart, 1974.
13. Brüning H. Reden und Aufsätze eines deutschen Staatsmann. München, 1968.
14. Brüning H. Die Finanzierung des Wohnuugsbaues // Das Nationale Bauprogramm. Berlin, 1927.

15. Brüning H. Die Vereinigen Staaten und Europa. Stuttgart, 1954.
16. Das «Ermächtigungsgesetz» vom 24. März 1933. Morsey R. (Hrsg.) Göttingen, 1968.
17. Die Protokolle der Reichstagsfraktion und des Fraktionsvorstands der Deutschen Zentrumpartei 1926- 1933. Bearbeitet von R. Morsey. Mainz, 1969.
18. Hitlers Verhandlungen mit der Zentrumsführung am 31. Januar 1933. Dokumentation // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1961. H. 2.
19. Horkenbach Cuno. Das Deutsche Reich von 1918 bis Heute. Berlin, 1930, 1931, 1932, 1933.
20. Morsey R. Neue Quelle zur Vorgeschichte der Reichskanzlerschaft Brüning // Staat, Wirtschaft und Politik in der Weimarer Republik. Festschrift für Heinrich Brüning. Berlin, 1967.
21. Müller F. Die «Brüning Papers». Die letzte Zentrumskanzler im Spiegel seiner Selbstzeugnisse. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New –York; Paris; Wien, 1993.
22. Politik und Wirtschaft in der Krise, 1930–1932. Quellen zur Brüning. Bd. 1–2. Düsseldorf, 1980.
23. Staatliche Akten über die Reichskonkordatsverhandlungen 1933. Bearbeitet von A. Kupper. Mainz, 1969. S. 298.
24. Staat und NSDAP 1930–1932. Quellen zur Ara Brüning. Düsseldorf, 1977.
25. Ursachen und Folgen. Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung in der Gegenwart. Bd. 8. Berlin, 1961. S. 160.
26. Verhandlungen des Reichstags. Stenographische Berichte. Bd. 427, 428, 454, 455, 457. Berlin, 1930, 1931, 1932.

Мемуары. Дневники

1. Braun O. Von Weimarer zu Hitler. Hamburg, 1949.
2. Brüning H. Memoiren 1918-1934. Stuttgart, 1970.
3. Curtius G. Sechs Jahre Minister der deutschen Republik. Heidelberg, 1948.
4. Francois-Poncet A. Der Weg von Versailles bis Potsdam. Die Geschichte der Jahre 1919 bis 1945. Mainz-Berlin, 1964.
5. Göbbels G. Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. München, 1937.

6. Kaas L. Tagebuch 7–9. April 1933 // Stimmen der Zeit. 1960. H. 1.
7. Kessler H. Aus Tagebüchern, 1918-1937. München, 1965.
8. Köhler H. Erinnerungen des Politikers und Staatsmanns 1878–1949. Stuttgart, 1964.
9. Lüther H. Vor dem Abgrund 1930–1933. Reichsbankpräsident in Krisenzeiten. Berlin, 1964.
10. Lüther H. Politiker ohne Partei. Erinnerungen, 1960.
11. Meissner O. Staatssekretär unter Ebert – Hindenburg – Hitler. Hamburg, 1950.
12. Papen F. Vom Scheitern einer Demokratie 1930–1933. Mainz, 1968.
13. Папен фон Ф. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии 1933 – 1947. М., 2005.
14. Papen F. Der Wahrheit eine Gasse. München, 1952.
15. Pünder H. Politik in der Reichskanzlei. Auszeichnungen aus den Jahren, 1929–1932. Stuttgart, 1961.
16. Treviranus G.R. Das Ende von Weimar. Heinrich Brüning und seine Zeit. Düsseldorf–Wien, 1968. S. 118.

Периодика

1. Das Badische Zentrum. 1932.
2. Berliner Tageblatt. 1931.
3. Deutsche Allgemeine Zeitung. 1930-1933.
4. Die Welt. 1954.
5. Die Weltbühne. 1931. №7.
6. Germania-1930-1933.
7. Das Junge Zentrum. 1933.
8. Kölnische Volkszeitung- 1930-1933.
9. Kölnische Zeitung-1930-1933.
10. Neues Deutschland. 1948. Mai-Juni.
11. Schlesische Volkszeitung. 1930-1933.
12. Süddeutsche Zeitung. 1971.
13. Vorwärts-1930-1933.
14. Völkischer Beobachter. 1930-1933.
15. Zentralblatt. 1930.

Литература

1. Ахтамзян А.А. Советско-германские экономические отношения в 1922–1932 гг. // Новая и новейшая история. 1988. №4.
2. Ахтамзян А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1933 гг. // Новая и новейшая история. 1990. №5.
3. Ахтамзян А.А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922-1932 годах. М., 1974.
4. Гейден К. Путь НСДАП. М., 2004.
5. Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. Германский фашизм рвется к власти. М., 1972.
6. Горохов В.Н. История международных отношений. 1918–1939: Курс лекций. М.: Из-во Моск. ун-та, 2004.
7. Ерин М.Е. История Веймарской республики в новейшей германской историографии: Учебное пособие. Ярославль, 1997. С. 31-53.
8. Ерин М.Е. Исследования Г.А. Винклера по истории Веймарской республики // Вопросы истории. 2003. №3. С. 153-161;
9. История фашизма в Западной Европе. М., 1978.
10. Корнев Н. От Носке до Гитлера. М., 1934.
11. Макдоно Дж. Последний кайзер. Вильгельм Неистовый. М., 2004.
12. Овчинникова Л.В. Крах Веймарской республики в буржуазной историографии ФРГ. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 157-167. Здесь хотелось бы упомянуть очень оживленные дискуссии вокруг личности и политики Брюнинга между В. Конце и К.Д. Брахером в 50-е годы, между Й. Беккером и У. Венгстом в 80-м году, между К. Борхордом и Хольтфредихом в 80-е годы.
13. Орлова М.И. Канцлер Брюнинг как консервативная альтернатива Гитлеру. Споры германских историков // Новая и новейшая история. 1994. №2.
14. Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шрёдера. М., 2005.
15. Патрушев А.И. Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М.: Изд-во МГУ, 2009.

16. Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. Санкт-Петербург, 1997.
17. Поттхофф Х., Миллер С. Краткая история СДПГ. 1848–2002. М., 2003.
18. Раушер В. Гинденбург. Фельдмаршал и рейхспрезидент. М., 2003.
19. Розанов Г.Л. Очерки новейшей истории Германии (1918–1933). М., 1957.
20. Тельман Э. Задачи народной революции в Германии: Доклад на пленуме ЦК КПГ 15-17 января 1931. М., 1959.
21. Уильямс Ч. Аденауэр. Отец новой Германии. М., 2002.
22. Фест И. Адольф Гитлер. Биография. Т. 1. Пермь, 1993.
23. Фест И. Гитлер. Биография. Т. 2. Пермь, 1993.
24. Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании 1941–1990. М., 2009.
25. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 1. М., 1991.
26. Aretin K.O.F. Ein Reichskanzler in Wettlauf mit der Zeit // Suddeutsche Zeitung. 9/10. Januar, 1971. №8.
27. Bachem K. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei. Koln, 1931. Bd. 8.
28. Beer R.R. Heinrich Brüning. Berlin, 1931; Nobel A. Brüning. Leipzig, 1932; Schreibes Y. Brüning- Hitler- Schleicher. Das Zentrum in der Opposition. Koln, 1932.
29. Becker J. Heinrich Brüning und das Scheitern der Konservativen Alternative // Aus Politik und Zeitgeschichte. B 22/80. 31. Mai 1980.
30. Becker G. Brüning, Pralat Kaas und das Problem einer Regierungsbeteiligung der NSDAP 1930–1932 // Historische Zeitschrift. 1963. Bd. 196. H. 1.
31. Becker J. Geschichtsschreibung im politischen Optativ? Zum Problem der Alternativen im Prozeß der Auflösung einer Republik wider Willen // Aus Politik und Zeitgeschichte. B 50/80. 13. Dezember 1980.
32. Bracher K.D. Die Auflösung der Weimarer Republik. Eine Studie zum Problem des Machtverfalls in der Demokratie. Stuttgart-Dusseldorf, 1955.

33. Bracher K.D. Brünnings unpolitische Politik und die Auflösung der Weimarer Republik // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1971. H.2. S. 116. Buchheit G. Im Schatten Bismarcks. Brüning-Papen-Schleicher. Berlin-Leipzig-München. 1933.
34. Bracher K.D. Die Auflösung der Weimarer Republik. Eine Studie zum Problem des Machtverfalls in der Demokratie. Düsseldorf / Königstein, 1978. 6. Auflage.
35. Bracher K.D. Brünnings unpolitische Politik und die Auflösung der Weimarer Republik // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1971. H. 2.
36. Bracher K.D. Demokratie und Machtergreifung: Der Weg zum 30. Januar 1933 // Nationalistische Diktatur 1933-1945. Eine Bilanz. Hrsg. K.D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen. Bonn, 1986.
37. Das Ende der Parteien 1933. Düsseldorf, 1960.
38. Der soziale und politische Katholizismus. Entwicklungslinien in Deutschland 1803-1963. Bd. 1. München-Wien. 1981.
39. Deuerlein E. Deutsche Kanzler. Von Bismarcks bis Hitler. München, 1968.
40. Die Deutsche Staatskrise 1930-1933. Handlungsspielräume und Alternativen. Hrsg. H.A. Winkler. München, 1992.
41. Die Reparationspolitik Heinrich Brünnings 1930–1931. Bd. 1. Bonn, 1980.
42. Die Weimarer Republik. Bd. 3. Das Ende der Demokratie 1929–1933. München, 1995.
43. Die Weimarer Republik 1918-1933. Politik. Wirtschaft. Gesellschaft. K.D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen (Hrsg.) Bonn, 1988.
44. Eyck E. Geschichte der Weimarer Republik. Bd. 2. Erlenbach-Zürich-Stuttgart, 1956.
45. Funke M. Republik im Untergang. Die Zerstörung des Parlamentarismus als Vorbereitung der Diktatur // Die Weimarer Republik 1918-1933. Politik. Wirtschaft. Gesellschaft. K.D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen (Hrsg.) Bonn, 1988.
46. Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 4. Berlin, 1966.

47. Grebing H. Zentrum und katholische Arbeiterschaft, 1918-1933. Berlin. 1953. ; Krone H. Kabinett Brüning // Das Junge Zentrum. 1930. №4.
48. Gusy Ch. Die Weimarer Reichsverfassung. Tübingen, 1997.
49. Heyde Ph. Das Ende Reparationen. Deutschland, Frankreich und der Young-plan 1929-1932. Paderborn. München. Vien. Zurich, 1998.
50. Hillgruber A. Die Aussenpolitik der Weimarer Republik in der Spannung zwischen dem Trauma der Niederlage von 1918 und dem fortdauernden weltpolitischen Geltungsanspruch // 1933, wie die Republik der Diktatur erlag. V. Rittberger (Hrsg.). Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1983.
51. Holtfrerich C.-L. Alternativen zu Brunings Wirtschaftspolitik in der Weltwirtschaftskrise // Historische Zeitschrift. 1982. H. 3.
52. Hömig H. Brüning. Kanzler in der Krise des Republik. Eine Weimaren Biographie. Padeborn, München, Wien, Zurich. 2000
53. Hömig H. Brüning. Politixer ohne Auftrag. Zwieschen Weimarer und Bonner Republik. Paderborn, München, Wien, Zürich. 2005.
54. Jackel E. Hitlers Herrschoft. Vollzug einer Weltanschauung. Stuttgart, 1986.
55. Jasper Y. Die gescheiterte Zahnung. Wege zur Machterergreifung Hitlers 1930–1934. Frankfurt am Main, 1986.
56. Johns L.E. Adam Stegerwald und die Krise des deutschen Parteilsystems // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1979. №1.
57. Junker D. Heinrich Brüning // Die deutsche Kanzler. Von Bismark bis Merkel. Hrsg. W. von Sternburg. Berlin, 2006.
58. Kampfe- Krisen –Kompomisse. Kritische Beitrage zum 125 – jährigen Jubileum der SPD. D.Dowe. K. Klotsbach. Bonn, 1989.
59. Kruger P. Die Außenpolitik der Republik von Weimar. Darmstadt, 1993.
60. Lohe E. Heinrich Brüning. Offizier– Staatsmann – Gelehrter. Gottingen-Zurich- Frankfurt, 1969.
61. Longerich P. Deutschland 1918–1933: Die Weimarer Republik. Handbuch zur Geschichte. Hannover, 1995.
62. May G. Ludwig Kaas. Der Prister, der Politiker und der Gelehrte aus der Schule von Ulrich Stutz. Bd. 3. Amsterdam, 1982.

63. Meister R. Die große Depression. Zwangslagen und Handlungsspielräume der Wirtschafts und Finanzpolitik in Deutschland 1929-1932. Regensburg, 1991.
64. Meyer G. Die Reparationspolitik. Ihre außen- und innenpolitischen Rückwirkungen // Die Weimarer Republik 1918–1933. Politik. Wirtschaft. Gesellschaft.
65. Michalka W. Deutsche Außenpolitik 1920–1933 // Die Weimarer Republik 1918–1933. Politik. Wirtschaft. Gesellschaft.
66. Miller M. Eugen Bolz. Staatsmann und Bekenner. Stuttgart, 1951.
67. Mommsen H. Heinrich Brüning's Politik als Reichskanzler: das Scheitern eines politischen Alleinganges // Wirtschaftskrise und liberale Demokratie. Hrsg. K. Holl. Göttingen, 1978.
68. Morsey R. Der Untergang des Politischen Katholizismus. Die Zentrumsparlei zwischen christlichem Selbstverständnis und «Nationaler Erhebung» 1932/33. Stuttgart-Zürich, 1977.
69. Morsey R. Das Zentrum zwischen den Fronten // Der Weg in die Diktatur 1918–1933. Zehn Beiträge. München, 1963.
70. Morsey R. Zur Entstehung, Authentizität und Kritik von Brüning's «Memoiren 1918–1934». Opladen: Westdeutscher Verlag, 1975.
71. Morsey R. Die Deutsche Zentrumsparlei // Das Ende der Parteien 1933. Düsseldorf, 1960.
72. Morsey R. Emigration und Nachkriegsplanung –Vorschläge und Vorstellungen Heinrich Brüning's über den Neuaufbau in Deutschland // Politische Parteien auf dem Weg zur parlamentarischen Demokratie in Deutschland. Entwicklungslinien bis zur Gegenwart. Düsseldorf, 1981.
73. Morsey R. Brüning und Adenauer. Zwei deutschen Staatsmänner. Düsseldorf, 1972.
74. Neebe R. Großindustrie, Staat und NSDAP 1930–1933. Göttingen, 1981.
75. Nobel. A. Der letzte demokratische Kanzler // Heinrich Brüning. Ein deutscher Staatsmann im Urteil der Zeit. Reden und Aufsätze gesammelt von W. Vernekehl. München, 1961.
76. Peukert D. I. K. Die Weimarer Republik. Krisenjahre der klassischen Moderne. Frankfurt / Main, 1987.

77. Schwering L. Stegerwalds und Brünings Vorstellungen über Parteireform und Parteiensystem // Staat, Wirtschaft und Politik in der Weimarer Republik. Festschrift für Heinrich Brüning. Berlin, 1967.
78. Schulze H. Weimar. Deutschland 1917–1933. Berlin, 1982.
79. Sontheimer K. Das antidemokratische Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. München, 1962.
80. Vogelsang T. Reichswehr, Staat und NSDAP. Beirage zur deutschen Geschichte. 1930–1932. Stuttgart, 1962.
81. Volk. L. Brüning in eigener Sache. Zu den Memoiren des letzten Zentrumskanzler // Stimmen der Zeit. 1971. H.2.
82. Volkmann P.O. Heinrich Brüning (1885–1970). Nationalist ohne Heimat. Eine Teilbiographie. Düsseldorf, 2007.
83. Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Vierter Band. Vom Beginn der Ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten 1914–1949. München, 2003.
84. Weimar. Ein Lesebuch zur deutschen Geschichte 1918–1933. Hsg. H.A. Winkler und A. Cammann. München, 1999.
85. Weimarer Republik. Bd. 1. München, 2000.
86. Wendt B.J. Deutschland 1933–1945. Das «Dritte Reich». Handbuch zur Geschichte. Hannover, 1995.
87. Wengst U. Heinrich Brüning und die «konservative Alternative». Kritische Anmerkungen zu neuen Thesen über die Endphase der Weimarer Republik // Aus Politik und Zeitgeschichte. B 50/80. 13. Dezember 1980.
88. Winkler H.A. Weimar 1918–1933. Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München. 1993.
89. Winkler H.A. Ein Votum gegen Weimar –die Wohl Hindenburgs // Weimar. Ein Lesebuch zur deutschen Geschichte 1918–1933. Hrsg. H.A. Winkler und A. Cammann. München, 1999.
90. Winkler H.A. Die Vermeidung des Bürgerkrieges. Zur Kontinuität sozial-demokratischer Politik in der Weimarer Republik // Nation und Gesellschaft in Deutschland. Historische Essays. München, 1996.
91. Winkler H.A. Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik. Requiem für eine Republik. Zum Problem der Verantwortung für das Scheitern der ers-

- ten deutschen Demokratie // Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Bonn, 1994.
92. Wirtschaftskrise und liberale Demokratie. Das Ende der Weimarer Republik und die gegenwärtige Situation. Hrsg. K. Holl. Göttingen, 1978.
 93. Zechlin W. Presschef bei Ebert, Hindenburg und Kopf. Hannover, 1956.
 94. Zeitgeschichte in Lebensbildern. Aus dem deutschen Katholizismus des 20. Jahrhunderts. Hrsg. R. Morsey. Mainz, 1973.

Примечания

Введение

- ¹Beer R.R. Heinrich Brüning. Berlin, 1931; Nobel A. Brüning. Leipzig, 1932; Schreibes Y. Brüning- Hitler- Schleicher. Das Zentrum in der Opposition. Köln, 1932.
- ²Тельман Э. Задачи народной революции в Германии. Доклад на пленуме ЦК КПГ 15–17 января 1931. М., С. 49
- ³Корнев Н. От Носке до Гитлера. М., 1934. С. 148, 150
- ⁴См. подробно: Орлова М.И. Канцлер Брюнинг как консервативная альтернатива Гитлеру. Споры германских историков // Новая и новейшая история. 1994. №2. С.36-48; Ерин М.Е. История Веймарской республики в новейшей германской историографии: Учебное пособие. Ярославль, 1997. С. 31-53; он же. Исследования Г.А. Винклера по истории Веймарской республики// Вопросы истории. 2003. №3. С.153-161; Овчинникова Л.В. Крах Веймарской республики в буржуазной историографии ФРГ. М.: Изд- во МГУ, 1983. С. 157-167. Здесь хотелось бы упомянуть очень оживленные дискуссии вокруг личности и политики Брюнинга между В. Конце и К.Д. Брахе-ром в 50-е годы, между Й. Беккером и У. Венгстом в 80-м году, между К. Борхордом и Хольтфредихом в 80-е годы.
- ⁵Bracher K.D. Die Auflösung der Weimarer Republik. Eine Studie zum Problem des Machtverfalls in der Demokratie. Stuttgart;Düsseldorf, 1955.
- ⁶Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. Германский фашизм рвется к власти. М. 1972. С. 81; История фашизма в Западной Европе. М., 1978. С. 193–194.
- ⁷Розанов Г.Л. Очерки новейшей истории Германии (1918-1933). М., 1957. С. 142.
- ⁸Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. Санкт- Петербург, 1997. С. 494, 496.
- ⁹Патрушев А.И. Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 235.
- ¹⁰Hömig H. Brüning. Kanzler in der Krise des Republik. Eine Weimaren Biographie. Paderborn, München, Wien, Zürich. 2000; он же. Brüning.

-
- Politiker ohne Auftrag. Zwieschen Weimarer und Bonner Republik. Paderborn, München, Wien, Zurich, 2005.
- ¹¹ Volkmann P.O. Heinrich Brüning (1885-1970). Nationalist ohne Heimat. Eine Teilbiographie. Düsseldorf, 2007.
- ¹² Brüning H. Memoiren 1918–1934/ Stuttgart, 1970.
- ¹³ Bracher K.D. Brünings unpolitische Politik und die Auflösung der Weimarer Republik// Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1971. H. 2. S. 113-114.
- ¹⁴ K.O.F. von Aretin. Ein Reichskanzler in Wettlauf mit der Zeit // Süddeutsche Zeitung. 9/10. Januar, 1971. №8. S. 86.
- ¹⁵ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 5. November 1970. S. 19.
- ¹⁶ Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. Stuttgart, 1974; он же. Briefe 1946–1960. Stuttgart, 1974.
- ¹⁷ Brüning H. Reden und Aufsätze eines deutschen Staatsmann. München, 1968.
- ¹⁸ Die Protokolle der Reichstagsfraktion und des Fraktionsvorstands der Deutschen Zentrumsparlei 1926- 1933. Bearbeitet von R. Morsey. Mainz, 1969.
- ¹⁹ Akten der Reichskanzlei. Die Kabinette Brüning I und II. Bd. 1-2. Boppard am Rhein. 1982.
- ²⁰ Politik und Wirtschaft in der Krise, 1930-1932. Quellen zur Brüning. Bd. 1-2. Düsseldorf, 1980.

Глава I

- ¹ Hömig H. Brüning. Kanzler in der Krise der Republik. S. 31.
- ² Junker D. Heinrich Brüning // Die deutsche Kanzler. Von Bismark bis Merkel. Hrsg. W. von Sternburg. Berlin, 2006. S. 432.
- ³ Ibid. S. 33.
- ⁴ Ibid. S. 34.
- ⁵ Ibid. S. 36.
- ⁶ Орлова М.И. Канцлер Брюнинг как консервативная альтернатива Гитлеру. С. 37.
- ⁷ Beer R.R. Heinrich Brüning. S. 10.
- ⁸ Hömig H. Brüning. Kanzler in der Krise der Republik. S. 35.
- ⁹ Ibid. S. 37.
- ¹⁰ Lohe E. Heinrich Brüning. Offizier– Staatsmann– Gelehrter. Göttingen-Zürich- Frankfurt, 1969. S. 26.
- ¹¹ Hömig H. Op.cit. S.51; Junker D. Heinrich Brüning. S. 432.

Глава II

- ¹ Фест И. Адольф Гитлер. Биография. Т.1. Пермь, 1993. С. 118.
- ² Junker D. Heinrich Brüning. S. 434.
- ³ Hömig H. Brüning. Kanzler in der Kriegerzeit der Republik. S. 55
- ⁴ Volkmann P.O. Heinrich Brüning. Nationalist ohne Heimat. S. 41.
- ⁵ Brüning H. Memoiren. S. 39.
- ⁶ Lohe E. Heinrich Brüning: Offizier- Staatsmann- Gelehrter. Göttingen; Zürich; Frankfurt/ M., 1969. S. 19.
- ⁷ Brüning H. Memoiren. S. 40.
- ⁸ Brüning H. Reden und Aussprüche eines deutschen Staatsmanns. München, 1968. S. 117.
- ⁹ Brüning H. Memoiren. S. 31.
- ¹⁰ Junker D. Heinrich Brüning. S. 29.
- ¹¹ Treviranus G.R. Das Ende von Weimar. Heinrich Brüning und seine Zeit. Düsseldorf –Wien. 1968. S. 11.
- ¹² Ibid. S. 34.
- ¹³ Beer R.R. Heinrich Brüning. S. 29
- ¹⁴ Brüning H. Memoiren. S. 44.
- ¹⁵ Ibid. S. 56.
- ¹⁶ Beer R.R. Heinrich Brüning. S. 30.
- ¹⁷ Ibid. S. 44.
- ¹⁸ Beer R.R. Heinrich Brüning. S. 30.
- ¹⁹ Junker D. Heinrich Brüning. S. 431.
- ²⁰ Nobel. A. Brüning. S. 21.
- ²¹ Brüning H. Memoiren. S. 60.
- ²² Hömig H. Brüning. Kanzler in der Kriegerzeit der Republik. S. 77.
- ²³ Becker J. Heinrich Brüning in den Krisenjahren der Weimarer Republik // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1966. Heft 4. S. 203.
- ²⁴ Beer R.R. Heinrich Brüning. S. 34.
- ²⁵ Volkmann P.O. Op. cit. S. 64-65; Becker J. Heinrich Brüning und das Scheitern der Konservativen Alternative // Aus Politik und Zeitgeschichte. B 22/80. 31. Mai 1980. S. 4.
- ²⁶ Becker J. Heinrich Brüning und das Scheitern der Konservativen Alternative. S. 4-5.
- ²⁷ Johns L.E. Adam Stegerwald und die Krise des deutschen Parteiensystems// Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1979. №1. S. 15-16.
- ²⁸ Ibid. S. 27.

-
- ²⁹ Schwering L. Stegerwalds und Brünings Vorstellungen über Parteiform und Parteiensystem // Staat, Wirtschaft und Politik in der Weimarer Republik. Festschrift für Heinrich Brüning. Berlin, 1967. S. 24.
- ³⁰ Volkmann P.O. Op. cit. S. 70-71.
- ³¹ Sontheimer K. Das antidemokratische Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. München, 1962. S. 34.
- ³² Volkmann P.O. Op. cit. S. 56.
- ³³ Ibid. S. 57.
- ³⁴ Ibid. S. 58.
- ³⁵ Mommsen H. Heinrich Brünings Politik als Reichskanzler: das Scheitern eines politischen Alleinganges // Wirtschaftskrise und liberale Demokratie. Hrsg. K. Holl. Göttingen, 1978. S. 32.
- ³⁶ Nobel. A. Der letzte demokratische Kanzler // Heinrich Brüning. Ein deutscher Staatsmann im Urteil der Zeit. Reden und Aufsätze gesammelt von W. Vernekohl. München, 1961. S. 146.
- ³⁷ H. Brüning. Kanzler in der Kriege der Republik. S. 78.
- ³⁸ Brüning H. Memoiren. S. 66.
- ³⁹ Winkler H.A. Weimar 1918-1933. S. 126–127.
- ⁴⁰ Brüning H. Memoiren. S. 91.
- ⁴¹ Ibid. S. 98–99.
- ⁴² Ibid. S. 107.

Глава III

- ¹ Brüning H. Memoiren. S. 108, 113.
- ² Brüning H. Die Finanzierung des Wohnungsbaues // Das Nationale Bauprogramm. Berlin, 1927. S. 67-85.
- ³ Раушер В. Гинденбург. Фельдмаршал и рейхспрезидент. М., 2003. С. 246.
- ⁴ Winkler H.A. Ein Votum gegen Weimar – die Wohl Hindenburgs // Weimar. Ein Lesebuch zur deutschen Geschichte 1918–1933. Hrsg. H.A. Winkler und A. Cammann. München, 1999. S. 188.
- ⁵ Brüning H. Memoiren. S. 116.
- ⁶ Volkmann P.O. Op. cit. S. 84.
- ⁷ Brüning H. Memoiren. S. 116-117.
- ⁸ Volkmann P.O. Op. cit. S. 86.
- ⁹ Ibid. S. 87.
- ¹⁰ Ibid. S. 88.

-
- ¹¹ Ibidem.
- ¹² Becker J. Heinrich Brüning in den Krisenjahren der Weimarer Republik. S. 206.
- ¹³ Buchheit G. Im Schatten Bismarcks. Brüning-Papen-Schleicher. Berlin-Leipzig-München. 1933. S. 19-20.
- ¹⁴ Die Protokolle der Reichstagsfraktion und des Fraktionsvorstands der Deutschen Zentrumspartei. S. 260.
- ¹⁵ «План Юнга». М., 1930. По мнению историка Ф. Хейде, план Юнга был компромиссом, но не реалистичным. Он основывался не на объективных оценках немецкой платежеспособности. – Heyde Ph. Das Ende Reparationen. Deutschland, Frankreich und der Young-Plan 1929-1932. Paderborn. München. Wien. Zürich, 1998. S. 48.
- ¹⁶ Die Protokolle. S. 308, 312, 314.
- ¹⁷ Ibid. S. 306.
- ¹⁸ Heyde Ph. Das Ende der Reparationen. Deutschland, Frankreich und der Young-plan 1929-1932. S. 68-69.
- ¹⁹ Die Protokolle. S. 323.
- ²⁰ Ibid. S. 323, 325.
- ²¹ Brüning H. Memoiren. S. 145.
- ²² Ibid. S. 146.
- ²³ Ibid. S. 147.
- ²⁴ Ibid. S. 148.
- ²⁵ Ibid. S. 149.
- ²⁶ Ibid. S. 150.
- ²⁷ Ibidem.
- ²⁸ Ibid. S. 150-151.
- ²⁹ Politik und Wirtschaft in der Krise, 1930–1932. Quellen zur Brüning. Bd. 1. Düsseldorf, 1980. S. 23, 34, 41–43.
- ³⁰ Die Protokolle. S. 375.
- ³¹ Morsey R. Neue Quelle zur Vorgeschichte der Reichskanzlerschaft Brüning // Staat, Wirtschaft und Politik in der Weimarer Republik. Festschrift für Heinrich Brüning. Berlin, 1967. S. 210-211.
- ³² Die Protokolle. S. 383.
- ³³ Ibid. S. 384.
- ³⁴ Morsey R. Neue Quelle zur Vorgeschichte der Reichskanzlerschaft Brüning. S. 213-214; Politik und Wirtschaft in der Krise 1930–1932. Bd. 1. S. 61.
- ³⁵ Morsey R. Neue Quelle zur Vorgeschichte der Reichskanzlerschaft Brüning. S. 215.

-
- ³⁶ Politik und Wirtschaft in der Krise 1930–1932. Bd. 1. S. 62.
- ³⁷ Ibid. S. 63.
- ³⁸ Vogelsang T. Reichswehr, Staat und NSDAP. Beiträge zur deutschen Geschichte. 1930–1932. Stuttgart, 1962. S. 414.
- ³⁹ Die Protokolle. S. 407.
- ⁴⁰ Brüning H. Memoiren. S. 155.
- ⁴¹ Verhandlungen des Reichstags, Bd. 427. S. 4372.
- ⁴² Die Protokolle. S. 427.
- ⁴³ Longerich P. Deutschland 1918–1933: Die Weimarer Republik. Handbuch zur Geschichte. Hannover, 1995. S. 264.
- ⁴⁴ Цит. по: Hömig H. Brüning. Kanzler in der Krise der Republik. S. 144.
- ⁴⁵ Morsey R. Neue Quelle zur Vorgeschichte der Reichskanzlerschaft Brüning. S. 225.
- ⁴⁶ Heyde Ph. Op. cit. S. 74.
- ⁴⁷ Winkler H.A. Die Vermeidung des Bürgerkrieges. Zur Kontinuität sozial-demokratischer Politik in der Weimarer Republik // Nation und Gesellschaft in Deutschland. Historische Essays. München, 1996. S. 292.
- ⁴⁸ Wengst U. Heinrich Brüning und die «konservative Alternative» // Aus Politik und Zeitgeschichte. B 50/80. 13. Dezember 1980. S. 20.
- ⁴⁹ Die Deutsche Staatskrise 1930–1933. Handlungsspielräume und Alternativen. Hrsg. H.A. Winkler. München, 1992. S. 50-51.

Глава IV

- ¹ Brüning H. Memoiren. S. 161-162.
- ² Ibid. S. 166.
- ³ Hömig H. Brüning. S. 152.
- ⁴ Morsey R. Neue Quelle zur Vorgeschichte der Reichskanzlerschaft Brüning. S. 228.
- ⁵ Politik und Wirtschaft in der Krise, 1930–1932. Quellen zur Ära Brüning. S.LVII.
- ⁶ Aretin K.O.F. Ein Reichskanzler in Wettlauf mit der Zeit // Süddeutsche Zeitung. 9/10. Januar, 1971. №8. S. 86.
- ⁷ Volk. L. Brüning in eigener Sache. Zu den Memoiren des letzten Zentrumskanzler // Stimmen der Zeit. 1971. H. 2. S. 124.
- ⁸ Morsey R. Der Untergang des Politischen Katholizismus. Die Zentrums-partei zwischen christlichem Selbstverständnis und «Nationaler Erhebung» 1932/33. Stuttgart-Zürich, 1977. S. 43.

-
- ⁹ Treviranus G.R. Das Ende von Weimar. Heinrich Brüning und seine Zeit. Düsseldorf – Wien. 1968. S. 118.
- ¹⁰ Grebing H. Zentrum und katholische Arbeiterschaft, 1918–1933. Berlin. 1953. S.285; Krone H. Kabinett Brüning // Das Junge Zentrum. 1930. №4. S. 1.
- ¹¹ Zentralblatt. 1930. 15. Apr. №8. S. 113.
- ¹² Der soziale und politische Katholizismus. Entwicklungslinien in Deutschland 1803-1963. Bd. 1. München-Wien, 1981. S. 185.
- ¹³ Morsey R. Das Zentrum zwischen den Fronten // Der Weg in die Diktatur 1918-1933. Zehn Beiträge. München, 1963. S. 101.
- ¹⁴ Düsseldorfer Tageblatt. 1930. 1. Apr.
- ¹⁵ Zeitgeschichte in Lebensbildern. Aus dem deutschen Katholizismus des 20. Jahrhunderts. Hrsg. R. Morsey. Mainz, 1973. S. 268.
- ¹⁶ Vorwärts, 3. Apr. 1930.
- ¹⁷ Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. С. 89.
- ¹⁸ Brüning H. Memoiren. S. 169.
- ¹⁹ Junker D. Heinrich Brüning. Die deutschen Kanzler. Von Bismarcks bis Merkel. S. 420.
- ²⁰ Winkler H.A. Weimar 1918–1933. S. 475.
- ²¹ Bracher K.D. Brunings unpolitische Politik und die Auflösung der Weimarer Republik // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1971. H. 2. S. 117–120; он же. Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart und Düsseldorf, 1957. S. 287.
- ²² Winkler H.A. Weimar 1918–1933. S. 474.
- ²³ Brüning H. Memoiren. S. 201.
- ²⁴ Brüning H. Memoiren. S. 454; он же. Reden und Aufsätze eines deutschen Staatsmanns. Münster, 1968. S. 328.
- ²⁵ Morsey R. Zur Entstehung, Authentizität und Kritik von Brünings «Memoiren 1918–1934». Opladen: Westdeutscher Verlag, 1975. S. 35.
- ²⁶ Bracher K.D. Brünings unpolitische Politik und die Auflösung der Weimarer Republik // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1971. H. 2. S. 116.
- ²⁷ Mommsen H. Heinrich Brüning als Reichskanzler: das Scheitern eines politischen Alleinganges // Wirtschaftskrise und liberale Demokratie. Hrsg. K. Holl. Göttingen, 1978. S. 32.
- ²⁸ Eyck E. Geschichte der Weimarer Republik. Bd. 2. Erlangen-Zürich-Stuttgart, 1956. S. 319–321.
- ²⁹ Ibid. S. 321.

-
- ³⁰ Цит. по: Deuerlein E. Deutsche Kanzler. Von Bismarks bis Hitler. München, 1968. S. 403.
- ³¹ Ibid. S. 407.
- ³² Köhler H. Lebenserinnerungen des Politikers und Staatsmannes 1878–1949. Stuttgart, 1964. S. 226.
- ³³ Treviranus G.R. Das Ende von Weimar. Heinrich Brüning und seine Zeit. S. 125, 164.
- ³⁴ Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 1. М., 1991. С. 169.
- ³⁵ Цит. по: Уильямс Ч. Аденауэр. Отец новой Германии. М., 2002. С. 206.
- ³⁶ Volk L. Op. cit. S. 124.
- ³⁷ Schulze H. Weimar. Deutschland 1917–1933. Berlin, 1982. S. 326.
- ³⁸ Verhandlungen des Reichstags. Bd. 427. Berlin, 1930. S. 4728.
- ³⁹ Politik und Wirtschaft in der Krise 1930–1932. Quellen zur Ära Brüning. Bd. 1. S. 278.
- ⁴⁰ Ibid. S. 263.
- ⁴¹ Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. Die Kabinett Brüning I und II. Bd. 1. S. 235.
- ⁴² Ibid. S. 230.
- ⁴³ Die Protokolle der Reichstagsfraktion und des Fraktionsvorstands der Deutschen Zentrumspartei. 1926–1933. S. 457.
- ⁴⁴ Verhandlungen des Reichstags. Bd. 428. Berlin. S. 6373.
- ⁴⁵ Ibid. S. 6506–6507.
- ⁴⁶ Ibid. S. 6523.
- ⁴⁷ Brüning H. Reden und Aufsätze eines deutschen Staatsmann. S. 64.
- ⁴⁸ Gusy Ch. Die Weimarer Reichsverfassung. Tübingen, 1997. S. 404–405; Peukert D.G.K. Die Weimarer Republik. Krisenjahre der klassischen Moderne. Frankfurt /Main, 1987. S. 252–253; Поттхофф Х., Миллер С. Краткая история СДПГ. 1848–2002. М., 2003. С. 140.
- ⁴⁹ Wendt B.J. Deutschland 1933–1945. Das «Dritte Reich». Handbuch zur Geschichte. Hannover, 1995. S. 60–61.
- ⁵⁰ Bracher K.D. Die Auflösung der Weimarer Republik. Eine Studie zum Problem des Machtverfalls in der Demokratie. Düsseldorf / Königstein, 1978. 6. Auflage. S. 302.
- ⁵¹ Цит. по: Das Ende der Parteien 1933. Düsseldorf, 1960. S. 295.
- ⁵² Neebe R. Großindustrie, Staat und NSDAP 1930–1933. Göttingen, 1981. S. 74.
- ⁵³ Treviranus G.R. Op. cit. S. 152.

-
- ⁵⁴ Bergstrasser L. Geschichte der politischen Parteien in Deutschland. München, 1955. S. 285.
- ⁵⁵ Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. С. 96-97.
- ⁵⁶ Deutsche Allgemeine Zeitung. 11. und 25. August 1930.
- ⁵⁶ Winkler H.A. Weimar 1918–1933. S. 385.
- ⁵⁷ Deutsche Allgemeine Zeitung. 11. und 25. August 1930.
- ⁵⁸ Bachem K. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei. Köln, 1931. Bd. 8. S. 350.
- ⁵⁹ ZSTA. Potsdam. Reichskanzlei. Film. №19186N.
- ⁶⁰ Germania. 1930. 19. Aug.
- ⁶¹ Brüning H. Reden und Aussätze eines deutschen Staatsmanns. S. 65-66.
- ⁶² ZSTA. Potsdam. Reichskanzlei. Film. №19186N.
- ⁶³ XI Пленум ИККИ: Стенографический отчет. М., 1932. С. 147.
- ⁶⁴ Gusy Ch. Die Weimarer Reichsverfassung. S. 406.
- ⁶⁵ Фест И. Гитлер. Биография. Т.2. Пермь, 1993. С. 132.
- ⁶⁶ Politik und Wirtschaft in der Krise. Bd. 1. S. 477.
- ⁶⁷ Wengst U. Heinrich Brüning und die «konservative Alternative». Kritische Anmerkungen zu neuen Thesen über die Endphase der Weimarer Republik // Aus Politik und Zeitgeschichte. B 50/80. 13. Dezember 1980. S. 20.
- ⁶⁸ Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. Bd. 1. S. 428
- ⁶⁹ Köhler H. Erinnerungen des Politikers und Staatsmanns 1878–1949. Stuttgart, 1964. S. 300.
- ⁷⁰ Jasper Y. Die gescheiterte Zahnung. Wege zur Machtergreifung Hitlers 1930- 1934. Frankfurt am Main, 1986. S. 57.
- ⁷¹ Braun O. Von Weimar zu Hitler. New York. 1940. Hamburg, 1949. S. 309.
- ⁷² Pünder H. Politik in der Reichskanzlei. Aufzeichnungen aus den Jahren 1929- 1932. Stuttgart, 1961. S. 62-63
- ⁷³ Vorwärts. 1930. 4 Oct.
- ⁷⁴ Kampfe– Krisen – Kompomisse. Kritische Beiträge zum 125 –jährigen Jubiläum der SPD. D.Dowe. K. Klotsbach. Bonn, 1989. S. 72.
- ⁷⁵ Winkler H.A. Weimar 1918–1933. S. 398; он же. Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik. Bd. 1. München, 2000. S. 495.
- ⁷⁶ Longerich P. Deutschland 1918–1933: Die Weimarer Republik. S. 278.
- ⁷⁷ Brüning H. Memoiren 1918–1934. S. 201
- ⁷⁸ Ibid. S.192–194; Pünder H. Op. cit. S. 65.

-
- ⁷⁹ Becker G. Brüning, Pralat Kaas und das Problem einer Regierungsbeteiligung der NSDAP 1930-1932// Historische Zeitschrift. 1963. Bd. 196. H. 1. S. 82.
- ⁸⁰ Brüning H. Memoiren 1918–1934. S. 194.
- ⁸¹ Treviranus G.R. Das Ende von Weimar. Heinrich Brüning und seine Zeit. S. 164
- ⁸² Brüning H. Memoiren 1918–1934. S. 195
- ⁸³ Junker D. Heinrich Brüning. S. 432.
- ⁸⁴ Auten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. Die Kabinete Brüning I und II. Bd. 1. S. 510-511.
- ⁸⁵ Die Protokolle. S. 479-480
- ⁸⁶ Staat und NSDAP 1930-1932. Quellen zur Ära Brüning. Düsseldorf, 1977. S. 95–96.
- ⁸⁷ Die Kabinete Brüning I und II. Bd. 1. S. 586–587.
- ⁸⁸ Die Protokolle. S. 500
- ⁸⁹ Die Kabinete Brüning I und II. Bd. 1. S. 754
- ⁹⁰ Lüther H. Vor dem Abgrund, 1930-1933. Berlin, 1964. S. 128.
- ⁹¹ Die Weltbühne. 1931. №7. S. 236.
- ⁹² Longerich P. Deutschland 1918–1933: Die Weimarer Republik, Hannover, 1995. S. 279.
- ⁹³ Die Weimarer Republik 1918–1933. Politik. Wirtschaft. Gesellschaft. K.D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen (Hrsg.) Bonn, 1988. S. 637.
- ⁹⁴ Junker D. Heinrich Brüning // Die deutschen Kanzler. Von Bismarck bis Merkel. S. 425.
- ⁹⁵ Die Protokolle. S. 452.
- ⁹⁶ Verhandlungen des Reichstags. Bd. 444. S. 255-256.
- ⁹⁷ Макдоно Дж. Последний кайзер. Вильгельм Неистовый. М., 2004. С. 694.
- ⁹⁸ Junker D. Op. cit. S. 428; Winkler H.A. Weimar 1918–1933. Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München, 1993. S. 421.
- ⁹⁹ Meyer G. Die Reparationspolitik. Ihre außen- und innenpolitischen Rückwirkungen // Die Weimarer Republik 1918–1933. Politik. Wirtschaft. Gesellschaft. S. 341.
- ¹⁰⁰ Wirtschaftskrise und liberale Demokratie. Das Ende der Weimarer Republik und die gegenwärtige Situation. Hrsg. K. Holl. Göttingen, 1978. S. 28.
- ¹⁰¹ Morsey R. Zur Entstehung, Authentizität und Politik von Brunings «Memoiren 1918–1934». Opladen, 1979. S. 36.
- ¹⁰² Ibid. S. 37.

-
- ¹⁰³ Winkler H.A. Weimar 1918–1933. S. 427, 475.
- ¹⁰⁴ Heyde Ph. Das Ende der Reparationen. S. 80, 81, 121, 467.
- ¹⁰⁵ Die Protokolle der Reichstagsfraktion und des Fraktionsvorstands der Deutschen Zentrumspartei 1926–1933. S. 568.
- ¹⁰⁶ Verhandlungen des Reichstags. Bd. 444. S. 811.
- ¹⁰⁷ Brüning H. Memoiren 1918–1933. S. 247, 254.
- ¹⁰⁸ Longerich P. Op. cit. S.283–284.
- ¹⁰⁹ Ursachen und Folgen. Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung in der Gegenwart. Bd. 8. Berlin. 1961. S. 160.
- ¹¹⁰ Brüning H. Memoiren. S. 278–279, 284.
- ¹¹¹ 12-й [рейхсканцлер Веймарской республики](http://ru.wikipedia.org/?oldid=23445165). URL: [http:// ru. wikipedia.org/ ?oldid=23445165](http://ru.wikipedia.org/?oldid=23445165) (дата обращения: 04.05.2010).
- ¹¹² Heinrich Brüning. URL: <http://einestages.spiegel.de/external / ShowEntry /SlonShowNotices /S8046.html> (дата обращения: 04.05.2010).
- ¹¹³ Das Kabinett Brüning I. Quelle: Bundesarchiv Bild 183-H29788. URL: <http://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/0010 /bru/bru 2p / bild2/index.html> (дата обращения: 04.05.2010).
- ¹¹⁴ Undatierte Aufnahme des deutschen Reichskanzlers (1930-1932) Heinrich Brüning. URL: [http:// www.welt.de/ politik /article 893303/ Vor_75_Jahren_Wie_Bruenings_Sturz_die_deutsche_Katastrophe_einleitete. html](http://www.welt.de/ politik /article 893303/ Vor_75_Jahren_Wie_Bruenings_Sturz_die_deutsche_Katastrophe_einleitete. html) (дата обращения: 04.05.2010).
- ¹¹⁵ URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_b/bruning.html (дата обращения: 04.05.2010).
- ¹¹⁶ French and German Ministers. URL: <http://www.corbisimages.com/Enlargement /SF16532.html> (дата обращения: 04.05.2010).
- ¹¹⁷ Dr. Heinrich Brüning - June 15, 1931. URL: <http://www.coverbrowser.com /image /time/433-1> (дата обращения: 04.05.2010).
- ¹¹⁸ Berlin, Ausflug deutscher und englischer Politiker. URL: http://upload.wikimedia.org/ wikipedia/commons/ 2/21/Bundesarchiv_Bild_102-12081% 2C _Berlin%2C_ Ausflug_deutscher und _englischer_Politiker.jpg (дата обращения: 04.05.2010).
- ¹¹⁹ Chancellor Brüning and Foreign Minister Julius Curtius saying goodbye to British Prime Minister Ramsay MacDonald at Tempelhof airport, July 1931. URL: http://en.wikipedia.org/wiki /File: Bundesarchiv_Bild_102- 12084, _Berlin-Tempelhof, _Abreise_Ramsay_MacDonalds. jpg (дата обращения: 04.05.2010).
- ¹²⁰ Rom, Deutscher Staatsbesuch, Brüning. URL: http://commons.wikimedia.org/wiki/ File: Bundesarchiv_Bild_183-2008-0826-506, _Rom

-
- _Deutscher _Staatsbesuch,_ Br%C3%B Cning.jpg (дата обращения: 04.05.2010).
- ¹²¹ Bruning Speaks to the Reichstag, October 1931. URL: [http:// www.corbisimages.com / Enlargement / AU001085. html](http://www.corbisimages.com/Enlargement/AU001085.html) (дата обращения: 04.05.2010).
- ¹²² Berlin, Besuch Aristide Briand und Pierre Laval. URL: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Bundesarchiv_Bild_102-13207,_Berlin,_Besuch_Aristide_Briand_und_Pierre_Laval.jpg (дата обращения: 04.05.2010).
- ¹²³ Heinrich Brüning während einer Rede im Reichstag. URL: [http://www.dhm.de/lemo /objekte/pict / ba 103353/index.html](http://www.dhm.de/lemo/objekte/pict/ba_103353/index.html) (дата обращения: 04.05.2010).
- ¹²⁴ Berlin, Trauerfeier für Gefallene des Weltkriegs. URL: [http:// commons.wikimedia.org /wiki / File: BundesarchivBild102-13152, Berlin, _Trauerfeier_f% C3%BCr_Gefallene_des_Weltkriegs. jpg](http://commons.wikimedia.org/wiki/File:BundesarchivBild102-13152,_Berlin,_Trauerfeier_f%C3%BCr_Gefallene_des_Weltkriegs.jpg) (дата обращения: 04.05.2010).
- ¹²⁵ Chancellor Heinrich Bruning has cast his vote during the Presidential elections in April 1932. URL: [http:// www.corbisimages.com/Enlargement/AU001084.html](http://www.corbisimages.com/Enlargement/AU001084.html) (дата обращения: 04.05.2010).
- ¹²⁶ Heinrich Brüning. URL: [http:// commons.wikimedia.org /wiki /File: Bundesarchiv_Bild_102-13229,_Heinrich_Br% C3%BCning. jpg](http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Bundesarchiv_Bild_102-13229,_Heinrich_Br%C3%BCning.jpg) (дата обращения: 04.05.2010).
- ¹²⁷ Berlin, Fronleichnam-Prozession, Brüning. URL: [http://commons.wikimedia.org/ wiki /File: Bundesarchiv_Bild_102-13517,_Berlin,_Fronleichnam -Prozession,_Br% C3 % BCning.jpg](http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Bundesarchiv_Bild_102-13517,_Berlin,_Fronleichnam-Prozession,_Br%C3%BCning.jpg) (дата обращения: 04.05.2010).
- ¹²⁸ Berlin, Trauerfeier für französischen Präsidenten. URL: [http://commons.wikimedia.org/wiki/ File: Bundesarchiv_Bild_102-13479,_Berlin,_Trauerfeier_f%C3%BCr_franz%C3%B6sischen _Pr%C3%A4sidenten. jpg](http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Bundesarchiv_Bild_102-13479,_Berlin,_Trauerfeier_f%C3%BCr_franz%C3%B6sischen_Pr%C3%A4sidenten.jpg) (дата обращения: 04.05.2010).
- ¹²⁹ URL: <http://works.tarefer.ru/32/100181> (дата обращения: 04.05.2010).
- ¹³⁰ Reichskanzler Heinrich Brüning. Quelle: [Bundesarchiv](#) Bild 183-1989-0630-504; Reichskanzler Franz von Papen. Quelle: [Bundesarchiv](#) Bild 183-S00017; Reichskanzler Kurt von Schleicher. Quelle: [Bundesarchiv](#) Bild 183 B0527-00001-020. URL: [http:// www.bundesarchiv.de / aktenreichskanzlei / 1919 – 1933 / 0020 / adr / adrhl / bild5 / index.html](http://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/0020/adr/adrhl/bild5/index.html) (дата обращения: 04.05.2010).
- ¹³¹ URL: <http://www.izvestia.ru/sokolov/article3125258/> (дата обращения: 04.05.2010).

-
- ¹³² Politik und Wirtschaft in der Krise, 1930-1932. Quelle zur Bruning. Bd. 1. S. 653, 659, 662-663, 666.
- ¹³³ Brüning H. Memoiren. S.287.
- ¹³⁴ Politik und Wirtschaft in der Krise. Bd. 1. S.686.
- ¹³⁵ Brüning H. Memoiren. S. 288.
- ¹³⁶ Pünder H. Politik in der Reichskanzlei. Aufzeichnungen aus den 1929–1932. Stuttgart, 1961. S. 100.
- ¹³⁷ Brüning H. Memoiren. S. 289.
- ¹³⁸ Ibid. S. 290.
- ¹³⁹ Politik und Wirtschaft in der Krise. Bd. 1. S. 703–704.
- ¹⁴⁰ Curtius G. Sechs Jahre Minister der Deutschen Republik. Heidelberg, 1948. S. 215-216.
- ¹⁴¹ Brüning H. Memoiren. S. 286.
- ¹⁴² Helbich W.J. Die Reparationen in der Ara Bruning. Berlin- Dahlem, 1962. S. 81.
- ¹⁴³ Winkler H.A. Weimar 1918–1933. S. 416.
- ¹⁴⁴ Neebe R. Großindustrie , Staat und NSDAP 1930-1933. Göttingen, 1981. S. 96.
- ¹⁴⁵ Winkler H.A. Weimar 1918-1933. S. 420.
- ¹⁴⁶ Ibid. S. 419.
- ¹⁴⁷ Longerich P. Op. cit. S. 30.
- ¹⁴⁸ Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. Die Kabinette Brüning I und II. Bd. 2. S. 1470–1477.
- ¹⁴⁹ Politik und Wirtschaft in der Krise. Bd. 2. S.939, 1317.
- ¹⁵⁰ Meister R. Die große Depression. Zwangslagen und Handlungsspielräume der Wirtschafts- und Finanzpolitik in Deutschland 1929–1932. Regensburg, 1991. S. 343.
- ¹⁵¹ Holtfrerich C.-L. Alternativen zu Brünings Wirtschaftspolitik in der Weltwirtschaftskrise // Historische Zeitschrift. 1982. H. 3. S. 631.
- ¹⁵² Wengst U. Heinrich Brüning und die «Konservative Alternative». Kritische Anmerkungen zu neuen Thesen über die Endphase der Weimarer Republik // Aus Politik und Zeitgeschichte. B. 50/80. 13. Dezember 1980. S. 25.
- ¹⁵³ Ibid. S. 26.
- ¹⁵⁴ Brüning H. Memoiren. S. 243.
- ¹⁵⁵ Ibid. S. 250.
- ¹⁵⁶ Longerich P. Op. cit. S. 287.
- ¹⁵⁷ Brüning H. Memoiren. S. 245.
- ¹⁵⁸ Ibid. S. 376.

-
- ¹⁵⁹ Ibid. S. 378.
- ¹⁶⁰ Ibid. S. 386.
- ¹⁶¹ Ibid. S. 387.
- ¹⁶² Ibidem.
- ¹⁶³ Ibid. S. 388.
- ¹⁶⁴ Politik und Wirtschaft in der Krise. Bd. 2. S. 976.
- ¹⁶⁵ Brüning H. Memoiren. S. 418.
- ¹⁶⁶ Brüning H. Reden und Aufsätze. S. 236-237.
- ¹⁶⁷ Winkler H.A. Weimar 1918-1933. S. 428.
- ¹⁶⁸ Verhandlungen des Reichstags. Bd. 446. S. 2095.
- ¹⁶⁹ Völkischer Beobachter, 1931. 11/12. Okt.
- ¹⁷⁰ Politik und Wirtschaft in der Krise. Bd. 2. S. 1032.
- ¹⁷¹ Brüning H. Memoiren. S. 391.
- ¹⁷² Ibidem.
- ¹⁷³ Ibid. S. 191–192.
- ¹⁷⁴ Ibid. S. 399–400.
- ¹⁷⁵ Schlesische Volkszeitung. 1931. 13. Okt.
- ¹⁷⁶ Völkischer Beobachter. 1931. 29. Okt.
- ¹⁷⁷ Germania. 1931. 29. Okt.
- ¹⁷⁸ Junker D. Die Deutsche Zentrumspartei und Hitler 1932/33. Stuttgart, 1969. S. 55.
- ¹⁷⁹ Brüning H. Reden und Aufsätze. S. 328.
- ¹⁸⁰ Brüning H. Memoiren. S. 453.
- ¹⁸¹ Ibid. S. 454; Becker J. Brüning, Prälat Kaas und das Problem einer Regierungsbeteiligung der NSDAP. S. 110.
- ¹⁸² Brüning H. Memoiren. S. 455.
- ¹⁸³ Brüning H. Reden und Aufsätze. S. 328–329.
- ¹⁸⁴ Brüning H. Memoiren. S. 456.
- ¹⁸⁵ Ibid. S. 462.
- ¹⁸⁶ Berliner Tageblatt. 9. 12. 1931.
- ¹⁸⁷ Brüning H. Memoiren. S. 295.
- ¹⁸⁸ Staat und NSDAP, 1930–1932. S. 238.
- ¹⁸⁹ Ibid. S. 239; Kölnische Volkszeitung. 9. 12. 1931.
- ¹⁹⁰ Becker J. Brüning, Prälat Kaas und das Problem einer Regierungsbeteiligung der NSDAP. S. 96.
- ¹⁹¹ Völkischer Beobachter. 16. 12. 1931.
- ¹⁹² Vogelsang T. Reichswehr, Staat und NSDAP – Beiträge zur deutschen Geschichte 1930-1932. Stuttgart, 1962. S. 147.
- ¹⁹³ Brüning H. Memoiren. S. 463.

-
- ¹⁹⁴ Ibid. S. 464; Germania. 1931. 17. Nov.
- ¹⁹⁵ Brüning H. Memoiren. S. 501, 505; Becker J. Brüning, Prälat Kaas und das Problem einer Regierungsbeteiligung der NSDAP. S. 97.
- ¹⁹⁶ Papen F. Vom Scheitern einer Demokratie 1930-1933. Mainz, 1968. S. 144.
- ¹⁹⁷ Brüning H. Memoiren. S. 501.
- ¹⁹⁸ Ibid. S. 148.
- ¹⁹⁹ Цит по: Volkmann P.O. Op. cit. S. 157.
- ²⁰⁰ Goebbels J. Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. München, 1937. S. 23.
- ²⁰¹ Brüning H. Memoiren. S. 510.
- ²⁰² Ibid. S. 512–513.
- ²⁰³ Ibid. S. 512.
- ²⁰⁴ Kessler H. Tagebücher 1918-1937. Frankfurt a/M. 1982. S. 784.
- ²⁰⁵ Brüning H. Memoiren. S. 578–579.
- ²⁰⁶ Ibid. S. 462.
- ²⁰⁷ Hömig H. Brüning. Kanzler in der Krise der Republik. S. 490–491.
- ²⁰⁸ Winkler H.A. Weimar 1918–1933. S. 475.
- ²⁰⁹ Heyde Ph. Das Ende der Reparationen. S. 464.
- ²¹⁰ Wengst U. Heinrich Brüning und die «konservative Alternative. Kritische Anmerkungen zu neuen Thesen über die Endphase der Weimarer Republik // Aus Politik und Zeitgeschichte. B 50/80. 13. Dezember 1980. S. 25; Longerich P. Deutschland 1918-1933. S. 281; Kruger P. Die Außenpolitik der Republik von Weimar. S. 507.
- ²¹¹ Longerich P. Op. cit. S. 280.
- ²¹² Kruger P. Die Außenpolitik der Republik von Weimar. S. 517.
- ²¹³ Brüning H. Briefe 1946-1960. S. 426; Hömig H. Brüning. Kanzler in der Krise der Republik. S. 590.
- ²¹⁴ Hillgruber A. Die Außenpolitik der Weimarer Republik in der Spannung zwischen dem Trauma der Niederlage von 1918 und dem fortdauernden weltpolitischen Geltungsanspruch // 1933, wie die Republik der Diktatur erlag. V. Rittberger (Hrsg.). Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1983. S. 23.
- ²¹⁵ Michalka W. Deutsche Außenpolitik 1920-1933 // Die Weimarer Republik 1918-1933. Politik. Wirtschaft. Gesellschaft. S. 324.
- ²¹⁶ Ibidem.
- ²¹⁷ Junker D. Heinrich Brüning. S. 429.
- ²¹⁸ Michalka W. Op.cit. S. 324–325.
- ²¹⁹ Горохов В.Н. История международных отношений. 1918–1939: Курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С.196.

-
- ²²⁰ Hillgruber A. Die Aussenpolitik der Weimarer Republik in der Spannung zwischen dem Trauma der Niederlage von 1918 und dem fortdauernden weltpolitischen Geltungsanspruch. S. 24.
- ²²¹ Berliner Tageblatt. 1931. 5 Oct.
- ²²² Junker D. Heinrich Brüning. S. 427.
- ²²³ Lüther H. Vor dem Abgrund 1930-1933. Reichsbankpräsident in Krisenzeiten. Berlin, 1964. S. 138; Die Reparationspolitik Heinrich Brünings 1930-1931. Bd. 1. Bonn, 1980. S. 95, 97-98.
- ²²⁴ Winkler H.A. Weimar 1918–1933. S. 437.
- ²²⁵ Akten der Reichskanzlei. Die Kabinette Brüning I und Brüning II. Bd. 2. S. 1421.
- ²²⁶ История дипломатии. Т.3. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы. М., 1965. С.452.
- ²²⁷ Heyde Ph. Das Ende der Reparationen. S. 468.
- ²²⁸ Ibid. S. 121.
- ²²⁹ Ibid. S. 457.
- ²³⁰ Ibid. S. 463.
- ²³¹ Ibid. S. 464.
- ²³² Ibid. S. 465.
- ²³³ Brüning H. Memoiren. S. 441.
- ²³⁴ Ibid. S. 556.
- ²³⁵ Ibid. S. 554.
- ²³⁶ Ibid. S. 309.
- ²³⁷ Ibid. S. 503.
- ²³⁸ Die Weimarer Republik. Bd. 3. Das Ende der Demokratie 1929–1933. München, 1995. S. 67–68.
- ²³⁹ Hömig H. Brüning. Kanzler in der Krise der Republik. S. 472.
- ²⁴⁰ Brüning H. Memoiren. S. 356.
- ²⁴¹ Volkmann P.O. Op. cit. S. 145-147.
- ²⁴² Brüning H. Memoiren. S. 358.
- ²⁴³ Ibid. S. 359.
- ²⁴⁴ Ibid. S. 359-360.
- ²⁴⁵ Hömig H. Brüning. Kanzler in der Krise der Republik. S. 473.
- ²⁴⁶ Kruger P. Op. cit. S. 546; Longerich P. Op. cit. S. 309.
- ²⁴⁷ Горохов В.Н. История международных отношений. С. 199–200.
- ²⁴⁸ Becker J. Geschichtschreibung im politischen Optativ? Zum Problem der Alternativen im Prozeß der Auflösung einer Republik wider Willen // Aus Politik und Zeitgeschichte. B 50/80. 13. Dezember 1980. S. 32–33.

-
- ²⁴⁹ Ibid. S. 32.
- ²⁵⁰ Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Vierter Band. Vom Beginn der Ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten 1914-1949. München, 2003. S. 520, 528.
- ²⁵¹ Aretin K. O.F. Ein Reichskanzler in Wettlauf mit der Zeit // Süddeutsche Zeitung. 9/10. Januar, 1971.
- ²⁵² Hömig H. Brüning. Kanzler in der Krise der Republik. S. 477.
- ²⁵³ Longerich P. Op. cit. S. 321.
- ²⁵⁴ Цит. по: Volkmann P.O. Op. cit. S. 201.
- ²⁵⁵ Ibid. S. 208-209.
- ²⁵⁶ Der Weimarer Republik. Bd. 3. Das Ende der Demokratie 1924-1933. München, 1995. S. 71.
- ²⁵⁷ Hömig H. Brüning. Kanzler in der Krise der Republik. S. 233.
- ²⁵⁸ Торговые отношения СССР с капиталистическими странами. М. 1938. С. 141.
- ²⁵⁹ Rosenfeld G. Sowjetunion und Deutschland. 1922-1933. Berlin, 1984. S. 405.
- ²⁶⁰ Ibidem.
- ²⁶¹ Ibid. S. 418.
- ²⁶² Документы внешней политики СССР. Т. 14. М. 1968. С. 467.
- ²⁶³ Там же. С. 466.
- ²⁶⁴ Там же. С. 467.
- ²⁶⁵ Горлов С.А. Совершенно секретно: альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР – Германия). М., 2001. С. 322.
- ²⁶⁶ Ахтамзян А.А. Советско-германские экономические отношения в 1922-1932 гг. // Новая и новейшая история. 1988. №4. С.55.
- ²⁶⁷ Ахтамзян А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1933 гг. // Новая и новейшая история. 1990. №5. С. 23.
- ²⁶⁸ Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. С. 85.
- ²⁶⁹ Brüning H. Memoiren. S. 295-296.
- ²⁷⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 15. М. 1969. С. 761.
- ²⁷¹ Brüning H. Memoiren. S. 295-296.
- ²⁷² Rosenfeld G. Op.cit. S. 411.
- ²⁷³ Brüning H. Memoiren. S. 616.
- ²⁷⁴ Hömig H. Brüning. Kanzler in der Krise der Republik. S. 474.
- ²⁷⁵ Ахтамзян А.А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 годах. М., 1974. С. 294.
- ²⁷⁶ Brüning H. Memoiren. S. 518–519.

-
- ²⁷⁷ Ibid. S. 519.
- ²⁷⁸ Ibid. S. 520.
- ²⁷⁹ Brüning H. Briefe. 1946–1960. S. 299.
- ²⁸⁰ Pünder H. Op. cit. S.113.
- ²⁸¹ Vorwärts. 1932. 27. Febr.
- ²⁸² Brüning H. Reden und Aufsätze eines deutschen Staatsmanns. S. 108.
- ²⁸³ Die Protokolle. S. 562.
- ²⁸⁴ Staat und NSDAP 1930-1932. Quellen zur Ara Brüning. Düsseldorf, 1977. S. 287–288.
- ²⁸⁵ Junker D. Die Deutsche Zentrumsparlei und Hitler. 1932/33. Stuttgart. 1969. S. 55.
- ²⁸⁶ Winkler H.A. Weimar 1918-1933. S. 448.
- ²⁸⁷ Brüning H. Memoiren. S. 533.
- ²⁸⁸ Ibid. S. 453-454.
- ²⁸⁹ Winkler H.A. Requien für eine Republik. Zum Problem der Verantwortung für das Scheitern der ersten deutschen Demokratie // Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Bonn, 1994. S. 61; Jackel E. Hitlers Herrschaft. Vollzug einer Weltanschauung. Stuttgart. 1986. S. 28.
- ²⁹⁰ Peukert D. I. K. Die Weimarer Republik. Kriesenjahre der klassischen Moderne. Frankfurt / Main, 1987. S. 258.
- ²⁹¹ Das Badische Zentrum. 1932. №5. S.3.
- ²⁹² Гейден К. Путь НСДАП. М. 2004. С. 360.
- ²⁹³ Zechlin W. Presschef bei Ebert, Hindenburg und Kopf. Hannover, 1956. S. 119.
- ²⁹⁴ Brüning H. Memoiren. S. 542–543.
- ²⁹⁵ Ibid. S. 545.
- ²⁹⁶ Meissner O. Staatssekretar unter Ebert – Hindenburg – Hitler. Hamburg, 1950. S. 224.
- ²⁹⁷ Politik und Wirtschaft in der Krise. Bd. 2. S. 1408.
- ²⁹⁸ Brüning H. Memoiren. S. 568.
- ²⁹⁹ Ibid. S. 569–570.
- ³⁰⁰ Ibid. S.581–582.
- ³⁰¹ Goebbels G. Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. München, 1937. S. 92.
- ³⁰² Schlesische Volkszeitung. 1932. 3 Mai.
- ³⁰³ Vogelsang Th. Reichswehr, Staat und NSDAP. S. 188.
- ³⁰⁴ Politik und Wirtschaft in der Krise. Bd. 2. S.1445-1446; Brüning H. Memoiren. S. 586.
- ³⁰⁵ Brüning H. Reden und Aufsätze. S. 164.
- ³⁰⁶ Politik und Wirtschaft in der Krise. Bd. 2. S. 1470–1471.

-
- ³⁰⁷ Brüning H. Memoiren. S.577, 578.
- ³⁰⁸ Politik und Wirtschaft in der Krise. Bd. 2. S. 1469.
- ³⁰⁹ Brüning H. Memoiren. S. 597–598.
- ³¹⁰ Ibid. S. 599.
- ³¹¹ Ibidem.
- ³¹² Ibid. S. 600.
- ³¹³ Ibid. S. 602.
- ³¹⁴ Ibidem.
- ³¹⁵ Heinrich Brüning. Ein deutschen Staatsmann im Urteil der Zeit. Reden und Aufsätze. S. 35.
- ³¹⁶ Ibid. S.609.
- ³¹⁷ Папен фон Ф. Вице- канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии 1933–1947. М., 2005. С. 150-158.
- ³¹⁸ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd.4. Berlin, 1966. S. 333.
- ³¹⁹ Weimar. Ein Lesebuch zur deutschen Geschichte 1918–1933. Hsg. H.A. Winkler und A. Cammann. München, 1999. S. 222–223.
- ³²⁰ Hömig H. Op. cit. S. 579.
- ³²¹ Funke M. Republik im Untergang. Die Zerstörung des Parlamentarismus als Vorbereitung der Diktatur // Die Weimarer Republik 1918–1933. S. 511.
- ³²² Ibid. S.510; Kolb E. Die Weimarer Republik. Wien. Oldenbourg, 1984. S. 133.
- ³²³ Bracher K.D. Demokratie und Machtergreifung: Der Weg zum 30. Januar 1933 // Nationalsozialistische Diktatur 1933–1945. Eine Bilanz. Bonn. 1986. S. 28.
- ³²⁴ Winkler H.A. Weimar 1918–1933. S.474; он же. Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik. Bd. 1. München, 2000. S. 509, 510.
- ³²⁵ Heinrich Brüning. Ein deutschen Staatsmann im Urteil der Zeit. S. 31, 55.
- ³²⁶ Brüning H. Memoiren. S. 682.
- ³²⁷ Müller F. Die «Brüning Papers». Die letzte Zentrumskanzler im Spiegel seiner Selbstzeugnisse. Frankfurt am Main-Berlin – Bern - New -York-Paris- Wien. 1993. S. 86.

Глава V

- ¹ Longerich P. Deutschland 1918-1933. S. 325.
- ² Schreiber G. Brüning-Hitler- Schleicher. S. 10,12.
- ³ Schlesische Volkszeitung. 1932. 28 Juni und 12 Juli.
- ⁴ Morsey R. Die Deutsche Zentrumspartei // Das Ende der Parteien 1933. Düsseldorf, 1960. S. 310.
- ⁵ Brüning H. Memoiren. S. 619.
- ⁶ Kölnische Volkszeitung. 1932. 5 August.
- ⁷ Brüning H. Memoiren. S. 623.
- ⁸ Germania. 1932. 25 August.
- ⁹ ZSTA Potsdam. Reichslandbund, Pressearchiv. № 6166/6, Bl. 100.
- ¹⁰ Brüning H. Memoiren. S. 623-624.
- ¹¹ Miller M. Eugen Bolz. Staatsmann und Bekenner. Stuttgart, 1951. S. 425.
- ¹² May G. Ludwig Kaas. Der Priester, der Politiker und der Gelehrte aus der Schule von Ulrich Stutz. Bd. 3. Amsterdam, 1982. S. 254.
- ¹³ Goebbels J. Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. S. 207.
- ¹⁴ Die Protokolle. S. 599-600.
- ¹⁵ Brüning H. Memoiren. S. 637.
- ¹⁶ Ibidem.
- ¹⁷ Ibid. S. 639, 643.
- ¹⁸ Die Protokolle. S. 608-609.
- ¹⁹ Papen F. Der Wahrheit eine Gasse. München, 1952. S. 270.
- ²⁰ Hömig H. Brüning. Politiker ohne Auftrag. Zwischen Weimarer und Bonnen Republik. Paderborn, München, Wien, Zürich, 2005. S. 82.
- ²¹ Brüning H. Reden und Aussätze. S. 259.
- ²² Kölnische Volkszeitung. 1933. 31 Januar.
- ²³ Das Junge Zentrum. 1933. №20. S. 10.
- ²⁴ Die Protokolle. S. 613; Germania. 1933. 1 Februar.
- ²⁵ Hitlers Verhandlungen mit der Zenrumsführung am 31 Januar 1933. Dokumentation // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1961. H. 2. S. 188–189.
- ²⁶ Germania. 1933. 2. Februar; Horkenbach Cuno. Das Deutsche Reich von 1918 bis Heute. 1933. Berlin, 1935. S. 34.
- ²⁷ Akten der Reichskanzlei. Regierung Hitler 1933–1938. Teil 1: 1933/34. Bd. 1. 30. Januar bis 31. August 1933. Boppard am Rhein. 1983. S. 5-6.
- ²⁸ Hömig H. Brüning. Politiker ohne Auftrag. S. 85.
- ²⁹ Brüning H. Memoiren. S. 648.

-
- ³⁰ Kölnische Volkszeitung. 1933. 20 Februar.
- ³¹ Germania. 1933. 4 März.
- ³² Germania. 1933. 5 März.
- ³³ Akten der Reichskanzlei. Regierung Hitler. S. 162.
- ³⁴ Ibid. S. 161.
- ³⁵ Brüning H. Memoiren. S. 653-655.
- ³⁶ Die Protokolle. S. 623; Germania. 1933. 21 März.
- ³⁷ Akten der Reichskanzlei. Regierung Hitler. Bd. 1. S. 239.
- ³⁸ Ibidem.
- ³⁹ Die Protokolle. S. 624–626.
- ⁴⁰ Brüning H. Memoiren. S. 654.
- ⁴¹ Morsey R. Die Deutsche Zentrumspartei. Dok. 16. S. 434.
- ⁴² Brüning H. Memoiren. S. 656.
- ⁴³ Ibidem.
- ⁴⁴ Brüning H. Reden und Aussätze eines deutschen Staatsmanns. S. 262.
- ⁴⁵ Brüning H. Memoiren. S. 657.
- ⁴⁶ Die Protokolle. S. 630.
- ⁴⁷ Ibid. S. 631.
- ⁴⁸ Ibidem.
- ⁴⁹ Verhandlungen der Reichstags. Bd. 457. S. 28–31.
- ⁵⁰ Hömig H. Brüning. Politiker ohne Auftrag. S. 101.
- ⁵¹ Die Protokolle. S. 631-632; Brüning H. Memoiren. S. 657–659, 661–663.
- ⁵² Becker J. Zentrum und Ermächtigungsgesetz. 1933. Dokumentation // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1961. H. 2. S. 209.
- ⁵³ Die Protokolle. S. 632.
- ⁵⁴ Horkenbach Cuno. Das Deutsche Reich von 1918 bis heute. 1933. S. 138.
- ⁵⁵ Die Protokolle. S. 632–633.
- ⁵⁶ Brüning H. Memoiren. S. 661.
- ⁵⁷ Das «Ermächtigungsgesetz» vom 24 März 1933. Morsey R. (Hrsg.) Göttingen, 1968. S. 65.
- ⁵⁸ Bracher K.D. Demokratie und Machtergreifung: Der Weg zum 30. Januar 1933 // Nationalistische Diktatur 1933-1945. Eine Bilanz. Hrsg. K.D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen. Bonn, 1986. S. 33.
- ⁵⁹ Göbbels G. Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. S. 287.
- ⁶⁰ Папен фон Ф. Вице-канцлер Третьего рейха. С. 287.
- ⁶¹ Kölnische Volkszeitung. 1933. 5 Juni (Mai).
- ⁶² Kölnische Volkszeitung. 1933. 7 Mai.

-
- ⁶³ Germania. 1933. 7 Mai.
⁶⁴ Kölnische Volkszeitung. 1933. 10 Mai.
⁶⁵ Das Junge Zentrum. 1933. №6. S. 37-38.
⁶⁶ Brüning H. Memoiren. S. 668.
⁶⁷ Kölnische Volkszeitung. 1933. 12. Mai.; Germania. 1933. 9 Mai.
⁶⁸ Germania. 1933. 15 Mai.
⁶⁹ Verhandlungen der Reichstags. Bd. 457. S. 47-54.
⁷⁰ Brüning H. Memoiren. S. 669.; Frankfurter Zeitung. 1933. 18 Mai.
⁷¹ Kölnische Volkszeitung. 1933. 15 Mai.
⁷² Kölnische Volkszeitung. 1933. 1 Juni.
⁷³ Germania. 1933. 12 Juni.
⁷⁴ Juncker D. Die Deutsche Zentrumspartei und Hitler 1932/33. Stuttgart, 1969. S. 226.
⁷⁵ Brüning H. Memoiren. S. 670.
⁷⁶ Kölnische Volkszeitung. 1933. 30 Juni.
⁷⁷ Staatliche Akten über die Reichskonkordatsverhandlungen 1933. Bearbeitet von A. Kupper. Mainz, 1969. S. 298.
⁷⁸ Brüning H. Memoiren. S. 674.
⁷⁹ Kölnische Volkszeitung. 1933. 6 Juli.
⁸⁰ Germania. 1933. 7 Juli.
⁸¹ Kölnische Volkszeitung. 1933. 6 Juli.
⁸² Morsey R. Die Deutsche Zentrumspartei // Das Ende Partei 1933. Dok. 23. S. 443.
⁸³ Brüning H. Memoiren. S. 678.
⁸⁴ Treviranus G. R. Das Ende von Weimar. S. 398.
⁸⁵ Hömig H. Brüning. Politiker ohne Auftrag. S. 138.
⁸⁶ Volkmann P.O. Heinrich Brüning. S. 265.

Глава VI

- ¹ Müller F. «Brüning Papers». Der Letzte Zentrumskanzler im Spiegel seiner Selbstzeugnisse. Frankfurt am Main. Berlin-Bern. New York. Paris. Wien. 1993. S. 36.
² Ibid. S. 37.
³ Volkmann P.O. Heinrich Brüning. Nationalist ohne Heimat. S. 271.
⁴ Папен Ф. Вице-канцлер Третьего рейха. С. 306.
⁵ Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. S. 25.
⁶ Müller F. «Brüning Papers». S. 38; Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. S. 115.

-
- ⁷ Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. S. 23.
- ⁸ Ibid. S. 24.
- ⁹ Ibidem.
- ¹⁰ Volkmann P.O. Heinrich Brüning. Nationalist ohne Heimat. S. 269.
- ¹¹ Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. S. 28-31.
- ¹² Ibid. S. 31.
- ¹³ Ibid. S. 29.
- ¹⁴ Ibid. S. 31.
- ¹⁵ Hömig H. Brüning. Politiker ohne Auftrag. S. 152.
- ¹⁶ Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. S. 36.
- ¹⁷ Politische Parteien auf Weg zur parlamentarischen Demokratie in Deutschland. Entwicklungslinien bis zur Gegenwart. Düsseldorf, 1981. S. 224.
- ¹⁸ Müller F. «Brüning Papers». S. 73.
- ¹⁹ Junker D. Brüning. S. 430.
- ²⁰ Volkmann P.O. Op. cit. S. 282.
- ²¹ Volkmann P.O. Op. cit. S. 271-272.
- ²² Ibid. S. 272.
- ²³ Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. S. 144.
- ²⁴ Müller F. «Brüning Papers». S. 40.
- ²⁵ Volkmann P.O. Op. cit. S. 348.
- ²⁶ Heinrich Brüning im Exil. Dokumentation. Briefe an Wilhelm Sollmann 1940-1946 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1974. №1. S. 96.
- ²⁷ Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. S. 350.
- ²⁸ Volkmann P.O. Op. cit. S. 286.
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ Ibid. S. 106.
- ³¹ Volkmann P.O. Op. cit. S. 288.
- ³² Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. S. 126.
- ³³ Müller F. «Brüning Papers». S. 45-46.
- ³⁴ Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. S. 400; Volkmann P.O. Op. cit. S. 426-427.
- ³⁵ Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. S. 244.
- ³⁶ Morsey R. Emigration und Nachkriegsplanung –Vorschläge und Vorstellungen Heinrich Brünings über den Neuaufbau in Deutschland // Politische Parteien auf dem Weg zur parlamentarischen Demokratie in Deutschland. Entwicklungslinien bis zur Gegenwart. Düsseldorf, 1981. S. 226.
- ³⁷ Volkmann P.O. Op. cit. S. 283.

-
- ³⁸ Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. S. 139.
³⁹ Volkmann P.O. Op. cit. S. 301-302.
⁴⁰ Volkmann P.O. Op. cit. S. 121-122.
⁴¹ Ibid. S.135-136.
⁴² Ibid. S. 140.
⁴³ Ibid. S.142, 143.
⁴⁴ Ibid. S. 167.
⁴⁵ Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. S. 98-99.
⁴⁶ Ibid. S. 126.
⁴⁷ Volkmann P.O. Op. cit. S. 134.
⁴⁸ Ibid. S. 128, 129.
⁴⁹ Ibid. S. 156.
⁵⁰ Brüning H. Memoiren. S. 373, 387.
⁵¹ Volkmann P.O. Op. cit. S. 156.
⁵² Ibid. S. 400.
⁵³ Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. S. 167.
⁵⁴ Volkmann P.O. Op. cit. S. 303.
⁵⁵ Volkmann P.O. Op. cit. S. 325-326.
⁵⁶ Ibid. S. 327.
⁵⁷ Volkmann P.O. Op. cit. S. 292.
⁵⁸ Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. S. 138.
⁵⁹ Volkmann P.O. Op. cit. S. 281.
⁶⁰ Ibid. S. 281-282.
⁶¹ Volkmann P.O. Op. cit. S. 297.
⁶² Brüning H. Briefe und Gespräche 1934–1945. S. 143.
⁶³ Volkmann P.O. Op. cit. S. 299-300.
⁶⁴ Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. S. 170.
⁶⁵ Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. S. 172.
⁶⁶ Ibid. S. 186.
⁶⁷ Ibid. S. 204, 208.
⁶⁸ Ibid. S. 205.
⁶⁹ Ibid. S. 206-208.
⁷⁰ Ibid. S. 210.
⁷¹ Ibid. S. 211.
⁷² Ibid. S. 214.
⁷³ Ibid. S. 215.
⁷⁴ Volkmann P.O. Op. cit. S. 318.
⁷⁵ Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. S. 500, 502.
⁷⁶ Ibid. S. 221.

-
- ⁷⁷ Ibid. S. 223.
- ⁷⁸ Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. S. 230-232.
- ⁷⁹ Ibid. S. 233.
- ⁸⁰ Volkmann P.O. Op. cit. S. 341-342.
- ⁸¹ Ibid. S. 351.
- ⁸² Ibidem.
- ⁸³ Brüning H. Briefe 1946-1960. Stuttgart. 1974. S.85-88.
- ⁸⁴ Volkmann P.O. Op. cit. S. 468.
- ⁸⁵ Ibid. S. 415; Hömig H. Brüning. Politiker ohne Auftrag. S. 610-611.
- ⁸⁶ Brüning H. Briefe und Gespräche. S. 525-526; Morsey R. Emigration und Nachkriegsplanung. S. 230-231.
- ⁸⁷ 28 февраля 1944 г. экс-канцлер уже предлагал образовать центральное правительство не сразу, а лишь после восстановления местного управления. Одновременно он советовал больше готовить офицеров американской оккупационной армии для сотрудничества с немецкой администрацией, чем к независимому управлению. - Brüning H. Briefe und Gespräche. S. 414.
- ⁸⁸ Brüning H. Briefe und Gespräche. S. 424.
- ⁸⁹ Ibid. S. 456.
- ⁹⁰ Morsey R. Emigration und Nachkriegsplanung. S. 232.
- ⁹¹ Ibid. S. 233.
- ⁹² Brüning H. Briefe und Gespräche. S. 407, 522.
- ⁹³ Ibid. S. 464.
- ⁹⁴ Heinrich Brüning im Exil. S. 115-116.
- ⁹⁵ Полностью текст «плана Morgентау» опубликован в Приложении книги Невского С.И. Социально-экономические реформы в послевоенной Западной Германии: 1945–1949. М., 2008. С. 111–115.

Глава VII

- ¹ Morsey R. Emigration und Nachkriegsplanung –Vorschläge und Vorstellungen Heinrich Brüning über den Neuaufbau in Deutschland. S. 227–228.
- ² Ibid. S. 228.
- ³ Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. S. 539.
- ⁴ Ibidem.
- ⁵ Ibid. S. 541.
- ⁶ Ibid. S. 542.
- ⁷ Ibid. S. 543.

-
- ⁸ Brüning H. Briefe 1946-1960. S. 23.
⁹ Ibid. S. 51.
¹⁰ Brüning H. Briefe und Gespräche 1934-1945. S. 427.
¹¹ Heinrich Brüning im Exil. Dokumentation. S. 103.
¹² Lohe E. Heinrich Brüning. Offizier- Staatsmann –Gelehrter. S. 87.
¹³ Brüning H. Briefe 1946–1960. S. 97.
¹⁴ Ibid. S. 75–79.
¹⁵ Ibid. S. 77–78.
¹⁶ Ibid. S. 77.
¹⁷ Volkmann P.O. Op. cit. S. 584.
¹⁸ Brüning H. Briefe 1946-1960. S. 199.
¹⁹ Volkmann P.O. Op. cit. S. 588.
²⁰ Ibid. S.597.
²¹ Müller F. Op. cit. S. 56.
²² Hömig H. Brüning. Politiker ohne Auftrag. S. 614–615.
²³ Brüning H. Briefe 1946–1960. S. 110.
²⁴ Ibid. S. 67.

Глава VIII

- ¹ Neues Deutschland. 1948. 29.5–6.6.
² Brüning H. Briefe 1946-1960. S. 161–162.
³ Volkmann P.O. Op. cit. S. 636.
⁴ Brüning H. Briefe 1946-1960. S. 194.
⁵ Lohe E. Heinrich Brüning. Offizier- Staatsmann –Gelehrter. S. 88; Morsey R. Brüning und Adenauer. Zwei deutschen Staatsmänner. Düsseldorf, 1972. S. 39.
⁶ Brüning H. Briefe 1946-1960. S. 198.
⁷ Morsey R. Brüning und Adenauer. S. 43.
⁸ Müller F. Die «Brüning Papers». S. 43.
⁹ Brüning H. Briefe 1946-1960. S. 209.
¹⁰ Ibid. S. 187-188.
¹¹ Ibid. S. 191.
¹² Volkmann P.O. Op. cit. S.650-651.
¹³ Brüning H. Briefe 1946-1960. S. 189.
¹⁴ Ibid. S. 195.
¹⁵ Ibid. S. 208.
¹⁶ Ibid. S. 201. Вильгельмштрассе – улица в Берлине, на которой располагалась рейхсканцелярия в период правления Гитлера. В обихо-

де так называли весь комплекс зданий канцелярии и правительства Германии.

¹⁷ Brüning H. Briefe 1946-1960. S. 211.

¹⁸ Volkmann P.O. Op. cit. S. 662, 668.

¹⁹ Brüning H. Briefe 1946-1960. S. 214.

Глава IX

¹ Филлитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании 1941–1990. М., 2009. С. 139.

² Brüning H. Briefe 1946–1960. S. 302–305.

³ Ibid. S. 302.

⁴ Lohe E. Heinrich Brüning. Offizier- Staatsmann –Gelehrter. S. 89.

⁵ Volkmann P.O. Op. cit. S. 123–124.

⁶ Morsey R. Brüning und Adenauer. S. 43.

⁷ Brüning H. Briefe 1946-1960. S. 335.

⁸ Ibid. S. 345.

⁹ Ibid. S. 356.

¹⁰ Morsey R. Brüning und Adenauer. S. 40.

¹¹ Brüning H. Die Vereinigen Staaten und Europa. Stuttgart, 1954. S. 7–8.

¹² Ibid. S. 15.

¹³ Ibid. S. 14.

¹⁴ Ibid. S. 12.

¹⁵ См.: Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шрёдера. М., 2005. С. 68.

¹⁶ Brüning H. Briefe 1946–1960. S. 353.

¹⁷ Ibid. S. 357; Die Welt. 1954. 24 Juni.

¹⁸ Brüning H. Briefe 1946–1960. S. 353.

¹⁹ Volkmann P.O. Op. cit. S. 718.

²⁰ Ibid. S. 720–721.

²¹ Hömig H. Brüning. Politiker ohne Auftrag. S. 619.

²² Morsey R. Brüning und Adenauer. S. 41.

²³ Volkmann P.O. Op. cit. S. 752.

Заключение

¹ Schwerin-Krosigk L. von. Memoiren. Stuttgart, 1977. S. 122.

² Brächer K.D. Brünings unpolitische Politik. S. 118.

³ Morsey R. Emigration und Nachkriegsplanung. S. 236.

Научное издание

Михаил Егорович Ерин

Генрих Брюнинг
Канцлер и политик: Биография

Монография

Редактор, корректор А.А. Аладьева
Компьютерная верстка А.А. Аладьевой
Дизайнер обложки А.А. Белова

Подписано в печать 08.07.2010. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 17,43. Уч.-изд. л. 14,4. Тираж 200 экз. Заказ _____

Оригинал-макет подготовлен
в Управлении научных исследований и инноваций ЯрГУ.
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
150000 г. Ярославль, ул. Советская, 14

Полиграфический центр СМУК
150000 г. Ярославль, Красный съезд, д. 10В
тел. (4852) 200-121, www.yarcsmyk.ru